

Алексей Глушановский Владимир Поляков Улыбка гусара

Авторский текст <http://zhurnal.lib.ru/c/cepesh>, http://zhurnal.lib.ru/g/glushanowskij_a_a/

Аннотация

Миль пардон, уважаемые дамы и господа. Если вы решите обратиться к моему жизнеописанию, которое здесь, на ваш суд представлено будет, то хочу заранее уведомить вас: писан сей труд мною, Ахтырского гусарского полка поручиком Бельским, с целью увековечивания событий достославных, со мной в начале двадцать первого века произошедших, и по просьбе подруги моей, Элен, которая почему-то на прозвание «Готесса» откликаться предпочитает. Хочу предупредить вас заранее, что в трудах моих не найдете вы мерзости содомской, кою ныне политкорректностью именовать изволят, равно как и отношения благостного к врагам российским, космополитизмом и толерантностью обзываемыми. Засим, выражаю надежду, что мемуары мои заинтересовать вас способны. Честь имею, господа.

Алексей Глушановский (Ариох) и Владимир Поляков (Цепеш) Улыбка гусара

Глава первая,
в которой я просыпаюсь после ОЧЕНЬ долгого сна, и понимаю, что
совершенно ничего не понимаю

Шум... Опять этот шум, словно раскаленной иглой вонзающийся в мою многострадальную голову. Неужели благородному человеку нельзя спокойно поспать в собственном доме?

— Тысяча чертей и сотня ангелов вам в глотку. Что такое? Какой гад мне спать не дает? Прощка, мерзавец! Запору, вот как бог свят, запору эту скотину! — бормоча угрозы нерадивому денщику, я перевернулся на другой бок, и снова стал проваливаться в благодатный сон.

Нет, Прохор видно сегодня точно не успокоится. Я, конечно, придерживаюсь либеральных взглядов, даже как-то книжицу мсье Руссо читать пробовал, — между нами, господа, — ТАКАЯ МУТЬ, — гм... кажется я отвлекся. В общем, если денщик не уймется, я его точно сегодня на конюшню, за порцией горячих отправлю, и ни на какой либерализм, и мэтра Руссо не посмотрю! Потом... Когда проснусь.

Я вновь повернулся, устраиваясь поудобней, и постарался уснуть.

Да что это такое! Он там, похоже, не один надрывается! И слова какие-то странные, точнее иностранные. Никогда от него ничего подобного не слышал. Этот бездарь едва-едва по складам читать умеет, да и то пытается забыть сие с трудом вложенное умение, как совершенно ненужный хлам. Ох... Пить как охота! И глаза не открываются. С кем же я вчера так надрался? С Ржевским? Уж больно симптомы похожи? Да нет, он же вроде как с месяц назад в Мариуполь уехал... Странно. О, вроде заткнулись. Можно еще подремать...

Благодатная влага льется на дерн, укрывающий старую могилу, с невероятной, необъяснимой никакими физическими законами скоростью проходит сквозь землю и стенки давно прогнившего гроба, и целиком, без остатка, впитывается лежащим там иссохшим телом.

О-о-ох. Я открываю глаза, и память наконец-то возвращается. Что со мной? Какой Прощка? Он давно умер и черви сожрали его бречное тело! Если конечно не отравились, бедолаги. Превреднейший был человечиска. Гм... в таком случае, он, получается, останется нетленным? Еще и за святого принять могут... Мда... Святой Прохор, насморкоисцеляющий. Вечно от него такое амбре шло, что никакой насморк не выдерживал.

Однако я опять отвлекся. Увы. Дурная привычка рассуждать о посторонних вещах, которую я приобрел за время пребывания в могиле. А что вы думаете, попробуй-ка, полежи, в довольно-таки неудобном гробу, с осиновым колом в груди, не имея возможности даже пошевелиться.

Что? Как я дошел до такой жизни? Ну, это история длинная. Ах, до понедельника вы совершенно свободны? Тогда другое дело.

Отец мой, урожденный граф Бельский, попав в опалу при покойном Павле Первом, отбыл в свое поместье, дав слово более не появляться в столичном свете.

Там он и оставался вплоть до самой своей кончины, изредка делая выезды к соседям. На одном из таких выездов, он и познакомился с моей матушкой, дочерью небогатого земского дворянина. Разумеется, брак был несколько неравным, однако матушка моя в те годы была первой красавицей, а отец, по причине опалы, не мог рассчитывать на благосклонность дамы своего круга.

В положенный срок после свадьбы, на свет появился я, вызвав немалое огорчение своего почтенного родителя, поскольку матушка моя, которую он сильно любил, вскоре тихо угасла, не перенеся напряжения родов. Жениться вдругорядь он отказался, заливая свое огорчение крепким испанским вином, и забываясь лишь на охоте, и при игре в карты, к которым питал известную слабость. Надо сказать, что будучи игроком весьма удачливым, он тем самым изрядно преумножил наше благосостояние, и без того довольно немаленькое.

Отца своего я видел редко, поскольку занятый охотами, картами, испанским вином и молоденькими крестьянками, в поместье он наезжал нечасто, передоверив мое воспитание дядьке Игнату, который некогда служил у отца денщиком, и кое-что понимал в благородном обхождении, старой гувернантке-француженке Эмили Ласьонель, и своему духовнику, отцу

Савелию.

О нем надо рассказать поподробнее, ибо именно он сыграл немалую роль в произошедшей со мной беде. Ну, если не считать моей собственной глупости и доверчивости. В те годы, он был довольно молод, однако уже успел прославиться на весь уезд своим кротким и незлобивым нравом, готовностью прийти на помощь каждому, кто в нем нуждался, и некоторой медлительностью мышления.

В бытность мою отроком, именно он учил меня грамоте и всем тем наукам, что постиг сам. Частенько, получив наказание за детские шалости, коих, должен признаться, творил я в немалом количестве, так как был весьма живым и подвижным ребенком, бежал я к нему, за утешением и жалостью, всегда получая оное, а иногда, в придачу, и медовый пряник, в те года любимейшее мое лакомство.

Он старался воспитать меня добропорядочным и смиренным христианином, направив мысли мои к вящей славе божьей, но увы, сие сильно противоречило моей непоседливой натуре, и подрастая, поступил я в кадетский корпус, как и было заведено всеми традициями нашего рода.

Затем — война, Бородино, в котором я, не хвастаясь, могу сказать что проявил себя с самой лучшей стороны, за что и был отмечен чином, Европа, Париж, madame Э., madame Л., mademoiselle Т., дуэль с наглецом Кержанским, понижение в чине, возврат в Россию в составе овечьего славы Ахтырского полка, служба в одном провинциальном, но довольно-таки милом городишке недалеко от границ Псковской губернии, где и располагались наши поместья, визитации светских дам, уставших от телесных и прочих немощей своих престарелых супругов и многое другое. Конечно же, не могло обойтись и без удачных, наводящих оторопь на окрестных мещан гвардейских попок. Да-с, жаловаться точно не приходилось.

Там я и познакомился с очаровательнейшей madame Сангрени, что и сыграла такую важную роль в моей судьбе. Поневоле вспоминается тот день, пардон, ночь... Та ночь, когда меня «причислили» к сему довольно благородному сословию магического мира, представителем коего я сейчас и являюсь. Действительно, какой гусар мог бы устоять, когда такая роскошная красавица приглашает его «посмотреть венецианское зеркало в её спальне?» Нет такого гусара, господа! И не было никогда! По крайней мере, мы подобных, в нашем полку, не потерпели бы!

И главное, в самом начале, все было просто замечательно! Какая страсть, какая экспрессия! Но вот потом... Нет, когда она начала говорить, что мы будем навеки вместе, то это еще ничего... Обычная женская уловка, так я решил. Когда она вызвала слугу, чтоб тот задержал меня, после моего заявления, что я с болью сердечной вынужден её покинуть, поскольку командир отправляет меня на Кавказ за дуэль с Кшишимским (прощаться с дамой надо изящно господа! Этой уловке меня научил Ржевский, — между нами — тот еще ловелас, если не сказать похлеще). Да, это было тоже ничего...

Но когда этот её Андрейка категорично отказался умирать от двух пуль, угодивших ему в лоб (отправляясь к даме, я всегда беру с собой пару пистолетов. Так, на всякий случай. Вдруг, муж вернется не вовремя...), а сама madame Сангрени вдруг вцепилась мне в шею внезапно отросшими клыками, вот тут-то и началась самая мистика.

Очнулся я на той же самой роскошной кровати, но с единственным отличием — руки были надежно прикованы, а голова шла кругом не только от избытка эмоций, но и просто вследствие странного самочувствия. Очаровательная, а к тому же оказавшаяся весьма зубастой, мадам мило улыбалась, будто ничего такого особенного не произошло. Как выяснилось чуть позже, с ее точки зрения действительно ничего не произошло — я на ее счете был далеко не первым соблазненным «кандидатом на укусы». В её-то сто восемьдесят с чем-то лет...

Да, задержался я у Сангрени в гостях значительно дольше, нежели рассчитывал. На месяц... Честью клянусь, узнал много нового и очень интересного, напрочь перевернувшего мои представления о мире. Также мне очень доходчиво объяснили о новых возможностях

изменившегося тела, а заодно и о том, какие горизонты открываются. Впечатлило. Зато причина, по которой прекрасная дама изволила обратить на меня свое внимание во всех смыслах этого слова, оказалась несколько болезненной для самолюбия. Я-то рассчитывал на свою природную неотразимость гусарского офицера, а не тут-то было. Сангрени, эта вампириша из древнего и могущественного рода, просто изволила несколько заскучать, будучи временно вынужденной остановиться в этом городе. Скучать же она не любила...

Тут и подвернулся пропадающей от тоски аристократке возможность поразвлечься, используя для этого бравого поручика гусарского полка.

Должен признать, обозлился я тогда преизрядно. Не сдержался-с. Когда, спустя месяц, было мне предложено удалиться, ввиду отъезда мадам, и заканчивающегося отпуска, достал я саблю... Она очень неплохо сражалась, да-с, но куда нежной барышне, пусть даже и из кровососущей породы, тягаться с лучшим фехтовальщиком Ахтырского полка? Тем более, что скорость движений у нас была равной. В общем, отрубил я ей голову, прежде чем она чары свои применить успела. По новой своей привычке, и крови её хлебнул немного, отчего возможностей, надо сказать, прибавилось у меня вполне порядочно.

Потом, по особнячку её прогулялся, слуг истребляя. Занятие, для офицера, конечно неподходящее, ну да на войне и не таким заниматься приходилось. В общем, никто не ушел. В подвале комнатенку, телами людишек местных, полностью обескровленных, обнаружил, и на душе сразу спокойнее стало.

Но не полностью. Я-то ведь, нынче в том же состоянии пребываю! И пусть теперь, крови Сангрени выпив, я и на солнце выходить смогу, (Да-с, господа. Молодых вампиров, вроде вашего покорного слуги, солнце дотла сжигает, только после семидесяти лет ему противостоять возможно становится. Ну, или если более древнего вампира убить удастся, да кровь его выпить. Тогда вся сила проигравшего — победителю достается. Напрасно мне Сангрени об этом рассказала... Ох, напрасно.) да только кровь людскую пить мне все равно придется. И решил я тогда, в усадьбу свою родную съездить, да с отцом Савелием посоветоваться. Благо, оставалось у меня еще несколько дней отпуска, как раз на дорогу бы хватило. Это и было моей большой ошибкой. Впрочем, не самой большой...

А что бы вы на моем месте делали? Поневоле хотелось с кем-то о произошедшем поговорить, но подходящего человека никак не находилось. Другие вампиры? Так ближайших, я сам извел, а чувство крови (полезнейший навык господа. Ему меня тоже Сангрени научила) показывало, что все подобные мне создания находятся от меня весьма далёко.

Сослуживцы, давние товарищи по боям и широким застольям? Пропустят мимо ушей — в лучшем случае отделаются несколькими словами и предложением «выпить за господина поручика, который немного слишком переувлекся сочинениями лорда Байрона, и за его очередное приключение». Душевные люди, надежные, но тут от них проку маловато будет. А поговорить с кем-то надо, все нутро переворачивается. Да, я и раньше убивал — на войне, на дуэлях, разбойничков как-то раз пострелял, что одиноко едущего гусарского поручика пограбить решили. Дело обычное. Но убивал просто, не как сейчас, когда нужна была еще и кровь. Непривычно как-то... Да и где разбойничков столько набрать, чтоб прокормиться можно было? На войну, что ли податься? О переводе на Кавказ попросить? Там, говорят, снова чеченцы пошаливать начали.

Так, в расстройстве чувств, я и вернулся в родное поместье. Приказчик вертелся юлой, однако мне было не до этого мошенника. Переменив лошадь, я галопом направился к недалежней церквушке у села, где и командовал приходом отец Савелий.

Старик мне очень обрадовался. Выставил чай, пряники. Посидели. Тут я ему все и рассказал. В начале он мне не поверил, и посоветовал, никогда больше не мешать коньяк с шампанским, а водку пить не более полуштофа в неделю. Но когда я ему показал кое-что из науки madame Сангрени, тут же стал очень серьезен. Пообещал покопаться в книгах, да посмотреть, что к чему, с иерархами посоветоваться. С тем я от него и ушел. Переночевал в поместье, да и убыл в расположение полка. Как раз, к концу отпуска успел.

Через пару недель, когда вновь начал я позывы голода вампирского испытывать, приехал он, да не один, с монахами какими-то. Вызвали меня к полковнику, да и говорят, что, вот мол, Аркадий Бельский, по просьбе Синода, и приказу императора Российского, поступаешь ты в распоряжение святой матери нашей, церкви, на срок неограниченный, доколе надобность в тебе у них не отпадет. Не посрами мол, отечество. Я что, откозырял, запись в полковой книге отметил, и «поступил в распоряжение».

Отъехали мы до монастыря недалекого, там-то отец Савелий мне и объяснил, что, мол, обращен я в тварь диаволу, дьявольской силой и людской кровью питаемую, и погибнет душа моя, навеки в ад попав, ежели не отрекусь я от своей новой силы. Грустно мне тут стало. Успел уже к возможностям своим новым привыкнуть, жаль отказываться, да ничего не попишешь.

Говорю, согласен, мол отречься, да только как сделать-то это? Тут он мне и принялся объяснять, что есть, мол, обряд специальный, как раз для этого предназначенный, и все, мол, хорошо будет, вновь я человеком стану, и жить счастливо, как и прежде буду. А сам в глаза не смотрит, отворачивается. Понимаю я, что дрянь дело, и вряд ли переживу обряд этот, но что делать... Согласился уже. Да и не к лицу офицеру русскому, церкви православной бояться. Мало я, что ли, на войне в глаза костлявой заглядывал? Можно и еще раз рискнуть.

Пришел в церковь, при монастыре, лег, где указали, окружили меня иконами, и началось. Долго ли продолжалось, — не ведаю, только чую, хуже мне и хуже. Вскоре ни пальцем пошевелить, ни глазом моргнуть, ни даже вздохнуть не мог! Благо, что вампирам дышать не обязательно.

Тут прекратилось все, и отец Савелий ко мне подходит, а сам смотрит, виновато так, и говорит, значит: — Прости меня, сыне. Обманул я тебя. Нет у церкви святой, способа излечить тьмою рожденных, каким ты стал. Обряд этот лишь сковал тебя, чтоб сопротивления, дьявольской силой одержимый, ты нам оказать не мог, пока то, что в такой ситуации делать должно, исполнять мы будем. Сейчас же поднесли ему елей, и стал он соборовать меня, как умирающего.

Закончил, и говорит вновь: — Последнее осталось. Покойся с миром, и да примет тебя господь среди ангелов своих. Не переживай, сын мой, за кротость, тобою проявленную, прямо в рай попадешь. Потерпи немного.

Достал он откуда-то кол деревянный, молоток, да и вогнал мне тот кол прямо в сердце! Дурак, право слово... От кола того мне ни холодно, ни жарко, только мундир попортил, да дыру в теле пробил. И не совестно же супостату было так надо мной издеваться?

А после были похороны. Закопали меня, в гробу закрытом, на монастырском кладбище тайно, как бродягу какого-то, и забыли, наверно.

Да вот только, соврал отец Савелий, как последний басурманин соврал! Никакого рая! Лежал я себе потихоньку в скуке великой и даже пошевелиться не мог! Из всех изменений обстановки окружающей, лишь количество червей, проползающих мимо по своим делам непонятным. Сначала считал от тоски неодолимой, а потом и бросил, до ста тысяч досчитав.

Кол осиновый, на вампиров её разновидности, как мне Сангрени говаривала, действия ровно никакого не оказывает, но от этого, знаете ли, ощущение дыры в груди приятных эмоций не добавляет. Никому бы не порекомендовал, господа! Пренеприятнейшие ощущения! Да еще он, кол проклятый, гниет помаленьку, неимоверное желание почесаться вызывая. Ан нет, не судьба... Только и оставалось, что мысли нерадостные думать, да отца Савелия ругать по матерному, неведомо чего дожидаясь. Разве что господа археологи с лопатами пожалуют, исторические окаменелости откапывать. Вот уж удивлены будут, когда вместо ценного раритета эпохи минувшей, обнаружат гусара в плохом настроении...

Мысли этой хватило ненадолго, вновь хандра подкралась незаметно. Пришлось занимать голову не столь уж приятным занятием — вспоминать те книги, что перелистывал по настоятельным требованиям мадам Сангрени, впоследствии столь грубо меня оскорбившей. Не знаю уж, на сколько времени мне хватило сих занятий, но вспомнил я все

премудрости, в книгах описанные, до последней буковки. Вот только, излишнее количество премудрости книжной, способно вызвать глубокий и крепкий сон. Право слово, еще на экзаменах в кадетском корпусе примечено, да не только мной, но и всеми остальными знакомцами.

В общем, сморило меня от души и по всему видно, надолго. Оно и правильно, спешить, как сами понимаете, некуда, да и вокруг ничего особенно интересного не происходит. Ан вдруг разбудили, собаки. Интересно, кому приспичило мою могилку кровью человеческой поливать? Вернейшее и надежнейшее средство вывести вампира из сна, да и от чар любых избавляет. Приятно вновь способность двигаться обрести. Ну, так что, будем опознание пробудивших меня проводить? Там и решим — благодарность перед строем объявлять или же использовать в качестве сытного обеда и калорийного ужина. Впрочем, сейчас и выясним. Поживем господа!

Пора вставать, пора. А то крики вновь усилились. Да еще и голос женский! Они там что, даму обижают? Как гусар и дворянин, я такого позволить не могу, а посему первый вариант поведения отпадает, аки лист с осеннего дерева! Вперед!

Хорошая земелька, рыхлая, кровью пропитанная. А где у нас кровь, там у нас что? Правильно, там и власть моя, вампирская. Достаточно лишь немного поспособствовать и пропитанная кровью земля взрывается множеством комьев, освобождая мне путь на свободу.

* * *

Заметки на полях:

Ну что вам добавить. Хотите совет? Никогда не ходите на кладбище ночью, особенно в незнакомом городе. Да, интересно. Да, кладбище древнее. Да, после посещения хорошего ресторана, и с приятным со всех сторон кавалером, это может показаться вполне привлекательной идеей. Вот только Андрей Гочковитас, мой сокурсник, и очень близкий друг, по чьему приглашению я и приехала в этот не самый уютный городишко, почему-то совершенно не подумал о том, что наше с ним уединение могут пожелать разделить несколько местных гопников.

Впрочем, он уже заплатил за свою ошибку, по самому высшему счету заплатил. Смелый все же был паренек, уважаю. А вот мне похоже, такая участь не светит, по крайней мере пока... Впрочем, уверена, что в конце концов я последую за своим неудачливым ухажером. Нет, я конечно поизображала лань на охоте, побрыкалась от души, поорала старательно... Кажется даже удалось одному из них неплохо расцарапать морду, но все же восемь гопников на одну слабую и хрупкую меня — это многовато будет. Догнали, и без лишних слов повалили. И вот, когда я уже готовилась сказать последнее прости своей девичьей чести, а заодно и всему этому, довольно таки поганенькому миру (не думаю что меня после всего произошедшего решились бы оставить в живых), обстановка резко изменилась.

* * *

Ночь. Свежий, прохладный воздух. Спокойное, полузаброшенное кладбище. Красота... И всю мировую гармонию нарушает кучка каких-то уродов, занимающихся совершенно непотребными делами. Непотребство не в трупе, который лежит, исколотый ножевыми ранами, то дело вполне житейское. Мало ли за какие заслуги его в подушечку для иголок превратили — может, карту передергивал, а может и муж какой барышни, у себя оленьи украшения на голове после его визита обнаружил. Мало ли поводов. Правда, зачем столько ударов наносить, да еще рукой неумелой? Одного в сердце хватит, или режущей кромкой по шее провести легко так, одним мимолетным взмахом. А тут... Ударов с десятков.

Не в том дело. Крик женский мне никак не почудился. Вот она, девица весьма молоденькая, да в положении наинеприятнейшем. Две твари, людского имени недостойные, руки-ноги к земле поприжали, а третий, нижней головой озабоченный, насильничать

пытается. Остальные же, числом пятеро, стоят себе спокойненько, да еще советы голосами гнусными подают.

Нападать со спины мне как-то и не пристало, даже на таких недостойных уважения противников, поэтому я подобрал ком земли, да и кинул в того негодяя, что собирался овладеть девицей помимо ее воли. Как и полагается, попал, причем прямо по затылку. Ну наконец-то, изволили заметить мою персону, а то обидно даже. Однако, раздавшийся вопль был на незнакомом языке. Впрочем, почему незнакомом? Слышал я что-то такое, слышал... Да никак чухонское наречие, на кое никто из благородных людей и внимания никогда не обращал? Совсем распоясались, холопы!

Хм, а ведь они надо мной смеются. Надо мной, дворянином, офицером! Хотя, откровенно признать, я сейчас явно не в той форме, чтобы соответствовать званию и титулу. Зато они не в том виде, чтобы считаться людьми, раз промышляют таким мерзким делом, как насилие. Да и вообще, кушать хочется!

Прыжок и вот первый из этой чухонской шайки уже в моих крепких, но совершенно не дружеских объятиях. Что, не смешно теперь? Оно и понятно, теперь мое лицо, однозначно не слишком хорошо смотрящееся после пребывания в могиле, видно во всей «красоте». Ф-фу, ну что же так громко орать, того и гляди еще кто-нибудь проснется, придется поздним ужином делиться. А мне и самому не так уж много... Извините, малость жадничаю, но после столь длительного вынужденного поста мне простительно.

Кровь. Господа, великолепное чувство после столь затянувшегося перерыва. Тут и особый вкус, и совершенно непередаваемый аромат — куда там вину, пусть и многолетней выдержки. Прелестно... Да и для восстановления ран телесных ой как способствует. Кол-то осиновый, коим меня попотчевали в качестве прощального блюда, пусть и сгнил, но дыра от него так и осталась. Зато теперь прямо на глазах затягивается. Да и внешний вид ощутимо похорошел. Был не гусар, а так, мумия египетская, а сейчас вполне ничего себе, хоть в полк, хоть в бордель-с. Нет, пожалуй, лучше в бордель, поскольку в полк без штанов не пустят. Мои-то превратились в нечто непотребное, не то червями погрызенные, не то просто от времени сгнившие.

Кончилась бутылочка, то есть человек. Вкусно, но мало... Еще хочу. Для гусара одной бутылки вина никогда не хватит, ну а для гусара-вампира? Правильно, та же история, но в другой обложке. Полностью обескровленное тело полетело в сторону и вот тут-то остальные поняли, что не все так просто в мире под луной. Один из них вытягивает вперед руку, раздается щелчок и хищно засеребрилось лезвие ножа. Ага, просто великолепно! Шпаги у меня нет, но в моем теперешнем положении она не столь и нужна, магию также применять не буду... пока. Развлекусь малость, вспомню былые тренировки, когда учитель фехтования показывал приемы уклонения от ударов ножа, шпаги, да и от пуль пистолетных уклоняться учил.

Вот только у него нож, а у меня что? Ну как же, можно коготки малость отрастить, на одной руке. Несильно, сантиметра на три. Будем делать из любителя посмотреть на сцены насилия над прекрасной дамой кружевное изделие с рюшечками и фестончиками. Лезвие ножа рыбкой пляшет в руке моего противника, переходя из прямого хвата в обратный. Рад не только за него, но и за себя — будет какой-то интерес в этой хоть и не дуэли, но уж дорожной схватке точно.

Колющий удар, потом секущий, перехват ножа лезвием вниз и вспарывающий удар снизу вверх. И все впустую... Ловлю глубокое изумление в глазах негодяя и отвечаю искренней, душевной улыбкой, обнажающей длинные, снежно-белые клыки вампира. Отвлекаю. Зря, во время боя ничего не должно отвлекать, иначе проигрыш гарантирован. А проигрываешь тут не месячное жалованье (грешен, спускал за картами раза три), а собственную жизнь, что не в пример более существенно. Когтями его, да по харе некультурной. Вот так, было обычное человеческое лицо, а стало живое пока что подтверждения вреда разгульной жизни. В смысле, нос исчез, срезанный под самый корень.

Опять вопли... Нет, не нос надо было отрезать, а всю голову целиком. Безголовые не

орут, они на это в принципе не способны, проверено на мадам Сангрени. Завершилась забава. Ножик бросил, ладошки к лицу прижал и воет, от меня пяťся. Ну и куда ты собрался, друг ситный? Если тебя где и ждут, то разве что в аду. Небось и котел давно приготовили, костерок развели... Ну что ж, любезнейший, не будем задерживать месье Сатану?

Резкое движение вперед, хватаю руками за шею и рывок... Сила вампира на порядок превосходит человеческую, и позвоночник не выдерживает такой нагрузки.

— Он отправился в ад для безголовых, — обращаюсь к оставшимся шестерым. — Вам билет на ту же станцию или придумать нечто пооригинальнее?

Ровно половина из них, то есть три экземпляра, пытаются бежать. Нет уж, мне это не надо! Жест, несколько слов на давно умершем языке и вокруг нас возникает бледно-серая, практически невидимая стена. Незадачливые беглецы пытаются проскочить сквозь нее, но врезаются и с жалобными стонами отползают обратно.

Стена... По правде говоря, ее там и нет, так, видимость, иллюзия. Зато чем больше страх запертого внутри человека, тем большую прочность она приобретает. Так что трусам отсюда не выбраться ни при каких условиях. Ладно, пока они там охают и ахают, займусь другой троицей. Ага, один из них изволит навести на меня пистолет какой-то странной формы, коротенький такой. Ствол ходит ходуном, сам весь дрожит, словно пьяный могильщик ранним утром...

— С-стой, ст-трелять буду! — истерически, с подвыванием заголосил он. Вот как, по-русски заговорил. Может ведь, когда хочет...

— Пли!

От громкого крика самым что ни на есть командным голосом этот лопух нажал на спуск и пуля просвистела высоко над моей головой. Старый трюк, но с такими людьми действует на удивление эффективно. Но тут вдруг раздался второй выстрел, а за ним и третий. Вторая пуля опять пролетела мимо, ну а третья все же попала. В плечо, но ведь неприятно! Затянется через пару секунд, но что это за пистолет такой, что стреляет несколько раз подряд, да еще с такой скоростью? Никогда таких не видел, а посмотреть любопытственно было бы.

Но обстрел этот надо прекращать. Благо и выбор богатый, очень богатый. Кладбище место уникальное — можно творить такое, что в других случаях ой как трудно, ну а тут... Здесь везде тела, даже там, где от могил и следа не осталось. Жест, подкрепленный мыслью, и из-под земли высунулись две призрачные руки, обхватившие стрелка за лодыжки и дернувшие вниз. Стоит чухонский «богатырь», врос в землю по самую шею. А где остальное? Под землей разумеется, надо же кладбищенскому духу чем-то заняться. Вот и будет ему пожива, может сразу жизнь вытянуть, а хочет — пусть потянет процесс. Впрочем, я и духом это существо зря назвал — ни разума, ни сознания, одно лишь желание сожрать или напугать. Сам по себе никчемный, но если разбудить, да еще чуть силы добавить, тогда неплохой помощник получится. В пределах кладбища опять же.

Минус один, имеем пять... Так, а что это у меня в руке? О, голова... Бедный Йорик! Я знал его, Горацио. Считаете, что отрубленная, вернее оторванная, голова — штука абсолютно бесполезная? Ошибочка с вашей стороны. Например, можно череп на каминную полку поставить или в качестве пепельницы использовать. Но это дело долгое, не сиюминутное. Так что брошу-ка я ее. Но не просто так, а в направлении приговоренного к смертной казни... через загрызение. Метательный снаряд пролетел с десятков метров и попал точно в цель, то есть в область шеи очередного разбойничка. Ну а там, она открыла как глаза, так и пасть, начав с большим аппетитом откусывать кусочки от своего бывшего знакомого. Оживший мертвец вообще отличается крайней прожорливостью и полным отсутствием памяти. Так, ходячая кукла, пригодная для простейших действий типа возьми-принеси-пойди-загрызи.

Так, те трое, что пытались убежать, так и носятся по периметру стены, путаясь в слезах и соплях, ну а четвертый стоит, как восковая фигура в музее и раскрыв рот, смотрит, как

голова его покойного приятеля доедает другого, пока еще живого. Безумная картина, сеньор Босх бы прослезился от радости и уселся бы на травку с мольбертом.

О, да тут и еще одно интересное действие намечается! Девица, о которой я временно и запомнил, вовсе не собиралась лежать в обмороке, как это сделали бы многие мои знакомые светские дамы. Напротив, увидев, что один из ее обидчиков стоит себе ошалевший от избытка эмоций и впечатлений, подкрадывается к нему сзади, держа в руках здоровый такой сук, и не обращая на меня ровным счетом никакого внимания. Нет, я не против, как эстет и искренний ценитель женской красоты, я залюбовался подобной картиной. Луна, ночь, кладбище и прекрасная женщина. Почти обнаженная, фигура просто великолепная, гусарская суть так и требует познакомиться поближе...

Хрясь! Очарование момента нарушил звук удара, когда немного подгнившая деревяшка вошла в очень тесное соприкосновение с головой незадачливого насильника. Сук переломился пополам, голова же была немного покрепче и не развалилась. Зато сознание из ее обладателя вышибло всерьез и надолго. Девица же, пребывая в праведном гневе, принялась пинать его ногами, часто поминая наряду с известными мне ругательствами и некие иные выражения. Почему-то среди них упоминалась птица петух из какой-то камеры и еще песок, который обязательно и непременно сейчас должен прийти за этим подобием человека. Не понимаю...

А, разобраться можно и несколько позже, не буду мешать красавице воздавать разбойничку сторицей. Убьет — судьба его такая. Не добьет — самому придется довершить начатое ей. Так, а эти трое мне совсем надоели. Бегают, суетятся, лови их еще... Легче малость умерить пыл, послав волну страха, от которой ноги подкосятся. Сказано — сделано. Посыпались на землю, словно яблоки с ветки.

Кстати о яблоках! Надо бы еще малость живительной влаги потребить — не столько удовольствия ради, сколько необходимости для. Тело в порядке, все замечательно, но чего-то все-таки не хватает. Попробуем на вкус еще одного разбойничка... Ф-фу, кровь какая-то противная. И чего он потреблять при жизни изволил, что оно и в кровь попало? Вроде водкой от него не пахнет, а впечатление похожее. Ну да ладно, не отравлюсь. И, наконец, последние двое. Десертом будете?

Резкий, очень специфический запах ударил в нос. Какая гадость! С одним из претендентов на роль десерта случился приступ «медвежьей болезни», который естественно, напрочь отбил аппетит. Такое существо и убивать противно, хотя и надо. Стоп, ну а зачем убивать-то? Можно и поизящнее поступить. Например, чуток изменить разум, погасив его, и создав у жертвы впечатление, что он... лошадь. Пусть с ним в доме для скорбных головой теперь разбираются, да и с другим тоже.

Хорошо, рысью пошли, вот только цокота копыт не слышно... Подковать их что ли? Впрочем, пусть их доктора подковывают, овсом кормят, ну или просто в смиренные рубашки пеленают и холодной водой окатывают.

Теперь можно и к девушке подойти, представиться, как и подобает дворянину и офицеру. Стоп! Куда это я пойду без подобающей одежды? Я же не заморский зверь, негром или орангутангом именуемый, чтобы в голом виде даме представляться. Отсутствие одежды хорошо в другое время и другом месте, но никак не при первом знакомстве, что бы там по этому поводу и не говаривал Ржевский.

Но что же делать? Дама, кажется уже завершила пинать бездыханное... а нет, пока еще дышащее тело, и начала озираться. Вот-вот обратит на меня внимание. Придется вновь воспользоваться наукой Сангрени. Небольшое сосредоточение, тайное слово, и на мне — парадный гусарский мундир, в коем я, помнится, очаровал немало женских сердец. Разумеется, совершеннейшая иллюзия, да к тому же довольно утомительная, но на взгляд не отличить от настоящей формы.

О. Она меня заметила! Что я говорил? Гусарскую форму, господа, девушки мимо не пропускают!

Гм... Но почему такая неадекватная реакция? Нет, я, конечно, понимаю, стройный

гусар-красавец, при эполетах и наградах, но в обморок-то падать зачем? Вроде бы до сих пор эта мадемуазель излишней впечатлительности не демонстрировала. Вон как лихо насильника отходила, он уже отходит... Не в сторону, а в мир иной. Экий каламбурец получился, вполне в традициях нашего славного полка. Кстати, надо бы добить жертву девичьей ярости, чтобы не мучился особо сильно.

Свернув шею последнему из оставшихся бандитов, я в глубоком раздумье присел над все так же лежащей мадемуазелью, раздумывая о том, как привести её в чувство. Нет, представление о том, что надо делать у меня имелись, но вот, увы, ни нюхательной соли, ни воды под рукой не было, а поднять руку на женщину, хотя бы и даже для того чтобы привести её в чувство, для гусара зазорно.

Машинально подняв руку, чтобы почесать лоб, я обнаружил так и не втянутые когти. Так же, как показала быстрое обследование, я совершенно забыл про выпущенные на всю длину клыки, и залитое кровью одного из разбойников лицо. Мда... Кажется я зря льстил себе, предполагая что обморок вызван моим неотразимым видом. То есть вызван-то он действительно моей внешностью, но отнюдь не в том смысле, о котором я подумал изначально. Быстро устранив недочеты, я аккуратно похлопал девушку по щекам, надеясь, что этого будет достаточно.

Расчет оказался верным. Девушка открыла глаза, внимательно меня осматривая.

— Ты кто? — Она встала, и принялась оправлять жалкие остатки имеющейся на ней одежды. Короткая... Ну, что-то вроде обтягивающей сорочки черного цвета, не прикрывающей даже живота, и черная же полоска ткани, едва прикрывающая великолепные округлости несколько ниже талии. Она что, в трауре? Но ведь даже самые строгие правила не предписывают соблюдать траур при выборе нижнего белья. Хотя... Смотрится весьма привлекательно, господа! Я отвел глаза, дабы не смущать мадемуазель, и поискал взглядом верхнюю одежду, но, как ни странно, ничего не обнаружил. Видимо эти твари раздели её не на кладбище.

— Так кто же? — вновь требовательно повторила девушка. Как ни странно, она совершенно не стеснялась своего, несколько скудного одеяния.

Я прищелкнул несуществующими каблуками и представился по всей форме: — Поручик Ахтырского гусарского полка, граф Бельский, Аркадий Николаевич. Рад, что успел вовремя и смог оказать вам услугу, мадемуазель. Позвольте поинтересоваться вашим именем?

Вместо ответа, юная дама вновь села на землю, и прошептала: — Черт подери! Вроде бы и выпила сегодня всего пару коктейлей... Уйди, глюк, я в дурку не хочу! — После чего, стала усиленно тереть глаза.

Признаться, подобная реакция меня несколько задела. Нет, не так должны реагировать юные девушки, спасенные благородным гусаром из лап насильников. Впрочем, подумав, я решил списать это на шок от нападения бандитов, и предпринял еще одну попытку.

— Я готов немедленно удалиться мадемуазель, если таково ваше желание, однако мне кажется, что вы нуждаетесь в помощи.

Отняв руки от глаз, она посмотрела на меня внимательнее, а затем, осторожно прикоснулась к моей руке.

— Ты не глюк? — недоверчиво переспросила она. Похоже, этот немец, судя по фамилии, вызывал у нее изрядные опасения. Возможно, так звали кого-то из напавшей на нее шайки чухонцев?

— Я — гусарский поручик Аркадий Бельский, — повторно представился я. — Не имею чести знать, кто такой этот Глюк, которого вы так опасаетесь, однако смею вас заверить, что вполне в силах защитить вас от любых посягательств. Позвольте поинтересоваться вашим именем?

— Елена, — в глубокой задумчивости ответила девушка. — Гусар? — недоверчиво переспросила она, еще раз осматривая меня с ног до головы. Вот когда я порадовался умению создавать иллюзии. Как бы я выглядел, не будь на мне, хоть и призрачной, но

прилично выглядящей одежды.

— А откуда ты, то есть вы взялись, — Элен явно отходила от потрясения, и даже вспомнила о вежливости. — И где эти гопники? — Тут он наконец-то огляделась вокруг, и замерла, видимо только сейчас заметив трупы нападавших на нее разбойников.

Гопники? — опять новое слово. Видимо название шайки. Интересно, сколько же времени я провел в могиле, что язык успел так измениться? Впрочем, выяснить это я еще успею.

— Не извольте тревожиться, мадемуазель. Они вам больше не опасны. — поспешил я её успокоить. — И никого больше не потревожат, разве что гробовщика, который будет измерять их тела для выбора гроба подходящего размера. А откуда я здесь взялся... Прошу вас, только не пугайтесь. — Я решил, что в этом, столь неожиданно изменившимся мире, мне потребуется хоть кто-то, знающий его более-менее хорошо, чтобы просветить меня. Почему бы и не эта девушка, к тому же явно не робкого десятка? — Я из могилы. Видите ли, эти разбойники, прежде чем заняться вами, убили какого-то несчастного, причем прямо на моей могиле. Между прочим, большая ошибка с их стороны! Его кровь и пробудила меня к жизни...

— Андрей! — вдруг охнула Элен, и стремглав бросилась к лежащему около развороченной ямы телу. Взглянув в безжизненное лицо, она побледнела, но в обморок падать не стала. Вдвойне неплохо. Умеет владеть собой, а значит способна оказаться очень полезной в этом новом, во многом загадочном мире.

— Кто он? — я тихо подошел сзади, и в попытке утешения положил руку ей на плечо. Девушка вздрогнула, но не отстранилась.

— Мой парень... Был. — проговорила она еле слышным шепотом. — Твари, убила бы еще раз, если бы они уже не подошли.

— Ваш парень? — я задумался. Несомненно, за те годы что я был в могиле, изменения произошли просто невероятные, и, похоже, в довольно-таки положительную сторону. Чтобы крепостной бросился защищать свою хозяйку, и даже пожертвовал жизнью, пытаясь её спасти? В наше время, эти бездельники, скорее всего, задали бы такого стрекача, что легко обогнали бы любого зайца. Да что там ушастые зверьки, за ними и пуля навряд ли угналась бы! Однако горе её теперь вполне понятно. Действительно, нелегко терять по настоящему преданных слуг.

— Не печальтесь, сударыня, — постарался успокоить её я. — Ваш слуга погиб не напрасно! Своей смертью, он снял с меня чары, и тем самым дал мне возможность вам помочь!

— Андрей мне не слуга! — озлобилась красавица. — Он мой парень. Ты что русских слов не понимаешь?

Так. Похоже, я опять чего-то не понял. Если честно, господа, меня эти языковые заморочки уже начали преизрядно раздражать, и посему я решил при первом же удобном случае использовать прием, под названием Поцелуй Истины, о котором как-то вычитал в книгах madame Сангрени. Прием довольно рискованный, и потому редко используемый. Суть его в том что, выпивая кого-либо, вампир вместе с кровью вытягивает и знания жертвы. Тут, главное, очень четко ограничить область знаний, которые ты хочешь получить, иначе так и с ума сойти можно! Чаще всего он используется для быстрого изучения языков, но и в моем случае, может очень даже пригодиться. Однако, увы, — пока кандидатов на роль жертвы вблизи не просматривалось. Так что оставалось только сделать вид что я все понимаю, и отойти в сторонку, давая возможность девушке прийти в себя от сильного нервного потрясения, точнее сказать не одного, а нескольких.

Впрочем, успокоилась она довольно быстро. Отвесив прощального пинка трупу насильника и закрыв глаза своему не то другу, не то кому-то еще более близкому, она вновь обернулась ко мне, и требовательно спросила:

— Ты кто?

Та-ак... Кажется мы это уже проходили... Неужели барышня подвинулась умом от

выпавших на её долю испытаний? Интересно, где тут ближайший дом милосердия? Вздыхнув от разочарования, я начал представляться в третий раз...

— Я Аркадий Бельский, поручик Ахтырского гусар... — но тут она перебила меня совершенно невежливым способом.

— Я все это уже слышала, не глухая! Вот только гусаров давно не существует, между прочим! И я хотела знать не твое имя, а кто ты есть на самом деле?! Я видела, как ты очень резво и качественно убивал этих... — она брезгливо дернула плечом в сторону торчащей неподалеку головы «чухонского богатыря».

Тот, к слову, до сих пор периодически лупал глазами и разевал рот в беззвучном крике — видимо кладбищенский дух развлекался по полной. Интересно, а каким образом дух развлекается, раз «богатырь» разевает пасть столь ритмично и с выражением полного ужаса в глазах. Нет, узнавать не буду, хотя любопытство у меня развито посильнее, чем у кошки. Кстати, надо бы не забыть взять пистолет, из которого в меня стреляли. Чрезвычайно интересная игрушка.

— Ты сказал, что вышел из могилы, когда на ней убили Андрея. Ты зомби?

— Какая бестактность! Обозвать меня, благородного вампира, каким-то вонючим зомби! Зомби, мертвяки ходячие, даже разговаривать толком не могут, а все их стремления направлены на то, чтобы сожрать всех, находящихся поблизости, — я даже задохнулся от возмущения, высказывая ей это, и даже не поленился сбегать за все еще грызущей мертвое тело оживленной мною головой, чтобы продемонстрировать ей настоящего зомби.

— Значит ты вампир? — Вопреки всем моим ожиданиям, девушка и не подумала испугаться, но наоборот, вся так и загорелась энтузиазмом.

Хм, а ведь идеи лорда Байрона явно не забылись, раз слово вампир не вызывает отрицательных эмоций и желания побрызгать на меня святой водой. Тьфу ты, будь оно все неладно! Мысль о святой воде вызвала в голове образ отца Савелия с осиновым колом в руках. Брррр! Нет, надо срочно перевести мысли на что-нибудь более приятное. Благо и далеко ходить не надо — вот оно, приятнейшее зрелище рядом в образе прелестной дамы в весьма открытых одеяниях.

— А ты не мог бы оживить Андрюшу? — внезапно попросила она меня, кокетливо наклоня голову. Знаете, господа, а в этом её черном белье и черной помаде на губах действительно что-то есть! Но вот её просьба.

— Я не бог. Я всего лишь вампир. — Терпеливо объяснил ей я. — Нет, я не могу оживить твоего Андрюшу, разве что зазомбировать. Но оно тебе надо?

Я решил, что раз эта барышня так упорно мне тыкает, то имеет смысл и мне перейти на её стиль общения.

— Кстати, — после недолгих и малопродолжительных размышлений было принято решение перестать изображать из себя скромного (по меркам гусаров) корнета, и сам начал расспрашивать. — Почему ты сказала, что гусар не существует? — признать, этот вопрос крайне меня взволновал.

— Потому что их не существует. Упразднили, — ответила Элен, не слишком расстроившись отказу относительно оживления.

— Как упразднили?! — забывшись, я даже повысил голос. — Когда?! Какая...

Увы. Должен повиниться. В захлестнувшем меня праведном негодовании я совершенно забыл об элементарнейших правилах поведения, и выразил свое искреннее и нелицеприятное мнение о той не слишком хорошей личности, что осмелилась упразднить красу и гордость кавалерии не слишком смущая себя в выражениях, по-гусарски, припомнив в том числе и как-то выданный Ржевским знаменитый восьмиэтажный «Ахтырский загиб».

Слегка отведя душу и огорчившись, что все достойные смерти уже вкусили от моих щедрот, я немного пожалел, что поток столь высокопробной ругани был услышан прекрасной дамой, однако... Взглянув на нее, стало ясно, что она не только не смущена, но и внимает нецензурной брани со знанием предмета, да еще и с искренним восхищением. Примерно так смотрел на меня юный корнет Оболенский, когда я не на шутку разошелся,

бия жуликоватого трактирщика головой о стол, при каждом ударе призывая на его душу очередную порцию проклятий. А нечего было вино водой разбавлять...

— Богато выражаешься, Аркадий, — хлопнула она несколько раз в ладоши словно оценивая выступление оперного певца. — Даже завидно немного... А гусар давно упразднили. Лет сто назад... Или больше. Не помню, у меня с датами всегда плохо было.

— Какой сейчас год? — в груди у меня заглохло. — И куда смотрел император?

— Сейчас? Двадцать первый век на дворе. Что-то разоспался ты в могиле, сколько интересного проспал, жуть просто. А император давно никуда не смотрит. Последнего «упразднили» в тысяча девятьсот семнадцатом. А потом упразднили и тех, кто упразднил императора, но уже в девятнадцатом.

Я медленно помотал головой, отходя от шока. Почти двести лет в могиле. Я уже совсем собрался было начать более подробный расспрос, но заметил, что девушка начинает потихоньку дрожать от холода. С этим надо было что-нибудь делать. Расспросить можно и попозже.

— Замерзла? — участливо поинтересовался я.

— Есть малость, — поежилась Элен от налетевшего порыва ветра. — Ничего, сейчас я куртку у этого мертвеца позаимствую, ему она теперь точно не нужна, а так хоть чем-то рассчитается за доставленные мне неприятности.

Прагматичный подход, однако. Правда несколько неожиданный от молоденькой девушки, но чего в жизни не бывает. Похоже, эти трупы, далеко не первые на её жизни. А что такого? Был-с знаком я, как-то, с корнетом Конно-польского уланского полка Александровым. Хоть до гусар уланам далеко, но и они тоже парни не промах. Был я тогда изрядно подвыпивши, по поводу реквизированного французского обоза, а посему и продул ему две партии в штосс, самым позорным образом. Наутро — в бой, с тем и разъехались... А после, как домой из Парижу вернулись, был преизрядно огорошен, узнав, что сей brave молодой человек по-настоящему зовется Надеждой Александровной Дуровой. Даже поухлестывать решил, коль еще раз встретиться доведется, да не сложилось вот.

Так что, женской решительностью меня теперь не удивить. Тем более, неужели девушка должна мерзнуть, если у нее есть возможность воспользоваться тем, что она вполне может считать своим по праву. Да и сам я также решил проверить содержимое карманов у убитых мной созданий вида получеловеческого, которых Элен «гопниками» назвала. Кто это такие не понял, но точно, люди недостойные. Были... Да, сразу спешу откреститься от обвинения в мародерстве. Мародер — это тот, кто нашел чей-то совершенно посторонний труп и обобрал с целью личной наживы. Ну а я всего лишь изъяс боевые трофеи, крайне необходимые для выживания в этом новом мире. Тем более и одежду тоже пришлось реквизиовать с наиболее подходящего по фигуре покойника.

Иллюзия иллюзией, но все время ее поддерживать удовольствие не из приятных, да и ветерок, обдувающий мое тело также приятным назвать сложно. Простуда и прочие болезни мне естественно не угрожают, но вот дискомфорт не относится к числу любимых мной ощущений. Я ведь гусар, а не аскет какой-нибудь.

А удобная одежда, ничего не скажешь. Пусть и есть некоторое ощущение чужеродности, но это временно. Да к тому же, Элен, ничуть не смущаясь, подавала практические советы. Интересно, она Дуровой не родственницей ли будет? Фамилию-то она мне так ведь и не назвала, и даже отчество умолчала.

Так, с экипировкой вроде бы все в порядке: деньги, пара ножей, пистолет с запасными зарядами. Вернее даже не зарядами, а множеством зарядов, находящихся в магазине — продолговатом ящичке, вставляющемся внутрь и вынимающемся при окончании зарядов нажатием небольшой кнопки на рукояти. Прогресс... Нам бы такое приспособление! Ох, и умылся бы Наполеон слезами кровавыми! Теперь, кажется, все, пора и честь знать, да и надоело тут на кладбище. И так сто пятьдесят с лихвой лет здесь провалялся!

Разве что еще одну небольшую вещицу сделать надо, на сей раз непосредственно касающуюся моей первой знакомой в сильно изменившемся мире. Она хоть и держится

хорошо, но ведь сорваться может в любой момент. Женщина все-таки, пусть и сильного характера. Придется добавить чуточку магии, перелить, так сказать часть полученной энергии. Да, у нее будет несколько эйфорически-приподнятое состояние, но это лучше, чем черная меланхолия и длительная хандра. Решено! Я подошел к ней, слегка приобнял, изящную фигурку окутала еле ощутимая пелена, добавляющая сил и слегка затуманивающая осознание произошедших неприятностей. Еще одно умение всех без исключения вампиров — то самое мистическое обаяние, избавиться от которого простому человеку просто невозможно.

— Может быть, нам стоит покинуть это место?

— Хорошо бы, — с ходу согласилась Элен. — Только вот трупы надо... убрать. Полиция понаедет, копать будут.

Я не смог удержаться от улыбки, представив себе полицейских чинов с лопатами наперевес, копающих ямы посреди кладбища. — Чего копать-то? Я уже и сам освободился, а кроме меня вампиров здесь нет. — Я прислушался к чувству крови, и с удивлением констатировал, что в окрестностях, и даже за ними, насколько хватает моей чувствительности, нет не только вампиров, но и вообще, никого приобщенного к магической стороне жизни.

— Копать не в том смысле, что ты подумал, реликт минувшей эпохи, — захихикала девушка. — Копать — сейчас значит еще и искать, расследовать.

Раз так, тогда и впрямь стоит отнестись к этому посерьезней. Попробовать что ли, один небольшой ритуальчик, почерпнутый из книги, что вспомнилась мне за долгое время лежания в гробу? Благо и все нужные компоненты имеются. Какие? Дух кладбища, доедающий страдальчески выпучившую глаза голову «аборигена земли чухонской» — самая важная и незаменимая деталь. Сам доедаемый, пусть и заметно бледного вида, но все еще относительно пригодный для использования в ритуальных целях. Ну и трупы в количестве семи штук, что есть вполне достаточно.

Ну а цель... Она состоит в том, чтобы заставить кладбищенского духа обожраться до такой степени, чтобы он от избытка поглощенной силы как бы лопнул. Ну не в прямом смысле этого слова, а разделился на две неравные части. Первая, сохранившая изначальную суть, останется здесь, ну а вторая поступит в мое полное распоряжение. Зачем мне она? Запас карман не тянет, тем более карманный дух точно не будет лишним в этом мире, изменившемся очень и очень сильно.

— Встань поближе ко мне, — вежливо попросил я Элен.

Та, поняв женским чутьем, что сейчас я не склонен шутить, быстро выполнила просьбу. Вот и хорошо, начинаем. Выпущенным когтем очерчиваю защитный круг, по периметру которого идут символы стихий... Увы, мы, вампиры, сами не можем контролировать мощь первоэлементов, поэтому приходится прибегать к подобным построениям. Мне-то возможные произвольные эманации от кладбищенского обитателя не повредят или почти не повредят. Я и сам не совсем живой, а вот девушке может стать плоховато.

И вновь звучат слова на древнем языке, а руки танцуют в череде жестов. Из-под земли вырываются бледно-фиолетовые лучи, превращающиеся в гибкие прутья, охватывающие лежащие неподалеку трупы. Они словно тают, погружаются внутрь, под землю, растворяются в мертвенной ауре этого места и в то же время усиливают ее. Целым и невредимым остается лишь одно тело — тело знакомого Элен. Он уж точно не заслужил участи послужить инструментом в ритуале.

Зато похоронить его надо. К тому же и могила есть, теперь уже пустая. Повинуясь приказу, один из отростков хватается тело и бережно укладывает в могилу. Земля, еще недавно разбросанная вокруг, вновь принимает привычное за долгие годы положение. Ну вот, нормальному человеку и последние почести отданы, а остальным... тоже по заслугам.

Жертва, которую все еще продолжал догладывать дух кладбища, и вовсе перекосилась, так как в нее со всех сторон вонзились силовые потоки, наполняя выкачанной из свежих трупов энергией. Из-под земли раздалось нечто воде вопросительного урчания — дух был

весьма удивлен, откуда вдруг оказалось столько «еды» в казалось бы окончательно изжеванном огрызке. Удивиться-то удивился, но отказываться от неожиданно привалившего счастья не стал.

Хорошо все же, что кладбище к этому времени оказалось старым, заброшенным, практически позабытым. На таких дух обычно хоть и довольно злобен, зато слаб, практически бессилен. А значит ему немного надо, чтобы захлебнуться потоками направляемой энергии. Ага, вот и оно самое! Поглощенная духом кладбища энергия переполняла его изнутри, корежила, пыталась разорвать на части. Самое время, а то вообще процесс станет неуправляемым и не будет ни духа, ни того, из чего я собираюсь сделать небесполезного помощника.

— Что это там творится?

— А это я себе ручного духа создаю, — был дан ответ любопытствующей красавице.

— И какой он получится?

— Право слово, сам пока не знаю. Я ведь не особый мастер в подобного рода делах. Но книги говорят, что создание выйдет вредное, весьма пакостное, но довольно полезное. Ах да, оно еще способно со временем перенимать некоторые особенности поведения своего создателя.

Ч-черт! Ведь и правда, не продумал. Это что же получится в таком случае? Дух-помощник с некоторыми гусарскими повадками и довольно своеобразным чувством юмора? Вот уж точно, мало никому не покажется... Да и процесс разделения кладбищенского обитателя на две части уже пошел, теперь и при желании не остановить. Вспышки разных оттенков, глухой, утробный вой, слегка подрагивающая земля под ногами, да еще и запах довольно омерзительный. Кладбище, что тут поделывать, оно и не может розами благоухать. Элен свела глаза в кучку и заметно загрустила. Запах не то, чтобы усиливался, но приобрел слишком уж мерзопакостный оттенок.

Впрочем, все уже и закончилось. От земли оторвался бесформенный сгусток и полетел в нашем направлении.

— Это что за гадость? — отшатнулась девушка. — Я думала, что духи выглядят как-то по другому.

— Да не дух это, а пока всего лишь зародыш, — отмахнулся я, хватая рукой эфемерное нечто и засовывая в один из карманов. — Посидит, освоится, а там и признаки жизни подавать начнет. Уверяю, эти признаки незаметными не останутся, характер у подобных существ довольно вредный.

— Как у гусаров? — ехидно прищурилась девушка.

Вот стерва... И возразить нечего, поскольку правильно угадала. Каков хозяин, такой и дух со временем становится. Интересно, а как он преломит в своем сознании мою любовь к прекрасному полу? Да уж, жизнь, господа, штука забавная, что-что, а соскучиться мне точно не грозит.

Все? Вроде действительно все. Трупы исчезли бесследно, разве что груды одежды то тут то там валяются. Зато тел нет, послужили закуской для местного обитателя. Интересно было бы понаблюдать за лицами тех, кто окажется тут рано или поздно. Ну да не столь важно, проживу как-нибудь и без этого примечательного зрелища. Гораздо сильнее меня интересует другой вопрос — что именно делать сейчас, в какую сторону идти? Да, кстати...

— Ты где живешь, Элен?

— Я вообще-то не здешняя, приехала в гости к... — тут ее взгляд невольно устремился в сторону могилы, где лежал ее знакомый. — Так что теперь и не знаю, куда идти. Разве что домой, в Россию возвращаться на месяц раньше, чем думала.

Тут мое удивление достигло и вовсе безмерных границ. Это что ж такое в мире происходит, если уж Рига нынче к России, не относится, и с чего бы это такое возможно? Хотя... Чему удивляться. Гусар-то распустили. Но ничего, я-то теперь снова в строю, и тот, кто сказал, что один в поле не воин, явно не представлял всех возможностей клыкастого гусара!

Хорошо хоть девушка сразу почувствовала избыток переполнявших меня эмоций и попыталась коротко и ясно объяснить, что еще произошло в безумно изменившемся мире.

Спустя минут десять я уже худо-бедно представлял ситуацию и хотя внутри сидело искренне душевное желание разгромить тут все и вся (особенно с учетом моих способностей), но оказал действие вполне логичный довод Элен. Дескать, сейчас в России своих помоев достаточно, а тут еще и чухонскую гадость обратно тащить.

Так куда же податься в этом, теперь иностранном городе? О, идея! У меня же здесь дом есть, точнее был, много лет тому назад. А в доме есть то, что можно бы и забрать. Не думаю, что мою ухоронку кто-либо отыскал. А вещи там нужные... Из дома madame Сангрени выходя, прихватил я кое-какие трофеи, что сейчас ой как пригодиться могут. На том и порешили, тем более что мое предложение было вполне благосклонно принято мадемуазель Элен. Правда улыбочка у нее на лице играла, какая-то странная. Ну да какая разница?

Заметки на полях:

Вот так я и познакомилась с графом. Что я могу о нем сказать? До крайности самоуверенный тип, абсолютно уверенный в своей исключительности и праве решать как и чем должны жить все остальные люди. Но как не странно, это ему идет. Кроме того, Аркадий трпеть не может признаваться в собственных ошибках, всячески их маскируя и нивелируя. При чтении отрывка, у неискушенного читателя может создаться неверное впечатление легкости получения обломка духа. Это отнюдь не так. Граф тогда был крайне неопытен в магических вопросах, и даже при такой простейшей процедуре как разделение, ухитрился совершить сразу несколько серьезных ошибок. Из-за одной из них я едва не задохнулась от сильнейшей вони. Знаете, в последствии я немело занималась этими вопросами, но нигде и никогда больше разделение не сопровождалось запахом перекишенного дерьма.

Впрочем, это все неважно... Главным качеством графа, являющимся одним из самых несомненных его достоинств, я хочу отметить надежность. Абсолютную надежность и уверенность в своей недостижимости ни для чего плохого, ни для каких, самых страшных врагов, которую испытываешь стоя за его спиной. Именно тогда, стоя на промозглом ветру Рижского ночного кладбища я и ощутила это впервые. И именно из-за этого чувства я и пошла за ним следом, а вовсе не из-за какого-то, будто бы присущего мне чувства авантюризма, что бы там Аркадий не говорил.

Глава вторая, в которой горят казино, стреляются бандиты, и обижаются нищие, а я начинаю кое-что понимать

Дом, милый дом... Конечно, не родовое поместье, но все же родное место. Вспоминаются шумные застолья, общество прекрасных дам... Красота! Вот только что произошло с домом за полтора с лишним века, что я провалялся в сырой и неудобной могиле? Если учесть, что похоронили меня на монастырском кладбище недалеко от города, а восстал я пусть и не в центре, но и далеко не на окраине Риги, — все что угодно.

Голова кругом идет от всех изменений, произошедших в мире. Везде ярчайшая иллюминация, экипажи без лошадей снуют как тараканы во все стороны, прямо хоть за тапок хватайся. Автомобили вроде бы, как говорит моя новая и пока единственная знакомая. Прежние то того... померли.

И люди какие-то странные, суетливые, несущиеся куда-то по своим загадочным делам. Такое впечатление, что все из мещан и прочего черного люда. Ну не вижу я в проходящих мимо того, что сразу выделяет аристократа в любой, самой огромной толпе. Один мне даже

на ногу наступил. Хотел было оплеухой наградить невежу, да мадемуазель заметила мой естественный душевный порыв и помешала проявить гнев праведный. Сказала, что если каждого хама по роже хлестать, рука от усталости отвалится.

Тут я с ней не согласен был прямо категорически, — у настоящего гусара, а тем более у меня, в моей нынешней кровососущей ипостаси, руки очень сильные, и ко всяческим нагрузкам весьма приспособленные. А вы бы господа, попробовали, по семь часов в день саблей махать, приемы фехтовальные отрабатывая, так и у вас бы мускулатура геркулесова появилась бы. Однако, увы, пришлось смириться, — в конце концов, обычаи этого мира Элен знала куда лучше меня. Видимо сейчас так модно, — наступать на ноги всем мимо проходящим, толкать их плечами, и идти дальше, даже не извинившись? Ну так я новую моду введу. Нельзя оплеуху, — ответим проклятьем! Ба, что, ножки подкосились? Не ходят? И ходить не будут, пока вежливости не научишься!

Заметив падение наглеца, Элен хищно улыбнулась и промолчала, подмигнув мне зеленым глазом. Вот интересно, и кто из нас после этого вампир? Насколько успел я характер новой своей знакомой понять, она для этого куда больше меня подходит. Да и одевается соответственно. Вся одежда — черного цвета, — теперь, немного взглянув, на то в каких нарядах сейчас принято ходить девушкам, я понял, что никакое это не нижнее белье, волосы черные, и даже губы накрашены черной помадой! Вот уж непонятно... Когда я спросил её о причинах такого выбора цветов, она лишь отмахнулась — Готичка я, — но потом, увидев мое недоумение, растолковала мне смысл сей странной моды.

Зато что мне тут нравится однозначно и без малейших сомнений — девичьи наряды. Не в пример более смелые и вызывающие. Глаза так и норовят разбежаться во все четыре стороны, не в силах охватить всех прелестниц, встречающихся на улицах ночного города. Я ведь по сути своей эстет, а значит не могу смотреть без живого, практического интереса на прекрасных дам. К тому же еще и гусар, а значит скромность никогда не входила в число моих недостатков. Скромники в нашем полку не задерживались, убегали в ужасе от шуточек наших, умоляя перевести их в любую другую часть. Слабаки-с...

А еще, Элен рассказывает совершенно невероятные, и непредставимые для честного гусара вещи. Вы представляете, господа, дуэли запретили! Совсем! И даже оружие носить запрещено! Воистину, народ в рабов превращают. Теперь, оказывается, коль сочтешь себя оскорбленным, так не секундантов засылать, а в суд бежать надобно! Это же курам на смех! Вы только представьте, если бы я, вместо того чтоб прострелить Кержанскому его наглую голову, потащил его в суд, взыскивать деньги за приставания к mademoiselle T., за которой я тогда ухаживал! Да меня же после такого сама же T. и засмеяла бы! На всю Европу бы опозорился. А так застрелил я его, и mademoiselle ко мне куда благосклонней отнеслась. Правда, в чине понизили, ну да то беда не велика. Гм... Опять я отвлекся. Нет, с этой привычкой дурной прекращать надобно! А то как бы до беды не довела. Вот, Элен уже теребит, все до меня дозваться пытается

— Долго мы еще будем по улицам блуждать? — язвительно шипела Элен. — Ты уснул, что ли? Где там твой бывший дом? Ау, очнись, преданье старины глубокой!

— Да рядом уже, почти пришли, — решил я не обращать внимания на некую грубоватость спутницы. Все-таки красивая дама, да и умная. За такое сочетание достоинств можно и не столь критично относиться к более мелким недостаткам. — Вот костел стоит, значит через сотню метров и мой дом будет.

— Дом? Не, там из старых строений только это, не то казино, не то клуб ночной, — отмахнулась она. — Роскошное заведение, дорогое... Ни разу не была, а хотелось бы.

Потом, все потом. Сейчас мне надо добраться до дома и хорошенько пошарить в подвале — есть там одна захоронка. Зачем делал? Сам затрудняюсь ответить, скорее всего память предков проснулась, которые с дружинами псковскими, германские да ливонские земли зорить ходили. Ну а добычу полученную прятали, поскольку не всегда это с одобрения великокняжеского происходило.

О, вот и дом мой! Изменился, но узнать все равно можно. Только что это с ним такое?

Огоньки разноцветные над входом мигают, экипажи, автомобилями прозываемые, в большом числе поблизости расставлены. Ах да, и надпись буквами, золотом переливающимися на языке аглицком — Eldorado.

Так это что, из дома моего, заведение игорное сделали? Впрочем, учитывая мои склонности, было бы сложно ожидать чего иного. Карты, вино, женщины — без них гусар не гусар, а так, место пустое. Не спорю, иногда любовь к картам или вину может отсутствовать, но к прекрасному полу привязанность, тогда феноменальную силу приобретает. Интересно, а бордель внутри игорного дома есть? Наверняка есть! Как же, игорный дом, да без барышень? Быть такого не может! Проигравшемуся вина поднести, да чтоб девочка хорошая в келейке утешила ласковостно. А иначе ведь и до пули в лоб недалеко... Бывали, бывали случаи.

Нет, заведение игорное, это они неплохо устроили, гораздо более грустно было бы увидеть в моей обители бывшей больницу какую-нибудь, дом призрения, или еще что-нибудь вроде этого.

— Ну, что, Элен, пойдем? Сегодня твое желание побывать здесь исполнится!

— Класс! — радостно выпалила она, чмокнув меня в щеку. Ну ты прямо дед Мороз, только без бороды, стройный и клыкастенький. — добавила она отстранившись. — А денег хватит? Могут ведь и не пустить!

— Нет того места, куда бы не пустили гусарского офицера! А если и найдется место такое, то сей недостаток устранен будет, путем полного места того разрушением. — Слегка высокопарно, но истинную правду ответил я, припомнив, как один женский монастырь в предместьях Парижа отказался пустить нас на постой.

Что же до денег, то они у меня есть... некоторое количество. Трофеи, так сказать. Но особенно мне понравился пистолет, способный выстрелить целых восемь раз, да и перезарядка занимает всего пару секунд вместо привычной полуминуты.

Признаться, с моими новыми умениями пистолет особо и не нужен, но для дворянина показаться в обществе без оружия просто невыносимо. Жаль, что тут шпаги уже не носят, жаль... Однако и на сей счет есть у меня некоторые идеи. А пока что пора посетить свой бывший дом, совместить, так сказать, полезное с полезным, да еще приятного добавить.

Служитель у входа залопотал что-то непонятное на уже успевшем изрядно надоесть чухонском диалекте, вызывая у меня приступ легкого раздражения. Надо же, Рига уже не есть часть России, вот так фокус... Ну да ничего удивительного, все эти господа издревле сильно своим поведением напоминали потасканную полковую шлюху с ее манерой подстелиться под того, кто поближе будет и с монетами в кармане. Причем, во время очередных захватов, они даже не пытались оказывать сопротивления! Нет уж, правильно Элен сказала — не стоит тащить такое обратно в Россию. Помню в Санкт-Петербурге, был я в кунсткамере, где в банках со спиртом уродцы разные плавают. Так-то уроды телесные, а если душ уродство? Где столько банок набрать?

— Что ты мне по-иностранному глаголешь, чудо непонятное? Изволь русским языком пользоваться.

— Не понимать русски...

Врет, собака, по глазам вижу, что врет. Примерно такое выражение наблюдалось у приказчика в нашем имении, когда он докладывал о финансовых делах вверенного ему хозяйства. В таких случаях батюшка вздыхал, брал со стены плетку и пару раз несильно, порядка ради, проходил по спине плута. И волшебным образом оказывалось, что доход с хозяйства заметно увеличивался, иногда и наполовину.

Тут, конечно, плетки нет, да слугу чужого дворянину бить не пристало. Явно ведь приказ выполняет. Если уж прикладывать свою тяжелую руку, то к хозяину сего заведения. А вот проверить, действительно ли сей человек «не понимать» мой родной язык можно и даже нужно. Заодно и позабавимся. Вынув из кармана ассигнацию крупного достоинства, я продемонстрировал ее испытуемому, после чего поинтересовался:

— Хочешь?

— Хочу! — последовал незамедлительный ответ на чистейшем русском.

— Надо же, заговорил! Неизвестный доселе язык изучен во мгновение ока. Вот что ассигнация животворящая с подобными людьми делает.

— Держи, заслужил. А теперь, раз ты вновь заговорил на русском языке, укажи место, где здесь можно выпить чего-нибудь приличного, а заодно и в картишки сыграть.

— Пошли скорей, я и так все знаю, — потянула меня за рукав Элен.

Ладно, спорить не буду, в конце концов, я действительно несколько отстал от событий и новых веяний, произошедших за длительное время моего отсутствия.

Перво-наперво, спутница моя изъела большую часть средств и обменяла их на какие-то «фишки». А, все ясно, для удобства ставок. Ну хорошо, пора немного поиздеваться над местными игроками, тем более что новые возможности вполне позволяют.

Так, и что же мы имеем в наличии. О, рулетка! Крутится себе по кругу костяной шарик, а потом выпадает в одни из секторов. Кто угадал, тому денежка, а нет — денежка уходит в загребушие лапки владельцев сего заведения. Был у меня знакомый один, капитан Конной артиллерии, так он за бутылочкой вина цимлянского говорил, что игорное заведение в принципе не может проиграть. Какие-то расчеты карандашом прямо на столе делал, но их я особенно запоминать и не стремился. Зато поверил сразу и безоговорочно. И не в благородстве и чести офицера дело — человек и ошибиться может... Просто в этой самой математике он соображал так же, как я в бою на саблях, а на саблях мне мало кто в противники годится. Лучший фехтовальщик Ахтырского полка, это вам не филей телячий. Мне сам Денис Васильевич, две из трех схваток проигрывать изволил. А уж на что рубака был! Самого Буонапартия, с партизанами своими как-то раз едва не достал

К чему это я? Да к тому, что раз игорное заведение непременно выигрывает при любом раскладе, то это как-то идет вразрез с правилами приличия. Обман-с, господа! По сути своей то же самое, что передергивание карты или игральные кости, свинцом в нужном месте залитые. А шулеров у нас в полку не любили. Вернее любили, но очень странною любовью...

Тех, кто по положению своему был того достоин, потчевали кулаком в зубы или плетью по морде, после чего вызывали на дуэль. Если же вызов не был принят (а случалось и такое), то, не марая больше рук о подобную пакость, вышвыривали из общества добротным пинком под зад. Пинок же подкованным сапогом, доложу я вам, последствия имеет очень серьезные. Сидеть прочувствовавший подобное не мог долго! Сидеть прочувствовавший подобное не мог долго!

Вот и тут та же картина. Только поскольку жульничать изволят не отдельный индивид, а целое заведение, то и ответный ход должен быть более изыщен, чем простое мордобитие. Нобилесс облич, положение обязывает... А что может быть для хозяина игорного дома более чувствительно, нежели серьезные проблемы, убытком именуемые? То-то и оно! Да и нам деньги пригодятся.

— А теперь смотри, Элен, и ты увидишь забавное зрелище — истерику сомнительных персон, что только и могут стоять во главе подобных заведений, — шепнул я ей на ушко, увлекая к рулетке, за которой, как заметил, делались наиболее высокие ставки.

Вж-жик. Пущенный рукой крупье шарик понесся по кругу, готовясь принести сидящим за столом ложную надежду и иллюзорную радость от возможного выигрыша. Возможного, потому как выигрыш этот вновь поставлен будет на кон и уйдет в доход казино.

— Ставь, — предлагаю я своей спутнице. — Ставь на любой номер, тебе сегодня непременно повезет.

— Если, конечно, благородный граф поддержит мой выбор своей бесспорной, воистину нечеловеческой удачей...

Интересно, чего это она меня по титулу именовать вздумала? Не иначе, как принято здесь так. Надо же, стоило только в казино это войти, как сразу переменилась. Глаза горят, спинку выпрямила, осанка — куда там королеве! Нет, явно у неё в предках дворяне были, что бы она мне там про революцию и не рассказывала.

А шутку — ценю. Весьма тонкий намек получился. Отлично понимает стервочка, природу неизбежной «удачи» в игре. Но права она полностью — повлиять на маленький

белый шарик легко и вполне реально. Между тем изящная, с выкрашенными в черный цвет ногтями рука Элен переместила несколько фишек на цифру 13, окрашенную в красный цвет. Многие считают число 13 несчастливым, но не я и уж точно не она. А сейчас это будет доказано самым наглядным образом.

Управление предметами на расстоянии — вещь для вампира совершенно пустяшная. Единственная сложность, да и то небольшая, заключалась в том, что маленький шарик мыслию ухватить было затруднительно. Но я все же справился. А уж коли ухватил, то все остальное и вовсе проблем не представляет.

— Тринадцать, красное, — раздался голос крупье и к Элен придвинули первый выигрыш.

Один выигрыш это так, случайность мимолетная и не более того, а вот выигрыша четыре подряд — совсем другое дело. Именно это и произошло, заставив крупье заметно побледнеть, и занервничать. К тому же вокруг стола выросли трое добрых молодцев с далеко не добрым выражением лиц. Ну-ну, судари мои... Похоже, что отсюда не слишком принято уходить с выигрышем. Моветон, однако, со стороны хозяина. Ну ничего, он за это еще заплатит, причем в самом прямом смысле слова. А пока — немного снимем напряжение, пусть успокоятся.

Подмигнув Элен, я временно отпустил контроль за ситуацией... Естественно, несколько проигрышей вызвали облегчение у крупье и исчезновение возникших было звероподобных личностей. Временное исчезновение, я так думаю.

— Ма шер, вам не прискучила рулетка? Не хотите ли выпить вина, да по сему заведению прогуляться, посмотреть, что и как?. Больно уж интересные места тут есть, как мне кажется. — Я вновь подмигнул девушке.

Элен, ни секунды не сомневаясь, поднялась из кресла, оперлась на подставленную по всем правилам хорошего тона руку, и последовали мы в ту сторону, где вина разные подавались. Теперь это баром именовалось... Нет, точно надо в действии Поцелуй Истины опробовать, ой как надо!

В баре было скажем так, для меня несколько непривычно. Шумно чересчур... Никакого у здешних обитателей чувства приличия нет, право слово. Орут, непотребными словами ругаются, на барышень от заведения обращают больно уж грубое внимание. Прав я был, когда о борделе подумал. Однако с поведением посетителей не согласен категорически. Я понимаю, барышням этим далеко до благородным дам, но и к ним хоть толику уважения иметь надо. Хватать же за все прелести, прикрытые еще более скудно, чем у Элен, да еще и ассигнации туда засовывать... Грубость подобная лишь мужичью разбойному пристала, но никак не высшему свету, а ведь, по словам Элен именно его представители здесь и находились.

— Мафиози местные, — сказала Элен, обратив внимание на мое пристальное внимание к происходящему. — Ну эти, разбойники, но более крупные, их сейчас не арестовывают. Вроде пиратов на Тортуге.¹ Но твари те еще!

Как же так? Ведь она совсем недавно мне про высший свет говорила? Впрочем, верю на слово. Их поведение прямое тому подтверждение. Но уходить из этого бара не следует, потому как неподалеку от слуги, напитки разливающего, есть такая дверца, что непременно ведет в подвал. Ну а там и находятся захоронки, которые оставлять никак нельзя.

— Поскучаешь тут немного?

— Да не вопрос, — пожала плечами Элен. — Что-то случилось или просто нужно куда отойти?

— Вещи некоторые в те времена еще оставил, забрать нужно. А дверь вроде вот, за спиной у слуги просматривается.

— Тогда понятно. Иди уж, ищи свои семейные реликвии...

¹ *Тортуга* — французский остров, где вполне легально обитали пиратские корабли.

Хорошая спутница мне попалась — понимающая, рассудительная, правда язвительная и взбалмошная. Впрочем, другое время, другие нравы. Пока же мне необходимо попасть в искомое место. Поймав взгляд слуги, я слегка сосредоточился и вот его глаза потускнели, превратившись в пустые, ничего не выражающие плоскости. Подавить волю человека, не обладающего внутренней силой — дело для вампира пустяковое, для этого никаких особых чар не требуется.

К тому же я всегда замечал, что когда лицо с текущей в жилах благородной кровью смотрело на какого-то крепостного, то последний цепенел, словно птичка перед змеей. А коли нет, то подобного человека по любому поднимали вверх, благо подобными людьми дорожить надо, что еще Петр Великий заметил...

Опять отвлекся! Да что это за проклятие такое! А если такое в бою приключится? Так ведь и без головы остаться можно! Ну да ладно...

Полностью покорный моей воле слуга открыл дверь, да еще и в поклоне согнулся, пропуская меня туда. Вот и лестница узкая, ведущая вниз, на этаж подвальный. В старое время там винный погреб был, ну а сейчас уж и гадать не осмеливаюсь, во что его превратить додумались. Спускаясь по ступеням, я на всякий случай был готов ко всему, но прежде чем удалось добраться до цели, путь преградила дверь из блестящего металла.

Стучать? Помилосердствуйте! Как-никак это мой собственный дом, а значит подобное как-то и не к лицу. Тогда пройдем без стука. Положа ладонь на замок, я внутренним взором без труда проникнул сквозь лист стали и понял, что в данный момент для открытия нужно повернуть лишь небольшой рычажок. С другой стороны, но разве это проблема? Щелчок и дверь распахивается перед настоящим хозяином дома. Интересное, однако, помещение открывается передо мной. По дороге от кладбища Элен уже успела рассказать кое-что об изменениях в окружающем мире, так что эти «телевизоры» не были чем-то вовсе незнакомым. Но тут их столь много, да еще показывают нечто подозрительно похожее на все помещения моего дома. Пусть большая часть выглядит несколько незнакомо, но тем не менее...

О, да ведь на постоянно меняющихся картинках изображено то, что происходит в настоящий момент. Вот и помещение бара, где находится Элен. Немного приглядевшись, можно различить и ее, сидящую у стойки и вертящую в руке высокий бокал. Ну да все это, конечно, забавно, но я тут не за этим. Тайничок тут, чую его, чую! Точнее говоря не сам тайник, а предметы, в нем спрятанные.

Ох, да тут оказывается человек сидит? А я, магией увлекшись, его и не заметил совсем. Хорошо, что он тоже, на телевизоры свои пялится, и на меня внимания не обращает. Ну-с, обойдемся без магии. Языков брать у меня в свое время знатно получалось, а тут и брать никого не надо. Тюкнул рукояткой пистолета по темечку, да посадил на место. Пушай сидит, болезный. Что? Почему болезный? Так гусар я, и рука у меня тяжелая!

Мда... А перестроили тут однако презрительно. Без магии все же не обойтись. Чтобы добраться до тайничка, пришлось слегка ударить силовой волной по нужному участку стены. С тихим шелестом на пол осыпалась каменная крошка, зато проступила стена в своем привычном виде, такая, какой я её помнил, пусть и несколько подпорченная. Увы, я еще не всегда умею контролировать мощь удара, ошибаясь иногда. А что вы хотите, недавно я еще в вампирском состоянии пребываю, (если конечно могильных полутора лет не считать). Ну да это дело поправимое, потренируюсь малость на не слишком ценных объектах... Их вокруг много бродит.

Но пока вскрытием тайника займусь. Интересно, работает ли еще механизм, его отпирающий, спустя столько лет? Мастер, что его мне делал, клялся и божился, что не сыскать надежней. Я ему верю конечно, из самой Тулы умельца выписывал, а все же полторы сотни лет прошло.

Так, сначала нажимаем на кирпич, чуточку отличающийся размером от других, потом на другой, что находится на два ниже... Затем третий, на четыре ряда вверх, и вновь на тот, с которого и начиналось. Скрип и часть стены отодвигается, открывая доступ к захоронке. Не

подвел мастер!

Перехвалил однако. Отодвигается лишь частично, все же времени прошло многовато. Ничего, мы сейчас ее вручную откроем до нужного градуса. Это в прежние времена пришлось бы на помощь людишек с ломом звать, а нынче и один спокойно справлюсь. Рывок и участок стены окончательно отодвигается, издавая протестующий визг своими заржавевшими механизмами.

Вот и оно... Все в целостности и сохранности, ничего не исчезло. Для начала не столь уж нынче важное — мешочек с золотыми империями. Однако, золото лишним точно не будет, мир вокруг может измениться сколь угодно сильно, но страсть многих рода человеческого к желтому металлу останется вечной. Хм, а ведь я уже потихоньку начинаю отделять себя от них. Забавно, надо будет как следует обдумать на досуге. Парочка пистолетов может остаться в тайнике и дальше — совершенно нынче бесполезные вещи, да и тогда, до моего «изменения», были предназначены для единственной цели. В случае, если бы заставили открыть тайник, они ой как пригодились бы для раздробления парочки особо надоедливых голов.

Хотя нет, лучше возьму с собой. Будет мне память, да и жалко тут бросать. Лепажевской работы пистолет, на тридцать шагов бьет без промаха. Надо будет один Элен подарить, в этом странном мире должно ж у неё быть хоть какое-то оружие. Да и если пули зачаровывать, то к такому пистолету боеприпас куда удобственней готовить, нежели к той малютке, что у меня сейчас в кармане обретаётся. Только вот куда бы их положить? Да за пояс засунуть, и все дела. И мороком сверху прикрыть, чтоб не заметили чего. Ну-с, что там у нас дальше?

Покончив с сугубо обыденными вещами, я перешел к тому, из-за чего собственно и затеял свой нынешний визит — к предметам, доставшимся «в наследство» от мадам Сангрени. Их было совсем немного, зато каждый стоил сотни мешочков с золотом, да и то вряд ли нашёлся идиот, который бы продал их, зная о содержащейся в них магической силе.

Небольшая книжечка в переплете из змеиной кожи — краткое собрание заклятий и магических ритуалов, пригодных для использования даже тем, кто только начал свой путь. Пусть я и так помню почти все там написанное, но все равно — ценность не поддается описанию. Колечко, более напоминающее шипованный разбойничий кастет, которое можно одеть лишь на два пальца сразу. Великолепная вещь для вразумления всяческих призраков и прочих существ, не имеющих материального обличья. Создано из какого-то сплава серебра, а внутри заложен целый комплекс чар, сущность коих мне понять покамест не удалось. зато пользоваться довольно легко, что не может не радовать. Сразу одену, тем более что свалиться данное украшение без воли хозяина в принципе не способно.

И последнее приобретение, ценность которого довольно условна... Хрустальная пирамидка на цепочке, сама по себе не дающая владельцу ничего. Зато с ее помощью можно проникнуть в какое-то место, где полтора века назад обитал знакомый Сангрени — тоже вампир, разумеется, да к тому же очень древний. Она как-то упоминала, что он знает многое, очень многое и никогда не отказывал тем, кто приходил к нему с какими-либо вопросами. Вот только и плату брал, хоть и не деньгами. Каждый, воспользовавшийся его услугами, давал обещание, что в случае необходимости исполнит одну просьбу, какая бы она ни была. единственное исключение — деяние, идущее вразрез с честью. Ну а пирамидка является ключом, без которого просто невозможно проникнуть в обитель этого загадочного вампира.

Закончив с доставшимся наследством, пролежавшим без дела столько же, сколько я в могиле, я решительно вернул стену в исходное положение. Ну а теперь можно и к развлечениям вернуться. Не удержавшись, я еще раз скользнул взглядом по картинкам, демонстрирующим происходящее, и пулей метнулся на выход. Дело в том, что к Элен явно не с безобидными намерениями подошла группка из троих клиентов сего не слишком respectable заведения. Ну а как эти хамы, обращаются с девушками, я успел понять и за немного проведенное тут время.

Однако, успел я вовремя — эти пьяные мужланы только еще куражились, пытаюсь соблазнить мою спутницу своим обществом. Интересно чем? Густой запах перегара, небритые рожи без всяких признаков умственного развития да неумение произнести хотя бы пару— тройку предложений, без использования слов, которые в дамском обществе произносить как раз таки совершенно невместно? Да еще и по отношению к даме... К моей даме!!! Кержанский получил пулю в лоб за куда меньшее! Впрочем, он все же был благородным человеком. А эти полуживотные... Вот к чему приводит запрет на дуэли! Сколько погани расплодилось.

Впрочем, Элен с ее острым язычком за словом в карман не лезла, ошарашив их длинной и заковыристой фразой, где предлагала использовать для удовлетворения интимных нужд свежепойманную в лесах Африки обезьяну. Мотивировалось это тем, что все трое очень похожи на виденную ей в цирке хвостатую макаку с красной задницей... А что, действительно, есть что-то общее, особенно если внимательно присмотреться.

— Да ты че, шлюха русская? — вскинулся один из троицы, особенно нецензурного вида, произнося слова с медленным и тягучим чухонским акцентом. — На тебя сам Риус внимание обратил! Денег хочешь? Так на, я не жадный...

— Деньги, — Элен ухмыляется столь цинично, что я просто пришел в восторг, и даже решился немного задержаться, чтобы досмотреть великолепный спектакль. Тем более что продолжение себя ждать не заставило.

— Да их и брать у такого как ты совестно. Говорят, убогим сам бог помогает. А на тебя, как видно, целый пантеон работал, деньги собирал, чтоб ты помыться, подстричься, да блох вывести смог. А ты? Как не стыдно! Вместо того чтоб благодарность вознести, да и сделать все в точности — может хоть на человека немного походить бы стал, — к девушкам пристаешь, деньги сулишь. Нет, я конечно все понимаю, за бесплатно у тебя и вовсе шансов не было бы, но и за деньги шансы не намного большие. Может тебе в какой южный порт обратиться стоит? Там, говорят, встречаются крайне небрезгливые проститутки? — Выслушав сию тираду, я едва не заплодировал этой черной язвочке. Нет, все же в изменении морали были и свои плюсы. Ну какая другая из моих знакомых дам могла бы выдать подобную тираду в ответ на приставания вконец охамевшего мужлана?

У объекта же издевательств, эти слова вызвали совершенно другую реакцию. Когда смысл оскорбления пробился сквозь явно аномально толстую черепную кость, — я мельком отметил, что доведись мне с ним дуэлировать, — целить надобно в сердце или шею. В лоб стрелять бесполезно, — пуля не пробьет. Так вот, когда до него дошел весь смысл сказанных Элен слов, он побагровел, натужился, мне даже показалась, что с ним сейчас удар приключится, но нет. С воплем — Ах ты ...! — он занес свою лапищу, с очевидным намерением рукоприкладство учинить в отношении Элен.

Нет, господа, вы как хотите, а дальше мне в стороне стоять невместно, ни дворянская, ни гусарская честь того мне не позволяют. Сам никогда руку на женщину не поднимал, (мадам Сангрени не в счет, она в первую очередь боец первостатейный) и Риусам всяким сего позволять не намерен! Так что, замах так и остался без продолжения, поскольку перехватил я его лапку шаловливую, да сжал хорошенько.

Да, то не досточки, то косточки хрустят! Двое дружков Риуса, видя, что тот находится в не самом благопристойном положении, кинулись было на мою персону. Один из них получил сжатой в кулак правой рукой в зубы. Перстень шипованного образца, вообще-то для духов и привидений обуздания предназначен, однако же и на местного бузотера, лицо сугубо материальное, неизгладимое впечатление произвел. В самом прямом смысле неизгладимое. Герб мой, что я на перстне выгравировать повелел, едва завладел им, теперь у него на роже на всю жизнь отпечатался!

Что же второго касаясь, то на него мне даже и отвлекаться не пришлось. — Элен испробовала на нем свой коронный прием, то есть огрела по голове. На сей раз, деревяшки

ей под руку не подвернулось, но эта, может быть и нежная, (хотя пока что-то не заметно), но уж явно не трепетная, леди, с успехом заменила её полупустой бутылкой вина.

Обиженно хрюкнув, жертва хрупких девичьих ручек рухнула на пол, да так там и осталась. Бывает. Мне частенько доводилось видеть на гусарских празднествах сраженных вином людей, но до сих пор я и не догадывался, насколько широко можно толковать выражение — вино в голову ударило.

Меж тем в противном вое Риуса вроде зазвучало нечто похожее на слова. Что ж, дадим возможность объясниться, вдруг болезный хочет принести глубочайшие, пусть и не вполне искренние, извинения прекрасной даме? Исходя из сей возможности, я и решил несколько ослабить хватку, а то ведь членораздельные слова плохо выходят.

— Слушаю вас, неуважаемый. Вы что-то сказать пытались?

— Зар-рою, тварь! И тебя и твою ... Но ее сначала сам во все дыры ..., а потом через дружков пропущу. Отпусти, ..., не жить тебе!

Пф-ф! До чего грубо, пошло и примитивно... Да к тому же столь прямая и явная угроза относительно дамы, чего я в принципе не позволяю. А зарывать меня не стоит, я только что из могилы вылез, и возвращаться туда не имею ни малейшего желания. Такого даже на дуэль вызывать нельзя, пристрелить, как собаку бешеную, и все. Хотя... Нет, не пристрелить. Даже такую тварь я, как вампир, могу с пользой использовать. Противно конечно, но уж лучше его, чем нормальных людей.

— Благодарю вас, мадмуазель, — поблагодарил я девушку. — Ваше умение столь эффективно и надежно умирять различных буйных особ заслуживает самой душевной похвалы. Надеюсь, угрозы этого хама не слишком раздражают?

— О нет. Только мне кажется, что ему никак не идет столь низкий голос. Рычать пытается, а по сути, писк комара над ухом. Может, исправите недоразумение, граф? — Интересно, все же, почему она так настойчиво на титуле акцентируется? Надо не забыть спросить на досуге.

— Каким образом? — слегка опешил я.

— А вот таким...

Остроносая туфелька врезалась промеж ног продолжавшего изрыгать угрозы Риуса с такой силой, что я не без любопытства взглянул на довольно хрупкую фигурку девушки. Однако! Впрочем, раздавшийся визг ну очень высоких тонов заставил поморщиться. Надо же так громко вопить, заглушая совсем не тихую музыку вокруг... Кстати, другие посетители и не думали вмешиваться, не то из робости, не то из привычки не лезть в те дела, которые непосредственно к ним не относятся. Оно для нас и лучше.

— Было бы время и скальпель, ох и отрезала бы я тебе все, что отрезается, — кровожадно высказалась Элен. — А потом или евнухом в гарем брунейского султана или в Ватикан, в папскую капеллу. Там таких хватает...

— У него другая судьба. Не получится у него ни гаремных красавиц охранять, ни стать признанным исполнителем гимнов божественных. Но одну услугу он мне еще окажет.

С этими словами я схватил продолжающего подвывать Риуса и потащил за дверь. Негоже исполнять задуманное на глазах у окружающих и все тут. Пришло время таки применить Поцелуй Истины, усвоить хотя бы часть знаний об окружающем мире. Прокушенная жила и кровь веселым потоком вливается внутрь моей вампирской сущности, но на сей раз ее задача не столь в утолении вечной жажды... Болезненный процесс, очень болезненный. Голову словно терзают раскаленными крючьями, но так и должно быть. Вместе с болью приходят и знания, вытянутые из крови жертвы.

Кровь кончилась, а вот головная боль даже и не думала униматься. Тьфу, еще и гадостный привкус во рту. Но это не из-за крови, а оттого, что мыться надо раз в день, а не пару раз в месяц... Как говорится, о покойных или ничего... или правду. И осталось от Риуса только тело, да и то совершенно бесполезное. Раньше сей индивид разлагался исключительно морально, ну а нынче и физически придется. Глуповат все-таки был покойный, удалось извлечь лишь самые общие представления о мире. Ну зато хоть вопрос с

графом для себя прояснил. Вот на что Элен намекала. Интересную книжицу мистер Стокер написал. Надо будет почитать на досуге...

Еще один труп на моем пути. Мысль скользнула небрежно, не вызвав никаких особенных эмоций. Но кое-какие догадки на сей счет уже были. Да, раньше я убивал, особенно на войне, но это было нечто другое, пусть отличие для многих и покажется слабоуловимым. Все-таки вампир создание отличное от человека, пусть и бывшее им ранее. Постепенно меняется психика, душа становится несколько иной и процесс сей, хоть и медленный, но совершенно естественный и неотвратимый. В моем же случае еще и длительное пребывание в могиле, за время коего с лихвой хватило досуга на множество разнообразных мыслей. Частью они были осознанные, ну а частью пролетели в виде мимолетных теней, но все равно оставили свой след.

Разве я в бытность свою дворянином, офицером, ставил себе ровней тех же крепостных, кто не мог и не хотел стремиться к вершинам? Рабы они и есть рабы. Ведь рабство — состояние души и никак иначе. Кто хотел, тот всегда находил способ избавиться от оков, да хоть на Дон, к казакам бежать, ну а коли такого стремления не возникало... Значит, те и были достойны лишь такой незавидной, но вполне приемлемой для них самих участи.

Ну а став вампиром — по сути своей бессмертным магическим созданием, я как бы получил новую возможность, открыл новые горизонты. Куда они ведут? А бес их разберет, но главное, что не придется стоять на месте! Нет, даже пребывание в гробу столь долгое время оказалось способным дать мне что-то новое, отличное от доступного ранее. К добру или нет? Не знаю. Но совета спрашивать поостерегусь. Хватит, был уже опыт, когда я пытался доверить свою судьбу другим! Кому как, а мне подобное ощущение крайне не понравилось. Еще на полтора-два года в могилу как-то не тянет.

Вновь вернувшись в бар, я закрыл за собой дверь и четко приказал все еще находящемуся под воздействием бармену (о, а вот уже и слова новые в голове всплывают спокойно, как там и были) не заходить в эту дверь, да и никого не пускать по мере возможности. Я же еще веселиться не закончил, почти что и не начинал!

— Ну что, ма шер, вернемся к забавам игорным, устроим незабываемый вечер здешним бизнесменам полукриминального толка?

— Ты...

— Немного магии и кое-что из сведений об этом времени стало мне доступно, — ответил я на так и успевший прозвучать вопрос. — Зато нынче чувствую себя зело комфортнее и увереннее. Прошу вас, мадемуазель.

Покидая бар, мы оставляли за собой два открыто лежавших бесчувственных тела и одно мертвое, но скрытое до поры до времени от глаз любопытных. Ничего, найдут, но и это может оказаться совсем не лишним и даже где-то полезным.

Знакомый стол, покрытый зеленым сукном, все так же крутится неутомимый шарик, вечно бегущий по кругу, разве что крупье другой. К лучшему, он ведь еще не видел нас и не в курсе относительно выигрыша, уже полученного. Ну что, начнем заново управлять маленьким белым шариком, от которого зависит прибыль сего малопочтенного заведения...

На сей раз, я сам принялся за дело, предоставив Элен роль зрительницы. Зачем? Просто чтобы остальные игроки не попытались следовать моему примеру и ставить на те же самые номера. А они пытались! Чтобы отвадить двух самых настырных, мне пришлось проиграть двадцать ставок подряд. Ну а потом вновь пошли выигрыши, чередуемые проигрышами, конечно же, преднамеренными. Крупье краснел, бледнел, зеленел... Казалось, он задался целью испробовать на своей шкуре все возможные цвета, существующие на свете. Только удовольствие от этого вряд ли наличествовало.

Стояли поблизости и массивные охранники, основной целью которых было не давать уйти особо удачливым игрокам и вернуть деньги обратно в доход казино. Однако, подобные «операции» всегда проводились на выходе, а не прямо за игорным столом. Как раз поэтому я периодически и посылал кого-либо из лакеев местных, дабы обменять часть фишек на

наличные деньги. А то ведь в случае особо бурного развития событий фишки менять — занятие долгое, нужное и малоинтересное...

О, кажется, намечается новый поворот. Смена крупье и вместо стремительно меняющего свой цвет неврастеника появляется флегматичный тип с тусклыми рыбьими глазами. Меняется тактика или сразу решили избавиться от всей стратегии? Скорее второе, остается лишь выяснить, как именно это произойдет.

Оказалось, довольно банальным образом. В очередной раз притягивая телекинетическим (О! Еще одно новое слово! Забавно...) образом шарик в нужный сектор рулетки, я обнаружил пусть слабое, но противодействие. Однако, никаких признаков магии не присутствовало. Хм, если не магия, то какой-то механизм типа магнита, другого объяснения нет и быть не может. Все, кончился один этап забавы и начался другой.

Неожиданно для всех окружающих наклоняюсь к продолжающей вертеться рулетке и вырываю ее с корнем. Хорошо быть вампиром. В бытность мою человеком, хоть и неслаб я был весьма, а все ж на подвиг такой сил у меня не хватило бы...

Ага, вот оно! На обратной стороне колеса приспособлено какое-то маленькое устройство, ритмично подмигивающее синим огоньком... По перекосившейся физиономии нового крупье становится ясно, что это и есть то самое, с помощью чего решили отделаться от очень уж удачливого игрока.

* * *

И что делать дальше будете, судари мои нехорошие, жулики вы мои профессиональные? Известно что! Нервы у них не железные, напряжены до предела чередой постоянных выигрышей странного клиента, вот и пришло им в голову самое простое и совершенно неверное в данном случае решение.

Один из охранников попытался было пройти по моей спине дубинкой, которая до этого мирно висела у него на поясе, но в его сторону полетела вырванная из гнезда рулетка... Тяжелый, однако, метательный снаряд получился. Зато эффективный, ибо унесло его, как сухой лист ветреной осенью... А там и второй получил от щедрот моих, рухнув на пол и держась за коленный сустав. Что поделать, удар сапогом в эту очень уязвимую точку быстр, малозаметен и надежно выводит противника из строя. Нужна лишь скорость, четкая координация движений и некоторый опыт. Все три фактора присутствовали, вот и результат получился приличный.

Элен, не особо отвлекаясь на происходящее, собирала лежащие перед ней пачки ассигнаций и укладывала их в свою сумочку. Сумочка была не так чтобы очень большая, ассигнации же занимали довольно приличный объем, поэтому задачка была не из простых. Впрочем, сумочка в конце концов проиграла целеустремленному напору и поместила в своих внутренностях весь выигрыш.

Меж тем, завсегдатаи казино, заметив происходящее, начали стремительно расходиться, явно не желая попадать под возможные удары. Гм... Кажется я здорово подпортил репутацию сего заведения.

— Засим разрешите откланяться, а также сообщить, что посещение вашего казино оставило у меня самые приятные впечатления, — обратился я к крупье, который спокойно и внимательно рассматривал всю сцену расправы над охранниками, не делая даже попытки вмешаться.

— Вам все равно не уйти, — наконец-то я услышал от него четкие и понятные слова. — Не буду скрывать, я подал сигнал, и вас встретят на выходе. Отдайте выигрыш — тогда вам удастся избежать многих серьезных проблем.

— А может наоборот, проблемы будут у тех, кто попытается нас задержать?

— И такое нельзя исключить, — спокойно кивнул «крупье». Что-то сильно уверенно он держится, для своего малозначительного положения. — Допускаю, что вы положите всех охранников, но дальше что? Вас будут искать и непременно найдут. Вы ведь не лоха какого

кинули, а уважаемых людей на деньги опустили. Найдут, я за базар отвечаю, в любом месте глобуса отыщут.

Вот здесь-то мне и пригодилась информация, полученная из крови покойного Риуса при помощи Поцелуя Истины. Не проводи я этот ритуал, так и стоял бы в изумлении, хлопая глазами от обилия вроде бы по отдельности почти понятных, но совершенно не укладывающихся в общую картину слов. Ну а сейчас все было довольно ясно. Бандиты... Это казино принадлежало им со всеми потрохами и они ну очень не любили, когда им доставляли какие-либо неприятности. Вот только мне, офицеру и дворянину, не раз под французскими пулями в атаку ходившему, как-то не с руки даже внимание обращать на угрозы, пусть и абсолютно искренние, столь неуважаемой прослойки общества, как воры и разбойники.

— Благодарю за предупреждение, но вынужден отклонить предложение. Да, а вы, сударь, совсем не похожи на крупье. Да и к жмудинам местным отношения имеете такое же, как я к аборигенам островов Полинезии.

— А я и не крупье... Я советник по разрешению конфликтных ситуаций господина Люриуса, владельца данного казино.

— Вот как? Ну что ж, господин советник. Вам стоило бы рекомендовать вашему хозяину смириться с проигрышем, и освободить дорогу. А то потом, как бы ему новых холопов искать не пришлось. Вас трогать не намереваюсь, а вот челядь бандитскую могу и серьезно обидеть — слово чести даю. Пошли, Элен.

— Как хотите. Я вас предупредил. Вы мне даже где-то симпатичны, молодой человек. — Рыбоглазый пожал плечами. — Жаль будет, когда вас убьют. Такая наглость встречается редко. Он демонстративно повернулся ко мне спиной, и неспешно направился к выходу.

Умный, черт. Приметил видно как-то, что в спину я не ударю...Ну да ладно. Я был уверен, что пакостей со стороны рыбоглазого ожидать не стоит — слишком осторожен для того, чтобы пытаться действовать своими руками без крайней на то необходимости. Да и не шибко верит, что способен я раскидать его свору. Видать много их меня ожидает. Ну что ж, позабавимся!

Спустились в вестибюль, и вот, наблюдаю вышеупомянутых. Мда, а челядинцы у местного Ваньки-каина² умом похоже не блещут.

В глазах — непробиваемая уверенность в своих силах, и не проблеска интеллекта. Только тупая уверенность, что одно их появление заставит всех разбежаться. Тяжелый случай. Будем лечить. Говорят, свинцовая пилюля, с прямым занесением в желудок, мозг, или сердце в таких случаях очень хорошо помогает. Вот и проверим, заодно и пистоль новый испытаю.

— Элен, встань-ка в этот уголок, а то сейчас тут палить будут.

— А ты? — обеспокоилась девушка, но просьбу, тем не менее, выполнила.

— Я — развлекаться. — Широкая улыбка, с намеренной демонстрацией клыков, напоминает моей спутнице, что подобная шваль в принципе не может представлять для меня опасности.

Гм, господа, кажется, вы опять меня неправильно поняли. Нет, я не кровожадный, я только учусь. Зато ученик из меня неплохой! И никакого урона чести в этом не вижу. В конце концов, я не собираюсь нападать на них первым! Но если нападут сами, то оставлять их в живых считаю просто негуманным по отношению к людям, которые не могут защитить себя так же эффективно как я. В конце концов, если десяток вооруженных громил нападают на одного, невооруженного (как они думают) человека, то тем самым они сами себя ставят

² **Ванька-Каин** — легендарный атаман разбойников, и первый русский мафиози, создавший воровскую империю более трех лет державшую в страхе всю Москву. Закончилось все грандиозным пожаром в 1748 году, введением в Москву войск, и специальной комиссией под командованием генерал-майора Ушакова, который его и изобличил. Годы жизни: 1718 — после 1756 гг.

вне законов чести, и человеческого отношения не заслуживают. Проще говоря, пристрелить их надо, как собак бешенных, и это моя прямая обязанность, ибо еще при поступлении в корпус кадетский, клятву людей мирных от супостатов разнообразных защищать приносил я. Ни разу в жизни от клятвы этой не отступал, и сейчас не собираюсь!

Однако, напасть первым правила чести не позволяют. Вдруг, они еще одуматься могут? Вряд ли, конечно, но тем не менее... Что же делать? Если я выйду сейчас и вежливо попрошу освободить дорогу и не мешать клиентам казино, уходящим вместе с выигрышем... Сомнительно, что эти милые мордашки вежливо проводят к выходу, да еще и руками помажут, прощаясь с человеком, уносящим с собой очень приличную сумму.

Самому под пули подставляться, тоже никакого резона нет, — не смертельно, зато весьма неприятно, да к тому же меткое попадание в голову способно причинить вампиру существенные неприятности. Да и демонстрировать свое положение столь явно, за крайне дурной тон во всем сообществе мистическом почитается, так по крайней мере мне Сангрени говаривала. Так что, придется опять к магии прибегнуть. Ограничусь формой иллюзорной, а сам в то время буду несколько в стороне держаться. Так оно лучше всего будет. Промахи их на косорукость наверняка спишут.

Чуток сосредоточимся, подкрепим концентрацию коротким заклятием и вот — сам я исчезаю (банальный отвод глаз, но и этого для сих лакеев разбойничьих хватит), зато рядом появляется точная копия. Иллюзия, дотрагиваться не советую — рука пройдет сквозь сей фантом, не встретив ни малейшего сопротивления.

Иду вперед, а рядом и фантом топает. Беззвучно, само собой, но вряд ли встречающая компания настолько сообразительна, чтобы понять забавную штуку — звуки шагов доносятся немного не с того места, где находится приближающийся к ним «человек». Заметили, стволы оружейные в сторону нужную развернули, вот-вот и палить начнут... Тяжелый случай крайней агрессивности. А мы сначала побеседуем, вдруг да и вспомнят они о правилах приличия? Сомнительно, конечно, но иногда и не такие чудеса происходят.

— И что же вы, брава молодцы здесь, посреди города, с ружьями наперевес делаете? Али враг, какой напал, а мне о том и неведомо? Только зачем же тогда в мою сторону дула-то выставили? Мне идти надо, уж пропустите на выход, душевно просим...

Коли можно было бы слышать, как работают мозги, то сейчас в вестибюле раздавался бы натужный скрип и скрежет. Не привыкшие думать, головы сих живых приложений к оружию находились в несколько позабытой ситуации. Стоит себе человек, один, без оружия в руках — и, совершенно не боясь, говорит нечто сложное для их примитивного разума. Даже неясно становится — сразу стрелять или погодить, пока более четкого приказа не поступит.

Наконец, один из них сложил в голове два и два, и поспешил озвучить полученный результат использовав новомодный жаргон.

— Бабки гони, кидала г...! А то завалим с..., твякнуть не успеешь!

Ну вот скажите, господа, разве я в чем-то напоминаю собачью самку? Что? Клыки? Да вы что, совершенно другое строение! Впрочем, не будем вдаваться в анатомию. Почему они это используют как оскорбление? Промежду прочим, была у меня в юности одна борзая. Вместе со мной выросла, только с ней я и охотился. Так ведь в десять раз умнее и полезней всех этих отбросов рода человеческого была! И погибла с честью.

Я её не на псарне держал, свободно вокруг поместья бегать позволял, знал, не сбежит, да и украсть её ни у кого бы не получилось. Вот она и бегала всюду. В деревеньку, что по соседству располагалась, забегала частенько, там с девчонкой какой-то из смердов подружилась, в лес вместе с ней, по грибы-ягоды ходила, провожала значит. А был у нас сосед, Троегуб фамилия значит... Дрянной я вам скажу, человечиска был. Очень уж любил крестьянок совсем молоденьких к себе в постель затаскивать. Причем не добром и ласкою, а наоборот, нравилось ему, чтоб от боли кричали да сопротивлялись побольше. И поместье-то у него небольшое было, да вот беда, с нашим лесом его уголья граничили. Ну и зашли девчонка та с Ветреной моей, не заметив, на его уголья. Одна — малая, другая собака. То не

страшно, — много ли они ягод там соберут, не обеднял бы чай... Но как на беду, Троегуб как раз там с охоты возвращался... Заметил — и в крик... — Леса мои травишь! — Это девчонке-то, с лукошком, которой едва десяток лет исполнилось! — А он уже и наказание придумал, заголять её стал...

Тут Ветерок и бросилась. До того никогда на людей не кидалась, даже когда племянник мой троюродный, двухгодовалый, её на манер лошади оседлал, и за уши, как за уздечку погонять начал. Пищала, повизгивала, вырывалась, но не кусалась. А тут — кинулась, как на кабана злобного. Он за пистоль схватился. Попал, да только не отступилась Ветреная. Вцепилась, и давай его драть. Покуда боролись, девчонка и убежать успела, сразу ко мне в поместье бросилась, все рассказала. А следом и Троегуб явился, с претензией. Тело Ветреной моей, привез, в доказательство. Тогда-то у меня первая дуэль и приключилась... Пристрелил я его, как он мою собаку. Специально, в живот целил, чтоб помучался напоследок, скотина! А Ветреную похоронил в парке... Девчонка эта, долго на могилу её приходила, цветы таскала...

К чему я это? А к тому, господа, что иные собаки, иных людей, куда как лучше будут. Однако оскорбление спускать мы, гусары непривычны... Но все же, первым стрелять я не стал. Просто вежливо порекомендовал незаконнорожденному отпрыску престарелой плешивой гиены и гунявого осла прогуляться до уборной и тщательно вымыть рот при помощи ароматного мыла, дабы не отравлять воздух столь отвратительным запахом, коий у него изо рта выходит.

Это и послужило спусковым крючком для их рефлексов. Один, самый, по-видимому, резвый, нажал на спуск и пистолет в его руке дернулся, посылая пулю в «тело» фантома.

Нехорошо стрелять в человека, который мало того что безоружен, так еще и ничего плохого тебе не сделал. Говорить эти слова, что метать бисер перед свиньями, а вот поучить следует. Применять магию против таких слабосильных в моем нынешнем состоянии противников даже не стоило, обойдутся и простейшими средствами грубой материальной формы. Устрою-ка я тут тир со стрельбой по подвижным мишеням из нового для себя оружия — многозарядного пистолета. Достану свой кладбищенский трофей, передергиваю затвор, досылая патрон в ствол (спасибо Элен за краткое пояснение принципов работы) и ответный выстрел проделывает в голове стрелявшего аккуратное маленькое отверстие посреди лба.

Да, в руке фантома также появился пистолет, пусть и совершенно безвредный — надо же дать возможность бравым парням пострелять теперь и в вооруженного противника. Пусть порезвятся... напоследок. К пистолетным выстрелам примешиваются более громкие винтовочные, а вот и заполошный треск нового достижения мысли оружейной, что автоматом именуется. Ну а как им не стрелять, ведь один их дружок на полу валяется с дыркой в голове и видно, что тут не доктор, а только лишь гробовщик потребен. А у меня в обойме еще семь пуль имеется, а причин жалеть разбойничков — ровно на семь меньше. Семь минус семь — в итоге получаем ноль. Нет причин для жалости и все тут!

Балбесы... Не понимают, а точнее даже не пытаются понять, что пули поражают их совсем с другого места, нежели они могли выделывать из пистолета фантома, да и звук тоже с другой стороны идет. Увы, недостаточно ума и умения, дабы воспользоваться сей не очевидной, но все же подсказкой. А раз так, то и говорить не о чем.

Тир закончился. Произведено семь выстрелов, на полу валяются семь трупов. Еще одна пуля в стволе осталась. Впрочем, пистолет можно и выбросить, — зачем он нужен без боеприпасов? Возьму взамен что-нибудь другое, благо выбор теперь довольно богатый. Да и Элен может чего хорошего посоветует. До чего же развито у нее любопытство, едва отзвучало эхо выстрелов так она тут как тут. Убираем фантом заодно с избирательной невидимостью и вот он я, в своем обычном виде.

— Уходить отсюда пора, — с ходу заявила девушка. — Выстрелы больно громкие, наверняка полицию уже вызвали.

— Сейчас и уйдем, только вот оружие возьму — грех оставлять такие хорошие вещи.

Мои руки сами потянулись к маленькому, компактному автомату, что лежал на полу, выпав из рук одного из мертвецов. Заодно я извлек из-за пояса бывшего владельца парочку запасных магазинов, ведь сие оружие пожирает боезапас пожирать должно со скоростью огромной.

Элен меж тем тоже времени даром не теряла, разжившись где-то довольно вместительной сумкой, куда сейчас и складировала оружие относительно небольших габаритов. Малость подумав, я отправил туда приглянувшийся мне автомат, а сам ограничился пистолетом, который и заткнул за ремень.

Перекинув издавшую возмущенный лязг сумку через плечо, я направился к выходу, но на полпути остановился... Не след привлекать излишнее к себе внимание, ой не след! Тем более коли можешь уйти тихо и незаметно.

— Элен, подойди ко мне, — попросил я, и спустя пару секунд добавил. — сейчас я сделаю так, что нас просто никто не заметит, если только этот некто не имеет отношения к магии.

Привычная уже операция и вот нас не в состоянии заметить какая-то там полиция, да и прочие излишне любопытствующие. Можно и уходить. Разве только... Поперек души стоит тот факт, что мой дом превратился в нечто непотребное, то есть место обитания весьма неуважаемых людей. Огонь. Тот самый, который способен отчистить любую грязь и на месте пепла вполне реально возникновение нового, более достойного. Жаль, что вампирам недоступна огненная магия, как и вообще любая, имеющая прямое отношение к стихиям. Но всегда можно найти обходной путь.

Пусть давно, но я жил здесь, а значит это место было мне не чужим. Ну а такой случай предусматривает более широкие возможности для магии, особенно вампирической. Я позвал его, и дом откликнулся, с искренней радостью ткнулся в сознание, словно преданный пес, надолго разлученный с хозяином, и вот наконец-то вновь его встретивший. Да, похоже, бывшие после меня владельцы так и не смогли вызвать симпатию у дома. Он был готов к любым услугам, и я со вздохом отдал ему последний приказ: — Пора освободиться, друг. Довольно ты служил людям. — И словно артиллерийский офицер на редуте Бородина скомандовал — Огонь!

Дом словно вздохнул. Невидимое, вмурованное в стены добавление, которого не было в мое время — тонкая паутина металлических жил, по которым текла своеобразная энергия, пусть и сугубо материального плана, на мгновение прекратила свою работу. Электричество... Способно освещать, но также убивать и жечь. Неизвестное мне доселе явление. Но дом прекрасно знал, как с ним управляться. Жечь! Не вижу, но чувствую по всему дому вспышки, гаснущее освещение, но тут же возникающее пламя. Сначала оно робкое, осторожными касаниями огненных лепестков ощупывающее пространство в поисках пищи, ну а потом постепенно набирающее силу.

Прощай, бывший дом. Не хотелось так поступать с тобой, но лучше уж пепел, чем оказавшийся тут бандитский притон. Да ты и сам был не против, иначе не подчинился бы моему приказу с такой готовностью и охотой.

Стоя вместе с Элен в некотором отдалении, я наблюдал за разгорающимся пламенем. Неожиданно было прорезавшаяся меланхолия, вновь сменялась привычной призмой черного юмора, через которую я привык смотреть на окружающий мир. Тем более и поводы присутствовали.

Нет, зря многие про чухонцев говорят, что медлительные они слишком. Вон ведь как забегали, стремясь из полыхающего здания поскорее выбраться. Ну прямо как тараканы из-под печи. Впрочем нет. Тараканы, твари куда как более организованные. Скорее, как курицы, которые с заполошным кудахтаньем через забор перелететь пытаются, друг с другом в воздухе сталкиваясь. Презабавное зрелище доложу я вам, такое ни в одном театре не покажут!

А всего-то и надо было игорный дом сжечь, по новомодному казино именуемым. Ой, миль пардон, кажется, уже не только его... Вон, соседнее здание загорелось... и еще одно...

Вот так, наверное, и горел Рим при Нероне-императоре. Интересно, там тоже руку приложил кто-то, магическими знаниями обладающий или все было более прозаично? Мда... Думаю, нам стоит поскорее покинуть эту улицу, а то что-то жарковато становится. Огонь же для меня, в моем нынешнем положении, соседство довольно опасное. Я не феникс, из пепла не восстану.

Стоп! Я поймал за хвост мысль, что в последнее время витала где-то рядом, но никак не могла оформиться в нечто законченное. С самого момента своего пробуждения я не улавливал в окружающем мире ни малейшего следа присутствия мне подобных. Речь идет даже не о вампирах, а о любых людях, владеющих магией.

Раньше, в короткий период своего пребывания вампиром, но до заточения в могиле, я постоянно ощущал то одного, то другого... Разумеется, они попадались не на каждом шагу, но вот ощущение присутствия мне подобных оставалось постоянным. В одном месте чувствовались недавние возмущения магического фона, в другом — отголосок особо мощного ритуала, которые могли не проходить очень долгое время. А здесь... Пустота, абсолютная пустота, неизвестно чем вызванная. Придется разбираться, что да как. Без общества себе подобных, я конечно проживу, и об их отсутствии сожалеть особо не буду... Но мало ли какая напасть с ними приключилась? Вдруг и мне угрожает?

Но для начала нужно бы убраться куда подальше из независимой жмудинской республики, чтоб ее вши заели. На чем? Будь я в свое время, пошли бы мы сейчас к конезаводчику какому. Помнится, в предместье, у Астахова, недурственный выбор верховых лошадей имелся. И выезжены были — загляденье просто. Однако ж, — иные времена, иные нравы. Как сказала Элен, нынче верхами путешествовать не принято. Она же рекомендовала на поезде отправиться. Что ж, взгляну воочию, на сие чудовище механическое, что нынче дилижансам на смену пришло.

К тому же, Элен сказала, что ежели на нем ехать, то и таможеню пройти легче будет. При этом она очень уж выразительно поглядывала на сумку мою, оружия разнообразного полную. Никак привыкнуть не могу, что нынче честным людям оружием владеть запрещается! Что ж, буду приспосабливаться. Поезд так поезд, ничего против не имею.

Примечания на полях:

Надо сказать, что методы Аркадия по общению с людьми произвели на меня немалое впечатление. Вначале, я старалась его как-то одергивать, не позволяя нарушать сложившихся приличий, однако его по детски недоуменное отношение к подобному, вкупе с категоричным неприятием идей всепрощения постепенно стали захватывать и меня. Знаете, а это оказывается заразно, — не проходить мимо замеченного тобой зла, обмана или подлости, делая вид что его как бы и не видишь, бормоча про себя — «Они тоже люди» «Это дело властей», а сразу же и немедленно искоренять его всеми подручными средствами. Один хороший удар по голове бутылкой из-под шампанского, как показала практика, стоит множества лекций о преимуществах законопослушного поведения. Действует и быстрее, и гораздо надежнее. Может быть, если все поступали бы подобно этому историческому пережитку, — я о графе, если кто не понял, — то и преступности было бы гораздо меньше? Впрочем, о чем это я? Конечно меньше! Попробуйте сами такой метод, и вот увидите.

Глава третья, в которой я развлекаюсь, узнаю много нового и обзавожусь небесполезным, но весьма škodливым помощником, а Элен выказывает себя великолепной актрисой

До вокзала мы доехали без каких-либо происшествий, вот только не на привычном мне

по прошлой жизни экипаже, а на том самом автомобиле, без малейшей помощи лошадей передвигающемся. Невидимость, конечно же, перед этим сбросили, иначе не комильфо получилось бы. Ну что вам сказать, господа. Есть преимущество у новых средств передвижения, есть. По крайней мере, они навоз не производят в больших количествах, как это у лошадей в обыкновении имеется. Да и скорость, куда как повыше будет.

На вокзале была такая суeta, что и ярмарке в воскресный день впору. Все куда-то бегут, глаза смотрят неизвестно куда — прямо муравейник, на который шутки ради кто-то сапогом наступил.

— Послушай, а ты сможешь отвести глаза таможенникам или еще что-то сделать, а то ведь у тебя и документов нет? — обеспокоенным голосом спросила Элен. — Да и вещи у нас... не слишком законные.

— Не беспокойся, ма шерi, никаких проблем не ожидается. Иди лучше билеты покупай, а остальное уже моя исключительно забота будет.

Просветлевшая во мгновение ока красавица унеслась резвым галопом куда-то вдаль, очевидно, за билетами, ну а я остался ожидать ее возвращения. Беспокоиться, что в этой толчее мы можем потеряться, я и не мыслил. Такая мелочь как найти знакомого человека по следам его ауры — самые азы, судари мои. Ну а пока суть да дело, осмотримся вокруг, понаблюдаем за скоплением масс народных и за тем, что они делать нынче изволят.

Ну, все как обычно... Времена и эпохи меняются, а люди остаются теми же, разве что внешний облик меняется, да и то самую малость. Можно одеть другую одежду, сменить прическу, но вот душа неизменной остается. Подобное мне не раз на станциях почтовых да дилижанса остановках наблюдать доводилась. Правда масштабом поменьше, да одежды другие были. А так — точь-в-точь то же самое. Нет, что не говори, а суть людская с веками не меняется... Разве что самую малость, например, вместо поместий себе новых приискания, квартирки какие раздобыть пытаются...

Если посмотреть на окружающий мир с философской точки зрения, то он и не изменился вовсе, так приобрел всего лишь новые оттенки любопытственные. Да и люди вокруг — сидят, жуют что-то, болтают совершенно ни о чем... Вот и слепой попрошайка сидит, не прося, а нагло требуя подаяние, хватая за штанины проходящих мимо. Самих слов иностранных я, конечно, не разумею, но общий смысл в переводе и так не нуждается.

Калека? Да нет, вовсе даже и нет, а всего лишь хитрый жулик, жертву болезни, из себя изображающий. И пусть он пытается обманывать простых людей, аура-то у него совершенно здорового человека, разве что неумеренным потреблением некачественного вина испорченная. Полечить его что ли? Все равно делать пока нечего.

Я вытащил из ножен небольшой нож — тот самый, которым меня пытался напугать разбойничек, ставший первой жертвой очнувшегося от долгого сна вампира. Слепой, говоришь... Проверим. Встав в паре метров перед «калекой» и подбрасывая в руке нож, я уловил некоторое беспокойство со стороны любителя подаяния. Ничего, сейчас тебе будет еще спокойнее. С легким шелестом распарываемого воздуха нож пролетел разделяющее нас небольшое расстояние и врубился в деревянную панель прямо в паре сантиметров от уха жулика.

Да уж, никогда не видел, чтобы слепцы столь быстро прозревали, да еще и орали благим матом. Показывая на меня пальцем, «исцеленный» издавал столь пронзительные визги, что я не выдержал, да и стукнул его кулаком по голове. Пусть полежит, отдохнет... Вокруг раздавался хохот вперемешку с неодобрительными возгласами. Судя по всему, мнения изволили разделиться. А, бес с ними со всеми! Выдернув нож, я убрал его обратно в ножны, да и пошел в направлении того места, где находилась моя спутница. Заодно и сделал так, что взгляды бывших очевидцами недавнего эпизода соскальзывали с меня, словно с пустого места. В толпе это вообще не сложно — слишком много людей, слишком много лиц...

— Ну что, достала билеты?

Мой безобидный вопрос заставил Элен подскочить, словно на иголках...

— Ты откуда здесь? Ах да, все время забываю о твоих многочисленных талантах, — через силу улыбнулась она. — Билеты я достала, только давай поспешим, поезд вот-вот отойдет.

— Согласен. Надоело мне тут, да и люди слишком неприятные. Надеюсь, что в России все же не так, как тут.

Элен только усмехнулась, желая видимо сказать, что не стоит питать особых иллюзий. Я и сам понимаю, что более чем полтора века — срок весьма приличный, но тем не менее. Тут меня отвлекло шевеление во внутреннем кармане куртки. Ну и что у нас там?

А, все понятно... Дух, которого я получил в собственность на кладбище, наконец начал проявлять первые признаки жизни. Вытащив бесформенное нечто, я внимательно всмотрелся. Оно и неудивительно, хотя я ожидал его пробуждение несколько позже. Ведь что нужно подобному существу для развития? Некоторое количество смертей в непосредственной близости, да настроение окружающих испорченное. Ну а этого вокруг меня в последнее время вполне хватало... В смысле, где я, там и трупы то и дело образуются, привнося некое разнообразие в окружающий пейзаж.

— Полюбуйся, Элен, — продемонстрировал я постоянно меняющий свой цвет и форму кокон. — Того и гляди вылупится...

— Тот самый дух, о котором ты говорил? — поморщилась девушка, глядя на действительно не слишком привлекательную форму у меня в руке. — Да ну его, проклянется, там и посмотрю, а сейчас он больше всего похож на кусок коровьего навоза. Хорошо хоть запах отсутствует!

Женщины... Однако признаю, что внешний вид у этого создания в настоящий момент оставляет желать лучшего. Ну а потом... Да я в принципе не представляю, какой именно вид примет мое создание после своего «рождения». А произойдет это весьма и весьма скоро.

Сейчас же я следовал за Элен, попутно сравнивая ее с остальными проходящими мимо представительницами прекрасной половины человечества. Признаться, на их фоне моя спутница составляла самое выигрышное впечатление. Пожалуй, мне повезло, в самый первый миг моего воскрешения повстречаться с настоящей красавицей. Вот только норов бы ей полегче. Впрочем, лучшие, наиболее породистые лошади, тоже часто бывают норовистыми. Дело обычное.

Пришли. Но пока еще не к самому средству передвижения, а всего лишь к барьеру, за которым находился человек, проверяющий документы, билеты и, в некоторых случаях, багаж пассажиров. Большой очереди не было, так как подобных «пропускных пунктов» хватало с избытком. Я приобнял Элен, и просто ради приятности и показывая, что мы как бы вместе. Сейчас предстоит несколько более трудоемкое действие, чем простой отвод глаз. Отвести глаза можно одному, другому, но не всем же сразу, особенно кода люди эти по службе своей привыкли всяческие мелочи подмечать, невидимость тоже не самый лучший выход, поскольку билеты показать нужно, чтобы потом в глупой ситуации не оказаться, когда на купленные места новых покупателей найдут.

Лучше уж поделикатнее ситуацию переделаем, под собственные запросы. Например, проникнем в сознание проверяющего и, управляя как марионеткой, заставим дергаться в нужные стороны.

— Добрый день, уважаемый, — слегка улыбнувшись, поприветствовал я человечка невзрачного вида в мундире серого цвета. — У нас с девушкой билеты на этот поезд, так что будьте любезны не задерживать.

— Русские... — скривился было чухонец, но тут его настигла ментальная волна уже подготовленного воздействия.

Пренебрежительно искривленные губы на миг сложились в страдальческую гримасу, но сразу же вытянулись в добрую, радушную, подобострастную даже улыбку. Личико приняло заискивающее выражение, словно вылепленное опытными пальцами скульптора из рыхлого куска глины... Будь хвост у этого служителя, он бы любой собаке продемонстрировал, как именно им вилять следует. Вот только глаза совершенно не

соответствовали всему остальному — два озерца, в которых плескались волны панического, иррационального страха. Естественно, он ведь не понимал, что с ним происходит, почему столь нелюбимые им русские стоят рядом, а он, вместо того чтобы покуражиться, гнет спину...

Ну а мне просто показалось забавным вытащить наружу давние холуйские привычки, одновременно оставив его мозг полностью свободным. А нечего куражиться над людьми спешащими!.

— Что угодно будет? Документики мигом проверим, — сбивчиво затараторил холуй божьей и моей милостью. — Давайте их сюда... Не извольте беспокоиться, сейчас данные внесем и можете быть свободны.

Самым забавным было то, что документы существовали исключительно в его сознании, точнее их наличие было внушено мной. Само собой, я и не думал задумываться о таких тонкостях как внешний вид или содержащаяся внутри информация — над этим пусть сам трудится, перенося на расположенный перед ним экран то, что подсказывает собственное подсознание. Ну а с досмотром и вовсе просто — он смотрел в сумку, но вместо глухо лязгнувшего оружия видел лишь всякую мелочь, которую обычно берут с собой в дорогу.

Все, процедура проверки и оформления благополучно завершилась, следовательно, этот тип уже не нужен. Но и оставлять воспоминания не следует... Разум моей временной марионетки словно оказался под действием душного, обволакивающего ветра забвения. Теперь у него будет сильно болеть голова, но он так и не вспомнит, что же такое произошло. Разве что сослуживцы могут задать пару вопросов, но и тогда он лишь отмахнется от этих, как ему будет казаться, глупостей.

* * *

Уютное, комфортабельное, но все же не слишком просторное купе. Ну да это сейчас не столь и важно. Гораздо больше меня сейчас волнует все тот же вопрос... Куда, черт возьми, изволили деться все маги этого мира? Элен лишь разводила руками в полном непонимании. Она ведь до знакомства со мной считала магию всего лишь сказками, пусть и очень интересными.

Я машинально крутил меж пальцев цепочку с хрустальной пирамидкой, понимая, что ее ценность возросла многократно. Но есть одно препятствие, весьма существенное — местонахождение обители сего вампира я знаю очень приблизительно. То есть известен город, но он совсем не маленький и где именно искать — совершенно неизвестно. Есть, правда, одна маленькая зацепка, но и тут сложновато будет ей воспользоваться. Сангрени, покойница, рассказала как-то о человечке одном, не первую сотню лет уже живущем и вместе с тем никакими магическими способностями не обладающим. Каприз природы и все тут...

Зачем он мне? Просто долгожитель этот того вампира знает, сам к нему наведывался с целью природу прояснить своего организма уникального. К тому же и город тот же самый, что также немаловажно. Вот ЕГО имя мне известно, да и место проживания тоже не было секретом... в то время. Какая-никакая, а отправная точка.

— Какого дьявола! — вскрикнул я от неожиданности, когда из моего кармана выпорхнуло нечто непонятно-непотребное. — Ах, вот он ты какой!

Явление духа народу состоялось... Сыграло видимо роль свою смертей количество большое, в непосредственной близости от меня произошедших и при самом моем прямом участии. А что еще подобному существу надобно, чтоб себя полным сил почувствовать? Разве что наличие поблизости кого-либо, с потоками магическими управляться способного. Так вот он я, все время его с собой таскал. И поколдовать мне пришлось преизрядно. Так что ничего удивительного, что дух созрел так быстро не было.

Оставалось последнее, чрезвычайно важное действо, — послать в неоформившееся еще сознание духа импульс, который раз и навсегда привяжет его к хозяину. А то ведь духи —

существа малопредсказуемые, способные на любые пакости, в том числе и по отношению к хозяину. Если конечно хозяин настолько глупым окажется, что запрета соответствующего не поставит.

Готово. Можно и осмотреть, что же такое у меня получилось... Надеюсь, что первый блин вышел не совсем комом. Тем более, нынешняя внешность духа отражает, так сказать, состояние его души. Почему «так сказать»? да о какой душе у духа кладбищенского порождения речь вообще идти может? А внешность оказалась колоритнейшей.

Горящие бирюзовым пламенем глаза на фоне черной как антрацит кожи создавали довольно серьезное впечатление, к тому же сильно дополняемое клыками и раздвоенным змеиным языком, то и дело появляющимся из ухмыляющейся пасти. Две руки, две ноги и... крылья перепончатые, точно как у мыши летучей, которыми тот лениво взмахивал, зависнув в полтора метра над полом.

А глазенки-то хитрые, воровато оглядывающие окружающую обстановку. Ну точно мелкий бесенок, как их описывают во многих трактатах и некоторых солидных бестиариях. Зато очень полезными качествами обладает от рождения, без всякого развития — таковы уж свойства организма. По желанию может становиться невидимым, форму тела менять способен в весьма солидных пределах. Менять, а не увеличиваться! Ну а для того, чтобы другие, особенные способности прорезались — этого дармоеда кормить нужно и кормить хорошо. Чем? Ну, повторяться не стану, но напомним, что этого на моем пути точно в избытке будет.

— И как его зовут? — полюбопытствовала Элен, пристально разглядывая появившееся чудо-юдо. — Он хоть говорить умеет?

— Пока еще нет, но непременно научится. Скоро... Насчет же имени дело посложнее. Дать его должен хозяин, то есть я, но вот что бы такое придумать...

Однако, тут бесенок решил показать, что же такое ценное он из себя представляет и выдохнул из оказавшейся неожиданно широкой пасти язык белесого пламени. Хорошо хоть направлено оно было в сторону окна, поскольку это оказался не огонь, а нечто более серьезное. Стекло, куда попало пламя, просто растворилось, будто его и не было.

Прелестно! Мое первое творение в области бестиологии оказалось еще более полезным, нежели можно было предположить. Кладбищенский Ветер — одно из простых, но очень эффективных заклинаний некромантов. Оно способно уничтожить на своем пути все, но в прямой зависимости от силы сотворившего чары. Легче всего превращается в могильную пыль плоть, затем кости, ну а там и неживые вещества ждет та же участь. Бесенок же обладал этим умением в очень впечатляющей степени — небольшой участок стекла попросту исчез, образовалась дыра с оплавленными краями, откуда сразу же ворвался не слишком теплый ветер.

— Чума на твою голову, могильное отродье! — взорвался было я праведным гневом, — А это идея... Чума — вот твоё прозвище!

Получивший имя дух пару раз хлопнул крыльями, разева пасть в беззвучном крике, после чего исчез.

— Куда это он?

— Здесь он, никуда не денется, — отмахнулся я. — Перешел в невидимое состояние — ему так легче набирать силы. Переусердствовал, пытаюсь продемонстрировать свои таланты.

— Из-за этих талантов теперь сквозняком все купе продует, — не оценила произошедшего Элен.

— Да и поспешил ты с именем. — Недовольно поморщилась Элен. Я только собралась тебе посоветовать его Бегемотом назвать. По вредности ему бы это имечко идеально подошло!

— Бегемотом? — я замер в недоумении, пытаюсь сообразить, каким образом гиппопотама могут ассоциироваться с мелким и вредным бесенком. Так ничего и не надумав, перевел недоумевающий взгляд на мою спутницу. — А что в этих животных вредного? По-моему, очень спокойные создания.

— Да не с бегемотами, а с Бегемотом! Герой это литературный, слуга дьявола — Воланда, который очень любил пакости делать. Кстати, надо будет как-нибудь разыграть подобное представление. Всегда мечтала примерить на себя роль Геллы! А на Воланда, с твоими аристократичными замашками и магией, ты вполне потянешь.

Я пожал плечами. Что-то у моей спутницы совсем воображение разыгралось. Чума, все же имя для беса куда как подходящее. Да и я от своего родового имени в угоду какой-то неизвестной мне книжке отказываться не собираюсь. Но, с другой стороны, если Элен так уж хочется поиграть в маскарад, то не вижу смысла отказывать ей в этом маленьком удовольствии.

— Да не расстраивайся ты так. Если хочешь, немного попозже, я прикажу ему и на Бегемота откликаться. Зато пользы от моего создания, как выяснилось, будет даже больше, чем я рассчитывал. И вообще, кушать хочется...

— Тебе? — от удивления глаза девушки достигли максимально заложенного природой размера. — Ты же вампир, а вампиры вроде только кровь пьют. Или я что не так поняла?

О стереотипы человеческие и слепая вера в сказочки, придуманные невесть кем и неведомо для кого! Берем часть правды и добавляем кучу сказок. Результат очевиден — отделить драгоценный кристалл изумруда от осколков битого бутылочного стекла сможет ой как не каждый.

— Вот ты что больше всего пить любишь? — спросил я у своей спутницы.

— Коньяк... А из безалкогольного, пожалуй, сок апельсиновый.

— А ты готова пить это и только это многие годы? — задал я провокационный вопрос и тут же сам на него ответил. — Очень сильно сомневаюсь. Так и мы любим кровь, к тому же без нее нам просто никак, но это вовсе не повод, чтобы отказываться от прочих маленьких радостей жизни вроде хорошего застолья, тем более в приятной компании. Так что поведай мне, где в этот твой поезд можно перекусить и возможно ли это в принципе?

— Тут вагон — ресторан должен быть... Правда на особо изысканную кухню там рассчитывать нельзя... Тебя устроит?

— Вне всякого сомнения. Я ведь больше века в ресторациях не был, успел соскучиться...

Элен, оценив шутку, смешанную с действительностью, широко улыбнулась. Приятно видеть искреннюю улыбку красивой девушки, уверяю вас, господа. Сумку с оружием можно и в купе оставить, а вот ручного бесенка не следует без присмотра бросать — подобное чудо без перьев способно на любые шуточки.

— Чума! Следовать за мной, оставаться невидимым и не пытаться устроить окружающим особо крупные пакости.

Бесенок так и не проявился в видимом облике, но я знал, что приказ услышан, понят и ни в коем случае не будет нарушен. Зато перехватив удивленный взгляд Элен, я поспешил пояснить:

— Мелкие пакости для него — нечто совершенно естественное, неотъемлемое от самой сути подобного создания. Иначе захиреет, зачахнет, а к чему мне подобный помощник? Ну а увеличит он свои силы, впитав чью-то насильственную смерть, произошедшую поблизости. Не пугает?

— Испугал ежа голой задницей, а гота — свежим трупом! — презрительно фыркнула Элен. — Пошли в ресторан, повелитель бесов! Я тоже проголодалась!

Идти оказалось не так и далеко, всего через два вагона. Увы, ресторан оказался не из особо приличных, но что поделать. В дилижансах и такого не было. Хорошая все же придумка эти поезда. Так что, привередничать я и не думал. Столик в углу вагона оказался свободен, что весьма порадовало (предпочитаю, когда за спиной стена, а не чьи-то любопытствующие взоры). Ну а в выборе меню я предпочел положиться на вкус Элен, предупредив правда, что диетами вегетарианскими сроду не увлекался, а помимо того ароматов чесночных с детства не выношу.

— Ну хоть это не миф, — обрадовалась Элен, но ее радость была недолгой.

— Как сказать. — Я усмехнулся. — Простонародную пищу я и до преобразования недолюбливал, ну а как стал вампиром, так обоняние сильно обострилось. Так что подобных запахов я теперь предпочитаю избегать по возможности. Ты ведь тоже, вряд ли стала бы есть что-нибудь, ежели бы оно... Прошу прощения, — дерьмом воняло!

— Фи... — От упомянутого сравнения Элен скривила свой точеный носик. — Что ты такое говоришь за столом, а еще граф! Где твои манеры?

— С волками жить — по-волчьи выть. — Мягко намекнул я на некоторый недостаток в манерах моей спутницы. — Тем более, я ведь извинился.

— Ладно, прощаю, — милостиво кивнула Элен, с жадностью наблюдая за приближающимся официантом, после чего переключила все свое внимание на отбивную. Ладно, я не в обиде.

Отвык я от человеческого да и вообще общества, отвык... Поневоле хочется выбрать более спокойное и тихое место. Какое, к примеру, как тут. Люди хоть и присутствуют в некотором количестве, но ведут себя довольно тихо. Рядом сидит красивая девушка, что помогает несколько отвлечься от загадок, обрушившихся на меня подобно снежной лавине. Чума вроде как не стремится особо проявлять свое присутствие...

Сглазил! Новорожденному бесенку страсть как не терпелось показать свой характер во всей красе. Благодаря острому зрению, я мог наблюдать его шалости во всех подробностях. Для начала лежащая на тарелке перед почтенной матроной форель пару раз взмахнула хвостом, после чего начала разевать пасть и шевелить жабрами, вызвав у дамы весьма неприличный конфуз... Так... Этот засранец похож на некромантии специализируется, вон как бедную рыбку зазомбировал... Впрочем, ничего удивительного, учитывая его происхождение. Человека ему поднять сил, конечно, не хватит, но с мелкими тварюшками управляется неплохо! А Чума продолжал развлекаться на полную катушку.

Угрюмый тип, предпочитавший любому другому обществу наличие бутылки и стакана вдруг обнаружил, что те, издавая не слишком мелодичный звон, отплясывают на столике нечто крайне веселое. Судя по быстро трезвеющему взгляду, бедолага явно решил, что в гости к нему пришла сама белочка, великая и ужасная. Но чего тут пугаться, вот чего не понятно! Ржевский, промежду прочим, как минимум раз в месяц охоты на зеленых чертиков устраивал и никакого страха не испытывал! Впрочем... Он ведь гусаром был, да не из худших! На саблях только мне да Денису Васильевичу уступал. А бесенок, добившись полного остекления взгляда у несчастного пропойцы переключился на новую жертву.

Принесший заказ клиенту официант вдруг обнаружил, что его руки ну никак не хотят отпускать поднос, будто на нем не пара тарелок с легкими закусками, а алмазы британской короны... Так, пора прекращать, а то он сейчас весь ресторан перебаламутит.

— Чума, уймись, хорошего помаленьку...

Произнесенные практически неслышным шепотом слова оказали, тем не менее, волшебное действие. Странности прекратились, но я великолепно знал, что вредное создание поджидает новой возможности поразвлечься.

Пора возвращаться обратно, а то как бы чего не вышло. Нарушить прямой приказ бесенок конечно не осмелится, однако мало ли... Где он, кстати? — Оглядевшись магическим зрением, я тихо выругался и левой рукой сграбастал наглеца, который, опасно балансируя на горлышке бутылки, и поддерживая равновесие редкими взмахами перепончатых крыльев, как раз сейчас пытался заглянуть поглубже в декольте нагнувшейся за чем-то Элен.

Уфф. Кажется ничего не заметила. А то мало ли. Насколько я успел изучить свою спутницу, натура у неё взрывоопасная. Теперь можно и возвращаться обратно, вот только расплачусь...

Хм, доставая из кармана пачку ассигнаций, я почувствовал на себе чей-то внимательный взгляд. Интересно, кого это я здесь заинтересовал? Так, мужчина лет тридцати, волне приличного вида, но взгляд слишком уж профессионально уцепился и теперь он ну никак не выпускает меня из поля зрения. Быть может, Элен сможет разгадать

сию маленькую загадку?

— Ма шер, посмотрите на этого человека, — прошептал я. — Что-то его внимание кажется мне странным.

— Ах этот, — Элен сначала несколько занервничала, но найдя взглядом того, о ком я ей сообщил, заметно успокоилась. — Вполне обычный элемент для таких поездов. Мелкий жулик широкого профиля — может напроситься составить компанию, а потом попытаться смухлевать в карты; познакомиться с женщиной, а после этого подсыпать в стакан с вином какую-то усыпляющую гадость, чтобы избавить доверчивую мадам от денег и украшений... Ты же доставал пачку денег, вот она и привлекла его пристальное внимание.

Странно. С момента возвращения к активной жизни, вокруг меня так и роятся всякие разбойники и воры всех мастей и оттенков. Оно конечно и неплохо, — с пропитанием проблем не возникает, но все же как-то странно. Прокляли меня, что ли? Или, учитывая мои нынешние особенности — благословили? Да нет, вроде. Я бы почуял. Остается лишь одно приемлемое объяснение, — слишком много любителей легкой наживы развелось за время моего сна. Впрочем, чего можно ожидать от мира, в котором нельзя носить оружие, запрещены дуэли и не осталось гусар? Не удивлюсь, если этих разбойников еще и на государственном коште содержат, вместо того чтоб в каменоломни, али на ближайшее дерево определять. Что ж, будем расчищать эти Авгиевы конюшни, по мере сил и возможностей, благо и того и другого у меня предостаточно. Главное — не переусердствовать, а то как бы не лопнуть от обжорства.

Поразвлекся что ли, скоротать пару часов, из тех, что до прибытия в город нужный поезду понадобятся? Да и личико Элен, ставшее похожим на мордочку дикой кошки, также свидетельствовало о ее заинтересованности в преподании предметного урока подобным типам. Пусть так... Подойдет к нам — его проблемы, ну а если решит обойти стороной, то его счастье.

Не обошел, решив подойти к нам уже на выходе из ресторана под предлогом огоньком одолжиться. Дескать, у официанта спросить на догадался... Ага, верю, как же! Что ж, я тебя силком не тянул, душа любезный, сам напросился на неприятности в своем противоправном ремесле.

Ну все как и полагается для его «специальности» — повышенный уровень болтливости, весь из себя свой парень, душа компании и так далее и тому подобное. Если запоминать все словесные извержения, то уши обвиснут от обилия благоглупостей, специально предназначенных для усыпления подозрительности доверчивых простаков. Право слово, кое — в чем могила мне явно на пользу пошла. Например, во сейчас я и не заметил, как заклятие правды активировал, а ведь до того как меня под землю уложили, и вспоминал-то его с трудом. Собственно, если бы не это, так и в могиле я бы вряд ли оказался.

Правды же в пышных словах жулика столько, что её разве что под увеличительным стеклом рассмотреть было возможно, да и то, при наличии острого зрения. Разве что имя свое настоящее назвал — Валерий или просто Вэл. И еще место своего нынешнего пребывания указал, то есть тот самый город, что интересовал и меня. На всякий случай я упрятал сей факт в глубины памяти, вдруг да пригодится.

Ну а потом предложил так ненавязчиво или самому гостем в наше купе наведаться или же нас к себе пригласить. Однако, по выражению лица видно было, что второе ему не в пример больше подходит. Ладно, мы и навстречу пойти можем, нам оно несложно будет. Вэл прямо расцвел, подобно чертополоху на помойке! Право слово, нельзя столько улыбаться, оно же подозрительно для мало-мальски соображающих и проницательных людей. Что ж, узнал номер вагона и купе, пообещал, что непременно удостою его визитом, но прежде в свое загляну.

— Он там наверняка не один, — высказала свое мнение Элен. — Если приглашает, то наверняка с кем-то в паре работает.

— Пусть. Проблем он мне составить не в состоянии, а польза глядишь и появится. Каждый человек полезен может оказаться, будучи употреблен на своем месте и в нужное

время...

— Двусмысленная фраза получилась, особенно с учетом твоих гастрономических пристрастий. Не находишь?

— Пока что не нуждаюсь. Да и возможностей перекусить у меня наверняка будет предостаточно. Один момент, сейчас только поставлю на наш особо ценный груз кое-какую защиту и можем двигаться.

Под ценным грузом я имел в виду сумку с оружием, благо других ценностей вроде бы и не наличествовало. Ах да, в ту же сумку переключалась и большая часть выигрыша в казино, но его ценность с моей точки зрения была не столь уж весомой. Защита же, которую я собирался поставить, была рассчитана против особо любопытных людей, но не владеющих магией. Да уж, где они, те самые «владеющие»? Ау!

Хорошо было бы найти сургуч или хотя бы воск для создания печати, но чего нет, о том бессмысленно вздыхать не следует. Пришлось ограничиться кусочком дерева, на котором ножом вырезал сочетание нескольких древних символов и влил туда малость магической энергии. Теперь при одном лишь взгляде в голову у особо любопытной личности помутится вплоть до кратковременной потери памяти. Действие подобного «замка» продлится без подпитки всего часов восемь, но и этого думаю, более чем достаточно будет. Надолго ведь мы отлучаться, не планируем. Так, часа на два три, вряд ли мне больше времени потребуется.

* * *

Перед дверью купе я на пару секунд остановился. Хм, готичная красавица была права — за дверью наличествовало двое субъектов, вот только разнополых. Что ж, посмотрим.

— Да-да, войдите, — раздался голос Вэла.

Без приглашения мы не входим, такова традиция, но коли пригласили, то уж не извольте обижаться. Обычно по всем правилам этикета следует пропускать даму вперед, но не в случаях, когда возможны разного рода... неожиданности. Тогда наоборот, вперед следует идти тому, кто не в пример более защищен от превратностей капризной фортуны.

Здесь все было в порядке. Отсутствовали направленные в мою сторону дула пистолетов, не отбрасывала тусклые блики ножевая сталь, но атмосфера в купе была довольно своеобразная, чем-то похожая на террариум с парочкой ядовитых змей. Опасность очень мала, достаточно всего лишь соблюдать минимальные меры безопасности, да и то упомянутая опасность подстерегает обычного человека. Я же с удовольствием спровоцирую сию парочку на те или иные действия, ну а там и посмотрим, как именно будет развлекаться гусар а ныне еще и вампир, кровей древних и благородных.

— Еще раз приветствую попутчика по путешествию, а также его знакомую, которой пока не имел чести быть представленным, — я учтиво поклонился, как и положено человеку (уже вампиру) благородного происхождения.

— Лариса, — хриловатое контральто дамы звучало вполне пристойно.

— Очень приятно. Я Аркадий, а это Элен — девушка, прекрасная во всех отношениях.

Во взглядах парочки проскальзывало легкое недоумение, мы явно выбивались из общего шаблона, но вот в чем именно, они понять не могли. В их глазах я и Элен должны были предстать странноватыми чудаками с большим количеством денег в карманах.

Поддерживая продолжившийся пустопорожний разговор, я оценивал обстановку. Во-первых, новое лицо, то есть Лариса. Женщина красивая, спору нет, но не сильно умная. Зато от нее веет коварством и способностью изворачиваться, подобно пойманной за хвост гадюке. Наверняка именно она, а не Вэл, верховодит в сем дуэте. Уж в чем ином, а в женских особенностях я давно разбираться приучен, тому и опыт гусарский как нельзя более способствует.

О, а вот и первые признаки профессионального интереса прорезались! Вэл, как он выразился, исключительно для скоротания времени, колоду карт достать изволил, да и

предложил несколько партий в игру под названием «покер». Новомодное что-то, по крайней мере для меня, несколько выпавшего из суматошного ритма жизни современной. Это что же, нынче в штосс и ломбер уже не играют? Жаль... Но — новое время, новые игры. Будем обучаться. Вот и пришлось сказать, что я, хоть и практически не осведомлен о правилах, но с удовольствием выслушаю, а там и поиграем интереса ради и уменьшения скуки дорожной для.

— Каталы, точно они, — прошептала на ухо вплотную придвинувшаяся Элен. — Ну а покер для жульничества идеален. Подменят пару карт и все, выигрыш в кармане.

— Ничего, я на них Чуму натравлю, — столь же неслышно для посторонних ответил я. — Вот удивятся судари шулера, когда у них все тузы из рукавов исчезнут.

А ведь девушка Лариса явно не оставила равнодушным моего карманного беса. Иначе откуда бы взялся легкий ветерок, приподнявший и так весьма короткую юбку? А ножки ничего себе, привлекательные. Вот только полюбоваться на них как следует не получилось, ибо тычок локтем под ребра мгновенно выводит из состояния эстетствующего наблюдения за красотой сидящей неподалеку женщины. Хм, ма шери начинает проявлять очень уж живой и непосредственный интерес к моей персоне? Нимало не возражаю, даже более того, приветствую. Хорошо, оставим Ларису на откуп бесенку, а сосредоточимся на забаве под названием «облапошить шулера», которая мне начинает очень сильно нравиться. Благо и опыт есть, причем совсем недавний. На сей раз, конечно, обойдется без столь масштабно-кровавых событий, но все равно, определенная доля общего будет и будет непременно.

Правила этого покера оказались просты до чрезвычайности. Однако, Элен была права — великолепная игра для тех, кто предпочитает шулерство. Возможностей хоть отбавляй, поскольку все зависит от случайного расклада карт и практически ничего от самого игрока. Для начала сыграли пару партий просто так, без ставок, ну а потом, когда правила хоть немного (по мнению Вэла с Ларисой) стали понятными для «простака с пачкой денег наперевес», началась игра с финансовой составляющей.

Четыре игрока, двое из которых профессиональные шулера — по всем канонам подобная картина должна была закончиться изрядным похуданием для моего кошелька, вот только дурную шутку с той парочкой сыграл тот факт, что они неправильно оценили противника. Мало того, что я играл в карты задолго до их рождения, так еще и отличался неплохим умением... Но не в том главное преимущество, откровенно говоря. Ранее я мог лишь догадываться о том, что партнер по картам не чист на руку, ну а сейчас это для меня совершенно очевидно. К тому же и средство весьма изящного вразумления нечестно играющих есть, пусть пока оно и находится в невидимом и ожидающем приказов состоянии.

Пока же игра шла довольно неплохо для меня и Элен. Вот мошенники, право слово, специально подбрасывают карты, которые вместе дают комбинации, стоящие на высоком уровне. И сейчас пришли пять карт одинаковой пиковой масти — флэш. Сумма на кону не есть что-то поражающее воображение, всего две с небольшим тысячи ассигнаций заморских. Зелененькие такие, словно кактус. Право слово, даже странно как-то, что сии бумажки такую ценность приобрели. И Элен чего-то в бок пихается. Право слово, можно подумать и впрямь игра по-крупному идет. Да папеньке моему такие суммы не в ассигнациях, — в золоте, выигрывать не раз доводилось.

— Открываемся? — спрашиваю у Вэла. Лариса и Элен вышли из партии из-за карт плохих, ставку в очередной раз повышать не пожелав.

— Открываемся...

Ну и что мы имеем? Правильно, очередной, но на сей раз довольно весомый по меркам игрока-любителя, выигрыш перекочевал в мой актив. У Вэла, видите ли, и оказалось-то всего две пары. А держался больно уж уверенно. Ну-ну, мон шер, посмотрим, чем дальше удивишь!

А ведь удивил... Не слишком сильно, но тем не менее заставил обратить на следующий кон самое пристальное внимание. Из розданных пяти карт пришли три валета и два короля — очень хорошая комбинация, выше которой только четыре одинаковых или флэш-рояль

(пять карт одной масти, идущие одна за другой). Просто так подобное не происходит, значит началась настоящая игра. Замысел довольно прост — соблазнить жертву сильными картами, после чего сильно повысить ставку и... предъявить свой расклад, пусть немного, но превосходящий. Знакомо, но срабатывает с удивительным постоянством. А раз работает трюк, то он так и остается неизменным, сколько бы времени ни прошло.

Хотелось ухмыльнуться, но это могло показать мои истинные эмоции, так что от естественного душевного порыва пришлось отказаться. Ну не отказаться, а перенести на некоторый временной промежуток. Элен, очень хорошо чувствующая изменение ситуации, а также неплохо знакомая с повадками катал, этого нового названия старого занятия, слегка наступила мне на ногу своей туфелькой. Благодарен, конечно, за предупреждение об изменении хода игры, но уже и самому ясно. На кону уже было около трех тысяч, а тут и время смены карт подошло. А вот мы шулерское отродье сейчас удивим немного, заодно уж и окончательно удостоверимся в правильности предположений.

— Две карты, будьте столь любезны, — попросил я, сбрасывая двух королей.

— Пас, — нежно проворковала Элен, одновременно поглядывая на Вэла с Ларисой не самыми добрыми глазами. Ничего, все еще только начинается, дорогая моя, забавные моменты произойдут очень и очень скоро.

— Одну карту, — в голосе Вэла чувствовалась озадаченность, он явно недопонимал, почему вдруг я сбросил именно две карты, отказываясь от вполне приличного расклада.

Лариса также взяла одну новую, но у нее, в отличие от подельника, ни в голосе, ни во взгляде никаких изменений не ощущалось. Зато аура так и полыхала избыточными выплесками нервной энергии, растрачиваемой сейчас на попытку понять, что же происходит и как с этим поступить... Так, вроде бы решила, поскольку чую, что несколько успокоилась и бестрепетной рукой ко мне две новые карты направила. Ну ка, посмотрим, что нам шулерская лапка презентовать соизволила. Так я и предполагал — четвертый валет пришел, а вместе с ним десятка бубновая, совершенно лишняя и бесполезная.

Четыре валета! Дескать, на и радуйся, вот только радость эта будет очень и очень недолгая. Как раз до того момента, когда придет пора открывать карты. Однозначно у кого-то из парочки на руках или более старшая четверка однотипных карт, или и вовсе флэш-рояль нарисует. Откуда? Да возьмут и подменят в самом скором времени. Но пока еще не подменили свои карты, это я чувствую. Ну что, пришло время использовать Чуму, это особо мелкое и шkodливое оружие против сидящих напротив меня шулеров.

Очень хорошо, что мне для отдания приказаний бесенку не нужно произносить их вслух — вполне достаточно четко оформленной мысли, адресованной конкретно ему. Вот он и получил приказ уничтожить или просто привести в полностью негодное состояние те карты, которые найдет в рукавах или одежде у Вэла и Ларисы. Ах да, сделать это незаметно, а то он всякое придумать может.

Я же тем временем все повышал и повышал ставки, да так интенсивно, что вскоре общая сумма перевалила за тридцать тысяч в зеленых ассигнациях. Что тут сказать, для мелких (ну уж точно не очень крупных, иначе бы по поездкам не промышляли) шулеров это была очень существенная сумма. И что, скоро ли вы решите закончить комедию? Оказалось, уже решили... Но попытка Вэла заменить доставшиеся карты на другие, выигрышные, окончились полным крахом — их просто не оказалось в специально приспособленных с внутренней стороны одежды держателях. Какая досада, не правда ли? Чума, не особо изоцряясь, просто слопал без остатка все находящиеся там карты, даже не думая страдать несварением желудка (из-за отсутствия как такового). Бесы вообще могут при желании сожрать любую гадость и не особо расстроиться из-за такой мелочи, как ее непригодность для кулинарных целей.

— Карты на стол, господа, карты на стол... — наконец я смог позволить себе давно рвавшуюся на волю циничную ухмылку. — У меня четыре валета, а вы чем похвастаетесь?

Похвастаться было особо и нечем — флэш у одной и пара тузов у другого. И удивленно-озадаченное выражение на лицах, которое со стороны выглядело довольно

забавным. Могу понять, они никоим образом не планировали подобного исхода. Уверен, что особенно их расстроило и необъяснимое исчезновение карт, которые должны были использоваться для подмены. Чума, сей неприхотливый к гастрономическим изыскам дух, послужил невидимым, неслышимым, но очень печальным для них сюрпризом.

— П-поздравляю, — заметно побледневшая Лариса с трудом выдавила из себя первое слово. — Хороший выигрыш... Надо бы отметить это дело, тем более у нас и бутылочка конька десятилетней выдержки есть. Вэл, разлей нашим знакомым.

— Сейчас, милая!

Вот как. Нас еще и угощать собрались не самым дешевым коньяком. Интересно, а за какие такие заслуги? Если от широты души шулерской, то позвольте выразить свое полное недоверие подобной мотивации. Не верю и все тут! Зато коли предположить, что за «угощением» кроется несколько иной смысл, то тогда и коньяку найдется место в общей мозаике картины. Нет никаких сомнений, что в коньяке содержится какая-то отрава. Правда остается вопрос, как сами они собираются нейтрализовать действие зелья? Тут всего два варианта: отравы не в бутылке, а в бокалах, ну и возможность приема противоядия. На меня яды хоть и не действуют, но зачем рисковать понапрасну?

Жаль, нет у меня под рукой никаких амулетов, способных яд определить. Простенькие ведь они, даже я создать могу, но увы... А чар подобных не знаю, не довелось научиться. Впрочем, зря я беспокоюсь, есть у меня неплохой и абсолютно надежный вариант. Коньяк в рюмках, надо его пить! Но не нам, а все тому же Чуме — пусть запьет слопанные им карты коньячком не шибко полезным для организма человеческого. Ему то все подобное точно никак не угрожает.

— Предлагаю выпить за нашу неожиданную, зато очень содержательную встречу, — поднял я свою рюмку, произнося тост. — Ну и за то, чтобы все получали то, чего достойны.

Произнося эти слова, я одновременно пытался донести до Элен мысль, что бояться ничего не стоит, но и удивляться также не есть хорошо. Кажется, поняла. Поднеся рюмку к своим выкрашенным черной помадой губам, она не слишком изумилась, когда весь коньяк вдруг исчез в никуда, то есть внутрь бездонной утробы остающегося невидимым бесенка. Где одна рюмка, там и второй место найдется — примерно такая мысль промелькнула, когда и моя порция отравы исчезла из окружающего пространства.

Ладушки, теперь будем вести беседу дальше и ждать реакции гостеприимных и щедрых на отраву хозяев купе. Ага, вот Вэл мягко и ненавязчиво поглядывает на часы. Что, срок подошел, а мы никак в бессознательное состояние не переходим? Ну и ночка у вас выдалась — сплошные неудачи и разочарования. Жалеть, однако, не собираюсь, подобные чувства и так посещают меня весьма редко, а уж по отношению к столь неуважаемым мной людям как шулера и подавно.

Произносимые ими слова становятся все более нервно окрашенными, отрывистыми, сразу чувствуется нарастающая растерянность и непонимание, что же делать дальше. Ну а в глазах Элен пляшут веселые чертики, она просто наслаждается происходящим. Но нет ничего бесконечного, кроме разве что глупости человеческой. Пришло время внести новую ноту в комедию абсурда, разыгрываемую просто так, забавы ради. Впрочем, Элен, видимо сочла так же.

— Мессир, вы не могли бы приказать Бегемоту проявиться, — с нарочитой вежливостью обратилась ко мне Элен. — А то этот наглец, пользуясь своим невидимым состоянием, кажется пытается залезть мне под юбку!

Я недоуменно переглянулся с бесенком, который как раз в этот момент заглядывал под юбку, только не к Элен, а к Ларисе. — Чего это она, хозяйин? — так и читалось во взгляде пока бессловесного создания. — Я же ни сном ни духом! На твое не покушаюсь!

Тем не менее, понимая что у Элен, по всей видимости есть какой-то план, я все же приказал Чуме стать видимым.

М-да... Похоже, каков бы этот план не был, Элен перестаралась. Переводя донельзя перепуганные взгляды с меня, на вспрыгнувшего на стол, и всеми силами

демонстрирующего свою невиновность бесенка, парочка замерла в ступоре. Первой опомнилась Лариса.

— Меееесссиииир?!!!!! — Она начала медленно соскальзывать на грязный пол, норовя то ли рухнуть в обморок, то ли встать на колени. Интересно, кто же был этот мессир, что одно его имя так действует на всяческого рода жулье? Явно, личность весьма и весьма достойная. Надо будет все же почитать эту книжку. Надеюсь, он на меня не обидится за использование его имени? Но что же мне теперь делать? Честно говоря, ситуация не самая приятная. Я кинул на Элен растерянный взгляд, намекая, что раз она заварила эту кашу, ей и выпутываться. Девушка поняливо прикрыла глаза, показывая что все под контролем.

— Встань! — Холодный, жесткий тон. Я и не подозревал, что моя спутница может быть настолько властной!

— Право припасть к ногам князя надо еще заслужить! — Вот как? Оказывается у Мессира был еще и княжеский титул? Один из НАШИХ князей о которых рассказывала Сангрени? Вряд ли... ТЕ князья, огласки среди простых людей не любили, и успешно избегали ее на протяжении тысячелетий. Не думаю, что они изменили своим привычкам за прошедшие два столетия. Значит... Кажется я начинаю догадываться, КАКОГО князя имеет в виду моя спутница... Ну что ж, можно и подыграть. Благо, ОН, — вряд ли будет против. Скорее наоборот, порадует. Если конечно, и впрямь ему есть хоть какое-то дело до столь мелких событий, в чем, признаться, имеются у меня немалые сомнения.

Хм... Однако, похоже нам не верят. Или верят, но предпочитают проверить, причем довольно рискованным способом. Рискованным для «проверяльщика» конечно же! Если я правильно понял, на какого князя намекает Элен, то вряд ли он потерпел, если бы ему вздумали угрожать пистолетом. Навредить ему пуля, конечно, не навредила бы, но сам факт...

Заметно подрагивающая рука Вэла потянулась к заткнутому со спины за ремень маленькому пистолету. Ну и как будем действовать? По-гусарски, — в смысле сломать руку, забрать оружие, и по морде пару раз добавить, — или в соответствии с ролью? Заметившая движение мошенника Элен смотрит на меня умоляюще. Что ж, значит в соответствии с ролью.

Вэл с ужасом наблюдает за тем, как изящный дамский пистолетик в его руках стремительно превращается в разъяренную гадюку средних размеров. Иллюзия конечно, но довольно качественная. Если бы она успела его тяпнуть прежде чем он отбросил пистолет подальше, у «каталы» возникли бы серьезнейшие неполадки со здоровьем. Однако нет, успел... Ловок, мошенник! Видимо жизнь приучила. Такого и выпивать жаль, может пригодиться.

— Мессир, по моему, эти люди не ценят ваше милосердие, — Элен очаровательно улыбнулась, правда почему-то не размыкая губ, и поправила воротничок своей черной блузки прикрывающий шею. — Отдайте их мне, я голодна. — Она выразительно цыкнула зубом, и уставилась на несчастных мошенников настолько недвусмысленно, что мне сразу вспомнилась мадам Сангрени. Ясно. Она намекает, на свою принадлежность к нашему роду. Что ж, поможем девочке.

Еще одно небольшое воздействие, и глаза Элен загораются багровым светом, а очаровательная улыбка превращается в хищный оскал из-за проклюнувшихся небольших клыков. Очаровательно двусмысленная ситуация. Настоящий вампир изображает дьявола, а девушка-человек — вампира! Жаль, что со сценарием меня не ознакомили заранее!

Ой! Кажется переборщили. Два тела синхронно оседают на пол, а из-под Вэла вдобавок растекается желтоватая лужица с неприятным запахом. И это — мужчина?!

Брезгливо поморщившись, отхожу подальше, предоставив Элен самой приводить их в чувство. Да... Однако девочка не церемонится. Зато оба наших клиента вновь в сознании. Элен, нагнувшись, бестрепетно подбирает продолжающую извиваться на полу гадюку, и та в её руках вновь превращается в пистолет. Дождавшись моего разрешающего кивка, она аккуратно кладет его к себе в сумочку.

— Итак, наши действия, мессир?

— Не стоит, дорогая. — Я перевожу взгляд на сжавшихся в углу жуликов. — Мне кажется, сии индивиды могут еще оказаться нам полезны. Не так ли? — В ответ на сей вопрос парочка кивает столь усиленно, что кажется, что у них сейчас слетят головы.

— Как прикажете. — Элен вздыхает с деланным разочарованием, вновь обратившись из бестии в кошку, и спрятав до времени острые когти. Я снимаю с нее наложенную иллюзию, и парочка вздыхает с некоторым облегчением.

Посмотрев на буквально раздувшегося от пожранных им отрицательных эмоций Чуму, я легким кивком указываю на Элен — учись, мол, как надо пакости делать! Это тебе не беззащитную форельку зомбировать! — Восхищенный взгляд, который бесенок кинул на готессу, яснее ясного показывал, к кому он обратится с просьбой об обучении, как только научится говорить.

— И для чего они вам понадобились, повелитель? — а взор то, а взор! Само смирение и преданность! Нет, какая актриса пропадает!

— Задача не слишком сложная, но и не особо простая. — Я вновь обернулся к невезучему шулеру. — Известно имя человека, который жил в Архангельске в первой трети девятнадцатого века — Ремизов Анатолий Федорович. Дворянин, довольно знатного рода, жил в своем доме... Покопаетесь в архивах, найдете.

— Но мы же не музейные работники... — Так, что-то они быстро опомнились. Уже без всякой магии мои глаза приобретают кроваво-красный цвет.

— Захотите жить — найдете! Сейчас ваши жизни — принадлежат мне. Выкуп — все данные об этом человеке. На поиск — трое суток. Не найдете, — я заберу свою собственность! Все понятно?

Перепуганные мошенники снова активно закивали.

— Но это еще не все. Далее вам предстоит проследить всех его потомков, а также тех, кто жил в этом доме вплоть до семнадцатого года. Ну и разумеется нелишним будет узнать, что располагалось там после революции вплоть до нынешних времен. Сроку вам — неделя!

— Мало времени.

— А это уже не моя проблема, — отмахнулся я от Ларисы, как от надоедливой мухи. — Теперь насчет связи. Деньги, что вы проиграли, я вам оставляю. Можете хоть все на поиски потратить, — найдете за неделю — ваше счастье. Живите. Только в азартные игры с незнакомцами больше играть не советую. Хотя почему же, очень даже советую... Вдруг да пригодится еще кому, если живы останетесь, — ухмыльнулся я. — Потому как не найдете нужное мне — деньги вам уже не понадобятся. Разве что наследникам вашим — могилку на хорошем кладбище организовать, оградку поправить... Теперь насчет связи.

— Не беспокойтесь, мессир, нынче люди изобрели множество удобнейших вещей. Я сейчас узнаю номера их мобильных, и дам им свой номер, вам не стоит беспокоиться по таким пустякам.

Ах да, я и забыл об очередном достижении прогресса. Тогда действительно проблема связи исчезает во мгновение ока... Пока Элен записывала телефонные номера, я с легкой грустью смотрел в окно на проносящиеся мимо просторы. Перестук колес убаюкивал, настраивал на умиротворенный лад в той степени, какая мне в принципе была доступна.

— До скорой встречи, неудачливые мои, — попрощался я с парочкой шулеров. — Очень рекомендую связаться со мной в течении указанного срока. Засим — прощаюсь. — Я вышел, не забыв, чтобы не быть голословным, наложить на них пару простеньких заклинаний отложенной смерти. Теперь каждую ночь, ровно в полночь, у них в голове будет звучать мой голос, отсчитывающий оставшиеся им дни жизни. Не люблю угрожать попусту, да и доверия эта парочка у меня ровным счетом никакого не вызвала.

Элен, и вновь ставший невидимым Чума последовали за мной.

— Ты серьезно решил их использовать для чего-то нужного? Да это же совершенно ненадежные люди!

— Ну почему же? По-моему, как раз сейчас, надежнее их просто невозможно никого

отыскать, — я рассказал девушке о наложенном мной заклятии. Та хищно усмехнулась, и довольным голосом промурлыкала, — Какой ты умный...

— Да и ты тут немало повлияла! Слушай, ты просто обязана рассказать мне, о чем эта книга, героев которой мы сейчас изображали!

— Зачем же рассказывать, мессир? Она наверняка продается на любом полустанке! Это же классика! Не лучше ли будет прочитать самому?

Я недовольно поморщился. Нет, разбирать современный шрифт я мог, благодаря «поцелую истины» даже без особых затруднений, но все равно, отсутствие ятя, ижицы, и других привычных знаков делало эту процедуру довольно сложной и малоприятной, так что читать для развлечения мне было довольно затруднительно. Да и признаться, в свое время я хоть и был большим любителем чтения, но то ли дело, когда такая прекрасная барышня рассказывает что-либо усталому гусару...

Но увы. Нежная барышня рассказывать отказалась наотрез, и после первой же остановки вручила мне небольшую книгу в матерчатом переплете, на которой золотым тиснением было выведено: Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита».

Постепенно, я привык к новым грамматическим правилам, и начал получать от сей истории немалое удовольствие. Так вот значит, за кого с легкой руки Элен приняли меня эти горе мошенники! Что ж, лестно, лестно... Правда, больше таких игрищ устраивать все же не стоит. Как бы то ни было, а до герра Воланда я пока еще не дотягиваю. Оно конечно, плох тот солдат, что не мечтает стать генералом, но и из поручиков разом в фельдмаршалы прыгать тоже не след! Однако меня очень насторожил тот факт, что многое, слишком многое из описанного в книге колдовства было возможно в реальности.

Правда возможно не просто так, а лишь при крайне редком совпадении магических явлений, причем для простых мистиков, подобные совпадения ровным счетом ничего хорошего не предвещали. Правда, вот что это за совпадения, я забыл намертво. Упоминала ведь их Сангрени, покойница, упоминала... Правда мельком, и как страшную сказку... Но вот что же она говорила? Нет, не помню! Я ведь её тогда и вовсе не слушал, у меня мысли совсем другим заняты были! Еще бы! Попробовали бы вы, на науке сосредоточиться, ежели учительница форм прелестнейших её в кровати, в виде обнаженном преподавать изволит.

Право слово, если б не могила, да времени на воспоминания целая куча, то и посейчас я бы наверно полным неучем в магии оставался. Помнится, перед первым уроком, мадам еще и пошутила, мол, правильный выбор сделай! Ну а какой выбор в той ситуации мог сделать гусар? Вот то-то и оно! Попозже, я к форме уроков приспособился, её словам хоть какое-то внимание уделять стал, а тогда, помнится, самый первый урок был, и все внимание мое перьями прелестными поглощено было!

И зачем она так поступала? Неведомо. Правда обмолвилась как-то раз, что обращенного обучить, — учитель обязан, а вот до подлинного мастерства ученик сам доходить должен. Говорила еще, что не след, коли ученик у вампиров по магии учителя обгоняет, но тут сфальшивила стервочка. Сангрени видимо, знала не особо много, да и таланту к наукам магическим маловато имела. Зато красавица была — непревзойденная. Вот только красота её мне сейчас боком выходит. Придется видимо вампира этого древнего все же искать, да расспрашивать потщательнее.

А книжка все же хороша, хороша! Дочитав до конца, я закрыл глаза, и сам не заметил как провалился в темный и тяжелый сон. Ехать нам с Элен было еще долго.

Примечание на полях:

Да, здорово получилось. Будучи искренней поклонницей творчества Мастера, я и не надеялась, что мне когда-нибудь удастся сыграть роль Геллы, причем в ТАКОМ спектакле. Однако, вот, получилось! Такое впечатление, что все мои детские и немного наивные меты начинают сбываться!

Глава четвертая, в которой я гуляю по городу, провожу воспитательные работы, и занимаюсь совершенно противным моей натуре делом, — исцелением

Стоя на привокзальной площади, я смотрел на раскинувшийся вокруг город и пытался понять, изменился ли он до неузнаваемости или все же есть много того, что было и раньше? И я не столько о внешнем виде, сколько о внутренней сути. Сложно высказаться определенно — слишком много намешано вокруг, больно уж новые ощущения захлестывают.

Сильно все изменилось? — сочувствующе поинтересовалась Элен.

Да так, не могу и ответить... Непонятно пока. Здания-то все сплошь новые, а вот духа города пока почуять не могу. Все вонь от этих ваших автомобилей забивает. Конский навоз, тоже конечно, не розами пахнет, но его хотя бы убирали! Между прочим, обоняние у меня куда сильнее, чем человеческое, так что запах сей для меня куда как неприятственен.

— Так не дыши, — усмехнулась в ответ моя спутница. — Ты же можешь!

— Так и не дышу. — В тон ей ответил я. — Вот только, для разговора, воздух все равно вдыхать приходится. И настроения это, если честно, никоим образом не повышает! Впрочем, ладно. Потерплю. Благо, яды на меня не действуют. А то их в воздухе здесь целый набор присутствует. — Я достал из кармана сделанный за время езды в поезде небольшой амулет-ядолов, сейчас переливавшийся всеми оттенками слабо-розового цвета, сообщая, что соприкасается с целым букетом смертельных ядов, представленных в малой, не угрожающей жизни, концентрации. Однако... Для людей такая атмосфера должна быть не слишком-то полезна... Будь я магом воздуха — получил бы отличное оружие. Всего-то и надо, что сгустить яд в нужном месте. Вот только магия стихий и вампиры... Плоховато мы совмещаемся, к сожалению... Однако, все равно надо обдумать идейку на досуге. Может и удасться что-нибудь интересное придумать.

— И куда двинемся, красавица готического облика?

— Гм... Ну, вообще-то это тебе решать. Я вообще, в здесь впервые.

— Я тоже. Раньше, бывал как-то проездом, но не думаю, что сейчас осталось хоть что-нибудь знакомое. Ты не знаешь, где здесь есть приличные гостиницы?

— Не-а... Но можно спросить любого таксиста. — Элен махнула рукой в сторону стоящих на привокзальной площади желтых машин с шашечками на крыше. Или... Погоди, есть идея! — Она достала сотовый телефон, и начала сосредоточенно нажимать на кнопки. Наконец, раздался радостный вопль, — Нашла!!! — и следом звук набирающегося номера.

— Миша? Привет. Узнал?

— ...

— Как кто? Лена Ольховская!

— ...

— Да, да!!! Та самая Гелла! Теперь сообразил?

— ...

— Да так... Я тут с приятелем, проездом через твой город. Не подскажешь, где можно кости на недельку кинуть? А то в гостиницы переться что-то не хочется.

— ...

— Нормальный парень. Нет, не Горец. С Горцем все. Оттанцевался. Гопники грохнули. Правда и сами не ушли. Граф их и положил.

— ...

— Да ник у него такой. По жизни Аркадием кличут. Классный парень. А гопничков приложил, — сплошное загляденье! Так как насчет хаты?

— ...

— Совсем напряг? Может тогда где можно снять, порекомендуешь? Деньги не проблема.

— ...

— Как? Помедленней.

— ...

— Ага, Спасибо. Чао. Может, забежим, если время будет.

— Ну что? Как результат переговоров? — проявил я естественное в данном случае любопытство.

— Погоди. — Элен сосредоточенно набирала новый номер.

— Алло.

— ...

— Здравствуйте. Мне порекомендовал обратиться к Вам Миша Староресов. Скажите, вы все еще сдаете квартиру?

— ...

— Мы с другом хотели бы снять её на пару недель. Она с обстановкой?

— ...

— Отлично. Мы понимаем. Готовы заплатить вперед.

— ...

— Хорошо. Какой адрес?

— ...

— Мы сейчас подъедем. Спасибо.

— Пойдем. — Элен сложила мобильный телефон, — вот уж действительно выдающееся достижение цивилизации, и решительно направилась к стоящим у дороги автомобилям. Похоже, переговоры завершились полным успехом.

Квартира, оказалась весьма небольшой. Собственно не квартира даже, а так, конура какая-то... Всего из двух комнат. Доводилась мне господа, в крестьянских избах, куда как попросторней останавливаться. Да-с, где только за время войны мне только не приходилось ночевать. Иногда и курной избенке рад бываешь. Однако, в мирное время, в городе, да при деньгах, хотелось бы соблюдать приличие, и остановиться в подходящих моему положению апартаментах. Нет, я все понимаю, за прошедшее время многое изменилось, нынче в моде, по-видимому, умеренность и экономия, однако же, можно было снять хотя бы скромные, но приличные апартаменты, комнат из семи — восьми?

Нет, ну где вы прикажете здесь, в этих несчастных двух комнатах размещать прислугу? А ведь найм слуг, ну хотя бы одного лакея, поденщицы, и кухарки становился жизненно необходим. Одежда, которую я позаимствовал у убитого насильника, кстати, по словам Элен, весьма не дешевая, за время пути изрядно измялась, и нуждалась в уходе. Нет, конечно, можно было купить и новую, собственно так я и собирался поступить в ближайшее время, не носить же неизвестно чьи обноски, однако не все время же её менять? Да и питаться в ресторанах иногда не слишком-то удобно... Хочется ведь иногда и дома чего-нибудь перекусить...

Однако, когда я, отозвав Элен, потихоньку высказал ей эти сомнения, она лишь фыркнула, заметив, что нынче, квартиры больше двух, максимум трех комнат в наем не сдаются, слуг держать не принято, и вообще я — гнилой аристократ, и должен радоваться тому, что хоть такую, весьма неплохую, между прочим, квартиру удалось отыскать.

Надо сказать, выслушав её замечание, я весьма занервничал. Нет, квартира это дело десятое, мало ли как обычаи за это время поменяться могли... Но вот гнилой аристократ... Неужто не восстановился я, после могилы своей постылой? Вроде и сытый, наелся еще на том самом кладбище, да и осмотр, в закутке вагонном, что по какому-то недоразумению уборной называют, учинил я себе самый тщательный... Но вдруг, пропустил все же что-то? Могила, она, знаете ли, здоровья никому не прибавляет, будь ты даже самым, что ни на есть могущественным вампиром.

Впрочем, зря я встревожился. Как начал я Элен, по поводу высказывания её расспрашивать, дабы узнать, где она плоть гнилую заметила, или запах какой неподобающий учуяла, так и выяснилось все разом. Выражение это такое оказалось, во время революции в

обиход вошедшее, да так там и оставшееся. В общем, насмешил я спутницу свою презрительно. Впрочем, думаю, убытку чести тут нет никакого. Ну откуда же мне, в могиле сто пятьдесят лет пролежавшему, новые выражения, за это время в обиход вошедшие знать? Благо, язык русский еще понимаю. Хотя и тут не все ладно. Элен говорит, что я будто с акцентом на нем разговариваю. Ну да ладно... Обучусь потихоньку новым правилам.

В общем, заселились мы в квартиру эту малехонькую, и слуг нанимать не стали. Ни лакея, ни поденщицу, ни даже, о ужас, кухарку. Ну, я-то ладно, если припрет, я и одной кровью люда всякого нехорошего прожить смогу. Но вот интересно, как Элен-то выкручиваться собирается? Али по ресторациям, да трактирам всяческим бегать будет? Так для здоровья человеческого, пища ресторанная, коль постоянно ею питаться, шибко вредной оказаться может. Надо наверно ей ядолов презентовать, чтоб не отравилась ненароком.

А квартира оказалась не так уж и плоха. Размеры конечно маловаты, у меня в закутке подобном Прошка ютился, но зато в наличии имелась неплохая библиотека, в которой, о радость, — книжная полка уставленная одинаковыми с виду книгами на корешках которых было написано «Всемирная история».

Так-с... Похоже именно это мне и надо! — Я взял книгу, пересел в ближайшее к окну кресло и погрузился в чтение, благо Элен заперлась в ванной, и выходить не спешила.

Когда она все же вышла оттуда, то лишь буркнула, что устала до чрезвычайности, после чего рухнула на кровать и попросила разбудить лишь в случае ядерной войны, или при начале Армагеддона. Последнюю фразу: — Ну не могу же я упустить такое зрелище... — она пробормотала явно сквозь сон. Не совсем поняв, что это за штука такая, — ядерная война, и как может пусть даже очень уставший человек проспять начало последней битвы я, тем не менее, высказал в сторону безмятежно сопящей Элен обещание непременно разбудить в случае начала сих событий, после чего вновь повернулся к книге. Все-таки, хорошо, что вампирам сон нужен куда меньше чем людям. Хотя... Поспать и впрямь было бы не плохо...

— Не время! — Строго одернул я сам себя. — В могиле отосплюсь. — Добавил я привычную еще по войне присказку, и лишь потом сообразил, какую глупость сморозил. Нет уж, хватит мне сна в могиле! На вечность вперед отоспался. Лучше я книжку почитаю. По истории. Мировой и российской. С момента, как меня в могилку уложили, и до тысяча девятьсот девяносто пятого года — именно этим годом издания датировалась книга. А то господи, надоело как-то ничего не понимать. То и дело себя дуракомставляю, а это поручику гусарскому весьма неуместно будет.

Шелест страниц, и случившееся за долгое время моего фактического отсутствия в нашем мире начинает медленно, но верно укладываться в голове. Многие стоит запомнить, но понимаю, что сейчас удастся отложить в памяти лишь общие сведения. Ну а в частности будем разбираться потом. Тем более я заметил у хозяйки квартиры еще и вовсе уж большое, тридцатитомное издание энциклопедии. Там бы покопаться, но уж это явно не сейчас. Временами удается малость отвлечься из-за летающего по квартире бесенка. Чума освоился и тут, нагло засовывая свою физиономию всюду, куда считал возможным. Вдобавок ко всему он уже начинал издавать нечленораздельные, но довольно противные звуки...

Да-с, подобное может означать лишь одно — скоро Чума будет не только понимать, но и говорить. Судя же по его поведению, ничего отдаленно напоминающего приличные слова, от сего пакостника не услышать. На кого бы сбросить кипучую энергию молодого беса, что произошел от самого, пожалуй, неприятного и малопредсказуемого духа — духа кладбища? Впрочем, разберемся.

Легкие шаги проснувшейся Элен стали достаточным поводом для прекращения изучения произошедших в мире событий. Правильно, книга не убежит, ног у нее не предусмотрено, в отличие от только что изволившей выйти из царства снов красавицы.

— Как отдохнула?

— Великолепно, — потянулась та с грацией холеной пантеры, демонстрируя линии изящного тела. — Бодра, свежа и готова к любым свершениям. Хотя бы к тому, чтобы

прогуляться с кавалером по окрестностям. Заодно и город тебе покажу...

— Прогулка в столь приятной компании сделает честь любому маршруту. Там более, одежду мне прикупить надо. Ведите, леди...

Разумеется, вышли из дома мы далеко не сразу. Для того, чтобы привести себя в «подобающий вид» девушке всегда требуется значительный промежуток времени — от десяти минут до нескольких часов. Сейчас ей хватило всего лишь получаса. Она несколько изменила однотонно черной гамме, добавив туда элементы серебра. Что ж, стало еще более стильно и элегантно, хотя все столь же мрачновато.

— Когда мы вышли из дома, было не столь солнечно, как раньше, но темные очки я все равно не снимал. В них немного уютнее и спокойнее. Покупка одежды прошла спокойно. Правда, в магазине оказалось не так уж много одежды моих родовых цветов, однако покопавшись в тряпье, Элен все же нашла белый плащ, бело-алую рубашку и белые же брюки. Последний аксессуар — алый ремень, и бордовые туфли я выбрал сам. А то неуместно как-то мне в чужих цветах ходить, да и удобнее летом в светлой одежде.

— После этого, я предложил прогуляться немного по городу. Странную пару мы представляли если вдуматься... Девушка в черном с серебром и вампир в ало-белом наряде. И где здесь свет, а где тьма... Попробуйте, догадайтесь.

Определенный план прогулки лично у меня отсутствовал, Элен также не стремилась к чему-то строго определенному, так что мы просто передвигались по городу. Пешком, само собой разумеется, ибо иначе пропадал весь смысл. Само собой, мой личный бесенок также околачивался где-то поблизости, на сей раз у него была практически полная свобода действий. Я даже внимания не обращал, что он там творит — на оживленных городских улицах это не привлечет особо сильного внимания, да и любой странности найдется сугубо материальное, пусть и неверное объяснение.

— Грустно здесь как-то. Люди все серые, суетливые. Мельтешат как муравьи... — Поделился я с Элен своими наблюдениями.

— Обычное дело. Неужто в ваше время не так было?

— Да нет вроде, — пожал я плечами. Или может быть я тогда был не столь к эмоциональному фону чувствителен? Действительно, особенно складывающееся впечатление провоцировала способность чувствовать ментальный фон проходящих мимо людей — однообразный, серый, пронизанный примитивнейшими желаниями и устремлениями. Нет, надо срочно хоть как-то развеять гнетущее впечатление, а то бросит меня в крайность, о которой большинству окружающей толпы будет не просто плохо, а очень плохо.

Хоть бы кто-нибудь в карман залез с целью кошельком поживиться! Был бы тогда повод от души позабавиться... Так ведь нет, когда на душе поганено, подобные типы тебя стороной обходят. А срывать плохое настроение на совершенно посторонних, ни в чем не провинившихся людях не есть достойно для офицера и вообще благородного человека... тьфу, вампира.

Вот ситуация! Вместо чего успокаивающего или способного развеселить, мы волею случая или просто от забавной игры вариантов оказались в довольно своеобразном месте — поблизости от церкви. Хоть и был я раньше воспитан в традициях веры христианской, но последние произошедшие со мной события в веке девятнадцатом серьезно подточили положительное отношение к вере вообще, а особенно к отдельным ее носителям в частности. Да и вообще... Неуютно я себя как-то возле церкви чувствую. То ли прошлое вспоминается, то ли в другом дело... Неприятно в общем!

Однако ж действо, возле храма разворачивающееся весьма меня заинтересовало, так что придавил я свои ощущения, и поближе подошел. Ничего, теперь-то меня так просто не возьмешь, не буду я лежать покорно, да над собой измываться позволять.

Так, а что это у нас происходит на подворье церковном? Никак какая-то служба или вообще что-то непонятное... На дворе особо роскошный автомобиль снежно-белого цвета, ну а вокруг него несколько священнослужителей молитвы читают, да один из них сей

механизм окропляет вроде как святой водою. Странно!

— Неужто что интересное увидели, граф? — Элен гибкой змейкой скользнула рядом. — Ах это... Всего лишь обряд освящения роскошного авто для одного из многочисленных бизнесменов. Они нынче это любят — ездить на святости. Освященные машины, личный священник, который благословляет все контракты и финансовые сделки... Скоро они будут изгнание злых духов из отхожего места производить.

Представив себе подобную картину, я чуть было не согнулся в три погибели от жестокого и мучительного приступа смеха. Однако! Окропять не пасхальные куличи, к примеру, а по сути дела карету, экипаж, средство для перевозки... Они бы еще лошадь крестили! Ну, раз так, то и не обижайтесь. Пошучу-ка я немного. Хоть частично, на ту шуточку, что вы со мной сыграли, отвечу.

— Надеюсь, у прекрасной дамы не возникнет моральных препятствий понаблюдать за забавным представлением?

— Отнюдь! Я даже представляю, что сейчас весело будет только нам, но уж никак не тем, кто в это освящении участвует.

Правильно понимает Элен, очень правильно. Сейчас «святость» подобного идиотизма превратится в полную свою противоположность.

А ну-ка! В трансформации я не силен, но на такую малость должно бы и хватить... Впрочем, зачем мучаться? Лучше поступим по-другому... Маленькое вмешательство в мозг хозяина роскошной «тачки» — как выражается Элен, — прошло совершенно незамеченным.

— Эй, мешок с деньгами! — окликнул я хозяина автомобиля. — Неужели тебе нравится та субстанция, которую льют на твою машину?

Вышеупомянутый, больше всего смахивающий на приплюснутого колобка, попытался было заорать в мою сторону нечто матерное, а то и пригрозить натравить свою охрану. Вот только чересчур уж циничная ухмылка на моем лице, да палец, направленный в сторону священника с кропилом, заставили его перво-наперво посмотреть в указанном направлении. А посмотреть стоило.

Звучал молебен, кропило в руках заросшего бородой священника щедро разбрызгивало святую воду. Ну а в голосе долгополого явственно прослеживались мечтательные нотки, вызванные, похоже, хорошей платой за обряд. Вот только вода для заказчиков неузнаваемо изменила вид, превратившись в зеленую, а к тому же и отвратительно воняющую болотную жижу. Иллюзия, зато как она подействовала! Возмущенный рев оскорбленного в лучших чувствах (в смысле несоответствия услуги и платы) богатея отозвался в моих ушах приятной музыкой.

Я вообще обладаю душой тонкой и чувствительной, то есть не слишком люблю зрелище, когда из человека делают котлету, но моя готесса с очень уж естественным удовольствием следила за разворачивающимися событиями... Нет, ну зачем же так сильно мордой о корпус машины прикладывать! Вот и вмятина образовалась, а вот и еще одна... Ладно, забавного помаленьку, но прежде еще один маленький «подарок» учиним.

Прямо перед физиономией, впавшего в грех алчности святого отца украсившейся насыщенными фонарями под обоими глазами, из воздуха соткался мой бесенок, на пару мгновений перешедший в видимую форму.

— Алчность вредна для души и здоровья, об этом и Господь наш говорил! — заверещал он невыразимо противным голосом, после чего вновь исчез.

Мда, зря я опрометчиво посчитал верещание Чумы противным... Дело в том, что после этого раздался еще более громкий и противный визг, причем источником его послужили несколько глоток одновременно. Представляю себе шок чересчур сребролюбивого священнослужителя, у которого перед носом появляется явно не ангельское отродье и читает короткую, но очень уж убедительную проповедь. Интересно, сразу с ума сойдет или все же просто малость поубавит неумеренную страсть к деньгам? Я задал было такой вопрос Элен, на что получил едкий, но вполне справедливый ответ:

— Да вряд ли это поможет... Пошарахается с недельку от каждой тени, а потом сочтет

все это за временное помрачение ума. То есть вновь за старое примется.

— А и ладно... Зато зрелище было в высшей степени примечательное, к тому же плохое настроение испарилось. Пойдем отсюда?

— Пойдем, — охотно согласилась Элен. — Все равно ничего особо интересного тут уже не будет.

Это точно. Зато еще одну примечательную деталь я осознал лишь после того, как мы отошли от места действия на добрую сотню метров. Чума то заговорить изволил! Значит все, сформировался бесенок, теперь будет только совершенствовать свои умения в прямой зависимости от количества поступающей энергии.

Хорошо... Даже дневное время и не слишком приятные люди вокруг не могли теперь испортить поднявшегося настроения. Проснулась ностальгия по хорошему табаку, поэтому по совету Элен была приобретена пачка сигарет, напомнивших мне испанские «пахитосы», только те были завернуты в солому, а эти в лист тонкой бумаги или же в лист, но табачный. Второй вариант пришелся более по душе. Вот только улица с ее многолюдством изволила совсем уж осточертеть, потому мы и решили свернуть в какой-нибудь укромный закуток. Хорошо хоть они никуда не исчезли, присутствуя в лабиринте каменного леса практически везде. Да, стоило лишь свернуть в сторону с оживленных трасс и можно было сколь угодно долго отдыхать от чересчур навязчивого людского общества.

Неплохое местечко обнаружилось — небольшая деревянная беседка в тени раскидистого дерева. Таким подарком грех было не воспользоваться, посему я с большим удовольствием присел, откинувшись на изогнутую спинку удобной скамьи. Естественно, Элен была не только пропущена вперед, но предварительно со скромного места для отдыха легким телекинезом была сметена вся пыль, могущая там оказаться.

Ну а потом можно было и закурить, благо и сигарета оказалась неплоха, весьма неплоха... Да и современные средства для высекания огня были не в пример менее хлопотны, нежели существовавшие в мое время. Нет, произошедший за время моего фактического отсутствия прогресс может быть очень и очень полезен. Однако, сразу замечу, что последнее утверждение верно лишь в отношении материального мира! В духовном же, насколько я понимаю, все было с точностью до наоборот...

— Хозяин, а мне? Хочу! — вновь проявившийся Чума хлопал крыльями у моего правого плеча и недвусмысленно поглядывал на лежащую рядом открытую пачку сигарет.

— Да травись на здоровье, — безразлично пожал я плечами. — Впрочем, нам обоим это не грозит — мое тело ближе к мертвому, чем к живому... Ну а у тебя его вообще нет как такового. Так, сгустившаяся энергия.

— Граф, так он теперь что, говорить будет?

— Будет... И не просто говорить, а скорее даже болтать много и не всегда по делу, — вздохнул я, вспомнив о привычках подобного рода существ. — Он же пока как дитяtko неразумное, пусть и опасное для посторонних, особенно для моих врагов.

Это «дитяtko» сейчас было всецело поглощено тем, что порхало вокруг пачки размером в половину самого бесенка и прикидывало, как именно половчее воспользоваться сигаретами. Мы с Элен с интересом наблюдали за сим действием, тем более что дел особых все равно не наблюдалось. Ага, догадался все-таки! Переправил с трудом извлеченную из пачки сигарету из мира обычного в промежуточный, где в какой-то мере и обитают все подобные существа. Ну а там размеры, а заодно и масса, не имеют столь серьезного значения и варьируются в зависимости от необходимости. Вот и предстал Чума через несколько секунд с сигаретой в пасти, что вполне соответствовала его габаритам.

Зрелище, доложу я вам, редкое... Но где-то и умиротворяющее, признаю. Тесная компания, где не приходится ожидать какой-либо гадости, да и проблемы временно отходят на второй план. Красота! Но подобные моменты, кажется так и созданы для того, чтобы кто-то попытался их нарушить... Даже в этом тихом, уединенном месте оказалось возможно появление посторонних. Впрочем, хорошо хоть не шваль какая, а судя по одежде и внешнему виду, вполне приличный человек.

— Чума, исчезни, — скомандовал я, и бесенок понятливо перешел в невидимое состояние, все так же, не выпуская из крепких остроконечных зубов дымящую сигарету.

Интересно... Неторопливо приближающийся к нам человек явно не походил на большинство представителей толпы, что в неисчислимом множестве попадались мне на улицах города... И не во внешнем облике дело, а в чем-то другом. Хотя и облик... Странная, очень странная походка, медленная и своеобразная. Где-то я такое уже видел... Лет ему ближе к сорока, коротко остриженные волосы, жесткое, волевое и оценивающее выражение глаз. Такие бывают или верными соратниками или опасными врагами. Чем-то напоминает он мне сослуживцев моих прежних, многие из которых под Бородином остались...

— Надеюсь, я не помешаю вашему отдыху? — осведомился тот, подойдя ближе. — Просто я тут постоянно привык находиться, больно уж спокойно.

— Извольте, сударь, — я слегка склонил голову в знак приветствия. — Места тут достаточно, тем более что оно не принадлежит кому-то конкретному. Располагайтесь.

Незнакомец присел неподалеку, но с такой осторожностью и столь неестественно, что я чуть было не выругался от собственной недогадливости. Ноги, а точнее их отсутствие. Деревяшки... Слышал я об умельцах, что для воинов покалеченных подобные устройства изготавливали. Отсюда и медленная, неуверенная походка, да и вообще некоторые особенности движения.

Зато выражение глаз... Таких не может быть у того, кто получил увечье просто по случайности. Взгляд воина, пусть искалеченного, но никак не сломленного. Не удержавшись, взглянул на ауру. Все верно. Этому человеку не раз доводилось проливать кровь, как свою, так и чужую. Но проливал он её в честном бою, грудь в грудь с опасным и сильным врагом. Ни следа противных оранжево-желтых пятен, какие оставляет всякая совершенная человеком подлость, на его ауре я не обнаружил.

Впрочем, жалеть калеку я не намерен. Такие как он вообще не любят, когда им хоть как-то намекают на их увечье. Ну да я и не собирался, благо сам насмотрелся на подобные случаи. Уважение, почтение, но только не жалость. Жалость она вообще довольно унижительна, а тем более для того, кто в ней не нуждается.

Интересно, офицер или унтер? Скорее все же первое, но в то же время есть в нем что-то от того, кто начал службу с самых низов. Хотя... Вероятно, выслуживший звание. Тогда вряд ли выше капитана, а скорее всего просто поручик. Как же это по-современному называться будет? Лейтенант кажется...

— Закурите? — предложил я незнакомцу.

— Не откажусь. Да, мое имя Николай.

— Аркадий, — представился я. А это Элен. И еще... вы в каком чине из армии ушли? Капитаном или все же лейтенантом?

— Лейтенантом, — не задумываясь, ответил Николай и лишь после этого более внимательно посмотрел в мою сторону. — Не думал, что это так сильно бросается в глаза, особенно мое звание.

В одном чине мы значит... А ведь он меня куда как постарше будет... Ну, если конечно, тех лет, что в могиле я провалялся, не учитывать. Однако, чему удивляться... Если допустим начинал с солдата, да и из простых, без протекции, то на то и выходит... Что ж, продолжим беседу.

— Мне тоже в свое время послужить довелось... Так что подобные признаки замечать привычен. Нет в поведении у Вас тех мелочей, что свойственны офицерам в чине от майора и выше.

— Верно. Да только гляжу, вы тоже не в самом спокойном месте служили... — Заметил он отводя глаза от моего лица.

— Довелось пострелять, — не стал отрицать очевидного я. — Как это? — я кивнул ему на ноги, словно задавая вопрос о совершенно обычной вещи, игнорирую острый локоток Элен, вонзившийся мне в бок.

— Обычно. Призвали на срочную, потом получил сержанта, а там и остался. Был набор

тех, кто желает оправиться «за речку», в Афганистан. Помощь «братскому народу», чтоб ему пусто было... Какой там «братский народ», — горько усмехнулся Николай. — Стрелял каждый камень, причем ночью и в спину. Там из нас, бывших идеалистов, быстро выбили всю чушь относительно сочувствия к другим странам и их жителям.

— Оно так... — поддержал я замолчавшего ветерана.

— Ну а потом в горах угораздило попасть под минометный обстрел. Меня-то вытащили, а вот ноги там остались...

Вижу, прорвало человека, раз он выплескивает всю застаревшую боль и горечь на совершенно незнакомого, случайного собеседника. На меня. Что ж, выслушать я могу. Знаю, как иногда хочется поделиться болью с понимающим слушателем. Наслушался я этих рассказов, еще в свое время наслушался... И нет большой разницы, что искалечило судьбу и тело солдата, — пролетевшее ядро, вражеская сабля, или минометный обстрел. Тем более оба мы воины, сражавшиеся за свою страну, пусть и в разные времена. Его службу прервало ранение, ну а моя завершилась смертью.

* * *

Ну что за проходной двор тут?! Ни посидеть спокойно, ни поговорить с, достойным человеком, в кои-то веки оказавшемся на моей пути.

— Эй, пацаны, тут ..., в натуре, какие-то ... наше место заняли, — голос был одновременно гнусавым и несколько шепелявым, хотя я раньше считал, что подобное сочетание невозможно в принципе.

— Да не, тут без базара знакомые все лица... Это ж тот, ..., герой войны.

Хм... Однако! И как прикажете это понимать? Обед подан? Причем аж из четырех блюд? Однако, пожалуй, я зря огорчился! А какая сервировка! Дорогая одежда, везде, где можно (впрочем, где нельзя — тоже) виднеется тяжелый металл с желтым блеском именуемый золотом... Одна проблема, — сыт я пока...

Нет, некое желание перекусить присутствует конечно, но до настоящего голода пока далеко. К тому же не стоит приучать организм к слишком частой еде. Увы, но вампир, постоянно кровь человеческую употребляющий, измениться необратимо может, так что только та кровь его интересовать и будет, причем часто и помногу. Спору нет, силы такого вампира возрастут многократно, да вот только разум гаснуть начинает, да и другие возможные наслаждения интересовать перестают... Упырями подобных тварей именуют, и отношение к ним в сообществе мистическом не сильно приятственное.

В общем, повезло недоделкам. Могут даже в живых остаться, если уберутся отсюда немедленно.

Кстати, интересно... Товарища моего нового, Николая, оскорбляют, но ко мне с Элен и близко не подходят, ни словом ни жестом не задевают... Боятся видимо. И правильно делают, вообще-то. Вот только, интересно, неужто они меня за такого подлеца держат, что я знакомцу покалеченному помощи не окажу?

— Это что за отбросы?

Мой вопрос был скорее риторическим, но ответ был получен практически незамедлительно, к тому же с двух сторон одновременно. Впрочем, Элен, со свойственной ей импульсивностью, успела чуточку раньше:

— Золотая молодежь, детки высокопоставленных родителей. Денег много, а сами от обезьян не сильно далеко ушли. Видела я таких — из грязи в князи, а понтов немеряно.

— Точно, — подтвердил офицер, перекосившийся в гримасе глубокого отвращения. — Девушка, вы совершенно правильно предположили. Не люди, а так, какое-то недоразумение. Да и желания примитивны — жрать, пить и тр...ся. Грубо, зато полностью характеризует их мечты и стремления.

Услышав подобную характеристику, один из молодцев, высокий и широкоплечий, по всей видимости заводила, с воплем: — Ах ты ..., г... подрезанный, еще выеживаться тут

будешь! Мало тебе чехи ноги отстрелили, надо было еще и яйца оторвать и на ближайший фонарь повесить! Ну, мы сейчас это дело исправим, — подскочив к скамейке, на которой сидел Николай он нанес ветерану мощную оплеуху. Ну, то есть хотел нанести.

При желании, вампиры могут двигаться быстро. Нет, не так. Очень, очень быстро! Спустя мгновение после того, как рука этого недоноска начала свое движение, она оказалась зажата в моем кулаке.

— Сударь, вы подлец и невежа! — отжимая его руку в сторону, холодно произнес я. — Если вас так раздражает мой собеседник, извольте прислать ему вызов по всем правилам, но не нападать вчетвером на калеку. Думаю, он не откажет вам в сатисфакции на пистолетах! — заметив, как округлились глаза у моего невольного собеседника и самого предмета беседы, я вспомнил, что нынче давно уже не дуэлируют. И вообще... Кажется будучи в раздражении преизрядном, допустил я промашку, заговорив с сими субъектами недостойными, на языке своего века.

Пока я размышлял, как промашку эту устранить, вмешался один из дружков широкоплечего. Облаченный в кожаную куртку толстяк вытащив из кармана складной нож, он со щелчком раскрыл лезвие, и подойдя ко мне заявил:

— А ну отвали от Краба, ... ушибленный. И вообще, вали со своей телкой куда подальше, тут наши терки идут! Будешь выеживаться, глаз на жопу натяну, и моргать заставляю! — И он демонстративно помахал лезвием своего ножа.

— Да пиз...те его мужики! Чё тут базары-то разводить! Потом и с кралей его поразвлечься можно будет! — вмешался третий, низкого роста, коротко стриженный парень с кавказскими чертами лица.

Ах вот как... Ну что ж, я искренне старался держать себя в руках. Однако же, спокойно выслушивать угрозы в свой адрес, и тем более в адрес Элен... Недостойно это. Совсем недостойно. И я подобного терпеть не намерен!

Четвертый, брюнет среднего роста с довольно неплохо выраженными мускулами, и как ни странно, довольно таки благообразным лицом, (Хотя это наверно ошибка зрения. Ну что нормальный человек может делать среди подобной мрази?) не сказал ничего. Он лишь сунул руку в карман, а когда извлек её, то на ней красовался тяжелый медный кастет. М-да, похоже, я прав, — кажущаяся благообразность его внешности находится в полном противоречии с душевными порывами. Надо будет исправить сие несоответствие. До души его мне дотянуться трудновато будет, а вот морду отрихтовать, до полной утраты благообразия, это уж будьте покойны! Со всем гусарским прилежанием сделаю!

— Глаз на жопу, говоришь? — я улыбнулся, отшагивая в сторону, и как бы невзначай прикрывая собой Элен. — Яйца на фонарный столб? А у вас богатая фантазия... — Я не показывал клыки, но что-то в моей улыбке видимо все же было. По крайней мере, представители этой «золотой молодежи» дружно отшатнулись к выходу из беседки.

— Чума! — Услышав прямой приказ, бесенок немедленно материализовался.

— Чего изволите, повелитель, — согнулся он в потешном поклоне, высоко выставив украшенный небольшой кисточкой хвост, и все так же не выпуская изо рта дымящуюся сигарету.

— Ты все слышал? — я обернулся на замерших от испуга и легких паралитических чар парней. Чары были самые простенькие, всего лишь несколько увеличив и видоизменив их ужас, я добился того, что ноги четырех парней любящих поразвлечься, издеваясь над беззащитными людьми, словно примерзли к месту.

— Так точно, хозяин!

— Ну, так будь любезен, обеспечить молодым людям развлечения в соответствии с пожеланиями.

— Э... — У онемевшего бесенка, отвисла челюсть. Сигарета немедленно выпала и достигнув земли, растворилась, уйдя в глубины промежуточного мира.

— Это как, хозяин? — Он потряс своей непропорционально большой головой, пытаясь найти способ решения поставленной мною задачи.

— Начни с самого простого, — Я широко улыбнулся и передал ему немного своей магической силы. — Кажется, кто-то тут хотел увидеть на фонарном столбе несколько нестандартные украшения?

— А... Понял! — бесенок даже запрыгал от радости, и вновь дематериализовался. В следующий миг, неведомая сила, — хотя нет, почему же неведомая? Очень даже известная! — подхватила широкоплечего, и потащила на улицу. Вскоре оттуда донеслись истошные вопли, затем звук падающего тела, и тишина...

— Задание выполнено! — доложил вновь проявившийся бесенок. — Правда надолго не получилось. Сорвался он. Точнее оборвался! И кажется, в падении свернул себе шею. Но яйца висят! Я их через промежуточный мир в кристаллическую решетку загнал! Теперь не отдерешь!

— Молодец. — Сдержано похвалил я шалопая. — Тогда приступай к следующему заданию...

Бесенок окинул печальным взором массивную нижнюю часть толстяка, оценивая предстоящий фронт работ, затем придирчиво посмотрел на маленькие, скрывающиеся глубоко в жировых складках глаза, и деловито поинтересовался: Левый или правый?

— Ч-ч-то, левый или правый? — в ужасе пролепетал еще совсем недавно совершенно уверенный в своей силе и праве решать чужие судьбы представитель «золотой молодежи». Гм... Неужто понимать стал, что коли на чужих мучениях забаву себе строишь, то и сам в итоге игрушкой сильного да недоброго можешь стать? Ну что ж, тогда его и живым оставить можно будет...

— Я спрашиваю, тебе левый или правый глаз на задницу натягивать? — визгливо-пронзительным, словно скрип металла по стеклу голосом ответил Чума. — Давай решай быстрее, а то мне по твоей милости столько работы предстоит... — Чума вновь бросил взгляд на выдающиеся размеры упитанного паренька и еще раз печально вздохнул. — Ишь, отожрался-то как... — словно ни к кому не обращаясь, проворчал он себе под нос. Отъел себе корму, отъел... А нам, честным бесам, трудись, вкалывай... Ни зарплаты тебе, ни сверхурочных...

— Не надо... — тихо пролепетал обсуждаемый, и осел на пол в непритворном обмороке. В беседке резко и неприятно запахло.

— Нет, и как прикажете с таким контингентом работать? — искренне возмутился бесенок, пиная крошечной ногой лежащее на полу беседки тело. — Вы шеф как хотите, а я категорично отказываюсь работать с кормой этого вонючки! — непритворное возмущение Чумы было легко объяснимо. Действительно, мой бесенок, скорее всего, получил от меня в числе прочего и мои представления о брезгливости, а значит, возиться с этим обгадившимся от ужаса субъектом ему было бы вдвойне неприятно.

— Ладно, — махнул я рукой сморщившемуся в предвкушении неприятной работы Чуме. — Думаю, можно обойтись простым изъятием глаза. Тем более, что самую мерзость здесь предлагал отнюдь не он... — Я медленно развернулся упершись взглядом в побледневшего недоростка.

— Падла!!! — С диким криком тот вдруг сорвался с места и, бросившись к Элен, выдернул из кармана нож. Надо же... Оказывается в нем есть некоторые задатки бойца, раз смог преодолеть мои довольно простенькие чары. Впрочем, сделать он ничего не успел. Вампиры быстрее людей. Намного быстрее. Не добежав пары шагов, он остановился, и медленно взглянул вниз, на выбивающуюся из рассеченной моим когтем шеи кровь, зашатался, и рухнул на грязный пол беседки.

— П-п-пощадите... — Последний из оставшихся, вооруженный кастетом «благобразный» рухнул на колени, и начал униженно пресмыкаться. Нет, такого даже убивать противно. Усилием воли смяв на его руке кастет, и не обращая внимание на дикий вой катающегося от боли по земле подонка, я наслал на него проклятие, которое в ближайшие пару часов должно было привести его внешность в полное соответствие с внутренним содержанием, я пинком выкинул из беседки.

Подвывая от страха, последний из четверки малолетних негодяев скрылся с глаз долой. Следом, трепеща крохотными крылышками, Чума с натугой выволок его окривевшего приятеля, и оттащив того в ближайшие кусты вернулся, поигрывая своей добычей, — глазным яблоком толстяка. Это натолкнуло меня на одну идею.

Валяются рядом пара свежееубитых трупа не заслуживающих никакого уважения человечков, а поблизости находится воин, пусть и искалеченный волей случая. Непорядок, однако. Я далек от гуманизма, но здесь его нет и в помине — просто сей факт идет вразрез с моими принципами и все тут.

Кстати, вид у Николая был довольно озадаченный из-за того, что он явно не понимал, что происходит вокруг. Оба трупа перешли в свое нынешнее состояние при помощи, скажем так, не совсем обычных, выламывающихся на пределы материализма, методов. Хотя страха в глазах не было, только смесь удивления и оценивающего интереса. Уважаю. Никогда не следует бояться незнакомого, непонятного, можно лишь относиться с той или иной степенью настороженности. Страх делает человека слабым, осторожность же не от темных инстинктивных кошмаров, а всего лишь разум, оценивающий ситуацию.

Но это все так, небольшая философская конструкция. Важным было то, что имелся подходящий труп. даже два трупа, а также находился человек, для которого кое-что из этих трупов могло пригодиться.

— Николай, как вы смотрите, если я вас немного подлечу? Я об этом, — я кивнул на его ноги. Знаю, вопрос риторический, а посему и ответа особенно не требую.

— Что толку мечтать о невозможном, — скривился было лейтенант в отставке, но тут его взгляд вновь устремился на лежащие на земле неподалеку от него тело.

Понимаю, наглядный пример того, что не все так просто в нашем мире. Ничего, пусть немного осмыслит ситуацию, в которой оказался. С одной стороны, кое-что может казаться невозможным, зато с другой, в новом восприятии, некоторые вещи предстают совсем в ином ракурсе.

— Граф, да вы никак решили попробовать себя в медицине? Неужто лавры Гиппократы не дают спать спокойно?

— Тут скорее не медицина, а прозекторство намечается, — обмахнулся я от персональной язвы. — Как говорится, от одного к другому, превращая мертвое в не совсем мертвое для передачи живому. Николай, а позвольте спросить, у вас ноги до какого места ампутированы?

— По колени, — ответил совсем сбитый с толку офицер.

— Вот и чудно, значит не придется с большими кусками дохлятины возиться.

Наш недавний знакомец совсем перестал понимать что к чему, а вот готесса напротив, очень хорошо уловила тему, раз поступивший с ее стороны вопрос оказался настолько в тему:

— Чем ампутировать-то будешь? Простым ножиком не отделаешься, нужно нечто более серьезное.

— Куда уж серьезней, — я отрастил на указательном пальце длинный и невероятно острый, отточенный и с внутренней и с наружной стороны коготь, и со значением повертел рукой.

— А-а, тогда понятно. Но ты это... не слишком нашего знакольца шокируй, для него подобное в новинку.

Право слово, вот мне великое дело до степени изумления случайного знакомого. Хватит с него и неожиданной медицинской помощи. И что это со мной происходит? Добрый я какой-то... Неужто, заразился чем?

А всякие скальпели мне и не требуются. Я ж не хирург какой. Я лучше. Причем намного. Прикинув комплекцию валяющегося на полу коротышки, я прихожу к выводу, что более-менее подходит. В конце концов, мелки несоответствия со временем сгладятся, организм изменит под себя доставшиеся ему новые части тел.

— Где операцию учинять будем? — заинтересовалась Элен. — Тут вроде обстановка не

слишком...

— Это точно. Но мы ведь еще не уточнили у нашего пациента, хочет ли он получить новые ноги.

— Так это вопрос решенный, он ведь не мазохист. Правильно?

— Да, — все еще не веря в происходящее, Николай, тем не менее, не стал отрицать очевидного. — Но это действительно возможно?

— Возможно все, только многие старательно отмахиваются от лежащего за пределами их понимания, — припомнил я отношение в магии многих представителей рода человеческого. — Дело в том, что...

Звук чых-то шагов заставил насторожиться и переключить внимание. Так, трое, идут довольно быстро и целенаправленно приближаются. Интересно, кого еще принесло на наши головы? Ну просто бенефис какой-то нынешним днем у этого местечка.

— Что-то не нравятся мне возможные гости, — малость загрустила Элен. — Вот поклясться готова, что ничего приятного ожидать не приходится.

Сглазила... Одним из возжелавших вновь попасть сюда оказался тот самый, которого я по доброте душевной решил отпустить куда подальше. Воистину, ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Другие же двое имели самое непосредственное отношение к стражам порядка, по-нынешнему милицией называемыми. Странное название, в мое время милицией ополчение народное называлось, что для задач разнообразных, в том числе, иногда и порядкоохранительных использовалось. Причем, отметить надо, что с задачами этими оно редко когда справлялось, разве что уж с совсем простенькими. Да оно и понятно... Много ли крестьянин, вчера от сохи оторванный, да необученный совершенно, навоевать сможет? Я вот тоже, заставь меня пахать, или скажем, сапоги тачать, такого напашу да натачаю, с неумения-то... Всякому делу, учиться требуется, а уж такому как военное... В бой людей что менее двух-трех лет обучались выпускать — дело последнее. Сколько крови прольется, прежде чем они науку ратную познать смогут! Хорошо, если хоть один из десятка выживет.

Впрочем, опять я отвлекся. Милиция, так милиция... Мало ли как с моего времени слова свое значение изменили. Пообщаемся, посмотрим. Однако же, не стоит, я думаю, реальность им видеть. У них на трупы в городе мирном, реакция может оказаться нехорошей. Так что наложим-ка мы иллюзию небольшую. Травка зеленая, кровью вовсе не залитая, спокойно сидящие в беседке люди...

Однако! Вид у этих двоих не слишком соответствовал облику стражей порядка. Лица однозначно туповатые, не отягощенные не то что излишними, а вообще мыслями. Впрочем, все не так страшно может быть. Любят, ох любят в сыске маску на себя туповатую напяливать, чтоб расслабились подозреваемые, ошибочку допустили... Лицу чиновника полицейского доверять — дело последнее.

— Чем обязаны, уважаемые? — вежливо поинтересовался я у людей в форме. — Сидим, никого не трогаем, отдыхаем. Да, а что это рядом с вами делает этот ублюдок, который совсем недавно изволил хамить, оскорблять отставного офицера, к тому же не слишком идеального здоровья?

— Арестуйте их, всех арестуйте, Василий Сергеевич! Они Санька и Ашота убили!!! — истерически заверещал недобиток.

— Помилуйте, какие убийства? — откровенно насмеялся я над уродом. — После убийства остаются такие вещи как трупы, кровь, следы наконец. Что-то лично я не наблюдаю ничего подобного. Ну а что до этого истеричного паренька, то с ним мы уже знакомы.

— Знакомы? — эхом отозвался один из милицейских, несколько грузноватый мужчина в возрасте. В погонах современных я разбираться пока не научился, но по лицу и важности судя, никак не ниже капрала будет.

— Сержант милиции Василий Сергеевич Козлов, — представился он, махнув у меня перед глазами красными «корочками». — Вы признаете, что знакомы с Бураковым Петром Владимировичем, — он кинул взгляд на баюкающего поврежденную руку парня, — сыном

уважаемого предпринимателя, депутата городской думы, известного правозащитника Буракова Владимира Карловича?

— Было дело. Правда, имя-отчество как-то не узнавал, однако физиономию опознаю. Он и трое его дружков, таких же не заслуживающих уважения существ, были здесь совсем недавно. Уж простите, имена я у них не спрашивал, интерес такого рода не возник. Зато вот у них возник интерес к моей девушке, а также насчет того, чтобы оскорбить человека, между прочим, отдавшего здоровье за собственную страну в местах, где частенько постреливают.

— Ну так вот, — продолжил я. — Подобное поведение не слишком мне симпатично, поэтому для начала я предложил им заткнуться и убраться в самом похабном направлении.

— То есть, вы хотите сказать, — довольно невежливо перебил меня тот же самый пожилой милиционер, — что первым предприняли агрессивные действия по отношению к находящемуся здесь господину Буракову, и его друзьям, господам Хвостогрызову Александру Павловичу, Шамраеву Ашхару Ахмедовичу и Леготареву Валентину Сергеевичу.

— Вы что, меня совсем не слушаете? Я же сказал, что они попытались ударить ветерана, и оскорбили мою даму! Что ж, я по-вашему должен был делать Естественно, я вмешался и высказал все что о них думаю! В ответ же на свет появились ножи и один кастет. Пришлось объяснить, что подобные действия вредны для здоровья. Потом все трое разбежались во все четыре стороны. Это, судя по всему, побежал в вашу. А кастет вот он, до сих пор у него на лапке... Кстати, если его не снять, то потом и ампутировать придется...

Оба милиционера оживились, переглянулись, после чего младший, до сих пор не удосужившийся представиться заявил;

— Нанесение здоровью вреда малой, нет, средней тяжести. Нападение на уважаемых людей...

— Правильно, — согласился я. — Так что берите этого урода обратно и можете его хоть в бочке засолить, мы в претензии не будем.

В ответ послушался довольно неприятный смех. Причем, кажется надо мной. Не понял... Я что, что-то не так сказал? Быть может у Элен поинтересоваться, она все-таки гораздо лучше разбирается в реалиях современности. Видимо опять я где-то в построении фразы ошибся. Впрочем, она и так поспешила прояснить ситуацию:

— Они собираются арестовать не этого мелкого ублюдка, а тебя. Ну и меня за компанию. Может быть еще и этого, — ока бросила взгляд в сторону Николая.

— Нет, меня не рискнут. Слишком уж глупо выйдет, да и позора не оберутся. А вот вы в опасности. Видите же, они у отца этого ублюдка на содержании находятся!

— А ну заткнись! С тобой еще разберемся! Думаешь, ваше общество ветеранов долго тебя защищать сможет? И на твои корочки управа найдется! — Зло произнес Козлов, и шагнул в нашу сторону, доставая небольшую черную дубинку странной формы. Следом за ним свое оружие извлек и его напарник. — А ну-ка, мордой в землю, руки за голову! Живо!

Слушая нелестные отзывы об окружающих реалиях, я, тем не менее, не выпускал из виду остальных действующих лиц. Так что в момент, когда оба «защитника правопорядка» решились действовать, я не слишком удивился. Но не удивился сам, удивил другого. Меня как-то не привлекало их предложение, так что я решил внести свое.

— Господа так вы что, денег желаете? Может решим миром?

На землю полетела не слишком толстая пачка ассигнаций зеленого цвета. Интересно, поднимут или побрезгуют? Вообще-то поднимать брошенную на землю наличность — унижить собственное достоинство, но у этих, судя по всему, унижать было особенно и нечего.

— Баксы... Вроде настоящие.

— Слышь, так у него и еще есть. Сейчас мы его обшмонаем! — Живо ложись, кому сказано!

Уж не знаю, что значило это самое «обшмонаем», но ни малейшего энтузиазма сие предложение вызвать не могло. К тому же я в очередной раз получил подтверждение их

пакостности. Глупы, продажны, бесчестны... Пороть бы их, да лень, плюс к тому кнутом как-то не обзавелся пока что.

Ну а слишком большая любовь к деньгам может закончиться печально для страдающего подобным недугом. С определенного времени я как-то не слишком хорошо отношусь к Библии и всему, что с ней связано (спасибо тебе, отец Савелий, вылечил от этого раз и навсегда, курсом интенсивной терапии протяженностью в полтора с лишним века), но некоторые умные мысли там присутствуют. «Да воздастся каждому по желаниям его...» Каюсь, перефразировал малость, зато к данной ситуации это подходит как нельзя более точно. Вы хотите много денег? Их есть у меня... много. Кушайте на здоровье!

Ментальный удар бьет по довольно примитивным, легко поддающимся воздействию мозгам, и реальность для двух любителей финансов приобретает несколько новый оттенок. Они действительно любят деньги. Но сейчас они любят их еще больше. Любят до такой степени, что готовы не только разорвать на части любого, кто попытается отнять у них эти бесценные бумажки, но и сожрать их.

Ага, сцепились, как собаки за кость. Пусть, теперь не будут мешать, а звуков никто не услышит, Печать Безмолвия, вовремя поставленная, не даст вырваться за пределы области ни одному, пусть даже самому громкому, звуку. Ну а я сейчас малость разберусь с тем, кто сам вернулся сюда, тем самым отбросив предоставленную ему возможность избавиться от моего непосредственного внимания. Резкий бросок вперед, руки обхватывают гаденыша, и я вонзаю клыки в его шею. Все-таки на все эти магические штучки я потратил довольно много энергии, да и лечение сейчас предстоит нешуточное... Оно много сил требует. Так что можно и перекусить. Отрываюсь от опустошенного парня, только услышав ленивый вопрос Элен:

— Граф, а чем это занята доблестная милиция, вернее то, что от нее осталось?

— Элен, краса очей моих, ну сие очевидно. Оставшийся в сознании добрался до ассигнаций и теперь наслаждается трофеем.

— Но он их ест!

— Верно. Просто теперь он получит ровно столько денег, сколько сможет переварить. Помнится, в древности фальшивомонетчикам вливали в глотку расплавленный металл, из которого они чеканили подделки. Ну а я решил несколько видоизменить сие зрелище и предложить любителям помздоимствовать и просто пограбить тех, кого они вообще-то должны защищать, деньги в очень большом количестве. Так сказать, предложить с обязательным приемом внутрь.

Тем временем любитель денег уже дожирал оставшиеся банкноты, а это значит, что желудок у него явно был луженый, раз смог переварить изделия заокеанской типографии. Что ж, сменим бумагу на металл. Я выбросил на траву перед ним завалившуюся в карманах мелочь... Похоже, именно она стала последней соломинкой, переломившей хребет жадности. Пожиратель денег захрипел, схватился за горло и, потеряв сознание, свалился на землю.

— Он любил деньги, страдал от их недостатка и умер от чрезмерного их количества. Не смог, так сказать, переварить обрушившееся на него финансовое изобилие.

— Это все очень красиво, забавно и поучительно. Но ты не подумал, куда мы трупы девать будем? — Элен, как всегда, прагматично подошла к ситуации и была права.

— Дело нехитрое, есть лишь одна маленькая деталь... Николай, тут, как я понимаю, люди не столь часто появляются? Эй, лейтенант!

— А? Что? — по всем признакам, ему все же было довольно сложно воспринять свалившееся на его разум. По крайней мере, во всем облике его присутствовала некая заторможенность, и он не сводил взгляда с моего рта.

Ах да, я же забыл втянуть клыки... Спасибо за напоминание.

— Повторяю вопрос... Это место людное? В смысле, нормальные люди тут появляются и если да, то как часто?

— Нет, ничего такого. Тут в основном только ближе к ночи алкаши собираются

водочки распить.

— Ну, не думаю что этих хоть чем-то удивить можно. Им поди и не такое видеть доводилось. — Элен сегодня была разговорчива даже более чем обычно. — Похоже, тут сейчас будет шикарный процесс утилизации ненужного хлама, то есть трупов.

Это красавица правильно подметила. Раз трупы мешают и могут привлечь нежелательное внимание, то надо от них избавиться. Что ж, придется обратиться к изыскам некромантии, кое магическое искусство как нельзя более подходит для подобного рода ситуаций. Для начала малость порисуем на траве, а для этого пригодится немного крови из мертвого тела. Благо ее тут в избытке, бери не хочу...

Теперь чертим пентаграмму, на каждом конце луча которой выводим один из символов некромантии: тьма, пустота, время, тлен, прах. Луч, символизирующий прах, конечно же, направлен в сторону тел, по бокам время и тлен. Ну а тьма с пустотой остаются в лучах, направленных в обратную сторону. Грубоватое построение, но для такой мелочи сойдет. Пентаграмма начинает пульсировать, собираемая мощь концентрируется в луче, направленном к мертвецам. Особо концентрировать силу не стоит, на кой мне остаточные проявления магии... Так что освобождаю накопившуюся мощь, и расширяющаяся волна захлестывает трупы, разлагая их со скоростью, многократно превышающей естественные процессы.

Теоретически подобные построения предназначены для оборонительных, привязанных к конкретному месту чар, но как видите, их можно использовать и для других целей. Плоть исчезла практически мгновенно, оставив голые костяки, потом рассыпались прахом и они вместе с одеждой. Оставались только металл и пластик, да и то в значительно исковерканном состоянии.

Осталось лишь тщательно затереть пентаграмму. Если этого не сделать, то остаточные проявления могут перейти из малозначительных и в общем неопасных, в постоянную аномалию, что к тому же в состоянии самоподпитываться. Нет уж, осторожность никогда не помешает.

— С похоронными работами покончили, теперь стоит и медициной заняться. Уверен, вы, сударь, знаете, что такое боль? По глазам вижу, что знаете... Обещаю, больно не будет. Будет ОЧЕНЬ больно. Но тут ничего не поделаешь, ибо за все в этом мире нужно платить. Готов, офицер? С одной стороны боль, ну а с другой — избавление от увечья, не дающего жить в полной мере.

— Куда же мне деваться... Ради такого можно вытерпеть любую боль. Действуй, кто бы ты ни был, хоть сам черт. От других все равно никакой помощи не дожидаться.

— Аркадий, а нельзя как-нибудь без боли? — потупившись, просяще проворковала готесса. — Хороший ведь человек, жалко...

— Увы. Нет, теоретически, я мог бы попробовать наложить на него какое-нибудь обезболивающее заклинание, но побочным эффектом будет резкое временное оупление, а мне понадобится его собственное желание обрести новые ноги. Без этого ничего не получится. Можно правда вместе с обезболивающим, наложить и полное порабощение воли, но как мне кажется, он предпочтет потерпеть боль, чем превратиться в моего полного раба, хотя бы и на время. Или я ошибаюсь?

— Нет. — Проворчал мой будущий пациент. — Шамань давай, чего зря болтать... Потерплю как-нибудь.

Уважаю. Искренне уважаю подобных людей. Согласись он на рабство, я бы пожалуй очень сильно призадумался, стоит ли возиться с исцелением. А так... Жаль, что другого выхода и впрямь не имеется.

Увы, но мой «пациент» действительно слишком давно потерял ноги. Слишком давно... Да и я не мастер в восстановительных чарах, поэтому могу использовать лишь тот немногочисленный арсенал целебных заклятий, что подвластны обычному, не слишком хорошо подготовленному вампиру. Сложно лечить с помощью не-мертвого живое. Можно, но сложно и тогда связующим звеном между вампиром-лекарем и человеком-исцеляемым

выступает единственное, что может связать их — боль. Разумеется, большая ее часть достается пациенту, но и мне перепадут не самые приятные ощущения.

Ну а для спокойствия Элен, да и во избежание отвлекания меня от работы, небольшое заклятие, не дающее возможности говорить. Ненадолго, на часок или до той поры, пока я сам не сниму его. Николай было попытался что-то сказать, но я успокаивающим жестом дал понять, что это исключительно моих рук дело.

Первым делом, долой протезы. Смазываю обрубки своей кровью, дабы хоть немного облегчить прирастание и начинаю. Прикладываем заимствованные у ныне покойного ублюдка ноги... Посыл силы... Уже не живое посредством не-мертвого становится частью живого. Становится, не только причиняя вспышки дикой боли, но и незаметно меняя организм, подстраивая его под промежуточное состояние. Это временно, побочный эффект, который исчезнет через пару тройку дней, но в течении их у Николая могут проявляться кое-какие из вампирских возможностей. Откровенно говоря, сам я знаю о подобных ситуациях исключительно теоретически, да и то очень смутно. Ну да ладно, по ходу дела будет возможность разобраться.

Особо сильный укол боли заставляет скривиться даже меня, привыкшего к подобному и вообще не слишком чувствительному к подобному в силу особенностей, присущих вампиру. Все, готово. Я с облегчением перевел дух, ну а Николай, уже с новыми, функционирующими ногами, поспешил потерять сознание. Вполне понимаю и нисколько не осуждаю. Во время процедуры сращивания ног с его телом магия держала его в полном сознании, ну а теперь он наконец-то мог отдохнуть от сей до омерзения болезненной, просто кошмарной для человека процедуры.

Примечание на полях.

По мере общения с графом, у меня начало создаваться впечатление, что он как магнит притягивает к своей персоне различные неприятности. Однако, поразмыслив, я отвергла это соображение. Граф не притягивает неприятности. Он их выискивает, причем, вполне возможно, что неосознанно. По крайней мере, на мои вопросы, почему его потянуло зайти именно в этот переулок, хотя перед этим мы прошли несколько весьма привлекательных с точки зрения отдыха мест он мне ничего не ответил.

Что же касается искренней и глубокой нелюбви Аркадия к церкви, то, зная его историю этому не так уж трудно найти вполне рациональное объяснение. Я конечно стараюсь несколько смягчать проявления его неприязни, однако, с сожалением вынуждена признать, что особых успехов в этом пока не достигла. Впрочем, он сейчас хотя бы не стремится немедленно убить любого святого отца, что попадает в его поле зрения, и это, несомненно, моя заслуга.

Глава пятая, в которой никто ничего не понимает, но это ни в коей мере не мешает развлекаться на полную катушку

Да уж, после операции по приживлению ног надо бы и отдохнуть как следует, от души, в приятной компании. Я уже было собрался предложить подобный вариант прекрасной готессе, как вдруг относительную тишину окружающего пространства разорвал вой сирен.

— Граф, ты только посмотри, опять доблестные правоохранители появились! — возмутилась Элен. — Вот со всей уверенностью могу сказать, что это по поводу того салата из зеленых бумажек, которыми ты патрульных накормил.

— Неужели они хотят добавки? — Нет. Скорее всего хотят тебя арестовать и допросить с пристрастием. Так что давай, отводи им глаза или что ты там обычно делаешь.

— А стоит ли...

Я определенно задумался над складывающейся ситуацией. Поверьте, господа, в жизни не был в полицейском участке, а тут такая возможность образовалась. В конце концов, надо же мне как-то отдохнуть после трудов праведных. Да и изрядно подрастраченные запасы энергии возобновить следует. Выпитого недоумка с кастетом на исцеление чуть-чуть не хватило пришлось тратить свою энергию, и сейчас я ощущал некоторый дискомфорт, служащий явным намеком, что надо бы перекусить. Вообще, не мое это призвание — исцелять. Муторно, тяжело, кучу энергии тратится... Убивать куда как проще и приятнее.

— Не поняла, ты что, решил сдаваться на милость этих гадов? — тем временем продолжала Элен всем своим видом выказывая искреннее изумление.

— Ни при каком условии. Просто хочется посмотреть, неужто все так плохо с чинами полицейскими. Нет, я конечно про историю Ваньки-Каина наслышан, но неужто и здесь та московская история повторяется. Ну а если да, то придется мне роль Татищева³ сыграть! Не хочу, чтобы на моей родине подобное безобразие происходило! А участок, куда меня доставят... Ты лучше о них побеспокойся.

— Граф, ты хоть стены оставь... Помню, как ты с тем казино разобрался. Потом в новостях передавали о пожаре, охватившем несколько кварталов столицы одного маленького прибалтийского государства...

— Ну все, тебе пора. — Перебил я её. — Идите домой. Они вас с Николаем не видят и не увидят. До скорого!

Пожар в несколько кварталов? Хм, неплохо разгорелось, однако. Хорошее воспоминание всегда улучшает настроение и настраивает должным образом если и не на повторение, то на нечто в том же роде.

— Стоять! Ни с места! Вы арестованы, — раздались вопли со стороны подбегающих людей с лицами, закрытыми черными масками и с автоматами в руках.

Стою... Только вот арестовывателям этим, лучше бы деяние сие с максимальной вежливостью совершать, с должным уважением к моему титулу, и положению. Иначе и глотку вырвать могу. Голод довольно нешуточный разыгрался.

Я демонстративно поднял руки вверх, показывая, что не собираюсь оказывать сопротивления. Разумеется, мне достаточно было приложить лишь минимум усилий, для учинения ба-альших таких беспорядков, но к чему обижать тех, кто пока что не предпринял никаких особо враждебных действий. Ну наставили стволы автоматов, так приказ у них такой. Зато если кто-нибудь попытается хамить, ну тогда... Тогда сбудутся те самые печальные прогнозы на которые так щедра моя знакомая любительница черного цвета.

Руки? Ах да, вот у него появились небольшие кандалы современного образца, их теперь наручниками обозвали. Да надевайте на здоровье и для пущего своего спокойствия. Подобные игрушки мне ровным счетом ничем помешать не могут. Достаточно лишь немного напрячь вампирские мускулы, и тоненькая цепь, их соединяющая, порвется как гнилая нить. А можно действовать и иначе... Есть в моем арсенале несколько подходящих заклинаний. Ускоренное ржавление, размягчение металла, наконец, просто небольшое преобразование формы моих кистей, благо плоть вампира куда пластичней человеческой.

Щелк. Ага, заковали и теперь считают себя в полной безопасности. Нет, какой шикарный эскорт для моей персоны! Двое по бокам, двое за спиной, а еще один впереди шествует. Вот только поведение далеко от приличного: грубят, угрожают накоматыли по шее, как только до места доедем. К тому же от особого усердия кто-то из задних попытался было врезать прикладом по спине, чтобы быстрее шагало, по отчего-то промахнулся и попал по ребрам своему сослуживцу, конвоировавшего меня сбоку.

³ генерал-полицмейстер Татищев возглавлял правительственную комиссию, разоблачившую воровско-полицейскую империю знаменитого московского вора в законе (здесь это выражение следует понимать буквально, так как Ванька-Каин «по совместительству» был еще и начальником московского сыска), и арестовавшую самого бандита.

Внушительно попал — тот взвыл от всей души и обернулся, дабы высказать своему коллеге все нелестные мысли и эпитеты. Совсем уж нелестные, основная идея которых в том заключалась, что родители косорукого сотворили потомка, будучи в жутко пьяном виде, и к тому же третьим участником в процессе был павиан из знойной Африки. В ответ же послышалось утверждение, что может он и косорукий, но его мамаша точно не была замечена в прелюбодеянии с ослом при помощи трубы от самовара.

Ага, а вот и оплеуха последовала. Неудивительно, я за подобное оскорбление вовсе бы убил. Так, теперь их пытаются разнять другие, оставив мою персону под присмотром одного-единственного охранника. Пусть присматривает, я все равно не собираюсь исчезать в самом начале спектакля, в коем сам выступаю в роли постановщика. Первый этап уже начался...

Мысленный приказ Чуме и пытающийся растащить дерущихся получает болезненный удар в область нижней анатомии. Полный боли вскрик показал, что удар маленького бесенка может быть вполне эффективен. И никакой магии. Так, самую малость, всего лишь для того, чтобы изначально подогреть злобу конвоиров. Извиняюсь, даже не подогреть, а так, перенаправить в несколько иное русло. А заодно еще временно заставим не обращать внимания на происходящее вокруг. Так оно еще забавнее выйдет.

Хорошо, великолепно просто. Сцепились, совсем уже ничего не соображают! Даже оставшийся в стороне мой личный конвоир теперь бегает вокруг и совершенно не понимает, что делать и как с этим бороться. К тому же вокруг этого безумно-примечательного зрелища начинал собираться народ, притягиваемый, словно магнитом. Вот и подбадривающие выкрики слышались, болельщики появились. Ну и обмен мнениями, не имеющими, само собой разумеется, ничего общего с действительностью. Раз так, надо бы и свою лепту внести, посеяв еще большую сумятицу:

— Судари и сударыни. Не стоит обращать слишком уж пристальное внимание на сих доблестных представителей, защитников наших от элемента преступного. Они бьются здесь, как на рыцарском турнире с целью весьма благородной...

— Так прекрасных дам тут нет. Вроде бы, — выкрикнул какой-то паренек.

— Зато есть моя скромная особа. Нет, я ни в коем роде к мерзости содомской не причастен. Но вот они... Нет! — оборвал я, чуть было не вырвавшийся очередной комментарий. — Не стоит оскорблять людей, они также миновали сию прискорбную участь. Цель этой схватки состоит в том, что победитель получит возможность доставить меня в участок, дабы, как это там... Точно! Снять свидетельские показания и может даже заключить под стражу.

Собравшаяся толпа начинала переходить от простой заинтересованности к гомерическому хохоту. Правильно, дорогие мои, сейчас я и еще огоньку подбавлю, пусть и в переносном смысле. А то и вовсе самому трудиться не придется, достаточно лишь направлять реплики с мест в нужное русло.

Вы что-то хотите сказать? — обратился я к симпатичной девушке с рыжей гривой волос. — Не стесняйтесь, скромность украшает даму лишь при отсутствии прочих достоинств, а это явно не ваш случай. Ну же, просим!

— Не больно их бой похож на рыцарский турнир. Грубо все как-то. Вы бы повлияли на них.

— Увы, увy. Запал их молодецкий слишком уж велик. Не могу я, недостойный человек, смиренно победителя ожидающий, остужать пыл пусть и не рыцарского, но все же поединка.

— А может вы... временно покинете это место, — кокетливо, с придыханием, проворковала девица. — Я и живу поблизости...

Ну и что делать? Как гусар, я естественно, должен откликнуться на столь завлекательное предложение, но как человек чести не могу же я бросить сих мужей, доблестно сражающихся за право отконвоировать мою персону... Да и кушать охота... Мало ли что, вдруг не удержусь. Мда... Ситуация. Ладно, попробую что-нибудь придумать

— Искушение велико, — сказал я, осмотрев весьма привлекательную фигурку. — Но

вы представьте себе разочарование, когда они обнаружат, что меня уже нет. Получится, что зря они проливали кровь в великой битве на городском асфальте. Может, вы мне дадите ваш адрес, или — тут я вспомнил о достижениях цивилизации — номер телефона, — и я обязательно вас навещу в ближайшее время? — Молча кивнув, девушка протянула мне небольшой картонный прямоугольник... — О, оказывается, визитки все еще в ходу!

— Во-во! — открыто расхохотался высокий, спортивного вида мужчина с короткой стрижкой, движения которого выдавали весьма неплохого бойца. — Это как если бы из-под носа чемпионов мира по футболу во время матча золотой кубок убежал.

Хохот стал вовсе истерическим. Народ изволил рыдать от смеха, и я всерьез начинал опасаться за их здоровье. Ладно, хорошего помаленьку, надо бы и завершать первый акт комедии. Они и так друг друга хорошо поколотили, довольно с них. Легкий ментальный удар и последние двое, еще державшиеся на ногах, рухнули. Теперь добавим лишь последний эффектный штрих:

— А где же победитель? — горестно спросил я у зрителей. — Неужто придется им заново выявлять сильнейшего среди своих рядов?

— Может в карты разыграть победителя?

— Мы не будем полагаться на волю случая, — строго и наставительно высказал я свое мнение. — Лучше я доставлю их всех в участок, и пусть начальство само определяет, какой награды кто из них достоин. Уверен, что награды обретут достойных владельцев. Ну а вы, господа, помогите погрузить их в автомобиль.

Предложение нашло живой и радостный отклик. Щелкали вспышки фотоаппаратов, люди радостно, с прибаутками, грузили бесчувственные тела в машину. Ну а я руководил сим процессом, порой даже покрикивая на особо усердствующих в желании помочь родной милиции. Карманы там обчистить или пистолет перевести из государственной собственности в частную. Наконец погрузились.

— Засим разрешите откланяться, — слегка склонил я голову, садясь за руль. — Надеюсь, что сей турнир доблестных защитников общественного порядка оставит хотя бы небольшие следы в вашей памяти.

— Оставит! — раздался дружный и слитный рев.

Поразительное единодушие, просто трогательное единение народных масс. Давненько я подобного не видел. Пора и ехать, к тому же будет интересно прокатиться на этом транспорте. Благо, тот му... — ну, пусть будет мужик, все же здесь рядом дамы находятся, — к которому я применил «Поцелуй истины», — водить умел, ну и соответственно и мне кое-что из его знаний перепало. Правда, не так уж и много... Интересно, довезу ли ценный груз или вывалю в ближайшую канаву по причине неопытности?

— Слышишь, друг, ну зачем тебе к ментам соваться? — попытался отговорить меня от поездки тот самый, коротко остриженный боец. — После такого турнира тебе там ничего хорошего ждать не придется, каким бы ты там гипнотизером не был.

— А и верно, милоч, — поддержала его старушка очень преклонного возраста. да и остальные явно соглашались.

— Дорогие мои, — ухмыльнулся я во все сорок четыре зуба. — Так ведь меня УЖЕ арестовали. Вот эти самые, что сейчас лежат и отдыхают. Вот и подумайте, что будет в том месте, куда я приеду. Кстати, где тут ближайший участок, который мне стоит осчастливить своим появлением?

Вариантов было несколько. Возник даже спор. Некоторые из зрителей, чьи тела были обильно украшены наколками, — отстаивали кандидатуру третьего участка, упирая на то что «пацанов там почем зря гнобят». Другие, не столь украшенные, отвечали что «нефиг гнать пургу на честных ментов, их сейчас и так немного осталось, пусть лучше с окончательно продавшимися разберется» — отстаивая кандидатуру участка номер два.

При всем богатстве вариантов выбирать все же надо. Что ж, обратимся к наиболее спокойному, то есть все к тому же короткостриженому «спортсмену»:

— Ну так что, куда действительно ехать? Но только поближе.

— Хм, — он поскреб затылок, после чего выдал мысль. — Разницы особой, конечно, нет. Но вот что, друг. Тут до первого светофора и налево через три дома есть одно местечко. Второй участок. В третьем, конечно, тоже не ангелы работают, но чтобы они взятки откровенно брали, или людей не по делу гребли — такого я не слышал. Начальник у них там со старых времен остался. Держит их крепко. А вот эти, со второго... За базар отвечу, гнилые там люди. Не знаю уж кто или что ты такое, но гадом буду, за тот визит тебе все спасибо скажут... и мужики, и сами менты, у кого еще хоть что-то от человека в душе осталось. Хотя говорили, что есть там кто-то не до конца ссучившийся, так ты того, постарайся разобраться. Лады?

— Можешь не сомневаться. Каждому по делам его.

— Во, оно самое. Бог есть и он не фраер, правду видит! Бывай.

— Прощай, незнакомец. — Странно... Упоминание бога, почему-то оказалось довольно неприятным, я едва удержался чтобы не поморщиться от неожиданной боли, кольнувшей грудь в том самом месте, куда когда-то вошел кол отца Савелия. Впрочем, боль была короткой и мимолетной.

Я забрался в кабину, немного осмотревшись, нажал на педаль, как подсказывали мне чужие навыки, мотор взвыл, и автомобиль поехал в указанном направлении, везя меня к продолжению развлечения и приближая кого-то к не самым приятным минутам жизни.

* * *

Довез. И даже по дороге ни разу не опрокинул. Разве что пару раз врезался в столбы и углы зданий, да несколько машин помял по дороге, но то дело для новичка простительное. Главное — довез! Хорошая машина все же этот фургончик милицейский. Крепкий... А вот и тот самый участок, в который меня так хотели доставить. Ну я и приехал, но что-то не видно торжественного комитета по встрече. Посигналить что ли?

Нажав на клаксон, я уже не убирал с него руку до тех пор, пока из здания не выбежали его возмущенные таким поведением обитатели. Их взорам предстала полностью безумная картина — милицейская машина, в которой на месте водителя сидит странный тип в гражданской одежде и со странным украшением на руках. Каким? Н как же, теми самыми наручниками, которыми меня решили украсить господа, что сзади валяются и уже начинают постанывать, слабо выражая матерное неудовольствие своим состоянием. Только пришлось наручники все же разорвать, а то управлять автомобилем мешали.

— Эй, мужик, ты вообще кто и какого тут разгуделся?

Какое бескультурье — назвать меня, дворянина и офицера каким-то мужиком! Воистину, в современном мире совсем плохо с правилами приличия. Однако, ответить ему придется...

— Арестованным лейтенантом Бельским конвоировавшие его сотрудники правоохранительных органов в количестве пяти экземпляров доставлены! Ожидаю дальнейших распоряжений!

Непонимание в глазах «комитета по встрече» достигло вовсе уж высокой отметки. Вытаращенные глаза, ошалело моргающие, у некоторых полуоткрытые рты. Так и хочется посоветовать им поискать нижнюю челюсть где-то на асфальте, куда она вот-вот укатится. Догадываюсь, что ничего подобного в их жизни не случилось. Служебная машина, на которой арестованный доставляет тех, кто должен был арестовать его... Бред сумасшедшего вроде бы. Однако, один из них решил все же проверить и заглянуть внутрь салона автомобиля. Нет, зря я думал, что у него глаза выпучились до крайнего предела, был еще некоторый запас.

— Ты это, что сделал-то? — Его рука потянулась было к висящей на поясе кобуре, но тут его взгляд упал на разорванные наручники, потом на избитые тела в полусознательном состоянии, и поползла обратно, в первоначальное положение. — Отвечай!!!

— Сижу это я, никого не трогаю. Приезжают доблестные милиционеры, арестовывают и велят идти к машине. Ну я, как добропорядочный и законопослушный подданный, выполняю полученное распоряжение, — тут я чуть было не рассмеялся говоря подобную чушь. — Вдруг они останавливаются и начинают выяснять, кому именно принадлежит высокая честь доставить меня в участок. Ну и...

— Павел, хватит эту пургу слушать! — рявкнул другой, более решительно настроенный. А ну выходи отсюда, тварь! Сейчас я тебя к капитану отведу, он таких интеллигентов любит!

— Я тоже страсть как люблю нашу родную милицию, — раскланялся я, вылезая из авто. — Уверен, что беседа с вашим обожающим интеллигенцию начальством доставит мне массу удовольствия. Правда я к сему, несомненно заслуживающему всяческого уважения сословию чести принадлежать не имею, будучи потомственным дворянином... Однако, думается мне, что это не помешает взаимноинтересной беседе...

— Че-его?!

— Перевожу с языка нормального на тебе понятный. Веди к капитану, холуйская морда!

Тот побагровел, цветом лица сравнявшись с перезрелым помидором. Полнокровие у него что ли? Так от этого есть одно давнее, но очень полезное лекарство... Вылечить может или пока подождать? А, успеется. Багроволицый замахнулся было на меня, но встретил мой взгляд и опустил руку, приговаривая что-то о том, что он еще мне устроит райскую жизнь в камере. Ну, родная душа, до камеры еще дойти надобно... И что-то мне подсказывает что в самом скором времени роли могут несколько поменяться.

Интересно... Только что заметил я, что чувство голода несколько поуменилось. Не значит ли сие, что вовсе необязательно мне кровь пить, а можно наподобие Чумы чужими неприятностями довольствоваться? Может быть, моя нынче прорезавшаяся любовь к шуткам злым над людьми недостойными есть признак сего изменения? Ну ладно, хватит философствовать. Пора к реалиям земным возвращаться. Все равно, от удовольствия, что крови питье доставляет, отказываться я не намерен.

Пока же я всего лишь шел впереди сопровождающих, некоторые из коих испытывали не совсем однозначные эмоции при виде такого «задержанного». Их никак не покидало ощущение, что здесь все не так просто, как всегда. Однако, я ведь вел себя весьма тихо и прилично, а для подобных субъектов такой расклад есть самый ободряющий. Парадокс... Будь я груб, нагл и хамоват — сразу преисполнились бы уважения и страха, тогда наверняка попросили бы удалиться с территории их участка и больше не показываться. Ну а так... Я великолепно чувствовал, как в их головах натужно скрипят довольно подленькие мысли, направленные на то, чтобы устроить мне множество неприятных впечатлений. Ладненько, подождем до беседы с их начальством, вдруг он умнее окажется.

Привели, наконец-то, и представили пред очи своего непосредственного начальства. Капитан... Да уж, сразу видно, что личность большая во всех отношениях. По крайней мере, простого стола для этой туши было маловато. Вес явно перевалил за центнер, причем мышцы занимали не самое главное место. Ну да не в том суть, хотя офицеру лишняя масса вроде как и ни к чему. Дело в том, что глазки у него больше всего походили на те, что я видел во время охоты у старого кабана — такие же маленькие и злобные.

— Это кого вы мне притащили,! — заорал он, орошая слюной все углы кабинета. Право слово, просто верблюд отечественного производства, ничуть не уступает. — Почему не в наручниках? Почему на поясе нож, да и ремень такой, что им можно вас всех поубивать на ...?!

Хорошо орет, громко орет, по делу орет. Молодец! Настоящий начальник. Вот только насчет наручников он зря. Я вновь приподнял руки и позвенел обрывками цепочки, заставив обратить на сей факт некоторое внимание.

— Не живут они на мне, все время ломаются. Халтурят производители, сталь некачественную используют. Чуть попробуешь на прочность, они и рвутся.

— Слушай, так тебя и в камеру сажать опасно, а то ты и там решетки выломаешь, стены на прочность проверять будешь, — ухмыльнулся стоящий позади капитана крепыш с погонами старшего лейтенанта.

— А что их проверять? — в тон ему улыбнулся я — и так понятно, что слабые! Головой пробить можно, если голову достаточно крепкую подыскать. Уточняю сразу, моя не подходит. Предпочитаю для стенкопроламывания чужими пользоваться.

Ухмыльнувшись, старлей заметил: — Капитан, давай его выслушаем, человек забавный, да и непростой, очень на то похоже...

— Послушаем, — изначально тихо ответил тот и вдруг вновь взорвался. — Я сейчас тебя послушаю на предмет служебного соответствия. А ну снять ремень, изъять нож, а заодно и поучить жизни, чтоб не ухмылялся тут!

Старлей открыл было рот, чтобы возразить, но тут тот самый, страдающий избытком крови в организме, решил проявить инициативу при помощи черной резиновой дубинки, похожей на ту, которой патрульные размахивали. Элен её упорно «демократизатором» называла. Интересно, почему? Надо спросить будет. Хотя... Понял кажется! Вон как этот ею замахивается... Наверное, она способствует повышению уровня сознательности граждан, особенно когда это уровень пола, на который падает индивид, познакомившийся с сим достижением «самой прогрессивной формы правления».

Замах, удар... и дубинка пролетает мимо. Отвод глаз, он самый. Ну а жертву инерции заносит в сторону и он врезается в шкаф своей не слишком subtilной фигурой, оттуда рушатся какие-то папки со всякими «слушали-постановили-арестовали-выпустили» и прочий хлам. Рычание и он вновь заходит в атаку, словно бык на тореадора. И снова мимо. На сей раз бедолага врезался в стол капитана, произведя там маленькое, но душевное сотрясение.

— Третья попытка будет? — невинно поинтересовался я. — Если нет, то вы бы пошли проспались, а то тяжело, наверно, с похмелья по кабинету начальства бегать.

— Какого еще похмелья? — деловито заинтересовался старлей. — Ты что, опять нажрался?

— Да ни в одном глазу, я на работе ни-ни, — начал было открещиваться тот.

— А вы проверьте, пусть он дыхнет...

Предложенное мной заинтересовало лейтенанта и он повелительно подозвал к себе подозреваемого в распитии горячительных напитков в особо больших количествах. Тот, естественно зная, что ни в чем таком не замечен, приблизился, дыхнул и... по кабинету прокатилась волна могучего перегара, от которой присутствующие дружно загрустили. Больше всего загрузтил сам «виновник торжества», который ну никак не ожидал подобного поворота событий.

Оно и ясно, пить он сегодня не пил, вернее не пил такого количества... Откровенно говоря, и зловонно-перегарное дыхание принадлежало вовсе не ему, а моему бесенку, который всего лишь исполнял команду. Зато сделал это с удовольствием! Дыхание у Чумы и так благовоняет не розами, а тут он еще изволил вылакать пару бутылок коньяка, стоящих в сейфе у капитана. Дорвался, подлец... Однако, такой случай грех было не использовать и вот, как видите, небольшая импровизация принесла свои плоды. Кто ж теперь ему поверит, что он, пьянь подзаборная, не по своей вине не мог попасть дубинкой по стоявшему на одном месте арестованному? правильно, не поверят. Разве что старлей начал посматривать в мою сторону слишком пристально, видимо, умный и соображающий человек оказался, но это так, исключение из общей массы. Впрочем, мне и не нужно водить их за нос долго. Так, еще несколько минут и довольно.

— Господа, быть может со мной все-таки дело решите? Кажется, кто-то хотел послушать о том, каким именно путем я здесь оказался?

— Послушаем, — проскрипел боровоподобный капитан. — Поговори, все равно ты у меня надолго сядешь за нападение на сотрудников при исполнении.

— Нападение? Разве было какое-то нападение? Что-то я такого не припомню.

— Ты что, ..., за идиотов нас держишь? Кто напал на патруль, обезоружил и под

угрозой применения оружия заставил их съесть пачку бумаги? Хорошо, водитель их видел, и группу захвата вызвал! Да и исчезнувшие бесследно четверо молодых людей, детей уважаемых в городе людей тоже на тебе. Ох отдам я тебя их родичам, тогда ты сам ко мне запросишься и умолять будешь, чтобы я о твою харю сапоги вытер.

Ну вот, родной, все с тобой ясно. Ты у нас вовсе не честный офицер, а всего лишь шавка на службе у сильных мира сего. Другой даже и не думал бы упоминать о «влиятельных людях» и уж тем более не угрожал бы расправой. Вон как у старлея лицо перекосилось при одном упоминании «влиятельных». Ну а остальные никак не отреагировали, видать, для них это в порядке вещей. Что ж, исходя из увиденного, и буду делать выводы. Разве что для окончательной проверки еще один тест проведу... на степень гнильи в душах человеческих.

— Ах это... Помню, приходили эти молодые хамы, девушку оскорбили, грубости говорили. Я человек культурный, просто вежливо убедил их уйти куда подальше, в далекое пешее и всячески порнографическое путешествие. Видно пошли так далеко, что до сих пор идут. Как говорится, сработал четвертый закон Ньютона.

— Это какой? — заинтересовался старлей.

— Ну как же... Тело, посланное в то самое путешествие, движется равномерно, прямолинейно и обратно не возвращается.

— Забавная формулировка. А ты их мирно убедил?

— Относительно, — честно ответил я на его вопрос. — Ушли далеко за исключением того, которому я кастет на нежной лапке малость помял. Он и бросился жаловаться всем подряд, патруль привел.

Самое интересное, что я не сказал ни слова неправды. Я действительно убедил их покинуть этот мир... А есть ли более далекое место, куда я мог бы отправить сих существ, не заслуживающих именоваться людьми? Да и идут они туда, наверное, до сей поры. Ну а обратно вернутся, разве что если их останками заинтересуется какой-нибудь талантливый спирит или некромант. Вероятность же подобного, мягко говоря, невелика, а если быть совсем точным, то стремится к нулю.

— Допустим, так оно и было, — предположил мой собеседник, игнорируя пока что пыхтящего от злости капитана, что никак не мог разродиться членораздельной фразой. — Ну а как вы можете объяснить ситуацию с патрулем?

— Ну а с ним и вовсе все нормально было. Пришли двое вместе с тем, что им пожаловаться изволил, да и принялись было меня обвинять во всех грехах. Да так настойчиво обвиняли, что разве только полный дурак не понял бы их истинные намерения... Проще говоря, взятку получить мечтали.

— А вы что же?

— Они так просили, так просили, аж на слезу прошибло, — усмехнулся я. — Вот я снизошел к их убедительным просьбам, да и дал. Как оказалось, слишком много. Верно один мой знакомый говорил, что продажным людям вредно много давать — они от денег вовсе разум теряют. Вот и эти, увидев брошенную пачку ассигнаций, вовсе ошалели. Бросились сначала друг на друга, потом на деньги. Ну а потом вместо того, чтобы по карманам рассовать, решили скушать. Кстати, как там у них со здоровьем, нормально переварили продукцию американского казначейства? Заворота кишок от обжорства не случилось?

Старлей, до сего момента мужественно удерживающийся от смеха, не выдержал, и согнулся в три погибели. Видимо, представил себе патрульных, пасущихся на травке американского производства. Вот только ни шерсти, ни молока от этих жвачных ожидать не стоило.

— Ты чего ржешь? — обретший дар речи капитан накинудся на своего подчиненного. — Он тут над нами издевается, а ты смеяться?! Немедленно его в камеру, к тем двум беспредельщикам залетным, да скажите, чтобы они его как следует уму-разуму поучили.

— Но капитан, парень вроде не так уж и виноват. Вы же знаете эту парочку. Да за

сотню баксов они об любого дубинки обломают...

— Не рассуждать! Ты у меня уже давно поперек задницы встал со своими принципами. Пошел вон! Во-он из кабинета!

— Да вы не вопите так, капитан, — посоветовал я. — Лопнете еще, кровью забрызгаете. Хотя нет, какая у вас кровь. Тогда уж по всему кабинету разлетится тонкий слой весьма банального органического удобрения. Слышь, старлей, ножик свой я тебе оставлю. Не надолго, на полчаса. Ты уж не уходи пока отсюда, будь любезен. Договорились?

Тот лишь кивнул головой, чувствуя, но не понимая, что дело обстоит не просто нестандартно, а очень нестандартно. Зато понял, что у меня нет ни страха, ни вообще какого-либо беспокойства за собственную участь. Он взял отданный нож, после чего тихо шепнул:

— Если через час что не так, то я постараюсь что-то сделать. Наш капитан вовсе озверел, попытается тебя здесь же на инвалидность перевести.

Надо же, единственный нормальный человек во всем местном гадюшнике. Непременно учту это при апофеозе веселья, что надвигается быстро и неотвратимо. А пока... Пути ведут в камеру, и я в принципе не могу упустить возможность осмотреть подобную «достопримечательность» здешних мест.

* * *

Хорошо хоть до камеры меня сопровождали без недоразумений, то есть даже не пытались размахивать кулаками, дубинками и прочей вульгарщиной. Наверняка они рассчитывают, что внутри меня ожидает очень «теплый и дружеский» прием. Придется в очередной раз их разочаровать...

Стальная дверь сначала открылась, демонстрируя внутренности камеры, ну а потом закрылась, стоило мне переступить порог.

— Это кто в хату зашел? — прозвучал хрипло-пропитый голос. — Назовись, фраерок!

— Судя по пренебрежительным нотам в вашем голосе, вы пытаетесь оскорбить человека, даже не зная, кто он такой... Печально видеть столь вопиющую глупость.

— Мальчик типа не понял, мальчика поучить надо, — заговорил другой, сутулый тип неопределенного возраста, весь покрытый затейливыми татуировками. — Да и просили с ним побеседовать. А мы просьбу и выполним.

Мир сошел с остатков и так невеликого ума... Все пытаются меня чему-то научить, вот только ничего полезного в большинстве предложений нет и не намечается. Ну почему учеба в их понимании — попытка применения физического воздействия, а проще говоря бития, или же неудержимое желание нахамить. Кажется еще Вольтер писал, что именно бытие определяет сознание. Увы, классиков философии тут явно читать разучились, иначе высокая категория бытия не скатилась бы до примитивнейшего бития... Ну раз так, то и мы воспримем сие переложение классика и применим к ним самим.

— Гм... Поучить? Но чему вы меня научит то можете? По виду вашему судя, вы даже церковно приходскую школу не окончили, а я все же в кадетском корпусе обучался. Это скорее мне вас учить придется!

— Ну все,, ты точно попал. В параше утопим, а потом используем как в голову придет. Дави его, Гиви! Только не до смерти, капитану он живой нужен.

— Вах... Я его не рзать как барана, я его ыметь буду по самый корэнь!

А вот за такое оскорбление надо учить особенно жестоко. Оскорбить меня, дворянина и офицера, столь непристойным образом, приравняв к почитателям содомской мерзости... Придется учить уму-разуму особенно тщательно, не жалея сил ни физических, ни магических. Мда... А для того чтобы эти силы были, перекусить требуется. Ну что ж, пищи тут вполне достаточно!

Бросок вперед, клыки впиваются в горло сутулого, и поток жизненной силы хлынул в меня через разорванную яренную вену. Наслаждение... Чистое, ничем незамутненное счастье насыщения. Я даже не обратил внимание, на легкий укол справа, и лишь закончив

пытаться перевел взгляд на замерших в ужасе, жмущихся к стенам разбойников.

Выпустив обмякшее тело сутулого, я выдернул из своего бока остро заточенную спицу, и перевел взгляд на побледневшего, несмотря на свою природную смуглость Гиви.

— Ая-я-яй, — улыбнулся я, демонстрируя острые клыки, и неспешно облизнул кроваво-красные, как это всегда бывает после еды, губы. — Как нехорошо...

— Шайтан!!!! — дико вскрикнул тот, распластываясь по наиболее отдаленной от меня стене.

— Ну что вы, не надо лести, ну не надо, я стесняюсь... Ну какой из меня шайтан, — я позволил своим глазам на мгновение превратиться в кроваво-красные бельма. Это, кстати было самым первым умением, которому меня обучила Сангрени — скрывание истинного вида глаз. Но сейчас я не видел смысла скрываться, — Я не дьявол, — хищная улыбка, — я только учусь!

Вы спросите, зачем я устроил это представление? На самом деле, все просто, господа. Есть я в ближайшее время никого не собирался, да и убивать не хотелось... Ну разве так, саамую малость, не удовольствия ради, а профилактики для. С другой стороны, даже один, беглый взгляд на ауры находящихся в этой камере пятерых заключенных, — ох, нет, пардон, ныне четырех, и одно мертвое тело, — наполнял меня сильнейшим омерзением.

Насильники, убийцы, причем убивали часто, и с большой жестокостью, грабители, получающие удовольствие от измывательств над беззащитными жертвами... Оставить их так просто, позволив вскоре выйти на свободу и вновь продолжить свои бесчинства, означало стать невольным соучастником их преступлений. Мои предки в гробах бы перевернулись, без всякой некромантии, поступи я таким образом. В то же время, убивать не хотелось просто категорически. Видимо на сегодня я свой лимит смертей выбрал или просто захотелось разнообразить проработку. Оставалось одно. Изменить их мозг так, чтобы они в принципе были неспособны причинять вред кому бы то ни было. А подобное тонкое воздействие, — это вам не с ума сводить, и не иллюзиями баловаться. Тут все куда посложнее будет. У мозга человеческого, от вторжения подобного, защита стоит, весьма надежная. А спадает защита сия от боли, ужаса смертного, да наслаждения превеликого, что женщина мужчине подарить может. Последним кстати, ведьмочки многие, с превеликой охотой и умением частенько пользуются.

Но я не ведьмочка страстная, а гусар, пола мужеского, так что ласки им дарить не намерен. Но и катовать⁴ их не хочется. Они конечно того не раз уже заслужили, но неприятно мне делом этим заниматься. Граф я, кровей благородных, не по мне работа палаческая. Можно конечно на них Чуму напустить, он-то с удовольствием превеликим за дело это возьмется, да только иной подход вначале испытать стоит.

Вот и остается, что ужас смертный нагонять, дабы защита их ослабла... О... Подается, подается... Ну-ка, усилим натиск!

— Чума, ко мне!

— Что прикажете повелитель? — бесенок оказался последней каплей. Барьеры разума у троих, сидящих на нарах рухнули, и я наконец-то смог воздействовать на их души. Ничего особо сложного я творить не стал. Все же не силен я в ментальных воздействиях. Так, блок поставил. Простейший, примитивный. Отныне они никому и никогда не смогут причинить вред. Попытаются ударить, — рука заболит, так, словно там все кости только что переломали, сказать слово гадкое попробуют, — во рту ощущение, будто пуд горчицы съели возникнет... Ну и так далее. Ныне они даже для самозащиты никого ударить не смогут. Стоит им лишь подумать, что действия их вред кому-нибудь причиняют, человека огорчить могут, как сразу же их кара постигнет. А что поделать... Ну не специалист я в этом, долго бы с фильтрующим блоком возиться пришлось, да и заслужили они наказание за дела свои

⁴ **Катовать** — пытаться, мучить (старосл.). От слова кат — палач.

мерзкие. Уф... С ними окончено. Пусть пока без сознания повалиются, пока я с Гиви, разбираться буду. Не люблю, когда в меня вязальной спицей тыкать изволят!

Мда... Своеобразная у кавказца психика оказалась, прямо на человеческую не похожа, непривычно даже. Извините, по ментальному воздействию на слабо развитых не специализировался. Испуган он сильно, в углу сжался, подвывает, аки сука на морозе, но к разуму подобраться зело сложно, за неимением такового в сколь-либо заметной форме. Ну, если гора не идет к Магомету, так на то взрывчатка имеется. Глядишь, и докатится гора, пусть и отдельными камешками... Придется, видимо все же катовать паршивца.

— Займись, им, Чума.

А бесенок-то как рад... Аж светится! Причем в прямом смысле. Подлетел к разбойничку, облетел его кругом, языком прицокивая, а потом участливо так поинтересовался: — Что ж ты, мил человек, дела нехорошие творишь? Видать, воспитывали тебя плохо?

Ну а тот видимо решил, что шанс отговориться есть. Весь просиял, залопотал на языке мне неведомом, потом на русский перешел, причитал, что сиротой рос, папку убили, мамка занята была, деньги зарабатывать было надо, вот и получилось так... И все приговаривал свое бесконечное: — Отпусти, да? Прости, мамой киланус, нэ буду болше! Васпытывалы пилохо, да!

— Ну что ж с тобой поделать... — Чума вдруг вырос в размерах, — иллюзия, но до чего талантливо исполненная, — схватил его за шкурку, и швырнул головой о стену. — Придется воспитывать! — За мгновение перед тем, как голова разбойника соприкоснулась с каменной стеной, язык серого пламени, вырвавшегося из пасти беса, проделал в ней отверстие точно по форме его черепа.

Теперь голова разбойника находилась в соседней камере, а плечи, грудь, спина и все остальное — в этой. Чума, вновь принявший свой нормальный размер, подлетел ко мне и застенчиво попросил:

— Хозяин, не могли бы вы выдать мне инструмент, для проведения воспитательных работ подходящий?

— Ты это о чем? — если честно, поступок беса вызвал у меня некоторое недоумение.

— Ремешочек ваш пожалуйста ненадолго. — Бесенок так и лучился довольством.

— Держи, — я протянул ему ремень.

За работу бесенок взялся с завидным энтузиазмом...

...

— казёл паршивый.

— Чума, мне кажется, ты халтуришь.

— Прощенья просим, хозяин! Щас исправлюсь!

...

— А-а-а-а... .. пазорные!!! Атпустыте, это нэ наш мэтод!!!!

— Уже лучше, однако, все-таки слабовато. — Попенял я своему слуге.

— Сам бы попробовал, хозяин! — Дерзко ответил взмыленный бесенок. — Я ж не виноват, что у него такая задница дубленая! Вот по голове ударить — череп пробью сразу, ну а филей у него словно из камня.

— Сам, так сам... А то, ты и вправду слабоват, похоже... Давай сюда ремень.

...

— Вай, атпусти, мамой кланусь, нэ буду болше!

— Что не будешь, дитяtko неразумное? — спросил я, приостанавливая воспитательные работы.

— Шито скажешь, то и нэ буду!

Поразительная сговорчивость, вот только верится почему-то не очень. Такие обещания подобными типами легко даются и еще более легко нарушаются. Тем не менее, спрошу у одного довольно авторитетного в сих вопросах источника. Бесы, они ведь по своей природе способны неплохо чувствовать искренность человека, обмануть их практически невозможно.

— Чума, как считаешь, есть ли в словах сего индивида хоть малая доля правды? — честно сказать, мне бы этого весьма хотелось. Копаться в таких мозгах, — удовольствие весьма ниже среднего.

— Ага, конечно, — бес скорчил сверхпрезрительную гримасу, полностью рассеивая мои надежды. — Да он же врет, как дышит, а дышит часто. Он вообще мечтает только о том, чтобы самому выбраться из этого положения, а тебя, хозяин, туда поставить.

— Наивный... Ладно, продолжим процедуру.

Минут через пять, защита сознания бандита наконец-то рухнула, позволив мне пробиться к его мозгу. Уф... Хорошо, вампиры не потеют, а то был бы сейчас весь мокрый. Да... А на заднице сему индивиду еще долгонько сидеть будет затруднительно. Ну, пора бы и покинуть это помещение. Указываю Чуме на дверь камеры и тот послушно превращает область замка своим дыханием в ничто.

Открываю лишившуюся замка дверь и выхожу в коридор. В коридоре пусто и безлюдно и это хорошо. Почему? Просто перво-наперво возникает желание зайти к хозяину здешних мест — боровоподобному капитану с гнилым нутром. А остальную мелочь уж на потом оставляю. Так что временно перейдем в невидимое для любопытствующих глаз состояние и направимся незванным гостем к вышеупомянутому человечку.

Какие приятные сюрпризы! Капитан даже не изволил запереть дверь, что позволило зайти тихо и совершенно незаметно. Тот только недоуменно покосился на медленно открывшуюся дверь, пожал плечами и вернулся к тому важному занятию, коим был поглощен до моего прихода — распитию бутылки коньяка. Ну и запасец у него в кабинете... Чума ведь вылакал две бутылки, стоявшие в сейфе, а он сидит, распивает себе. Хотя мог кого-то из своих клеветов послать в винный за добавкой, с такого станется. Ну что, пора исполнять свое обещание. Я обещал ему неприятности? Обещал! А свое слово я держать привык твердо.

А для обеспечения спокойного протекания очередной воспитательной процедуры, малость оградим зону кабинета от разного рода случайностей вроде выхода шума за его пределы.

Готово. Пусть теперь орет сколь угодно громким голосом — снаружи его не услышат. Что бы такого устроить для начала? Ладно... Будем действовать по ситуации. Однако...

На столе прямо перед капитаном вдруг нарисовался маленький чертик, ехидно оскалившийся и отплясывающий нечто довольно похабное. Забавно было видеть ошалевшие глаза любителя выпить, когда он осознал присутствие рядом классического симптома белой горячки. Пусть чертик оказался не зеленым, а черным, да и не чертиком совсем, а бесенком по прозвищу Чума... Впечатление для затуманенного алкоголем рассудка все равно должно быть весьма шокирующим.

— Брысь, глюк, — заплетающимся языком выговорил хозяин кабинета, пытаясь смести Чуму со стола. — Не х-хочу в психушку.

Рука, разумеется, прошла сквозь бесенку, способного по желанию переходить в эфирное, проницаемое для материи состояние.

— Да ты что, мужик! — праведно возмутился Чума, просовывая голову в бутылку коньяка, и засасывая едва ли не половину. Сам вызвал, а теперь прогоняешь! Совсем того, да? — он покрутил пальцем у виска. Я осторожно, чтобы не нашуметь, присел на разваливающийся стул в углу кабинета, и приготовился наслаждаться представлением.

— Я не муж... ж-ж-ж, ж-ж-ж, — капитана кажется, заело. Наконец, он справился со своим языком, и довольно четко произнес: — Я не муж-жик, муж-ж-жики в камерах сидят! А я — капитан милиции, я их туда саж-жаю! — Затем он немножко подумал, и менее уверенно добавил: — И я тебя не выз-з-ывал.

Гм... Кажется его просто клинит, на буквах «ж» и «з». К чему бы это? Нет, я все понимаю, но нельзя же ТАК пить! В смысле, неумело. Вот, например, когда мы с Ржевским отмечали взятие Парижа, так у нас там не только чертики к пьянке присоединились, но и небольшие, изящные феечки, с радужными, слюдяными крылышками, которые на пару с

хвостато-рогатыми кавалерами просто превосходно танцевали чардаш. Мы с Ржевским, попытались было тоже составить им компанию, но увы, трагичное несовпадение размеров, и закончившееся шампанское помешало развитию знакомства... Пришлось вызывать девочек из заведения мадам Ляреню... К чему я это? Да к тому, что уж коли допился до видений, то изволь обращаться с ними вежливо, без хамства, а не жужжать, как муха придавленная!

— Ка-ак не вызывал? — Между тем возмутился мой бесенок. — А как же это? — он притопнул ногой, и нижний ящик стола вдруг отодвинулся сам собой, открывая свое переполненное пустыми бутылками нутро.

— И что? Брякнул откинувшийся на стул капитан.

— Как что? Желание загадывай! — на Чуме материализовались круглые очки и полушинель, в руках появился свиток, длиной раза два больше самого бесенка, и серое гусиное перо. В общем, и целом, он так походил на какого-нибудь мелкого чиновника шестого разряда, что я прямо умилился. Сдержать рвущийся из груди смех удалось с большим трудом. Меж тем, бесенок, развернул свиток, и громким, но довольно писклявым голосом зачитал: —

Заявка на явление алкогольной галлюцинации.

Я, нижеподписавшийся, капитан милиции Кузнецов Владилен Осипович, вызываю к себе служащего третьего отдела Галлюцинаций, Управления Белой горячки, беса Чуму Глюковича Кладбищенского, в качестве алкогольной галлюцинации.

Авансовая плата в размере двух бутылок коньяка «Арарат» и трех бутылок пива «Жигулевское» внесена полностью.

Окончательный расчет в виде загубленной самоубийством души, будет произведен наутро, при наступлении похмелья.

Дата, подпись.

— Все верно? — бесенок протянул вконец ошалевшему капитану свиток.

— Верно... — от растерянности и шока капитан трезвел на глазах, и я с сожалением подумал, что скоро забаву придется заканчивать.

— Подпись твоя? — настаивал бесенок.

— Моя... — еще более растеряно отвечал капитан. — Но я не помню, чтобы подписывал подобное!

— Ничего страшного, — утешительно похлопал его по плечу Чума. — Так часто бывает... Особенно если коньяк с пивом смешивать!

— Ну же, заказывай! — поторопил он осевшего, и крепко призадумавшегося капитана.

— Что заказывать?

— Как что? Ты кого вызывал? Ну что за клиент пошел! — всплеснул руками бесенок. Сплошные склеротики! Того не помнят, этого не помнят... Галлюцинации заказывай! До утра, все самые лучшие галлюцинации к твоим услугам...

— А утром? — тупо поинтересовался Кузнецов.

— А что утром... Все по договору. У тебя пистолет есть?

— Есть! — радостно заулыбавшись, капитан извлек табельное оружие и помахал им перед носом у Чумы. Вот... — системы Макарова...

Чума немедленно заглянул в дуло, затем запустил туда руку, поковырялся, вытащил, брезгливо вытер о какой-то документ с грифом «секретно» и наконец, констатировал: — Да... Состояние не ахти, конечно... Оружие не чистилось со дня выпуска. Но ничего, тебе сгодится. В висок не промажешь. Да и с веревкой мучаться не придется... Знаешь, как неудобно с похмелья узел правильный завязать? Мне об этом многие рассказывали...

— Не хочу...!!! — Бешеным кабаном взревел капитан, нажимая на курок. Раздался выстрел, и пуля, пойдя сквозь чуму ударила мне в плечо, сбивая хрупкий покров невидимости. Ах ты ж ...! Больно, однако!

Так это твои шуточки? — Увидев меня, капитан окончательно озверел. — Ну держись,

гипнотизер х...! ... тебе пришел! — он начал яростно палить в меня, из своего пистолета, но я уже успел поставить защиту. Неплохо стреляет, между прочим, особенно для вусмерть пьяного, признаю... Вот только пули зависли в воздухе, завязнув в простейшем силовом поле, поглощающем любую энергию движения. Паутина Хроноса — просто и со вкусом подобранное вампирами заклятие против любых метательных снарядов. В основе тот же телекинез, но примененный довольно извращенным способом.

— Не старайся, видишь ведь, что на меня это не действует — порекомендовал ему я.

Впрочем, капитан и сам это великолепно понял, но разум его сейчас был во власти одной единственной идеи — избавиться от моего общества.

— Ко мне! Все сюда!

— И чего ты орешь? Выстрелов не слышали, так неужто твой крик окажется громче?

— А я не полагаюсь только на природу, есть еще и техника, — ощерился капитан и еще больше стал похож на озлобленного, опасного, пусть и очень жирного кабана.

— Хозяин, — озлобленным змеенышем зашипел Чума. — Этот гад какую-то кнопку под столом нажал. Тревогу поднял наверное...

Тревогу, говорите? Ну что ж, пусть так, мне оно нисколько не мешает продолжить увлекательную беседу, пусть и перенеся ее на более широкий круг персон. Вот, кстати, и они, легки на помине. Вспомни про г..., оно тут же и появится. Знаю, несколько грубовато, но зато к ситуации подходит просто идеально. Багроволицый, ворвавшийся в комнату с автоматом наизготовку, другой, по имени Павел, что уже малость понял, что не все так просто с моей персоной, прочие добры молодцы. А вот и старлей пожаловал. Этот хоть и удивлен моим неожиданным появлением, но все же, все же...

— Убить! — заорал капитан.

Вот как? Ладно, не я начал эту игру, но теперь мой ход...

Когда мы, в нашем полку изволили учинять гулянья, мещане, и прочий люд, обычно прятались по домам, моля бога о том, чтобы благородные господа гусары обошли их своим вниманием. Правда, к сожалению, бог частенько игнорировал их мольбы, и посему, нам наутро частенько доставалось от полковника, и приходилось возмещать убытки. Сейчас, полковника нашего здесь не было, да и в плане развлечений, вампирское тело куда больше возможностей предоставляет. Так что...

Комедия гротеска начинается, дамы и господа!

Я танцую среди летящих в меня кусочков свинца, и мой танец прекрасен. Кто то из древних сказал, что красота, — великая сила, и даже не подозревал, насколько он прав. А может быть наоборот, знал?

Мир любит красоту. Любит искренней и трепетной любовью, и заметив красоту моего танца, реальность, вначале робко, а потом все уверенней и уверенней включается в него, мимоходом устраняя или изменяя все, что способно нам помешать...

Поверьте, господа, я, как гусар, наследник знатного и богатого рода, наконец просто как весьма интересный мужчина, — говорю это без ложной скромности, ибо имею на счету своем немало побед не только на фронтовых, но и в альковных баталиях, — танцевал со многими дамами. Но никогда у меня не было столь прекрасной, умелой, податливой и страстной партнерши, стремительной и непредсказуемой, то вспыхивающей всесжигающим пламенем, то мягкой и текучей как вода; вертящейся вокруг бешеным вихрем, и застывающей несокрушимой скалой... Это были самые прекрасные секунды за все время моей жизни и последующего существования...

Мое тело изменяется, подстраиваясь под меняющиеся условия, и так же меняется мир вокруг меня, и тела моих невольных соучастников по этому безумному танцу. Сангрени, упоминая об этом называла подобное действо пляской Хаоса, и говорила, как о высочайшем достижении для вампира из нашего рода. Безумная, будоражащая музыка, которую играет для меня сама тьма, кровавая и прекрасная магия, что наконец-то после столь долгого перерыва обрела здесь и сейчас для себя способного партнера.

Единственный человек, которого напрямую не касается сей танец ужасов — тот самый

старлей. Догадываюсь, что для него все происходящее — безумие за гранью рассудка, переходящее в полный кошмар. Здесь и не пахнет божественными откровениями и светлыми чудесами — танец безумного джокера на лезвии бритвы, переброшенном через пропасть. Уверен, что старлею даже жаль, когда все заканчивается и утомившаяся реальность вновь застывает в своей обычной сонной неподвижности

Тот же кабинет, только его вид несколько изменился. Особенно это касается декора стен и прочих элементов интерьера. Пошедший волнами, словно наблюдаемая со дна поверхность реки потолок, стены, кое-где смятые в гармошку, а кое где растянутые, как тонкая кожа, скрученный в здоровенный кукиш шкаф для бумаг... Тела доселе столь громко верещащих, а теперь ставших тихими и смирными моих невольных ассистентов по танцу... Тушки застыли во всех углах... О нет, не стоит записывать меня в почетную лигу кровожадных чудовищ — среди них нет ни одного мертвеца.

Поднимите взгляд к потолку и вам откроется преоригинальнейшая картина — там летает огромная туша капитана, усиленно пытающаяся изобразить полет чайки над морской гладью. Впрочем, скорее это не чайка, а пикирующий бомбардировщик или даже дирижабль... Он старается от души или вернее от того, что от нее осталось. Получается у него довольно средне, но я не в обиде. Покрывающее тело белое оперение наводит на мысль, что шансы «гордо реять» у него все же имеются, и если он очень постарается то может совсем «очааться» в самом ближайшем времени. По крайней мере, крики он издает очень похоже. Такие же резкие и противные

А вот и багроволицый, тот самый, который столь усердно пытался доставить мне хоть какие-то неприятности. Не в добрый для него миг мне вспомнилось то, как он, уподобившись быку на корриде, пытался «забодать» меня своей дубинкой. Сейчас он упорно и сосредоточенно долбит головой стену, пытаясь пробить там дыру. Близкое знакомство с хаосом для умственно ограниченных типов частенько приводит к «откату сознания» Теперь, я с полной уверенностью могу утверждать, что в прошлой жизни он был великолепным быком-производителем. Через несколько часов или дней он придет в себя, однако достаточно ему будет разозлиться, или понервничать, и бык снова вырвется на свободу из глубин его сознания... Человек-животное...

Другие сотоварищи капитана пребывают в не менее «интересном положении». Они толком и осознать ничего не успели.

— Хи-хикс... — раздается идиотский смех. — Хе-е...

Это один из группы любителей похамить сидит на полу и зажженной сигаретой то и дело дотрагивается до руки. Вот как просто из садиста получается мазохист... пребывание в Хаосе лишь сменило направление всего одного вектора психики и результат налицо.

Фигура, буквально вплавленная в стену... Теперь каменных дел мастерам придется сильно чесать в затылках, думая о том, как вырубить оттуда новообразовавшийся барельеф. Барельеф меж тем хлопает глазами, но молчит. Молодец, не стоит провоцировать на свою глупую голову дополнительные неприятности.

Блаженствующий от избытка страха и паники Чума... Теперь его внешний вид не в силах обмануть никого из присутствующих. Развивается мое творение, вновь развивается.

Ну что ж, все обещанное я выполнил, теперь никому из попавших под магию вампира не удастся забыть это. Изменение глубоко, непоправимо и пугающе для тех, кто увидит сию достойную полотен Босха композицию.

Старлей, ножик верни...

Конечно, — он машинально передает его мне, не отводя глаз от происходящего вокруг.

— Непривычно видеть такое? Ничего, жалеть о подобных индивидах явно не стоит. Они так привыкли чувствовать себя вершителями судеб, пусть и мелкими, что и не думали о том, что и ими поиграют...

— Послушай! — Смертельно бледный старлей, переводил взгляд то на царящий в комнате разгром, то на меня, а в глазах его разгоралось какое-то странное чувство...

— Мне плевать, кто ты или что ты... Они это и впрямь заслужили... Все равно, я давно

собирался переводиться на третий участок, подальше от этих уродов. Там такого не допускают. Но скажи, ты ведь не только так можешь? — теперь я наконец идентифицировал горящее в его глазах чувство. Это был огонек безумной, гибельной надежды.

— Не только... — я был готов взвыть от разочарования. Неужели он опустится до просьб о чуде? Попросит помощи для себя, или для родственников? Но я ошибался.

— Помоги! Хочешь, душу продам, — он покосился на Чуму, парящего за мом левым плечом, — хочешь, вечным слугой буду! Только помоги!

— Что именно? — против воли, меня это заинтересовало. Не мог он увидев то что увидел, не понимать, что предложение стать ВЕЧНЫМ слугой вполне может быть воспринято буквально. Но то что я услышал, меня поразило.

— В городе маньяк завелся. На нашей территории. Эти уроды, — он кинул злой взгляд в сторону кабинета, — даже не чешутся, отписками отделываются, а я один ничего поделывать не могу! Четвертый месяц на свободе, гад! Девятнадцать детей угробил! Одиннадцать парней и восемь девчонок. Младшему еще десяти не было, старшей, — шестнадцать. Находим только тела, в жутком состоянии, он их перед смертью мучает, сволочь, и не одной улики, ничего! Помоги изловить, ничего не пожалею!

Короткое сканирование памяти. Лейтенант даже ничего не почувствовал, но меня, мельком увидевшего стоящие перед его внутренним взором картинки буквально скрутило от ненависти. Этот маньяк будет умирать долго. Очень долго! Вечность!!! Каждую секунду этой вечности мечтая лишь о том, чтобы наконец-то оказаться в аду, и спрятаться от меня в самом глубоком и горячем лавовом озере!

— Платы не надо. За исполнение таких просьб я и сам готов приплачивать! — Оскаленные клыки, полыхающий алым взор... Лейтенант смело посмотрел в мои, налитые кровавым светом бельма вампира. Уважаю... Очень, очень немногие из людей могут выдержать такой взгляд.

— Созвонимся завтра. Меня зовут Аркадий, — я протянул руку и вездесущий Чума вложил в нее сотовый телефон парящего у потолка капитана. — Номер твоего начальничка думаю тебе известен.

— Александр, — он, не колеблясь, протянул мне руку для пожатия. — Я позвоню завтра.

— Договорились, — с этими словами я вышел из милицейского участка.

Примечание на полях:

Вот так всегда с этими мужчинами. Чуть отвлечешься, а он уже налево смотрит. Нет, никаких рыжук! Р-размечтался. И совершенно зря он потом эту визитку три дня искал. Я её давно выбросила. Что, я дурра, такого парня упускать? Несмотря на явно неуместное джентльменничание и скромность, во всем остальном граф — почти идеален! По крайней мере, — на мой вкус. Одно плохо, — я теперь доподлинно знаю, что все «гусарские» анекдоты — чистой воды выдумка. Если это не так, то почему он до сих пор не в моей постели, а все по тюрьмам каким-то шарашится?

Глава шестая, в которой кроме посещения морга, и знакомства с колоритнейшим танатологом, ничего особого не происходит. Ах, да мы еще маньяка находим

Меньше чем через час я уже стоял у двери квартиры, где временно расположились я и Элен. Разумеется, можно было пройти и несколькими необычными способами, но я предпочел просто постучать. Осторожные шаги приближающейся готессы, потом она смотрит в глазок,

и... дверь почти мгновенно открывается. На пороге обрадованная девушка с пистолетом в руке...

— Зря беспокоилась, ма шер. Та не могло быть ничего для меня опасного, зато забавных моментов хватало.

— Тогда проходи, любитель забавляться. Да, а этот твой бесенок где?

— Здесь я, здесь, — заверещал тот, заслышав свое прозвище. — Сигарету хочу и коньяка!

— Вот паршивец. Элен, он сегодня почти три бутылки вылакал, а все мало...

Конечно, моя готесса не успокоилась до тех пор, пока не узнала в подробностях обо всем произошедшем со мной во время не столь уж и длительного отсутствия. Судя по мечтательному выражению глаз, ей хотелось не просто слышать, но еще и видеть такой хоровод безумия. Ничего, со мной она еще не то увидит...

Не то еще увидит. А и верно! Мне ведь в самом скором времени обещали небольшую загадочку подкинуть, относительно отлова маньяка. Ловитесь маньяки большие и маленькие... Однако, надо бы и у спутников моих поинтересоваться относительно дальнейшего. Чума-то уже знает, присутствовал как-никак, а вот готесса еще не осведомлена.

— Элен, ты как к маньякам относишься?

— Не отношусь, — с ходу отрезала девушка. — Твари еще те. Хотя если их хорошенько приготовить, то вполне может получиться приличное блюдо, достойное занять место на столе африканских каннибалов. А что ты ни с того ни с сего о них вспомнил?

— Да подвернулась тут одна ситуация...

Пришлось заострить внимание на просьбе лейтенанта. Конечно, информации было маловато, очень маловато, но сама суть дела была ясна и понятна. Ну а выражение лица готессы однозначно свидетельствовало о том, что она нимало не возражает против участия в нахождении выродка.

— Когда, говоришь, тебе позвонить должны?

— Завтра. Наверняка с утра и проявится. Не выдержит долгого ожидания, характер такой.

— Ну, времени с избытком хватит, — отмахнулась готесса.

— Хватит на что?

— Как на что? Через сетку узнать о маньяке, да и в газетах напечатали давно. Сейчас мы подключимся и все-все узнаем... Да, я тут малость покупками обзавелась... Ноутбук купила, еще по мелочи.

— Что купила?

— Ноутбук. Ну, компьютер, только малых размеров, который с собой носить можно. Сейчас я его включу, да и пошарим по сайтам.

Прогресс, чтоб его! Нет, полезных вещей множество, да и я о них многое уже знаю, но все равно — непривычно пока еще для меня некоторые явления. Вот и «сетка», о которой Элен с таким восторгом говорит, также относится к числу тех самых непривычных вещей. Меж тем моя спутница уже вовсю стучала по клавишам достижения технической мысли. А ведь из-за крайней распространенности компьютеров придется и мне обучиться ими пользоваться. Впрочем, это пока еще не срочно.

— Есть, нашла! — торжествующе заявила Элен. Граф, Чума, смотрите сюда, тут как раз про этого маньяка пишут. Не бульварные газетенки, а серьезное издание.

Бесенок сразу появился перед монитором ноутбука, ну а мне пришлось сделать несколько шагов. Однако, информация действительно оказалась четкой, в меру краткой и для ознакомления весьма неплохо изложенной. Главное же то, что были указаны приблизительные места совершения преступлений, а также те, где находили тела жертв. Для начала этого было вполне достаточно, но только для начала.

— И как, ма шер, есть первоначальные гипотезы и прочие предположения насчет данной личности?

— Места, где он трупы оставляет, больно уж странные...

— Верно, хозяин, — всполошился бесенок. — Это не просто так, тут явно собака порылась.

Да уж! Если с двух сторон слышатся комментарии, по поводу «странности» мест, то мимо подобного в принципе проходить нельзя. И в самом деле — свалка, мусорные баки, канализационный люк... Такое никак не может оказаться стечением обстоятельств — все варианты между собой связаны, причем связь эта довольно прозрачна. Подростки, почти дети, юные и красивые при жизни и просто крайне неприятные, отталкивающие нормальное разумное существо места, где были найдены их трупы.

Как ни крути, а это может оказаться отправной точкой, с которой вполне реально размотать весь запутанный клубок. Раз уж господа милиционеры сделать ничего не смогли, так придется мне поработать. Честь дворянина и офицера не позволяет смотреть, как по земле ходят подобные твари. Давно, более ста пятидесяти лет назад, выпускаясь из кадетского корпуса, я принес присягу хранить и защищать свою отчизну и соотечественников. И пусть ныне многое поменялось, лишь окончательная смерть может освободить меня от этой присяги! И совсем не имеет значения, от кого надо защищать... Татаро — монгольские орды, армии Наполеона, бронированные дивизии германцев, озверевшие банды Кавказа, преступные группировки или в конец обнаглевшие маньяки... Неважно... Любая тварь, что позволяет себе убивать мирных людей не должна жить. Всегда и всюду обязанность русского офицера — безжалостно уничтожать подобных нелюдей, используя все имеющиеся у него для этого возможности. И я намерен честно исполнить свой долг.

Возможно, стоило бы направиться в одно из мест прямо сейчас, но Элен выглядела несколько уставшей... Идти же без нее значило проявить бестактность. Вдобавок и я не возражаю против нескольких часов отдыха в компании прекрасной леди и бутылочки марочного коньяка. Кстати, о коньяке.

— Чума, ворюга мелкий! А ну, изыди из бутылки!

— Что, этот алкаш опять внутрь бутылки забрался и блаженствует? — полюбопытствовала Элен, вертящаяся перед зеркалом в новом платье.

— Именно. Большое желание порой возникает его там на пару дней и оставить. Знает ведь, подлая душа, что я к коньяку и не притронусь после того, как он столь оригинальным образом продегустировал благородный напиток. Вот и пользуется. Пороть бы его, да он еще так, почти что новорожденный, особенно по меркам подобных созданий.

— Вот-вот, мы в ответе за тех, кого приручили.

— Хорошее выражение. Кто так сказал?

— Антуан де Сент-Экзюпери. Был такой французский писатель

— Он был прав. Впрочем, насчет тех, кого создали, это касается еще больше. Ладно, пусть пока дрыхнет в коньячной ванне. Но завтра я ему покажу «козу на возу» — буду гонять по полному варианту, ведь его способности ой как сильно понадобятся...

* * *

Солнечные лучи, скользнувшие в комнату мгновенно вывели меня из состояния полусна. Впрочем, вампиры вообще спят крепко в единственном случае — когда волею случая оказывается вынуждена переживать долгие годы в некомфортных условиях. Испытал на себе, знаю!

Прикорнувшая на соседней кровати Элен тихо посапывала, а я перевел взгляд на беленый потолок, размышляя о нас. Ведь и впрямь интересно. Никак не могу разобраться в своих к ней чувствах. Она мне нравится. Даже очень. Невероятно привлекательная девушка. Такую смесь желания, уважения, и мягкой, какой-то детской, щемящей то, что осталось от моей души, нежности я не испытывал еще никогда.

Казалось бы, чего тебе еще надо, гусар? Благо, и девушка вроде как к тебе весьма

расположена. Действуй! Ан нет. Как корнет малолетний стесняюсь, право слово! Вот и вчера... Ведь что стоило подойти к ней, шепнуть на ушко пару нежных слов, может быть усилить их действие парочкой энергетических посылов в определенные точки ауры, как научила меня мадам Сангрени... Ей это очень даже нравилось... И все! Ночь дикой страсти обеспечена! Но ведь удерживает что-то! Прямо как брат с сестрой живем! И что со мной происходит... Неужто влюбился? Тогда надо срочно лечиться... А то, так и до женитьбы недалеко! А женитьба, по словам Ржевского, для гусара страшнее могилы! Хотя могу засвидетельствовать, — ошибался товарищ мой боевой, сильно ошибался! Хоть и не был я женат, однако ж, побывав в могиле, могу авторитетно утверждать — женитьба все же предпочтительнее.

Впрочем, профилактикой заняться никак не помешает. Тот же Ржевский, как-то заметил, что лучшей профилактики, чем снятие на ночь публичного дома, вместе со всеми воспитанницами и желать нельзя. Ну, я не Ржевский, предпочитаю без продажной любви обходиться, однако ж рыженькой той, что визитку мне дала, в ближайшее время позвонить стоит. Так, на всякий случай, пока окончательно в Элен не влюбился.

Кстати, товарищ мой боевой, оказывается, в веках прославился. Очень поражен я был, когда фамилию его на экране узрел. Однако ж... Сколь анекдотов про него насочиняли. Думаю, товарищ мой в восторге был бы, некоторые из них прочитав. Правда за другие, и на дуэль мог бы вызвать... И все почему-то, его с какой-то Наташей Ростовой сводят. Что за Ростова, какая Ростова... Не понять. Был я знаком с одним корнетом драгунским, Володей Ростовым его звали... Славный был человек Под Бородином погиб. Но ни сестры, ни жены по имени Наталья у него не имелось. Да и не общался с ним Ржевский. А когда Элен спросил, так она общими фразами отделалась. Может Ржевский с Ростовой этой потом, уже после моих похорон познакомился?

Противное пикивание мобильного телефона оторвало меня от мыслей о прошлом. Элен заворочалась, но просыпаться вроде не собиралась.

Ну и нечего девушку будить, особенно после не слишком тихой и спокойной ночи. Самую малость усиливаю глубину ее сна, ну а сам аккуратно выскальзываю из кровати и иду искать телефон. Телекинезом бы его, но верещание раздается откуда-то из малопонятного места. И куда он делся? Ага, нашел! Я ведь шутки ради доказывал готессе, что закон всемирного тяготения вовсе не такая неоспоримая данность. Ну, проще говоря, продемонстрировал, что предметы могут падать и вверх, особенно если самую малость магии применить.

Догадываюсь, что ученых, подобное зрелище увидевших, оно сильно поразить могло бы... Зато Элен лишь малость посмеялась, понаблюдав, как мобильник плавно падает на потолок. Вот оттуда он и названивал сейчас. Легким усилием воли, я вернул миниатюрному аппарату его стандартные характеристики и тот, подчиняясь вновь действующей на него силе земного притяжения, ухнул вниз, прямо в подставленную ладонь.

— Слушаю вас.

— Аркадий? — голос из динамика был знакомый, но слишком уж настороженный. Старлей проявиться изволил.

— С добрым утром, работник правоохранительных органов. Я так понимаю, что ты интересуешься, не передумал ли я насчет отлова маньяка... Нет, все в силе. к тому же я уже успел ознакомиться с некоторой информацией, а заодно и кое-какие предположения выдвинуть. Сам-то свободен от дел служебных?

— Относительно, — вздохнули с той стороны. — Всех тех, кто был в участке, уже уволокли в психушку, лечить. Говорят, что тяжелые и практически неизлечимые формы душевных расстройств. У нас им точно больше не работать... Ну а меня пока в отпуск отправили, как они выразились, «до полного выяснения обстоятельств». Официально, в отпуск!

— А коли свободен, то через часа полтора подъезжай в то место, где тела жертв последних присутствуют. Проще говоря, аккурат в морг. А там и я появлюсь. До скорого.

- Погоди!
- Ну, что еще?
- Ты не против, если я не один подъеду?
- То есть?

— Понимаешь, у меня знакомый есть, из прокуратуры. Он этим делом тоже занимается. Собственно, как раз он-то его и ведет. Когда я о тебе сказал, он отнесся с недоверием, конечно, но от помощи не стал отказываться. Так разрешаешь?

— Он что, такой же как и те? Не боишься, что тоже летать начнет? — на всякий случай поинтересовался я, хотя и понимал, что вряд ли старлей стал бы водить дружбу с кем-то вроде своего прежнего начальства.

— Не, не боюсь. Он из настоящих. Честный служака, — откликнулся мой собеседник. Вот только... — он немного замялся

— Что такое?

— Понимаешь... Он в магию не верит. Абсолютный атеист. Я рассказал ему о тебе, и о том, что в управлении у нас произошло, — ты уж извини, но иначе он ни в какую не соглашался нас к расследованию подпускать, и теперь он тебя считает каким-то ловким гипнотизером. Если бы не перья, что на начальнике выросли, так он бы и вовсе не согласился... Так что ты уж с ним помягче будь. Несмотря на все свои недостатки, сыскарь он отличный, да и человек честный.

— Ну значит, ему от меня ничего не грозит, — спокойно объяснил я заметно опасавшемуся за друга старлею. — Кстати, что такое экстрасенс? А что это обозначает? — слово было для меня совершенно неизвестным. Ни в моем словаре, ни в словарном запасе выпитого мною бандита его не было.

— Ну маги типа... колдуны... Полевые воздействия, астралы всякие... Ну, экстрасенсы в общем... Да что тебя я объясняю, кому об этом знать, как не тебе!

Маги, колдуны... — Интересно. А ведь с самого своего воскрешения я не нашел ни одного, даже самого малого следа магии, кроме той, что я творил сам. Меж тем, Александр утверждает, что здесь они имеются, причем в довольно немалом количестве... Ничего не понимаю!

— Гм... А как он тогда объясняет произошедшее в кабинете твоего начальника? Стены я что, тоже загипнотизировал?

— Потому и согласился на твое участие, что этого он объяснить не может.

— А арестовать меня он пытаться не будет? — улыбнувшись, поинтересовался я.

— Угу... Тебя уже арестовывали, — в голосе старлея явственно звучал смех. — У нас между прочим, сумасшедший дом не резиновый, а в последнее время туда и так многовато пациентов поступило.

И уже серьезно добавил.

— Его ты можешь не опасаться. Он, как и я, тела жертв видел, так что хоть к дьяволу, хоть к богу на поклон пойдет, только чтобы маньяка этого задержать.

— Ладно, подъезжайте, — наконец завершил я разговор. Хм... Опасаться... Да это не мне опасаться следует! В отсутствии других магов, даже мои, не столь уж значительные по меркам вампиров магические таланты превращали меня едва ли не в бога, давая огромнейшие преимущества перед простыми людьми. Вот только эти экстрасенсы, за которого меня приняли. Интересно, что они могут? Надо бы узнать. Так для общего развития, и пущей безопасности... Мало ли, вдруг мне захочется стать повелителем этого мира? Между прочим, учитывая полное отсутствие «охотников» да и вообще, конкурентов, не такая и сложная задача... А что? Между прочим, я свой род от самого Рюрика веду! Так что кровь у меня для этого самая подходящая!

Но об этом можно и попозже подумать. Вначале надо разобраться, что же с подобными мне произошло. А то мало ли... Вдруг и со мной тоже что-то неприятное случится. Не думаю что оборотни, вампиры, прочие темные и светлые фейри, коих, как я помнил, весьма немало насчитывалось, да и маги рода людского с ними, так уж добровольно все разом

исчезли. Так что разобраться необходимо.

Ну а на ближайшее время задача, — маньяка изловить. Не должна такая гнусь этот мир своим дыханием поганить! Слишком сложной задачей оказаться не должно, достаточно будет тела жертв для сей цели применить. Арсенал некромантии велик и обширен, к тому же сущность вампирская к этому зело близка. Так что непременно испробуем подобный вариант. Комплексы чар, заставляющие убитого вспомнить, если и не лишившего его жизни, так хотя бы некоторые обрывки воспоминаний, мне известны, пусть на практике еще ни разу применены не были. Повода как-то не находилось... Ну а вот и он, повод то есть, да к тому же существенный.

Проблема в том, что уж больно специфическую энергию заклинания эти требуют. Разумеется, преобразовать ее можно из любой... почти из любой, но посторонние эффекты могут потом проявиться самыми оригинальными способами. Наиболее подошло бы жертвоприношение, но где же достойную кандидатуру сыскать? Ладно, сей вариант на самый крайний случай отложим. Пока другие методы испробуем, ну а если не получится, тогда и за жертвенный нож можно будет взяться... Достаточно будет темной ночью по неблагополучным кварталам прогуляться и подождать, пока местная шпана ограбить не попытается. Ну а там самого наглого и пустим на благие цели. Но это пока так, вероятности и не более того

Хм, энтузиазм у Александра неподдельный, действительно хочет поймать тварь эту. Ну да это ясно было еще вчера, сомневаться не приходится... А времени у нас сейчас... половина одиннадцатого. Однако, не раннее утро. Конечно, для меня ночь предпочтительнее для активного образа жизни, да и готесса моя, как не раз было подмечено, более всего темные тона жалует. Однако, в случае надобности, я вполне спокойно и днем могу к любому делу подключиться.

Сейчас же пора и будить красавицу... Спать много вредно, как говаривал один знакомый казачий пластун. Мироненко его, кажется, звали. Фразу сию, как сейчас помню, произнес он из вылазки вернувшись, да «языка» на плече таща. Кстати, «язык» этот, был единственным, кто выжил из всей их группы. Мироненко, сняв часового, без церемоний просто перерезал спящим глотки. Так что, кто слишком крепко спит, тот имеет очень большие шансы не заметить подкрадывающуюся опасность.

Я хлопнул в ладоши, и усиленный легкими чарами звук разнесся по всей квартире. Спустя секунду, передо мной материализовался Чума, нимало не страдающий от так называемого «утреннего синдрома», ну а вскоре и готесса стала проявлять лениво-матерное неудовольствие по поводу нарушения сладкой утренней дремы.

— Вставай и просыпайся, будущая охотница на маньяков. — Поспешил я сгладить ее претензии по поводу экстравагантного пробуждения. — Дичь, она, знаешь ли, ждать не будет. К тому же ее для начала выследить надо.

— Так бы и говорил, — мгновенно оживилась Элен, буквально выпрыгнув из постели. — Через полчаса буду готова. Мне одеться, накраситься.

— Будешь маньяков соблазнять? — не удержался бесенок от ехидного комментария.

В ответ был получен лишь презрительный взгляд. Отвечать на провокационный вопрос Элен явно не собиралась. Женщины... Желание всегда безупречно выглядеть для них совершенно естественно и неотъемлемо. Особенно для тех, кто имеет на то полное право благодаря сочетанию красоты и ума.

Мне же времени для сборов практически не требовалось. Как говорится, все свое ношу с собой — оружие, немногочисленные (пока что) магические вещи, да некоторая сумма денег. Как показывает опыт, наличие ассигнаций в кармане позволяет легко решать целое множество проблем, действуя иногда не хуже мощнейших магических амулетов.

Ну а в ожидании Элен я занимался тем, что тренировал ментальные способности, пытаясь пробить поставленный Чумой блок. Прочитать что-либо в разуме бесов очень сложно, уровень естественной, полученной с самого рождения защиты у них на порядок выше обычной человеческой, так что удавалось мне это далеко не всегда.

Само собой, что это была только тренировка, но весьма полезная. Я великолепно знал, что, научившись находить слабые места в броне бесенка, сумею практически без усилий проломить защитные барьеры многих и многих людей, обученных защитным приемам. Время есть, его много, так почему бы не использовать по полной программе каждую свободную минуту?

— Хватит тебе, граф, непонятно чем заниматься, — заявила довольно быстро завершившая сборы Элен. — Поехали, а то мое любопытство скоро через край перельется.

— Любопытство сгубило кошку... но, удовлетворив его, она мгновенно воскресла, — ответил я малоизвестной в своем полном варианте поговоркой. — Ну а ты, Чума, исчезни из видимого спектра.

* * *

К месту мы подъехали точно в срок. Пунктуальность — вежливость королей. Я не король, но при Иване III титул у предка моего был княжеский. Да и великих князей, если генеалогию припомнить, среди предков сыскать можно. Так что не к лицу мне опаздывать.

— Вас точно здесь посадить? — недоумевал таксист, поглядывая на не слишком привлекательное для нормального человека здание городского морга..

— Здесь. Мы, видишь ли, научно-исследовательской работой будем заниматься. Изучать влияние некрэманаций на психику отдельных представителей вида *Homo sapiens*.

Работник баранки лишь забавно хлопал глазами, но растолковывать ему суть фразы я не намеревался, ограничившись парой купюр. Тот схватил их и практически сразу же после того, как мы покинули салон автомобиля, поспешил уехать подальше от странных пассажиров.

— Пуганые они все какие-то... — скорчил уморительную гримасу Чума. — Боятся всего и вся, опасностей избегать предпочитают, не говоря уже о том, чтобы самим их искать. Скучно тут в этом мире.

— А где другие, — слегка покривилась готесса. — Что-то на горизонте не просматривается...

— Да есть они, Элен, есть! Такие как я это чувствуют, а такие, как граф и переходить из одного мира в другой могут.

Затронутая бесенком тема была весьма интересной, но развить ее сейчас никак не получится. Почему? Просто некоторые вопросы не след обсуждать в обществе посторонних людей, к коим относится мой вчерашний знакомец — старший лейтенант милиции по имени Александр. Естественно, что вчера я постарался запомнить особенности его ауры, чтобы заранее отличить его приближение от кого-то другого. Так что ошибки быть не может — именно он сейчас и приближался к нам, в компании еще одного мужчины.

— Потом обсудим тему миров и их многообразия, — остановил я спорщиков. — Тут к нам специалист в области расследований пожаловать изволит. Не обижать, человек вроде бы приличный, так что все шуточки в пределах разумного. К тебе, Чума, персонально обращаюсь!

— Да понял я...

— Рад за тебя. И вообще, ты пока что исчезни из видимого мира. Не стоит атеиста смущать раньше времени.

— А потом?

— Потом непременно и тебя покажем, и особенности твои затейливые. Ну а пока изыди.

Был Чума и вот только едва заметная рябь показывает то место, где он есть. Что ж, он решил особо и не маскироваться, справедливо полагаясь на полную неосведомленность людей в подобного рода вещах.

— Иди сюда, старлей, — окликнул я появившегося в поле зрения Александра. — Да и труженика прокуратуры с собою прихватывай.

Типаж, однако... Нестарый еще, среднего роста, коренастый, глазки маленькие, но ощупывают цепко, словно раз и навсегда занося в память все мало-мальски достойное внимания. Сразу видно, что настроен несколько скептически, но тем не менее пришел на randevу, да и вести себя будет прилично. Понимает, что его особо не приглашали, а значит, особо характер проявлять не стоит... до поры до времени.

— Добрый день. — Приблизившийся Александр поприветствовал всю нашу маленькую, но запоминающуюся компанию, хотя интонации голоса свидетельствовали о не слишком спокойном состоянии души.

— И вас туда же. Со мной ты уже знаком, а вот спутница моя пока остается непредставленной... Так что я немедленно исправлю сие упущение. Элен... Девушка, чья красота лишь достойная оправа внутренней сути. К тому же за внешностью скрываются острые когти дикой кошки. Советую помнить и не допускать ни малейших ошибок.

— Приветствую... — с некоторой натяжкой, небрежный кивок готессы можно было счесть намеком на вежливый полупоклон... Правда, с ОЧЕНЬ большой натяжкой...

Затем готесса одарила старлея и прокурорского деятеля действительно кошачьим взглядом, после чего грациозно развернулась и демонстративно подошла поближе ко мне. Хищница, классический, но от того ничуть не теряющий привлекательности вариант.

— Я же говорю, характер. Уверен, что обо мне, ты уже рассказывал своему коллеге, а вот я о нем пока не знаю даже имени. Может, исправите это упущение, — я вежливо поклонился другу своего знакомого.

Тот ехидно улыбнулся: — Вам как со всей родословной до седьмого колена или просто именем обойдетесь? — а следовательно-то этот, похоже та еще штучка.

— Зачем родословная? Многие любят ей прикрываться, поскольку, кроме славных предков ничем иным похвалиться не могут... Надеюсь, это не ваш случай? — я намеренно пристально оглядел подошедшего с ног до головы. — Пока мне вполне достаточно имени.

— Неплохо сказано, — наш новый знакомый еще раз уколол своим взглядом, после чего добавил. — Владимир.

— Рад знакомству. — Я пожал протянутую мне крепкую ладонь. — Однако, хватит разговоров. Давайте все же навестим расположенное совсем рядом здание, в коем, несомненно, есть на что посмотреть.

— Владимир кивнул, соглашаясь с моим предложением, и первым шагнул в сторону морга.

Гм... А мне начинает нравиться этот молчальник! Думаю мы с ним сработаемся!

* * *

Серое, на вид невзрачное место, но энергетический фон вокруг был весьма и весьма специфический. Как говорится, радость некроманта... Но не эманации боли и страха, что столь часто встречаются в разного рода больницах, а холодная, безразличная сила смерти и тлена. Даже кладбище не давало такой концентрации мощи. Оно и неудивительно, там ведь площадь больше, а следовательно и концентрация уменьшается.

Ну а морг — совсем другое дело. Только что умершие, энергетика почти что в самом начале переходной стадии. Такое богатство, такие кладези неиспользованных возможностей и совершенно без хозяина. Нет, мир определенно сошел с ума весь и сразу. Неужели они не понимают? Ах да, понимать, собственно, и некому, все способные оценить силу магии куда-то исчезли, причем явно не только что, и однозначно не на короткий отрезок времени. Грустно...

Несмотря на то, что многие чудеса были весьма и весьма опасны, они все равно были чудесами, и мир сильно оскудел после их ухода. Разумеется, мы с Чумой приложим все усилия, дабы вновь вернуть волшебство в этот мир. Я нынче, так и вовсе колдую, не покладая рук. Но, если «квоту» на мрачные, наполненные страхом, болью и ужасом чудеса мы с Чумой еще можем как-то восполнить, то что делать с чудесами светлыми, несущими

радость и улыбку? То, что под силу любой, самой юной и слабой из цветочных фей, или тех же морских дев, которых в России иногда ошибочно называют русалками⁵ — является абсолютно невозможным для любого вампира.

— Граф, — шепот Элен вывел меня из отвлеченно-философских размышлений, в которые я в очередной раз погрузился сам того не заметив. — Там на входе камеры наблюдения стоят, да и охрана есть. — Что-то не хочется мне попадать в поле пристального внимания различных трехбуквенных органов.

— Ну, насчет этого, думаю ты можешь не беспокоиться... Если ваша охранка работает хотя бы не хуже той, что была в мое время, в поле её внимания мы уже давно попали. Однако вывести из строя камеры — не проблема. Кстати, а почему — трехбуквенных? Что, все настолько нецензурно?

— Да нет... Просто и впрямь, трехбуквенные. КГБ, ФСБ... Сам посчитай, если хочешь.

— Понятно... — Я улыбнулся. — Ладно, сделаю, можешь не беспокоиться.

Дело действительно не шибко сложное, но хотелось бы разрешить ситуацию так, чтобы не сразу шокировать атеиста-любителя. Пусть привыкнет помаленьку. Как говорится, не будем устраивать шоковую терапию, пока пациент скорее жив, чем мертв. Охрану нейтрализовать — дело совсем легкое, достаточно коснуться разума и отдать приказ на длительный и крепкий сон. Не причинять же неудобства тем, кто добросовестно свой служебный долг исполняет... Ну и камеры наблюдения действительно отключить требуется. Если уж совсем конкретно, то устроить неполадки во всей красе. Ведь толком разбираться во всей новомодной технике ни времени, ни особого желания не возникало, зато известен старый как мир закон... Какой? Все просто, если как следует ударить по работающей вещи, то она непременно и неотвратно перейдет в нерабочее состояние. В особо сложных случаях удары рекомендуется повторять нужное число раз.

— Чума, вот и для тебя занятие нашлось, — мысленно обратился я к личному бесу-помощнику. — Знаешь, что такое видеокамера?

— Ага! На них девочек снимают, когда они того не видят, да и когда видят, то тоже снимают...

— Не о том речь, извращенная твоя душа. Там, в вестибюле, есть камера наблюдения, а может и еще есть на пути к собственно хранилищу трупов. Их надо нейтрализовать. Сумеешь?

— А то! Дохну на них, и нет камеры.

Меж тем Владимир, сей почетный труженик прокурорского надзора, оказался весьма наблюдательным и заметил несколько отвлеченное выражение на моем лице. А раз заметил, то не упустил возможности вернуть колкость:

— Да вы никак с тонким миром общаетесь, причем прямо на ходу. раньше шаманы хотя бы в бубен колотили, да пляски вокруг костра устраивали. Впрочем, меняются времена, меняются и методы... И что полезного узнать получилось?

— Сейчас внутрь зайдем, а там и увидим, что дает тонкий мир, как вы выразиться изволили...

— Какой я ему тонкий? — взвыл Чума по мысленной связи. — Я весьма представительный, красивый, в меру упитанный бес в самом расцвете сил!.. Бубен еще ему подавай. Я ему сейчас сам в бубен заеду! Ну, он у меня еще попрыгает! Он меня пока не

⁵ На самом деле, эти добрые морские феири никакого отношения к духам утопившихся девушек, которые и есть — русалки, разумеется, не имеют. Русалочью-то магию при нужде я могу воспроизвести без особых проблем. Она как раз таки, очень близка к нашей, вампирьей. Из-за этой путаницы в названиях, легенды частенько противоречат сами себе. Например, в одном из прекраснейших стихотворений Жуковского «Русалка», феири, завлекающая и топящая корабли и рыбацкие лодки, является именно русалкой. А вот в шедшем вчера детском мультфильме «Русалочка», который Элен, хотя и давно не ребенок, смотрела с неослабевающим интересом, и даже расплакалась в конце, описана типичная морская дева. Только для благих феири свойственно такое глупое поведение! Жертвовать жизнью из-за всяких там... Фи...

видел, а уже оскорбляет! Но он меня еще увидит!.. злобного!

Ну и разорался бесенок. Действительно, характер сложный и весьма злопамятный, несмотря на малые размеры. А может, как раз благодаря им. Ничего, переживет... Легкая улыбка оказалась понятной лишь Элен, которая хоть и не слышала диалог с Чумой, но догадывалась, что сия склочная личность никак не могла остаться безмолвной при таких двусмысленных замечаниях.

Я, как и положено, в случаях, когдаходишь в не слишком знакомое и, возможно, малодружелюбное место, зашел первым. Да нет, все в порядке, камеры уже приказали долго жить и более не способны любопытствовать в отношении гостей. Ну а охрана... Двое людей в серо-синей форме дрыхли сном праведника. Один, сидящий за столом, уронил голову на стол и тихо свистел носом. Другой, тот, что теоретически должен был контролировать всех входящих, едва успел уместить брэнную тушку на один из стульев для посетителей и оглашал окрестности громовыми раскатами храпа. За всем этим безобразием испуганно наблюдали две девушки в белых халатиках. Понимаю, не каждый день удается узреть как здоровые, полные сил амбалы вдруг впадают в спячку за считанные секунды без всякой на то причины.

— А вот и результат общения с «тонким миром», как вы изволили выразиться. — улыбнувшись обратился я к работнику прокуратуры. Просто не хотелось, чтобы меня видели лишние глаза. Ведите, господа служители закона.

— Но как же... Отметиться надо в журнале посещений, порядок есть порядок, — заикнулся было лейтенант. — Все равно камеры наш визит записали.

— Камеры... — Элен, ты видела тут камеры?

— Были вроде бы, — улыбнулась готесса. Улыбка на выкрашенных в антрацитовый цвет губах смотрелась одновременно впечатляюще и экстравагантно. — Но именно что БЫЛИ. Сейчас их разве что на металлолом можно пристроить.

— Так, вопрос с камерами решили. Теперь осталось отметить. Вот только отметки в журнале лично мне кажутся скучноватыми... — переключившись на мысленную связь, я предложил Чуме. — Забавляйся. Но без особо злобных шуточек. А то знаю я тебя.

Слышимый лишь мне визг обрадованного бесенка, и тут же столешница рядом со спящим крепким сном охранником задымилась. На ней проявилась длинная и витиеватая роспись с многочисленными завитушками и там же рожица, явно бесовского вида. Ну Чума, ну художник местного разлива! Реакция была разной, но весьма эмоциональной. Заливистый смех Элен, малость побледневший Алекс, которому наверняка вспомнились забавы в участке, ну а труженик прокуратуры пытался переварить сочетание атеизма и происходящего прямо перед глазами.

— Вы это, свои сеансы гипноза прекращайте, — наконец, выдал он из себя. — Признаю, впечатляет, но не за этим мы сюда пришли.

— Не за этим, — согласился я. — Тогда ведите прямиком к тому месту, где находятся тела жертв.

Владимир только и смог что кивнуть и направиться куда-то вглубь по извилистым коридорам. Естественно, само хранилище тел находилось на нижних уровнях, но это вполне понятно. Запаха тления почти не ощущалось, зато «ароматы» различных химических соединений витали в воздухе чересчур уж концентрированно.

Деловито пробежавшие мимо танатологи, хозяева дохлых тел, выглядели весьма деловито. Интересно, изменился ли их своеобразный характер со времен моей прежней жизни? Откровенно говоря, сильно сомневаюсь... Горбатого могила исправит, ну а для этих типов и могилы маловато будет, больно они привыкшие ко всему. Что поделывать, постоянная возня с трупами разной степени подпорченности порождает цинизм и юмор насыщенно черного оттенка. Даже для меня он порой слишком насыщенный, но тут специфика профессии.

Вадим остановился перед одной из многочисленных дверей, из-за которой доносилась громкая, жесткая музыка, и заколотил в нее даже не кулаком, а ногой.

— Где Ярослав, там постоянно и тяжелый рок орет, — вздохнул Алекс. — Вот и приходится ногами в дверь стучать, иначе ни в жизнь не откроет. Колоритнейшая фигура, вам точно понравится. Правда, безумный малость, но для человека его профессии это дело обычное.

— Ничего, у каждого свои недостатки, — отмахнулась готесса, у которой в глазах зажглись огоньки любопытства.

Что ж, я и сам весьма интересуюсь экстравагантными личностями, любопытно будет взглянуть.

Меж тем сквозь звуки музыки мне удалось расслышать приближающиеся шаги. Лязгнув замок дверь открылась и перед нами проявилась действительно экстравагантная личность. Рост под два метра, легкая сутулость и живые, ощупывающие все вокруг зеленые глаза, были отнюдь не самыми запоминающимися чертами во внешности танатолога. На руках красовались резиновые перчатки, окрашенные в ярко красный цвет.... Практичная цветовая гамма, крови на таких практически не видно.

— Кто стучится в дверь моя, кого на хер посылать? — ласковым голосом осведомился врач, никак не навевающий мыслей на тему Гиппократовых клятв и законов.

— Не злобься Яр, мы исключительно по делу.

— Ну и ну... Никак сам Александр Михайлович в чине старшего лейтенанта удостоил скромного кромсателя трупов своим посещением. О, да тут еще и Владимир Георгиевич, светило прокуратуры нашего городка! — шутовским образом раскланялся Ярослав. — Неужто решили последовать моему совету и провести трепанацию черепа?

— Это еще зачем, — не удержавшись, полюбопытствовала Элен.

— А чтобы мозг на кость не давил, девушка. А вас-то каким ветром занесло в мою обитель? Хотя, судя по одежде, готка... Тогда могу предложить небольшую экскурсию... Есть отличный труп утопленника трехдневной давности. Его лишь самую малость караси обсосали...

Элен громко сглотнула, и отчаянным мотанием головы выразила категоричное нежелание знакомиться с телом. Странно... Раньше за ней подобной чувствительности не наблюдалось.

Меж тем, танатолог не унимался. Обернувшись ко мне, он продолжал. — А вы кто, загадочный гость? Судя по белейшему цвету вашей одежды, к представителям готического стиля вы отношения не имеете. Да и среди работников охраны порядка, я вашего лица не припоминаю.

Потоки слов, исходящих от работника морга, словно ставили своей целью запутать гостей в паутине ничего особо не значащих выражений. Но я никак не мог признать этого человека банальным треплом — некоторые нюансы никак не вязались с такой теорией. Хирургический скальпель, который был у него в руке, не просто находился там, он порхал из одного положения в другое, свидетельствуя о мастерстве несколько другого рода. Да и поток слов... Возможно, всего лишь отвлекающий маневр, своеобразная маскировка, призванная одурачить доверчивую и не очень публику, спрятать истинное лицо. Весьма интересно будет разобраться.

— Позвольте представиться. — Аркадий Николаевич Бельский, приглашенный специалист.

— Какой специалист? — не понял танатолог. — Неужто коллега? То-то смотрю одежда у вас медицинских расцветок.

— Не совсем, — улыбнулся я. — Скажем так, смежная отрасль.

— Яр, кончай придуриваться, — вмешался старлей. — Я ведь тебе звонил, и предупреждал, что тело последней жертвы хотим обследовать.

— Его уже маньяк, ..., обследовал. Вдумчиво так, основательно, — помрачнел патологоанатом. — Цацкаются у нас с ними как с великой драгоценностью. Права там всякие, жертвы тяжелого детства и тому подобная лабуда. А потом людям моей профессии приходится новые и новые трупы вскрывать, причем часто в совсем непотребном состоянии.

Порой утопленник двухнедельной давности по сравнению с ними милашкой покажется. Ладно, заходите...

— А тело?

— Да уж обеспокоился заранее его сюда транспортировать.

Обстановка внутри прозекторской была та еще... Странное сочетание профессиональных принадлежностей и предметов, ну никак с медициной не вязавшихся. Естественно, подобное сочетание породило множество гибридных форм. Человеческий скелет, вроде бы вполне естественное явление для морга, но местный затейник приспособил его под вешалку. Мало того, в зубах у дружелюбно ухмыляющегося черепа были зажаты несколько сигарет. Видимо, он вдобавок выполнял роль портсигара для эксцентричного хозяина.

Полки с книгами, на коих вперемешку стояла литература специальная и художественная, плакаты на стенах. Хм, плакаты... Черный юмор на грани. Две стороны медали, слитые в единое целое. Чиновник цветуще-упитанного вида в костюме за антикварного вида столом читает договор, ну а на второй части та же физиономия, только... Только битая, с разноцветными синяками и в камере читает приговор. Талантливо, с чувством, оригинально.

— Плакатики понравились? Понимаю, есть тут неплохие работы. Но вернемся к нашим делам скорбным. Вы вроде как трупик посмотреть желали?

— Желал не совсем верное слово. Глаза б мои на подобные вещи не смотрели. Но, думаю, придется. — Я вздохнул. Нет, к мертвым телам, я еще с войны отношусь совершенно спокойно, однако судя по многозначительным взглядам сыскарей, и ехидной улыбке «доктора мертвых» сейчас мне предстояло общение с изуродованным мертвым телом, а для нормальных людей, впрочем и вампиров тоже, подобное не может быть приятно.

Ярослав отдернул покрывало со тола в центре, и перед нами предстало то, что несколько дней назад было вполне живой и здоровой девушкой. К тому же судя по сожранившемуся неповрежденным частям — весьма привлекательной. Я уже говорил, что маньяк будет умирать долго? Так вот, после этого зрелища я накинул ему еще недельку.

— Граф, такое существо просто не должно жить на земле...

— Понимаю, — кивнул я, глядя на бледную как мел готессу и на растерзанное тело. — Одно дело убивать врага или того, кто на тебя напал, но совсем другое — зверски мучить совершенно неизвестного и неспособного постоять за себя человека.

— Ну к делу! Док, вы сами что можете сказать?

— Сказать могу многое, только пусть девушка отсюда выйдет. Не люблю материться при дамах.

— А по делу?

— Ну по делу... Я в общем — то уже этим товарищам говорил... Только вот они меня не шибко-то охотно слушают.

— Что такое, — я требовательно взглянул на старлея.

Алекс малость замялся, но уже через пару секунд начал отвечать. Наверное, вспомнил о крайней нежелательности выводить меня из относительно приличного настроения в совсем злобное и огорченное.

— Да теории у него странные... Логику к бесу посылает, одна интуиция и какие-то гадания на кофейной гуще.

— Ага, — поддакнул прокурорский. — Вы прямо два сапога пара. Один с гипнозом, другой с гаданиями. А впрочем, делайте что хотите, вдруг да поможет найти сволочь. Тем более что гипноз ваш и впрямь впечатляет.

— Хозяин, ну давай я его впечатлю, — заскулил невидимый Чума. — Ну хоть чуть-чуть, даже не до смерти... Так, поприкалываюсь малость.

— Э, нет... Пока никаких шуточек, — строго одернул я заскучавшего бесенка. Затем переключил внимание на Ярослава.

— Ну что док, я вас внимательно слушаю. Излагайте, а там сверим впечатления.

Тот улыбнулся, показав окружающим обильно украшенные золотыми коронками челюсти, не глядя бросил скальпель в стену и принялся строить сформировавшиеся гипотезы. Кстати, скальпель попал точно с одного из субъектов, изображенных на календаре за этот год. На нем был начертан призыв голосовать за какую-то партию на местных выборах... Судя по всему, представители оной пользовались большим вниманием танатолога, благо плакат был весь в отметинах. Скальпель сюда метали не первый раз и даже не десятый...

— Это не просто маньяк, каких много. Он особенный... Нет, не так! Особенность в его поведении, которое несвойственно обычным, сереньким представителям их поганого племени. Наши психологи несут какую-то чушь и не желают уцепиться за самый важный факт. А ключ у них прямо под ногами! — Ярослав яростно жестикулировал, пытаясь таким образом усилить эмоциональность слов. Кстати, в этом он точно не нуждался.

— Док, вы хотите сказать, что он специально выбрасывает тела возле мусора? Дескать, они отброс, а я некий бог, хозяин или тому подобная суть.

— Ну вот, хоть один здравомыслящий нашелся! — он патетически воздел руки над головой. — Да маньяк просто смеется над усилиями поймать. Трясут не тех, совсем не тех. Бомжей, маргиналов, случайных людей. Не там искать надо, ой не там!

— Уровнем повыше, а то и не одним...

— Да! Там где деньги, власть, кураж от обладания почти всем и извращенное желание какой-то новой мерзости, отвечающей истинному облику того человека, который перестал быть им и стал маньяком. Он считает себя выше, могущественнее и умнее чем те, кто его ищет, и даже нарочно дает подсказки!

Умно рассуждает этот доктор, один из ближайших друзей смерти. Танатологи вообще народ очень своеобразный, близость к миру мертвых как-то по особому обостряет чувства некоторых из них. Не всех, только тех, кто выбрал сию профессию по призванию души, стремящейся оказаться на берегу той великой реки, где старик Харон гоняет свою лодку от берега к берегу. Вот только обратно он перевозит очень немногих — тех, кто способен так его напугать, чтобы убедить о большей опасности пребывания ТАМ, нежели ЗДЕСЬ.

Но есть в его рассуждениях и некоторые недостатки... А коли есть, так их надо бы и обнародовать.

— Скорее просто деньги и к тому же отсутствие той власти, которую он хочет получить. Плюс, возможно, извращенная ненависть к тем, кого он выбирает в качестве жертв. Да, а кто они?

— Ничего общего, совсем ничего, — развел руками Алекс. — Не совпадают ни пол, ни внешность, ни место жительства... Пусто.

— А мне кажется, что есть одна общая деталь, только вы смотрите на нее и не видите очевидного. Вот ответьте мне, из какой социальной группы были те, приглянувшиеся этой твари?

— Тоже мимо. Родители разные... Учителя, клерки, бухгалтера, один вообще из наших. В смысле, из милиции.

— Старлей, ты что, специально глупым прикидываешься или непроизвольно выходит? Вот ответь, были ли среди них детки маргиналов, дворников там, грузчиков и все в таком духе?

— Нет, не было...

— А отпрысков кого-либо влиятельного, — купцов или, как их там сейчас называют... бизнесменов? Неужто тоже не было? Вопрос риторический и ответа не требует.

Готесса моя давно уже все поняла, да и Ярослав — этот экстравагантный потрошитель трупов — также осознавал ход моих мыслей, а вот мент с прокурорским никак не могли свернуть в сторону от привычного им шаблона. Понимаю, сложно отойти от того, что на протяжении долгих лет становилось чем-то естественным и вроде бы неоспоримым.

Честно сказать, я немного мошенничал. Вампирская гиперчувствительность к смерти, и её причинам позволила мне ненадолго заглянуть в эмоции маньяка, сохранившиеся в

обрывках ауры трупа. Ничего конкретного, но сделать кое-какие выводы все же позволяет.

— То есть что получается? — наконец выдавил из себя Алекс.

— Словечко из четырех букв. Начинается на «ж», кончается на «а», — обрадовано заржал подручный смерти. — Наконец то вы, ребята, вляпались в ситуацию, когда придется хоть немного пойти против течения. Потрясите-ка сильных мира сего!

Сыскари невесело переглянулись.

— Ничего, — утешил я своих временных союзников. — Я от всех ограничений далек, к начальственным креслам не испытываю ни малейшего почтения, а особенно к тем частям организма, которые на них восседают. Кстати, порой кажется, что именно ими они и думают. Или не думают даже ими...

— Слушай, граф, а может им трансплантацию учинить?

— Поясни, — не уловил я смысла предложения, сделанного Элен.

— Да просто голову вниз, кое-что другое вверх. Может лучше и не будет, зато для народа нагляднее на порядок.

Истерическое хихиканье Чумы, которое чуть было не прорвалось в слышимый диапазон, свидетельствовало о том, что бесенку подобная мысль пришла очень даже по душе и он наверняка собирается поэкспериментировать над первой же подходящей кандидатурой. Да и у меня это вызвало определенные раздумья. Разумеется, не столь прямолинейно, но сама идея ничего... Доработать и можно пускать в жизнь. Так что...

— Ничего, ма шер, это от нас не уйдет. К тому же уверен, что ты мне напомнишь при случае. Но хватит об отвлеченных материях, перейдем к делу пусть и неприятному, но важному и нужному.

— Это к какому? — вновь проявилось неумное любопытство патологоанатома. — Тело я уже вскрыл, второй раз делать это незачем. Искать надо, но это уже не моя область. Вот посоветовать там, гипотезу выдвинуть...

— Гипотеза — это хорошо, особенно если она верная. Но я не об этом. Кто-нибудь слышал о том, что у убитого в глазах способен отпечататься тот, кто послужил причиной смерти?

— Бабушкины сказки. — отмахнулся труженик прокуратуры. — Тогда бы вообще никаких проблем не было — посмотрел трупу в глаза и вот он, виновник.

— Слышал я что-то, но вот ни у кого до сих пор это не получилось, — Ярослав был более осторожен в своих оценках. — Помнится, в конце девятнадцатого века серию опытов проводили... Брели труп жертвы, убийца которой был стопроцентно известен и пытались каким-то образом срисовать или даже сфотографировать изображение, остающееся в зрачке покойного. Тщетно! Может нужны особые методы?

— Нужны, как без того.

Самая малость некромантии и никакого мошенничества. Помнится, именно это было написано в одной из прочитанных мною книг. Там рассказывалось, как один хитрый маг долгое время держал на троне вместо короля зомби, пользуясь полнейшей неосведомленностью приближенных покойного величества в делах магических выяснил сей факт лишь тогда, когда некромант (спустя пару лет)крепко запил по какому-то поводу, учудил нечто непотребное и тщательно сотворенный зомби в мгновение ока развалился на кучу гнилого мяса с соответствующими ароматами.... Но это так, вариации на тему.

Сейчас мне не требовалось даже зомбировать, нужно было лишь самую малость прикоснуться к остаткам энергии, сохранившихся в трупе, да и выбрать нужное. Обстановка способствует, противодействующих факторов ноль — идеальные условия, прямо как на страницах древнего трактата.

Лежащее на столе тело конвульсивно дернулось, заставив работников правоохранительных органов посоревноваться в прыжках в высоту с места. Танатолог же с философско-меланхоличным любопытством наблюдал за несвойственными труп движениями. Экстравагантная личность, что тут сказать. Уверен, что если бы я решил соорудить зомби, то он попросил бы «отрезать кусочек для опытов» и полез бы со

скальпелем непосредственно к зомби. Что ж, любопытство надо поощрять, но не на этот раз. Обойдется и тем, что планируется...

Перед моими глазами проявилось лицо того, человека, которого видела жертва перед смертью. Проявилось заодно с той болью, что была испытана в тот момент. Отвратительнейшее ощущение, но никуда не деться. Хочешь посмотреть глазами покойника — будь любезен расплатиться за удовольствие. Ну ладно, посмотрел сам, дай и другим ознакомиться с искомой личностью. Вот я и перенаправил по ментальным каналам узнанное о маньяке всем присутствующим... вместе со всеми болезненными ощущениями.

Грубо? Не согласен! Пусть почувствуют и прочувствуют, может тогда желание поймать выродка станет еще более неудержимым. Ведь теперь он и им причинил боль и страдания, пусть и опосредованно-экзотическим образом.

— Граф... — страдальчески скривилась Элен. — Неужели это всегда так?

— Где некромантия, там и боль. Иначе и быть не может. Но в большинстве других случаев такого нет... почти нет. Впрочем, об этом после. Ну что, судари мои, видели портрет маньяка нашего? Знаю, что видели, теперь вы его долго не забудете. По крайней мере до тех пор, пока не изловите и не повесите на центральной площади. Возражения есть? То-то же.

— Наваждение какое-то!!! — Владимир схватился за голову и начал мерно покачиваться. — Это что же за такое-то? Что ты сделал?

— Разве это так важно? — улыбнулся я. — Если хотите, можете считать это гипнозом, галлюцинацией, или вещим сном. Меня ваше мнение если честно, как то мало волнует. Главное, теперь вы знаете нашего противника в лицо.

— Гипноз, просто гипноз! — Прокурорский медленно приходил в себя, остановив свои беспорядочные раскачивания.

— Как вам будет угодно, сударь. — Я отвесил ему великосветский поклон в лучших традициях салона Вяземской.

Алекс, уже видевший меня «в трудах мистических» понимал, что показанное ему есть истина, пусть и далекая от привычной формы. Танатолог, так тот просто наслаждался новыми впечатлениями. Похоже испытанная боль не была для него чем-то слишком существенным. Может пониженный болевой порог, а может просто умение абстрагироваться от нее, словно от мелкой, не стоящей внимания помехи.

— И что это дает? — продолжал ворчать Владимир... — Ну увидел я что-то, допустим, даже это действительно, настоящий облик маньяка, но только как его искать? Фоторобот ничего толком не даст, попробуй найди по нему кого-нибудь...

— Найти можно было бы и вашими методами... Однако, мне не хочется ждать столько времени. Пока вы его ловите, он не одного человека загубить успеет! Жалко. Так что радуйтесь. И здесь я вам помогу.

— Ярослав, будьте любезны разрешить мне воспользоваться вашим скальпелем, — повернулся я к танатлогу.

— Кого резать будете, магистр? — живо заинтересовался сей неугомонный тип, протягивая один из остро заточенных режущих предметов, в изобилии присутствующих в этом месте.

— Того, кому уже не больно...

— То есть труп. Понятно... Да, я ведь именно потому и пошел в патологоанатомы.

Да уж, этот человек словно соткан из контрастов и противоречий... Четкое нежелание причинять боль, но в глазах ясно проскальзывает готовность убить без малейших сомнений и колебаний. И это будет отнюдь не дебют, а всего лишь повторение пройденного. Быть может обычный человек и не в силах отличить умеющего убивать от того, кто на это в принципе не способен, но вампиры подобную разницу чувствуют мгновенно.

Жизнь и смерть, смерть и жизнь... Видел я много тех, кто раздувался будто мыльный пузырь, пытаясь внушить окружающим трепет и страх. Вот только дай такому красавцу в руки клинок или пистолет, ну а напротив поставь оппонента примерно с таким же арсеналом и все, пузырь лопнул с громким треском, не оставив после себя ровным счетом ничего.

Убить для одних легко, другим же практически недоступно... Почувствуй в руке воплощенную в форме клинка изящную смерть или прикоснись к рифленой рукояти пистолета. Не ощутил единения с ними, они не вызвали никаких эмоций? Что ж, это бывает. Они пугают? Жаль. Путь воина вам недоступен. Не расстраивайтесь, на свете есть множество других достойных дел, которыми вы вполне можете заняться.

Взятым у танатолога скальпелем я не особо церемонясь отрезал от трупа указательный палец с правой руки, Сие вполне нехитрое, но необходимое для облегчения поиска действие что-то не вызвало особого прилива энтузиазма. Готесса, поморщилась, а вот Владимир недовольно скривился.

— Какие нервные сыскари пошли, — усмехнулся я, очищая тонкую косточку фаланги от плоти, и вырезая на ней руны, кои должны были превратить её после подпитки силой в полезнейшее поисковое устройство... — В прокуратуре что, все такие?

— Зачем вам... это?

— Видишь ли, лейтенант, теперь я знаю облик маньяка, но искать его по всему городу не доставляет никакого удовольствия. Лучше уж взять часть тела его жертвы... Любую часть, откровенно говоря, просто кость лучше всего подходит для рунической магии, а палец отрезать легче всего. Ну так вот, проедемся мы по городу, а я меж тем буду наблюдать за поведением косточки... Как только окажемся близко к тому, кто убил её прежнюю хозяйку, косточка начнет сигнализировать.

— К-как?

— Увидишь. — Я улыбнулся. — Не волнуйся, это ты заметишь сразу же. Все готово. Можно идти. Надеюсь, ты еще не передумал вылавливать маньяка?

— Нет, не передумал. Если только раньше не сойду с ума...

— О, не волнуйся, это тебе не грозит, — вмешалась в наш диалог Элен. Судя по тому, как задорно поблескивали её глаза, она готовилась сказать какую-то пакость.

— Что, думаете, раз милиционер, значит, все могу вынести? — Попался на заброшенный готессой крючок сыскарь.

— Нет, просто сходить не с чего! — Элен весело улыбнулась, и вышла из прозекторской усиленно покачивая изящными бедрами.

— Вот стерва! — Прокомментировал Владимир, глядя ей вслед. Я только кивнул, подтверждая мнение прокурорского работника, и двинулся вслед за дамой.

Покинув гостеприимного танатолога, мы направились к стоящей за углом неприметной машине. Мне в добавок, приходилось выслушивать занудное, и весьма заунывное нытье Чумы, буквально умолявшего позволить ему вволю поиздеваться над неверящим в его существование атеистом.

В конце концов, нервы мои не выдержали: — Цыц, нечисть мелкая! Кому сказано, сидеть тихо! Ясно же разъяснил, что пока его трогать тебе запрещаю! — после чего он наконец-то заткнулся.

* * *

Колесить по городу — что может быть скучнее и однообразнее? Вероятно, в других условиях я мог бы получить от сей экскурсии удовольствие, но не сейчас. Увы, но большая часть моего внимания была поглощена слежением за поведением сделанного из кости датчика. К тому же приходилось постоянно подпитывать его силой, что так же не способствовало любованию видами города. — Пусто, пусто, пусто...

Однако, стоило автомобилю оказаться в районе, где обретались различные бизнесмены, точнее говоря находились их рабочие места, как я впервые почувствовал отклик. Хм, выходит, мое предположение оказалось верным. Не то чтобы я сомневался, просто всегда приятно получить убедительные доказательства правильности сделанного тобой же анализа.

— Хозяин! — взвыл невидимый и неслышимый для всех Чума. — Тут он, тут!

— Где?

— Да вон в том здании, которое в десяток этажей и где рядом плакат с та-акой девочкой...

Бесы и их чувствительность к тонким, слабо осязаемым даже для мага эманациям. Банально, но это одна из основных причин, почему многие маги обзаводятся подобными помощниками. И вовсе не из-за боевого потенциала — как раз он у многих подобных созданий не представляет из себя ничего из ряда вон выходящего. Повышенная чувствительность ко всякого рода магическим проявлениям, способность различать различные типы энергии и прочая деликатная работа, для которой нужен даже не разум, а просто природные склонности.

— Останови здесь, — приказал я сидевшему за рулем Алексу. — Кажется, мы нашли нужное место.

Примечание на полях:

Да уж, покатались! А вообще, — любопытнейшая фигура этот Ярослав. Надо будит познакомиться поближе...

Приписка мужской рукой: Prrrrr!!!..

Продолжение женским почерком: Граф, ну что вы! Я же исключительно в интеллектуальном смысле!

Глава седьмая, в которой мы, на пару с доблестными правоохранителями, ловим зловредного маньяка, я дважды пытаюсь сотворить запрещенное заклятие, и вдребезги разношу извращенческий притон

Нашли-то нашли, но вот Владимир уперся, словно остроухое ездовое животное, требуя, чтобы ему доказательства предоставили. Забавный человек, право слово! Хочешь доказательства? Да пожалуйста! Их есть у меня, как говаривал наш полковой лекарь, немец по происхождению, когда кому-нибудь из господ офицеров срочно требовалось национальное лекарство с незамысловатой химической формулой це-два-аш-пять-о-аш, в просторечье именуемым спиртом. Вот только доказательство это было довольно сложно подшить к уголовному делу.

Костяшка вертелась как угорелая, истекая кровью из нарисованных на ней рун, и периодически пытаюсь взлететь, указывая на офисное здание.

Элен и Алекс с любопытством наблюдали за поведением этого образчика некромантского искусства, похоже, уже полностью смирившись с мыслью, что от меня можно ожидать всего что угодно, а вот Владимир то и дело менял цвет лица. На хамелеона тренировался, что ли? Так ведь у него ни хвоста, ни чешуи нет. Недоброкачественный хамелеон получится. Впрочем, может, я чересчур придирчив? Зеленел он так, что любо дорого посмотреть было! А хвост... ну, хвост дело наживное... Если хорошенько попросит, то знаю я одно заклинание подходящее...

Наконец, Владимир справился со своим желудком, и перестал изображать светофор, так что можно было продолжать.

— Помните самокатающийся клубок из народных сказок? — решил я прочесть своим спутникам небольшую лекцию по практической некромантии. — Вижу, что помните... Между прочим, основан на том же самом принципе, Просто нам особая точность не требуется, так что вытягивать и сушить жилы я счел нецелесообразным. Конечно, палец не в состоянии катиться куда прикажут, к тому же выбирая самую удобную и безопасную дорогу, зато указать на одного-единственного типа, который убил бывшую владелицу этой костяшки он вполне способен. А нам большего и не требуется, не так ли? — Я улыбнулся, на этот раз не скрывая своих клыков. На лице готессы расплылась довольная усмешка, Алекс малость

побледнел, а Владимир нервно сглотнул и отвернулся к окну.

— Старлей, а кто у нас в сем здании обитать изволит? — разочарованно поинтересовался я через несколько мгновений. Признаться, реакции на демонстрацию моей сущности я ожидал куда более активной! Обидно-с... Такой хороший повод для шутки пропал. Однако, с другой стороны, сдержанность старлея и Владимира производит весьма достойное впечатление...

— Инвестиционная компания «Развитие»... Совместное предприятие. — незамедлительно ответил Александр.

— Это еще что за напасть?

— Ну, то есть частично местные бизнесмены владеют, а частично другие, из Америки прибывшие.

— Вот и наведем купчишек... — Припомнив, как как-то проиграл в вист заезжему купцу — англичанину свое месячное жалование, я обрадовался возможности припомнить свое тогдашнее расстройство его нынешним преемникам. Да, злопамятный я, злопамятный! Порода у меня такая! Бельские обид никогда не спускали, а если учесть, что я нынче в вампирском состоянии пребывать изволю, то сия черта характера у меня и вовсе возросла до неприличности. К тому ж, признаться должен, люд купеческий я всегда недолюбливал. Их ведь даже на дуэль в случае чего вызвать нельзя — не дворяне-с, да и карты передергивать — мастаки преизрядные. Хотя признать следует, жены и дочери средь сословья этого презренного встречались прехорошенькие. Ну да к девицам красивым подход у офицеров гусарских всегда был весьма снисходительным. Ох, опять я отвлекся. А Алекс меж тем ведь об охране рассказывает. Тут внимание требуется!

— ... ее много и туда даже с ОМОНОм прорваться очень сложно. Крыша у них такая, которая способна создать кучу неприятностей.

Крыша? Какая такая крыша? Он что сверху, с боем прорываться планирует? Ну, я допустим ладно, могу дожидаться ночи и левитировать неожиданно и сверху, но ведь люди-то летать не умеют! Да и вряд ли маньяк этот до сумерек тут находиться будет. Хотя нет. Стоило мне задуматься над словами милиционера, как тут же на помощь пришло знание современного сленга почерпнутого у выпитого бандита. Крыша, оказывается, означает всего лишь бандитскую шайку, которая защищает купцов за часть прибыли.

Впрочем, от знания этого понимания фразы не прибавилось. Собственно, я совсем в растерянность впал. Неужто нынче бандиты настолько в силу вошли, что опасность не только для граждан, или даже полицейских представляют, но и армии противостоять могут? Впрочем, не важно! Гусар им все равно не по зубам будет! Особенно ежели гусар этот к вампирскому роду принадлежит. Я против Наполеона дрался, что мне какие-то разбойники местные!

— Вас это так заботит? — Я зло улыбнулся, вновь демонстрируя клыки. — Что ж, придется заняться еще и кровельными работами... В смысле сорвать крышу и запустить в свободное плавание по всем ветрам. Идемте, господа! Я намерен хорошенько поразвлечься! Если кто не спрятался, то это исключительно их проблемы. Пусть покупают себе местечко за церковной оградой, ибо самоубийц на освященной земле хоронить нельзя.

Работник прокуратуры с переднего сиденья пробормотал что-то маловразумительное относительно санкции на обыск и недопустимости превышения закона, чем преизрядно меня насмешил.

— Уважаемый, я уже около ста пятидесяти лет существую без всех и всяческих санкций, и подозрение имею, что еще лет двести они мне так же не понадобятся.

— Сто пятьдесят лет? — Владимир недоуменно взглянул на меня, а затем перевел растерянный взгляд на мою готессу.

— Представьте себе. — Та довольно улыбнулась. — Граф конечно, большой любитель пошутить, однако же до откровенной лжи никогда не опускается. Кстати, граф — его настоящий титул.

Владимир растерянно примолк, а Алекс, лишь озадаченно покрутил головой, искоса

посматривая в мою сторону, как бы стараясь на взгляд определить приметы моего истинного возраста. Кажется, он уже ничему не удивлялся.

— Как бы там ни было, а лично я иду маньяка добывать. — Прекратил я дискуссию. — Желающие могут присоединиться, ну а нежелающие пусть остаются в машине и ждут... Хоть санкций, хоть дождичка в четверг.

С этими словами я неторопливо выбрался из салона автомобиля и пошел в сторону входа. Однако, остаться никто не решился, и даже любитель санкций, законности и прочей бюрократии плелся следом, ворча вполголоса нечто нелицеприятное в адрес тех, кто не ставит формальные законные процедуры равным образом ни во что.

Ха! Интересно, что бы было, поведись ему пообщаться с кем либо из вампиров постарше меня, с той же мадам Сангрени к примеру, которая подавляющее большинство людей и вовсе за двуногий скот числила, Я-то на этом фоне и вовсе сущий ангел, даром что крылья черные и перепончатые.

Впрочем, мне до его брюзжания дела нет никакого, так что может пусть себе ворчит, коли хочет. Главное, чтоб маньяка ловить не мешал. Впрочем, думаю, не будет он мешаться. Вместе на жертв смотрели.

А вот мне надо бы прояснить некоторые нюансы относительно находящегося внутри здания люда.

— Что это за компания такая? — как бы, между прочим, обратился я к Алексу

— Компашка известная... Таких сейчас много развелось... Туда — лес, нефть, цветные металлы, сталь. Оттуда — поставки ассортимента для секс-шопов, предметы женской гигиены, элитную туалетную бумагу, и всякую лабуду для продажи в телемагазинах. Имеют право на банковскую и кредитную деятельность. Активно занимаются благотворительностью. Содержат детский дом для детей-даунов и медицинский приют для асоциальных потомков жертв алкогольной зависимости. Поддерживают тесные контакты с фондом развития ассоциации геев и лесбиянок, и являются крупным держателем акций независимой газеты «Демократическая Россия».

Руководство — почти целиком американское. Охрана — обычные наемники из частных охранных агентств. Они кого угодно охранять будут, если деньги платят.

— Мда-а... — Признаться, я даже несколько опешил от столь подробной характеристики. Судя по неприязненному тону лейтенанта, и столь информативной справке, фирма эта была ему весьма неплохо знакома. Причем знакомство это приятным назвать было нельзя. — А откуда данные?

— Да было у нас одно дело о поставках наркотиков. Там эта фирма и всплыла. Да только как едва она проявилась, так дело на глазах рассыпаться стало. Свидетели исчезли, фигуранты немедленно от показаний стали отказываться, самый главный так и вовсе от сердечной недостаточности скончался, хотя на вид и был здоровущим медведем. Сверху давить начали... В общем, не получилось их достать — на этот раз откликнулся Владимир. — Мы им с Алексом вместе занимались. Тогда то его за излишнее усердие из капитанов и разжаловали...

— Ну что ж... — Я улыбнулся. — Кажется, я уже говорил, что весьма мало интересуюсь формальным судопроизводством? Знаете, когда я родился, было довольно модно лечить многие заболевания при помощи кровопускания. Как мне кажется, подобная практика нынче совершенно незаслуженно забыта. Особенно это касается заболеваний общества, к коим похоже и относится сия контора. Так что... Пиявок я им не гарантирую — не та у меня специализация — но вот Чума на их головы упадет обязательно. И в самое ближайшее время!

— А чума здесь при чем? — недоуменно спросил Владимир.

— Увидишь... — догадавшаяся о моих мыслях Элен зловеще усмехнулась, и с хищным предвкушением посмотрела на здание конторы, к которой мы неторопливо приближались.

— Я, конечно, при чем, но я не кирпич, чтобы каждому на голову падать, — возмутился бесенок. — Да и к тому же не тяжелый я, а легкий. Толку-то с того, что упаду на

голову? Вот если уронить что потяжелее...

— Да на здоровье, — мысленно ответил я. — Как только начнется кавардак, так роняй что хочешь, откуда хочешь и кому хочешь... Кроме нас. Конечно!

Личико бесенка при этих словах приобрело настолько мечтательное выражение, что я даже несколько забеспокоился... От отсутствия фантазии сия мелкая, но чрезвычайно вредная, как и положено бесам, личность отнюдь не страдала. Мало ли чего он там придумает? Впрочем, это не моя проблема...

* * *

Двери сами отъехали в сторону, едва мы к ним приблизились. Да уж, техника на грани реальности, тут не поспоришь. Но стоило только нам зайти внутрь, как стало ясно, что любой посторонний человек тут — объект пристального и далеко не всегда доброжелательного внимания.

— Рады приветствовать вас от имени торгово-инвестиционной компании «Развитие», — привычно, с дежурной улыбкой на лице затараторила сидевшая за столом высокая блондинка с умело подкрашенным лицом и шикарными формами. Пристально оглядев нашу компанию, и особенно нас с Элен — я буквально увидел, как в её глазах мелькают нули, подсчитывая стоимость наших туалетов, — она уже куда благосклонней обратилась именно ко мне: — Если вы хотите взять кредит на развитие своего бизнеса, то вам следует обратиться...

Перебивать конечно весьма невежливо. Особенно, когда к тебе обращается дама, однако мне не хотелось затягивать визит: — Благодарю вас, однако я не интересуюсь кредитами. Берешь чужие и на время, а отдаешь свои и навсегда, — прервал я её речь.

— Тогда у нас есть множество других предложений в области инвестиционных проектов. Чем мы можем быть вам полезны?

Девушка продолжала говорить, ну а к нам меж тем аккуратненько так подтягивалась охрана. Понимаю, мы не самая обычная группа лиц для здешних мест... У Алекса на физиономии написана причастность в милиции или к охране (это, впрочем, относительно нормально), Владимир еще может сойти за представителя чиновничества, чему немало способствует выражение лица, но вот мы с Элен никак не классифицируемся. Моя спутница в своем откровенном наряде чисто теоретически могла быть принята за секретаршу или просто таскаемую с собой всюду пассию, но оставалась еще и моя персона.

Ну посудите сами, высокий, хмурый тип неопределенно-размытого возраста, в длинном белом плаще, белых же брюках и рубашке цвета артериальной крови. На губах усмешка, мало свойственная представителям торгово-финансовой братии, да и в глазах понимающий человек способен разглядеть отблески боев, в которых мне за свою жизнь довелось участвовать.

Отвечающим за безопасность найдется о чем беспокоиться, тут все логично и понятно. Маскировать свои намерения? Увольте, не имеет ни малейшего смысла.

— Нас интересует один человек из находящихся сейчас в вашем здании, — сказал я чистую правду. — Мы пройдем, заберем его, а потом уйдем. Тихо, спокойно и никаких претензий. Как вам такой вариант?

— Корочки покажите, гражданин начальник, — недобро улыбнулся один из охранников. — Или бумажку, с автографом прокурора.

Нормальная реакция, вполне естественная. В принципе, можно было бы и показать. Простейший морок, ничего сложного... Небольшое усилие, и на пустом листке писчей бумаги он мог бы увидеть хоть так желаемый автограф прокурора, хоть печать синода, да хоть личную роспись господ бога или оттиск копыта дьявола... Ничего сложного. Вот только, мирное разрешение проблемы в мои планы как-то не вписывалось. Никогда не избегал возможности хорошенько подраться, да и Чуму подкормить требуется... Так что... Впрочем, стоит дать им небольшой шанс. Благо, полученное из крови одного покойничка

знание, позволяет вполне спокойно вести беседу с применением свойственных тому оборотов. К тому же просто интересно попробовать свои возможности в использовании сленга, столь отличного от привычного мне стиля речи.

— Да у тебя, браток, не только крыша уехала, еще и фундамент выкопался и убежал в края неведомые. Печальные заблуждения о моей принадлежности к органам рекомендую выбросить далеко и больше о них не вспоминать. Повторяю еще раз. Мне нужен один из тех, кто находится в этом здании, причем разговаривать с ним буду не о погоде, а о более серьезных делах.

Гм... Кажется не получилось. Ну не могу я использовать те обороты, что мне сознание бандита выпитого подсказывает. Все привычки мои и воспитание, ну как есть все против такого протестуют. Ну да ладно... Не стоит оно того, чтобы я ради этого свой характер ломал. Надеюсь, сей охранник и так сообразит, что я в виду имею.

— Без бумажки — ты какашка... — с улыбкой процитировал первую часть известной еще в мое время пословицы охранник, и уже на полном серьезе добавил, опустив руку на небольшую дубинку у пояса, — Прошу немедленно покинуть здание компании.

Так я и знал... по-хорошему не получается. Ну что ж, нельзя сказать, что меня это расстроило.

— Чума!!!

— Да хозяин? — Довольно ухмыляющийся бесенок материализовался возле самого носа охранника, заставив его непроизвольно отшатнуться. В результате, потеряв равновесие, он грохнулся на кадку с крупным фикусом. Ого! Похоже этот охранник — большой спец по русскому мату! Кое какие выражения стоит запомнить.

Удивленно расширившиеся глаза Владимира, Алекса, трех охранников подошедших вместе с упавшим, и блондинки-регистраторши буквально прикипели к обрадованному таким вниманием бесенку.

— Будь любезен, растолкуй этому созданию, — я брезгливо пошевелил ногой так и продолжавшего сидеть в кадучке с землей впавшего в ступор охранника, окончательно вытеснившего несчастный фикус с его законного местообитания, — как к нам следует обращаться.

— Но, хозяин! — протестуя возопил бесенок. — Вы же обещали позволить мне уронить на кого-нибудь, что-нибудь тяжелое, а не читать лекцию по этикету! Я уже и кирпич подходящий по дороге приглядел!

— Кто тебе мешает? — пожал я плечами — Совмещай.

Радостно взвизгнув, Чума метнулся к выходу и оставив в не успевших раздвинуться дверях небольшую оплавленную дырочку, буквально через секунду возвратился, волоча в руках кирпич из обожженной глины, раза в четыре превышающий его собственные размеры.

— К его светлости следует обращаться — Его светлость, — начал он, с натугой взлетая повыше, и тщательно прицеливаясь в макушку ближайшего охранника...

Думаю, что этот урок этикета охрана будет вспоминать еще долго. Потом, когда из больницы выйдет. Сотрясение мозгов — штука весьма неприятная, по себе знаю. Однако ж, крепость голов у современных дуболомов весьма впечатляющая. Не выдержавший процедуры обучения кирпич сломался на второй минуте, после чего урок пришлось прекратить. Тем более, что к тому моменту «ученики» вряд ли могли еще что-то понимать из читаемой им лекции.

Так мы и покинули фойе, оставив за собой три бессознательных тела на ковре, одно — в кадке из-под фикуса, и уснувшую за своим столом девушку. Ну не мог же я позволить бить тяжелым кирпичом такую очаровательную головку! Это не по-гусарски, господа! Довольный Чума буквально вился вокруг нас трепеща своими недоразвитыми крылышками и все порывался метнуться за еще одним кирпичом. — Покрепче бы надо! И вообще, я там такой симпатичный шлакоблок видел... Пусти, хозяин, я махом обернусь!

Остановив порыв всерьез заинтересовавшегося возможностями нетрадиционного использования стройматериалов беса, я, достав из кармана путеводную деталь организма

жертвы, постарался точнее определить положение маньяка. Черт, слишком много здесь народа, никак не выходит отсеять ненужное сразу и надежно. Что ж, придется искать.

— И где он? — опасливо поглядывая на Чуму, поинтересовался Алекс.

— Рядом, старлей, рядом... Где-то на верхних этажах.

— Обычно там кабинеты руководства. Неужто он и впрямь из высокопоставленных? — Эта мысль похоже весьма нервировала Алекса.

— Какая мне разница... — безразлично пожал я плечами.

— Тебе то да, — удрученно ответил милиционер, — а вот нам палки в колеса будут ставить по полной программе. Довести до суда кого-нибудь из этих... «новых», да если он еще не дай бог иностранец...

— Суд? — я искренне изумился. До сих пор Алекс казался мне вполне адекватным человеком, но откуда тогда у него могла взяться такая глупая мысль, что я могу доверить наказание этого ублюдка суду? Да тем более, нынешнему, с запретом на смертную казнь! Да этому маньяку одной смерти мало будет, чтоб за все свои делишки расплатиться, а он мне о каком-то суде говорит!

По всей видимости, мои мысли столь явственно отразились на лице, что Владимир и Алекс в голос начали убеждать меня, что до суда маньяк все же должен дожить. Надо сказать, что несмотря на довольно убедительную аргументацию, я был отнюдь не склонен выполнить их просьбу, но неожиданно свой голос к работникам правоохранения, присоединила и готесса.

— Гра-аф, — слегка растягивая гласные заговорила она. — Ну подумай сам. Ты совершенно не предусматриваешь воспитательного момента!

— Как это не предусматриваю! — Возмутился я. Да он у меня ТАКОЙ смертью умрет, что потом еще три поколения с ужасом вспоминать его муки будут, а у любого, кто только подумает о том, чтобы повторить эти «подвиги» будет рефлекторное недержание мочи приключаться! Я не я буду, если после его смерти все нынешние маньяки не прекратят свои проделки, и не забьются в самые глубокие норы, дрожа от страха и мечтая только о том, чтобы их миновала чаша сия. Он у меня перед смертью не одну неделю вопить будет, и ад для него мечтой всей жизни окажется!

— Вот-вот, я об этом же! — неожиданно поддержала меня готесса. — умрет-то он страшно, я в твоих талантах не сомневаюсь, да только, что в том толку? О том, как люди вообще узнают, за что он наказан, ты продумал? Ведь на первый взгляд получится, что ты просто жестоко и беспричинно убил почтенного человека. Пока даже мы не знаем, кто есть маньяк. Так что после этой казни людям и в голову не придет, что это наказание, а не просто жестокая и бесцельная расправа.

— Да? — я призадумался. Действительно ведь, мне эта мысль и в голову не приходила.

— И что ты предлагаешь?

— Все просто. Отдай его нашим друзьям — она кивнула в сторону Владимира с Александром, — в живом и относительно целом состоянии. Пускай доведут его до суда, там осудят, огласят доказательства его вины, — уверена, что процесс будет громким, и наверняка будет освещаться в прессе, ну а после этого ты и устроишь для него разом и «Варфоломеевскую ночь», и «Утро стрелецкой казни». Что-то мне подсказывает, что особых проблем проникновение в тюрьму для тебя не составит.

— Да не составит, конечно, — я призадумался, отметив, с каким уважением стали смотреть на готессу Александр с Владимиром. А ведь и впрямь, умная девочка...

— Что ж... — Я пожал плечами. — Видимо ты права. Придется отложить окончательную расправу... По крайней мере до суда. — На этих словах Владимир облегченно выдохнул.

— Однако для начала, маньяка поймать следует — добавил я, чтобы мои спутники окончательно не расслаблялись.

Ведя такую беседу, мы поднимались по неширокой лестнице. Правда, вначале Элен хотела поехать на лифте, однако наши спутники в голос запротестовали против такого

предложения, утверждая, что лифт легко заблокировать, и останемся мы там, как птицы в маленькой клетке. Ну что ж, они профессионалы, им виднее.

Второй этаж, третий... восьмой. Тут! Кость мертвой жертвы задержалась вовсе уж энергично, и казалось, хотела сама устремиться вперед.

— Вот мы и пришли. Здесь наш маньяк, видите, как амулет дергается? — я выставил косточку на всеобщее обозрение.

— Так что мы медлим? — Элен казалось пританцовывала от нетерпения.

— Подожди, ма шер, тут вроде бы месье Вальдемар желает что-то сказать. Не так ли? — я обратил внимание на мрачную физиономию прокурорского работника.

— Желаю. Судя по табличке, и сердитым взглядам во-он того охранника перед дверью, на которого вы почему-то дружно не обратили внимания, на этом этаже находятся кабинеты высокого начальства. Допускаю, что вам на это глубоко фиолетово, о чем говорит выражение вашего лица. Однако, если мы вломимся сюда, без постановления прокурора, ордера на арест, да о чем я говорю, — вообще без каких-либо бумаг, — то ни о каком суде над маньяком вообще и речи идти не будет! Адвокаты прицепятся к нарушению процедуры — и все... хоть завали потом суд доказательствами! Даже если мы им прямо покажем, как он жертву разделяет — все равно выпустить придется. Нарушение процедуры!

— Ну что ж... Против ожидания Владимира, его пассаж меня ничуть не расстроил. Каюсь, никогда не любил связываться с бумагами и чиновничьей волокитой. — Значит, возвращаемся к плану один. Я просто прикончу эту сволочь, ну а потом уже вы найдете доказательства его вины. Если надо, могу поднять его в виде зомби — он вам сам и признательное письмо подпишет, и куда трупы стаскивал поведает... — Владимир казалось ошалел от такого предложения, а Алекс лишь хмыкнул, и покосился в мою сторону с заинтересованным блеском в глазах.

— Что же касается охранника... — я посмотрел на свое левое плечо, но там, к моему изумлению, знакомого любителя коньячных ванн не обнаружилось.

— Чума... — позвал я тихонько.

Нет ответа.

— Чума!!! — на этот раз я не стеснялся, вложив в зов некоторую долю магической силы. Охранник начал привставать со своего места, видимо намереваясь указать мне на недопустимость такого поведения, да так и остался, в полуприсяде, с расширившимися от изумления глазами.

— Я здесь, хозяин. — Вверх по лестнице рывками поднимался огромный шлакоблок. Поднимался, разумеется, не просто так, а транспортируемый пыхтящим от натуги бесенком, пребывающим в невидимом состоянии. Без подпитки моей магической энергией, сил у Чумы едва — едва хватало, чтобы тащить столь превышающий его размерами объект, но он старался изо всех силенок, отчаянно трепеща недоразвитыми крылышками.

— Вот, принес. Этот не сломается! — при этих словах беса, шлакоблок наконец преодолел лестницу, взлетел под потолок над самой головой охранника и рухнул вниз. Удар я успел смягчить лишь в самый последний момент. Смысла убивать честного служаку, всего лишь исполняющего свой долг я не видел, а падение такого «кирпича» вряд ли бы выдержала даже самая дубовая голова. Бессознательный охранник вновь опустился на свой стул.

— А я так старался, хозяин... — печально произнес Чума, вновь примериваясь к шлакоблоку.

— Отставить паденье тяжестей, — приказал я ему, и обернулся к молча наблюдающим эту сценку соратникам.

— Как видите, охрана дает добро, — я кивком показал на замершее на стуле тело. — Прошу, — я сделал приглашающий жест, распахивая межэтажные двери, за которыми виднелся длинный коридор.

— П-послушайте. — Владимир слегка заикался, но голос, тем не менее, звучал вполне твердо. — Кто это? — он кивком указал на моего маленького помощника. — Что это за

гипноз такой, что может таскать кирпичи и шлакоблоки, а потом бросать их на головы людей? Вообще, вы кто?

— О, дошло, наконец. — Я улыбнулся, в очередной раз обнажая клыки, но как и в прошлые разы, Владимир не обратил на это ровным счетом никакого внимания, лишь поморщился, пробормотав что-то о достижениях современной стоматологии.

— Разумеется, никакой это не гипноз. Позвольте вам представить моего фамильяра — помощника: Чума, бес обыкновенный, рода кладбищенского. Характер имеет склочный, легковоспламеняющийся, склонен к злым шуткам за чужой счет, как и вообще все представители его рода, так что рекомендую быть поосторожней. На язык остер, как в прямом (тут Чума и впрямь вывалил свой длинный, остроконечный язык) так и в переносном смысле.

— Хозяин! Дай я скажу! — Вмешался сам бесенок. — Надоел он уже, хуже горькой редьки, меня гипнозом обзывать. Сам ты галлюцинация некачественная! — Обраться он, не дожидаясь моего позволения, к Владимиру. — А если еще будешь обзываться, я на тебя тоже что-нибудь тяжелое уроню! — Пообещал он работнику прокуратуры, приземляясь на мое плечо, и бросая мечтательные взгляды на вожделенный шлакоблок.

— И вообще, надоело в невидимом спектре сидеть! Хозяин, ну позволь хотя бы пока проявленным остаться, — заныл он мне в ухо.

— Граф, а может он пока превратится во что-то более привычное для простых людей? — критически посмотрев на Чуму, предложила готесса. — Ты вроде говорил, что его тело не тело вовсе, а так... что-то непостоянное и переменчивое.

А ведь вариант. Бесы при нужде вполне могут на некоторое время превращаться во что-то другое, хотя и не очень любят подобные процедуры. Нет, физических неудобств это им никаких не доставляет, просто каждый бес считает свое тело настолько прекрасным, что сама идея о его изменении, пусть временном, вызывает у них острый приступ отвращения. Однако ж, если чуме так хочется сохранять видимость... Ну не к лицу мне как-то столь явно сообщать каждому встречному и поперечному о своей принадлежности к мистическим кругам, таская на левом плече вполне проявленного беса. Однако ж, и в невидимости, его постоянно держать, тоже решение не из лучших. Так что пусть превращается.

Осталось решить, во что? Итак, в кого же лучше всего может трансформироваться, этот мелкий, черный и вредный образчик своего племени? Ну конечно!

— Давай, превращайся-ка ты в ворона и устраивайся у меня на плече.

— А я каркать не умею...

— Значит будешь просто громко и противно орать. Да и вообще, как только начнется, вернешься в исходно-естественное обличье.

Бес окутался туманной дымкой и вот уже не бес, а полноценный ворон устраивается на плече, ворча что-то совсем уж похабное.

Внезапно птица издала и вовсе уж неприличный звук, и резко уменьшилась в размерах. Ворон? — гм. Кажется, я переоценил возможности беса к наращиванию массы. Теперь уже даже не ворона, а так, крупный грач, не более того. Впрочем, так пожалуй даже лучше будет. Уж больно крупные птицы, эти вороны, как оказалось. Тягать на своем плече столь крупную тварь — удовольствие весьма ниже среднего.

Однако... — Я прислушался к изрыгаемым грачом проклятиям. Похоже, невозможность принять подходящий и прославленный облик весьма задела моего фамилиара. Да уж, Чума в таком настроении особо опасен для всех, кто только попадет на его пути, и о ком я его персонально не предупрежу — «Не трогать!» Ну и ладно. В конце концов, мы к маньяку идем, а не в детский садик. Вот придем, и пускай отрывается. Мешать не буду.

— Ладно, двинулись... — скомандовал я, убедившись, что все пертурбации завершены. Тут он, маньячья душонка!

В коридоре было пусто, практически ни души. Вымерли тут все что ли, подобно древним ящерам или просто попрятались за дверями? Странно... Меня тут еще не было, так что вымирать им вроде рановато было... Значит, второй вариант, тут и гадать не нужно. Мой костяной «путеводитель» четко указывал направление и явственно сигнализировал о том, что мы находимся совсем рядом. Ага... Дверь, причем не в маленькую комнату, а в весьма обширный зал, в коем сейчас находится большое количество людей и среди них любитель убивать детей особо извращенным образом.

Ну а перед дверью располагаются еще двое охранников, и они, судя по внешнему виду, преисполнены желания никого не пропускать. Да что это такое! Поразили тут охраны! Честным вампирам пройти не дают! Придется уменьшать поголовье. — Я почувствовал, что начинаю злиться. Впрочем, разговор решил начать, в подчеркнуто мирном тоне.

— Эй, служивые, что там у вас за дверью таится?

— Что такое есть таиться? — с четко выраженным иностранным акцентом заявил один из них. — Заседание совета директоров за этот door⁶ есть. А кто вы есть? Почему вы с bird?⁷ — Он кивнул на мое плечо, где нетерпеливо топтался Чума, ожидающий, когда же я позволю ему поразвлечься.

— В компания «Развитие» вход с animals⁸ нельзя! — строго добавил второй охранник. — Вы покинуть офис! — он положил руку на пояс, недалеко от кобуры пистолета.

— Вот так ситуация! — усмехнулась Элен. — Нет, граф, ты только посмотри на это безобразие — теперь они еще и охрану из-за кордона выписывают. Насколько я понимаю, такое вообще ни в какие ворота не лезет. Так, прокурор?

— Так, — подтвердил тот, оживляясь. Почувствовал, родимый, твердую опору под ногами в виде родных его душе законов, уставов параграфов и прочей бюрократической тягомотины. — Статья четырнадцатая закона «об оружии». Гражданам иностранного государства на территории РФ запрещен ввоз, покупка, хранение и ношение боевого и гражданского оружия. Ввоз, покупка, хранение и ношение охотничьего и спортивного оружия разрешен только при наличии лицензии выданной юридическим лицом, занимающимся соответствующим видом деятельности, или для участия в спортивных соревнованиях. Переноска разрешенного оружия в пределах городских поселений иностранным гражданам дозволена только в специализированных чехлах, опечатанных работниками правоохранительных органов в разобранном состоянии.

— Молодец, хвалю! Видишь, и от тебя польза может быть. А пистоли-то у этих, «иностраннх граждан» — явно боевые! Вы уж поверьте, бывалому гусару. Так как? Арестовывать будешь?

— Мы есть граждане Соединенных штатов Америки! — Возмутился внимательно прислушивающийся к нашему разговору охранник. — Вы не иметъ право нас арестовать без присутствия консул! Вы обязан предъявить ордер на арест!

Судя по изрядно смутившемуся и замявшемуся Владимиру, доля истины в словах охранника имелась. Что ж... Законы есть законы. Вот только написаны они людьми и для людей. Я же — вампир, а посему...

— Чума!

— Туточки я! — грач на моем плече радостно встрепенулся. — Что прикажите, хозяин? Успокоить? Шлакоблок я тут, неподалеку оставил, мигом притащу! Говорил же, что понадобится! Только не надо опять глаз на афедрон натягивать. Больно процедура

⁶ *door* — дверь (англ.)

⁷ *bird* — птица (англ.)

⁸ *animals* — животные (англ.)

хлопотная! — Разговаривающий грач даже сам по себе заметно поразил заморских стражей, а тут еще и слова не слишком соответствовали дрессированной птичке.

— Зачем так банально? Два раза повторять одно и то же... — Я даже несколько расстроился из-за проявленного моим питомцем отсутствия фантазии. Как уцепился за одну идею, так и продолжает её мусолить. Нет уж, я за творческий подход!

О жалости я не задумывался, и шадить охранников, несмотря на довольно вежливое поведение — не намеревался. Иностранец, с оружием, нарушающий законы России — враг! Немало я таких в свое время навиделся, немало они крови русскому народу пустили. Эти же, защищали кровавого ублюдка, что находился за прикрытой широкими стенами дверью, и жалости потому не заслуживали вдвойне.

Сила земного притяжения — весьма странная вещь. Считается неизменной, но применений у нее множество, особенно если руководствоваться не только естественными, но и мистическими науками. Чуток магии и тело падает не вниз, а вверх. Убери воздействие — и оно вновь подчиняется исключительно природным законам. А если перевести это в постоянно-периодический вариант? Правильно, получатся превосходные прыгающие мячики в количестве двух штук, то есть экземпляров.

Вопят, то ли просят о чем, то ли просто ругаются... Слова-то английские вроде, да только акцент какой-то уж больно сильный, да и из-за громкости разобрать слова сложно. Да и вообще... Приехал сюда — учи русский язык. Ну а коли не удосужился, то каждый сам себе полено.

Вот пистолеты у них изъять пришлось, а то еще стрелять будут, народ беспокоить. К чему? Не слышно ничего, это понятно, барьер я первым делом установил, но вот шальные пули — совсем другое дело. Непричастные не должны беспокоиться, ну а причастных я и сам беспокоить в состоянии.

Однако, пора и сидящих внутри навестить, а то как-то несправедливо выходит — охрана уже получила от моих щедрот, а хозяева их, вместе с маньяком, пока еще лишены этой «радости». Пинок в дверь... Закрыто! Совершенно машинально использую таранное заклинание, от которого деверь разлетается в щепки, пригодные разве что для растопки или использования в качестве зубочисток.

— Граф, дверь открывалась, если ее тянуть НА себя, — укоризненно покачала головой готесса.

— Ну почему же? — я демонстративно кивнул на оголенный дверной проем. — При желании, и некотором усилии, её всегда можно открыть в любую сторону.

— Да? — деланно удивилась готесса. — Ну а теперь, ты посмотри, как реагируют на твои методы открывания те, кто находятся за дверью... Если они еще и не стекли из кресел на пол, то только потому, что и этого побоялись

— И что, я должен теперь испытывать угрызения совести? — поинтересовался я, глядя в лучащиеся искренним весельем глаза Элен.

— Какие угрызения? Какая такая совесть? — тут же ворохнулся восседающий на моем плече комок перьев. — Пусть только попробует укусить моего хозяина! Я её сам загрызу! — Чума широко распахнул клюв, на котором тут же выросли немалых размеров зубы.

— Да успокойся ты. — Элен бесстрашно погладила взерошенного грача — мутанта. — Не может грызть то, что давно спит в анабиозе. Граф-то сам из могилки вылез, а вот совесть так под землей и оставил.

— Разумеется, — поддержал я шутку. — Вещь сия для вампира бесполезна абсолютно, лишь только лишние хлопоты приносит.

— Кар-р! — насмешливо каркнул Чума, несмотря на несколько неподходящий внешний вид, старающийся добросовестно исполнить роль ворона. Тоже мне, актер погорелого театра.

Как говорится, цирк уехал, а клоуна забыли. Или он сам убежал, не суть важно. Зато публика в зале, где проходило какое-то важное совещание, подобралась небольшая, но не вызывающая особых симпатий с первого взгляда. Нет, я понимаю, первое впечатление

бывает и обманчивым, но далеко не всегда. На лицах не было откровенной тупости, но больше всего они напомнили мне мерзкие физиономии ростовщиков, с которыми как-то приходилось сталкиваться волею случая. Не мне, моим знакомым, но впечатления от того не стали менее отвратительными.

Быть может, деньги плохо влияют на человека? Да нет, я ведь сам отнюдь не бедствовал, получив от отца весьма немалое наследство. Тогда в чем же дело? Скорее уж это не слишком приличные люди из всех сил тянутся к деньгам, ставя их во главу угла и не интересуясь более ничем. И все же правила приличия требуется соблюдать. Именно так говорил корнет Малахов, называя свое имя и звание только что убитому им английскому офицеру. Дело было в каком-то замухрышистом трактире, а поединок состоялся вроде бы из-за неподеленной симпатии со стороны смазливой девчушки. Говорили ему, сначала представься, а уж потом на шпагу нанизывай, так он, паразит, с тяжелого похмелья будучи, все и перепутал. Забавный человек был... Потом вроде в кадетский корпус подался, фортификацию преподавать.

Извините, господа, отвлечься изволил на воспоминания о той, давно минувшей, но все же дорогой жизни. Так я к чему... Маньяка можно и на кусочки порезать и в фарш мелкого помола перекрутить, но представиться я все же обязан до, а не после:

— Граф Бельский. Извините за столь шумное появление, но ваша охрана оказалась настолько нелюбезной, что попыталась воспрепятствовать моему желанию пообщаться кое с кем из вас.

Ответом было абсолютное молчание, нарушаемое лишь постукиванием зубов да громкой икотой одного из тузов местной финансовой колоды. Жалкое зрелище, надо признать. Примерно так я и выразился, на что моментально последовала жесткая отповедь со стороны Элен:

— Этих жалеть не стоит. Они не побрезгуют не то что последний рубль из кармана вытащить, так еще и у покойника изо рта золотую коронку изымут. А если тот вдруг оживет и пнет их по причинным местам, так они поднимут вой на весь мир. «Нарушение прав человека» — явно процитировала она кого-то мне неизвестного. — Да ну их к бесу... — Похоже, у моей готессы имелись какие-то личные причины их недолго любить.

— Да, да! Ко мне их! — оживился Чума, продолжающий восседать на моем плече, словно охотничий сокол. — Я уж им покажу, не только где раки зимуют, но и где они лето проводят.

— И где же? — проявила вечное женское любопытство Элен.

— А в котле с кипятком... У них такой роскошный красный загар появляется!

Право слово, как дети... Особенно Чума. Меж тем один из относительно отошедших от ступора попытался было протянуть лапку к мобильному телефону, но тот ускакал от него, словно взбесившаяся крыса, то есть быстро и с писком.

— Вы что себе позволяете, — начал было раздуваться сидящий во главе стола один из иноземных визитеров, полный темнокожий мужчина лет сорока, чье лицо буквально сверкало, словно офицерский сапог, добротного начищенный ретивым денщиком до глянцево-блестящего состояния. А этот-то арап что здесь делает?

— В этой дикой стране я чувствовать себя некомфортно. Вас нужно цивилизовать и нести к вас демократический ценность... — Меж тем продолжал выходец их знойной Африки свои речи.

— А вы сейчас изволите нести полную чушь, — ответил я невесте что возмнившему о себе существу на вполне грамотном английском. — И как же вы, неуважаемый сэр, намерены приобщать нас к своим «ценностям»? Сами-то давно с пальмы спустились?

— Это есть неполиткорректность!!! — буквально взвился тот со своего места. Похоже, я угадал, иначе с чего бы такая бурная реакция? — Я подать на вас в суд, и отсудить big штраф! Вас посадить in тюрьма! Я есть коренной афроамериканец, и я жаловаться на вас и ваш варварски страна в Гаагский суд! — предпочел тот продолжить на своем плохо выученном русском. — И я сейчас звонить в ваш мэрия, чтобы вас арестовать!

— Хозяин, да заткни ты пасть этой обезьяне, — встопорщил перья Чума. — Или мне доверишь?

— Ну зачем же затыкать? — я нехорошо улыбнулся, глядя на продолжавшего свои пустые разглагольствования арапа. — Кажется, гласность, — одна из пропагандируемых ими демократических ценностей? Так что пускай разглагольствует, а то еще будут говорить, что мы тут иностранным гостям рты затыкаем. Правда, с другой стороны, мы ведь не обязаны слушать все эти глупости? Право слово, хуже ослиного рева! — с этими словами я шагнул к продолжавшему заливаться негру и на секунду прикрыв его рот ладонью произнес одно простенькое, но весьма эффектное заклинание.

Когда я отошел, он вновь раскрыл свое ротовое отверстие, намереваясь обдать нас очередным фонтаном презрения, однако, вместо заготовленной тирады оттуда вырвался громкий и проникновенный ослиный рев. Озадаченно моргнув, «афроамериканец» попытался снова. Однако! Я и не подозревал, что человеческое горло способно на такие рулады! Думаю что серые длинноухие упрямы были бы рады пообщаться со столь красноречивым собратом!

— Теперь, по человечески он сможет говорить, только когда намерен сказать что-либо действительно мудрое. Во всех остальных случаях будет раздаваться ослиный рев, — пояснил я сущность наложенного заклинания. — Мне если честно, просто интересно, сможет ли он сказать теперь хоть одно слово как человек. — Судя по непрекращающемуся реву, ожидать подобного события в ближайшее время было бы крайне опрометчиво.

— Граф, ты маньяка ловить будешь или нет? А то старлей с Владимиром уже дышат через раз от служебного рвения, вот-вот слюна изо рта капать начнет! — заметила Элен.

— Буду, ма шер, еще как буду.

Сейчас, в непосредственной близости от объекта, мне и так было ясно, кто из сидящих в уютных креслах откормленных и холеных существ является нашей добычей, но я всегда предпочитаю красочные эффекты серому и будничному течению обстоятельств. Именно поэтому я подбросил уже бесполезную костяшку в воздух и тихо, но слышимо для всех произнес:

— Ату его, ату...

Костяной амулет с тихим шелестом рассыпался, образовав невесомое облачко пыли, которое и полетело в сторону испуганно моргающего человечка довольно subtilного телосложения, с заметно жеманными манерами. То лишь тонко, почти по-женски взвизгнув, когда окутавшая его дымка обернулась надежнейшими кандалами.

— Свидетелей тут много, неприятности могут быть, — вздохнул Владимир, наконец то начинающий привыкать к моей манере общения с окружающим миром. — Нарушение процедуры взятия под стражу, — со вздохом добавил Алекс.

— Убрать? — поинтересовался я, выпуская когти на левой руке, и задумчиво рассматривая трансформированную конечность. Увидев подобное, «совет директоров» беспокойно заерзал в своих креслах, а кое-кто даже с отчаянной решимостью нырнул под стол. В воздухе повис неприятный запах. Похоже, у кого-то не выдержал кишечник.

— Да ты что! — похоже, подобная перспектива изрядно напугала законопослушного Владимира. — С ума сошел! Я на такое пойти не могу! Так нельзя! Люди так не поступают. — Тут он кинул взгляд на когти и изумленно примолк.

— Ну, во первых, я не человек, — начал я обстоятельные объяснения.

— Во вторых, как раз люди, именно так и поступают. Что, вам не доводилось слышать о том, что свидетели частенько не доживают до суда? Возможно, даже сталкиваться приходилось, — добавил я после небольшой паузы.

— Впрочем, вы правы. Нет у меня настроения для массовых убийств. — Из-под стола при этих словах донесся чей-то облегченный вздох. Конечно, при острой нужде можно было бы и убрать, но неэлегантно это, да и не сделали они такого, за что нужно было бы их именно убивать... —

— Вот-вот, — поддержала меня готесса. — однако память о том, что не стоит в чужой

стране считать себя хозяевами жизни, оставить бы стоило! — она вопросительно взглянула в мою сторону.

— Согласен. Они кичатся своим «авторитетом», хотя я так и не смог понять, в чем он заключается. Деньги? Смешно... Что-то другое? Но и это надо днем с огнем искать. Обезьяны, закутавшиеся в парчовые одеяния, право слово. Что ж, быть посему! — завершил я свою речь.

Чума нехорошо захохотал, Элен загадочно улыбнулась... Алекс, также видевший мои экстравагантные развлечения, пусть всего один раз, предпочел на всякий случай отойти поближе к стеночке. Так, видимо на всякий случай, чтоб не попасть под раздачу... Зря беспокоится, магия редко дает подобные сбои.

Кажется, Владимир что-то изволил подшучивать относительно шаманства? Не спорю, эта область оккультизма далеко не самая мощная, но вот некоторые приемы оттуда могут оказаться как нельзя более к месту, особенно те, что связаны с духами различного рода животных. Бубен, пляски вокруг костра, странные одежды — все это просто мишура, рассчитанная на легковверных простаков. Ах да, ну еще и идеальный вариант для шарлатанов... На самом же деле достаточно знания и умения на какой-то миг стать ближе к сущности того изначального зверя, что есть в каждом разумном существе. Шаман — зверь — власть над зверем, — вот те три звена неразрывной цепи их силы. Вроде просто, но в то же время это простота гениальности, до которой мало кто доходит своими силами. К счастью, у меня были хорошие учебники.

Запрокидываю голову, и из горла вырывается нечто похожее на крик, рычание и визг одновременно... Понимаю, не к лицу мне такие звуки издавать, однако в шаманстве без этого никуда. Впрочем, обойтись-то можно, но времени не в пример больше потребуется. А так вполне годится... Сейчас мне требовалось всего-то ничего — подменить на время человеческое сознание суррогатом звериного. Какого именно зверя? Ну, тут и сомнений быть не может — конечно же, обезьяньего, благо за столом штуки три их ближайших африканских родичей имелось, помимо осологолого председателя. Его я из зоны воздействия заклинания исключил, дабы не нарушать природную гармонию. Обезьяна с ослиным голосом? Что за нонсенс. Да и шанса заговорить по-человечьи его лишать нечестно будет...

Так же от участи обезьяньей, я освободил и объект нашего пристального внимания, то есть непосредственно маньяка. Ну а остальные... Пусть попрыгают, поухают, постучат себя в грудь кулаками... Пальм здесь нет, так может на люстрах спелые бананы отыскать получится? Ищут, по крайней мере, весьма старательно!

— Что это с ними? — озадачился работник прокуратуры, наблюдая за странноватым поведением финансовых воротил.

— Да ничего особенного, просто им взбрело в голову приобщиться к теории дедушки Дарвина. Вернуться, так сказать, к истокам.

— Не понял...

— Да просто они решили почувствовать себя обезьянами, — захихикал Чума, трансформируясь в привычный облик. — Хозяин им в этом помог... немного. Была бы сильная воля, ничего бы не вышло. Тут бесенок прав. Невозможно заставить быть животным того, у кого нет к этому склонности.

— Граф, а разгони ты эту свору бандер-логов, — поморщилась Элен. — А то они сейчас покажут жизнь в джунглях со всеми последствиями.

— Даже так?

— Несомненно. Вот один уже начал от одежды избавляться. Понятно, мешают штаны мартышке, ей без них комфортнее. А мне нудизма не надо.

— Да и мне не требуется, — моментально согласился я. — Я же не извращенец, чтобы на голых мужиков пялиться. А ну, брысь!

Легкая оплеуха по псевдообезьяньему сознанию, ощущение паники и вот уже визжащее и передвигающееся на всех четырех конечностях стадо мартышек-переростков

благополучно покинуло зал, оставив нас спокойно и без помех разбираться с единственным оставшимся аборигеном здешних мест.

Однозначно стоит завтра купить местную прессу, особенно бульварную ее разновидность. Вряд ли она пропустит подобную прелесть. И что самое изумительное, на сей раз это будет не ложь, а чистейшая правда. Вот только в нее вряд ли кто поверит. И это самое забавное...

— Ну вот, лишних зрителей убрали, теперь и по душам поговорить можно. По душам, мразь, это значит, что я сейчас по твоей маньяческой душонке в подкованных сапогах пройду, выну, встряхну, острым ножичком на полоски распушу, узелков навяжу да назад засуну! И так — несколько раз! Ты у меня о смерти мечтать будешь, как о недостижимом и прекрасном мгновении, — заявил я, готовя наиболее пакостное заклинание из своего арсенала.

«Бессмертная боль» — наиболее жестокая и злая разработка некромантов, из тех, кто черпает силы в людской боли и муках, погрузившись во тьму настолько, что сами понятия жалость и сострадание давно утратили для них какое-либо значение. Вот уж не думал я, когда, морщась от отвращения, читал небольшой черный томик в обложке из человеческой кожи, что подобную мерзость буду когда-либо использовать на практике. Однако вишь ты, пригодились... Мерзость к мерзости, так сказать...

— Я... не я... что...

— Невнятно, непонятно и совершенно бесполезно. Морда соответствует, амулет мой на тебя указал. И вообще, каждый сам доставляет себе неприятности, порой и с жизнью несовместимые. Убивать подростков, почти детей к тому же, тебе точно не стоило, насиловать их — вовсе уж лишнее. Сам понимаешь, мне честь дворянина и офицера иного не позволит, кроме как превратить остаток твоей жизни даже не в ад, а в нечто на порядок страшнее и мучительнее.

— Не я! — совершенно уж бабьим голосом заверещало нечто, отдаленно напоминающее человека.

— Да ну?

Все подобные типы изволят отбrehиваться... Дескать, не я, меня тут вообще рядом не было, случайно мимо проходил.

Преисполненный злости, брезгливости и отвращения, я даже совершенно забыл, об имевшемся было намерении оставить его в живых до суда. Моим соратникам из правоохранительных органов, похоже, передались те же самые чувства. По крайней мере, никто из них не изъявлял протеста против моих действий.

Старлей смотрел на сию жалкую попытку со снисходительным любопытством, да и выражение лица Владимира не свидетельствовало о доверии к словам этого явного полупедерастического (или вовсе не «полу»?) создания. А вот Элен что-то слишком уж внимательно присматривалась...

— Граф, кажется, тут что-то не совсем то. Убогонький он для маньяка. Нет, они разные бывают, но это существо и насильник? Сомнительно...

— Ладно, сейчас я ему в мозги залезу, да посмотрю, что там находится. — Я неохотно отложил подготовку заклинания. Обрекать человека на ТАКОЕ, не имея абсолютной уверенности в его вине было нельзя.

— Нет уж, дай-ка я сама кое-что попробую... — глаза девушки горели азартом.

Интересно, однако... Что же моя спутница придумала? Судя по веселому огню в глазах, нечто совсем уж оригинальное. Любопытственнно... Магией она не владеет, так что следует ожидать чего-то совсем обычного, о чем я и подумать не мог. Что ж, всегда рад буду понаблюдать за интересной каверзой.

Элен, за несколько секунд привела свои и так весьма соблазнительные одежды в вовсе уж вызывающее состояние и, покачивая бедрами, двинулась к претенденту на вакантный пост маньяка. При близившись к нему, она обняла его за шею, и наклонила голову, словно собираясь подарить ему страстный поцелуй. Эй, это как? Она что, соблазнять его решила в

экстренном режиме? Зачем?! — Незаданный вопрос отпал чуть ли не раньше, чем возник — содомитское отродье, истерически завопило:

— Уберите ее от меня, уберите! Не хочу! Спасите!

Двигаться он не мог, по рукам и ногам связанный закланием, но ужас перед женщиной оказался так велик, что он просто лишился чувств.

— Женская красота — страшная сила! — захохотал Чума. — Особенно для тех, кто ее не понимает.

— Я же говорила — этот педик не в состоянии не то что изнасиловать, а и просто подойти к женщинам на близкое расстояние, — гадливо сморщившись, готесса отошла от противно верещащего создания. Честное слово, у Чумы и то голосок поприятней будет.

— Странно, — призадумался я. — Лицо то же самое, магия не могла ошибиться. Там ведь настройка на кровь.

— На кровь? — захлопал крыльями бесенок. — А если кровь родственная?

— Думаешь, брат или кузен?

— Скорее уж брат, лицо больно похожее.

— Пусть так. Тогда я сейчас приведу в чувство это ничтожество, а там и выясним, есть ли у него близкие родственники, причем именно здесь...

* * *

За дверью слышались крики, большей частью изумленные, чем испуганные. Уверен, что вызваны они были встречами персонала со своим начальством в несколько новом облике. Интересно, кого вызовут раньше — психиатров или милицию? А, мелочи жизни и не более того. Сюда все равно никто не сунется, поскольку наложенные на то, что осталось от двери Печати Отрицания как бы исключали ее из поля зрения обычных людей. Вроде дверь есть, но в то же время она и отсутствует. Признаться, я толком не удосужился разобраться в сути заклания. Понимаю, оплошность с моей стороны, но кто из нас безупречен? Уж точно не я...

Элен оказалась права на все сто процентов. Мы действительно поймали не того. Джармен Кирнс, как звали субличного содомита, действительно имел родного брата Вильяма. И вот тот, в отличие от своего близкого родственника, был на порядок более пригоден на роль маньяка. В прошлом, кстати, также имел серьезные неприятности из-за своих садистических замашек и извращенных, даже для заокеанских норм, сексуальных пристрастий.

Педерастия по сравнению с ними была еще цветочками, хотя и она была ему весьма близка. Впрочем, яблочко от яблони при всем желании далеко не укатится — Джармен был ничуть не лучше, только отличался редкой трусостью и мягкотелостью. Его бросало в дрожь при одной мысли о том, что ему могут принести хоть какой-то вред. Куда там такому слизню охотиться за подростками? Есть ведь риск и по организму получить чувствительным образом.

— Не врет? — деловито спросил Алекс, внимательно слушавший излияния заморского бизнесмена.

— Нет, точно не врет. Содомит, по уши завяз в экономических аферах, просто очень мерзкая личность, но не маньяк. Как говорится, хотел бы, да боязно. Но-но, ты у меня особо не радуйся! — прикрикнул я на оживившегося было Джармена. — Типы, тебе подобные, у любого гусара, да и просто мужчины, лишь отвращение вызвать способны. В мое время кое-где таких на кол сажали! Я конечно не зверь, так с тобой не поступлю, однако идея отрезать тебе все лишнее, да туркам продать, в качестве гаремного евнуха, мне кажется весьма неплохой. Интересно, сколько сейчас рабы — евнухи стоят? В мое время за них хорошие деньги давали...

— Не надо...

— Разберемся. Где там твой братец сейчас обитает?

— В клубе наверно, — шмыгнул носом перспективный гаремный служитель. — Он тут недалеко, «Голубая луна» называется.

По брезгливому выражению, мгновенно появившемуся на лицах Алекса и Владимира, я понял, что это место им весьма знакомо. Понимаю, название больно уж неприличное с нынешней точки зрения. Ну содомиты, ну сволочи, такой хороший цвет сделали непристойным. Теперь ведь даже небо голубым называть не совсем прилично...

Видимо, придется нам нанести визит в сию юдоль извращения и мерзости. Обычные бордели мне разносить доводилось, коль качество обслуживания не устраивало, опыт есть... А теперь у меня и возможностей прибавилось преизрядно, и желание немалое имеется... Разнести в пух и прах притон содомитский... Эх, жаль Ржевского рядом нет... Уж он бы такую возможность ни за что не упустил бы!

— Что с этим делать? — Элен довольно бесцеремонно пнула субтильную тушку Джармена,

— Как что? С собой возьмем. Проводником поработает. К тому же я пока не решил, какой будет его дальнейшая судьба.

Я немного скорректировал ловчее заклятие, освободив Джармену ноги, но вместе с тем заткнув рот. Теоретически можно было просто взять под контроль его разум, но это требовало довольно значительных усилий, да и лезть в извращенную клоаку его разума не было никакого желания...

Выйдя за пределы зала, где совсем недавно заседали те, кто сейчас бегал по коридорам в поисках палм и бананов, я с удовлетворением отметил полный и законченный хаос, творящийся в коридорах корпорации. Суматошные крики, попытки изловить свое не совсем здравомыслящее начальство и прочее, и прочее. Сдается, что на нас и так не обратили бы ровным счетом никакого внимания, но я все равно предпочел отвести глаза всем посторонним. Не стоит привлекать внимание тогда, когда это не входит в твои планы.

Так что, до припаркованного неподалеку от входа в здание автомобиля мы добрались без малейших препятствий. Теперь оставалось поехать в тот самый эксклюзивный клуб для субъектов с отклонениями в сексуальной сфере. Но для начала неплохо выяснить, что же он, собственно, из себя представляет. Именно с таким вопросом я и обратился к Алексу. Как-никак, представитель властных структур, должен знать, что в зоне его ответственности творится. И действительно, кое-что он мне рассказал.

— Неприятное место... Собирается там и золотая молодежь, среди которой педиков довольно много, и вообще вся эта шваль со всего города. Разумеется, та, у кого денег хватает. Наркотой там промышляют, говорят, что и несовершеннолетних для вполне определенных целей туда завозят. Тот еще гадюшник! Но доказательств разумеется никаких, так что приходится терпеть.

— Дорогу знаешь?

— Приходилось пару раз по работе бывать...

— Вот и отлично. Поехали. Заводи мотор.

Старлей незамедлительно исполнил мое указание и машина, взвизгнув покрышками об асфальт, понеслась в сторону «Голубой луны».

К моему удивлению, обнаружилось, что никакой вывески у клуба нет. Так, обычное здание, ничем особо не выделяющееся... Скрываются неуважаемые содомиты? Если так, то еще не все так плохо. Добротным пинком я выставил из салона Джармена, после чего и сам вышел на свежий воздух.

Погода изменилась к лучшему, по крайней мере, по моим нынешним представлениям. Солнце скрылось за тучами, дул легкий ветерок и вообще собирался пойти дождь. Красота... Захотелось пройтись по улицам города во время дождя, способного хоть на время загнать под крыши домов большинство людей, которые увы, в последнее время становились мне все менее и менее симпатичны, но увы, пока что дела не оставляли времени. Впрочем, время для меня нынче отнюдь не является определяющим фактором. Одно из веселейших преимуществ вампирской породы.

— Ну что, гражданин Содома, будешь рассказывать?

— Б-б-б... — застучали зубы иностранно-странного существа.

— Не торопись. Помедленнее и у тебя все получится.

— Д-дубаду, — родилось новое, но совершенно невнятное словосочетание.

— А теперь переведи на русский.

— Б-буду...

— Рад за тебя. Тогда говори о том, как обычно проходят в сие место?

— П-по клубным к-карточкам, — продолжал заикаться Джармен. Интересно, это у него всегда было или после знакомства с моей персоной?

— Сдается мне, что у тебя эта карта имеется, — улыбнулся я. — Да ты не скромничай, а то возьму, да и скормлю тебя Чуме.

— Не, хозяин, я такое не ем. Противно. Да и отравиться опасаясь. — немедленно отозвался бесенок, похоже всерьез напуганный подобной перспективой

— Ну не съешь, так понадкусываешь.

— А, тогда ладно, — согласился бесенок и с интересом начал примеряться, с какого места начинать. Шутка шуткой, но объект ее начал закатывать глазки, стремясь вновь оказаться в обмороке.

— На-азад в сознание! — скомандовал я, одновременно взбадривая слабонервное создание легким ментальным уколom. — Вот когда перестанешь быть нужным, тогда хоть вовсе из обмороков не выходи, а сейчас обойдешься. Итак, я слушаю.

— Есть, — признался Джармен. — Я в-вас проведу.

Вот так-то лучше. Всегда можно добиться желаемого от подобных субъектов. Стоит лишь чуточку их напугать, и они сделают все, что только могут. Такие были в моей прошлой жизни, никуда не исчезли и сейчас. Вот только их процентное содержание, увы, заметно изменилось в сторону повышения.

— Хозяин, а как разносить все будем; — сразу, или когда внутри окажемся? — глаза бесенка заволкло мечтательной пеленой.

— Устраивать беспорядок и разгром сразу — привилегия нетерпеливых людей. Не по-гусарски это, громить заведение, даже не потребовав выпивки, каким бы поганым оно не было. Так что погодим немного.

— Веди нас в сей заповедник пока не пуганных содомитов, — Вновь обратился я к Джармену.

Получивший очередное ускорение тот засеменял впереди всех. Мда, видок у него нынче никак не соответствует тому, что был еще совсем недавно. Ну да ладно, вряд ли на входе сидят такие уж великие физиономисты. Хотя...

— Граф, а ведь нашу компанию ни один идиот не спутает с приверженцами однополой любви, — усмехнулась Элен. — Особенно меня, — она выразительно взглянула на свою грудь, весьма соблазнительных размеров и формы. — Так что придется тебе сразу кузькину мать им всем показывать.

— Покажем... Только не всю сразу, а фрагментами, которые после в цельную картину сложатся.

Да уж, может, вывески у клуба и нет, зато дорогих автомобилей поблизости считать — не пересчитать. Что ж, проверим, как там внутри дела обстоят.

Открыв дверь, я сделал пару шагов и оказался в «Голубой луне». Хм, пока еще не в ней, а в своеобразном «предбаннике», в котором только и было что несколько накачанных молодцев, да субтильная напомаженная личность в женской одежде, судя по всему являющаяся неким аналогом швейцара. Возник естественный душевный порыв пнуть его, устроив бредущий полет над полом с финишем об одну из стен, но пришлось отложить это привлекательное решение. Отложить, а не отставить в сторону, попрошу заметить.

Ну а это создание с подкрашенным личиком тем временем бросилось к Джармену, опознав в нем своего постоянного клиента. Запрыгало вокруг, залебезило, запричитало... Был бы хвост, непременно показало бы, как им правильно вилить нужно.

— Ах, дорогой мистер Джармен, вы выглядите таким усталым... Что желаете? Отдельный столик с видом на сцену? Сегодня у нас великолепная программа, сам Боря Федосеев со своим стрип-ансамблем.

— Это еще кто такой? — не обращая внимания на томные рекламные зазывания, поинтересовался я у готессы.

— Звезда нашей, извиняюсь за такое слово, поп-музыки. Естественно, с ярким голубым отливом. Это меньшинство там давно уже стало большинством. Люди с нормальной ориентацией там столь же редки, как черный жемчуг.

— Понятненько...

Вновь превратившийся в ворона Чума пару раз клацнул клювом от избытка эмоций. Бесы вообще существа эмоциональные и не слишком привыкшие это скрывать. Как говорится, что на уме, то и на языке, а там и в действие воплощается. Ничего, пусть малость потерпит, ему полезно. Я взглянул на Джармена и тот, поняв, что сейчас для него могут настать далеко не самые лучшие моменты в жизни, мгновенно перевел разговор на интересующую меня тему:

— Мой б-брат... Он здесь?

— О да! Такой очаровательный мужчина, — закокетничал швейцар в голубых тонах. — Он сейчас в наших номерах, но скоро освободится... Эти люди с вами?

— Да, — нервно сглотнул Джармен. — Это... мои деловые партнеры. Мы договорились о встрече и мне н-ужно срочно пог-говорить с Вильямом.

— Да-да, конечно! Проходите, надеюсь, вам здесь понравится. У нас сегодня великолепное шоу... — привратник сделал попытку как бы невзначай чмокнуть Джармена.

Противно и гадко. Испытываю острое желание ощутить в своей руке эфес верной сабли, да рубануть с оттягом, разрубая их от плеча и до пояса. И это лишь от лицемерия всего пары содомитов одновременно... Догадываюсь, какой вал отрицательных впечатлений захлестнет, когда я окажусь собственно в клубе. Придется срочно принимать противоядие, и начать сей процесс незамедлительно. Сабли у меня нет, но есть кое-что куда более мощное. Магия. Жалко, что убивать пока не входит в мои планы. Но и так, есть весьма немало возможностей для тонкой и изящной пакости.

— Ты на личико свое глянь, комик погорелого балагана, — усмехнулся я, проходя мимо. — У вас тут клуб или цирк?

Тот сначала закудахтал что-то невразумительное, потом все же решился заглянуть в одно из многочисленных зеркал, и тут его проняло по полной программе. Косметика, коей так обожают «украшать» себя существа подобного рода, «потекла», образуя клоунского вида разводы и превращая физиономию в нечто вовсе уж непотребное. Как говорится, мелочь, а настроение самую малость, но улучшилось. Особенно, когда я представил, как он будет пытаться стереть со своего лица эти разводы, намертво впитавшиеся в кожу, образовав некое подобие экстравагантной татуировки.

Ф-фу! Ну и зрелище... Никогда раньше не думал, что в одном месте может собраться такое количество извращенцев, и уж тем более не предполагал там оказаться. Здоровые гусарские инстинкты требуют немедленно начать разносить по кирпичику этот непристойный балаган. Я в принципе отнюдь не против, однако же, сдерживаюсь, поскольку, в хаосе, который здесь воцарится после того как я дам волю своим чувствам отыскать кого-либо будет чрезвычайно сложно даже для нас с Чумой.

Ладно, поручик Бельский, оставить эмоции, извольте выполнять задачу! Все развлечения — на потом.

— Алекс, Владимир, а посидите-ка вы пока здесь. Проследите, чтобы не было всяких нежелательных тенденций.

— А вы? — любопытствовал старлей.

— А мы возьмем за шиворот этого напояженного субъекта, — я встряхнул Джармена, давая понять, кого именно имею ввиду, — и отправимся в здешние номера. Ведь в одном из них и обитает его братец... Пошли, Элен.

Готесса, само собой, ничуть не возражала против прогулки. Ну а Джармена никто и не спрашивал... Единственное его предназначение — служить проводником в этом голубом царстве. Вот он и старался по мере своих возможностей.

Атмосфера вокруг была весьма неприятной. Я искренне старался не вглядываться, опасаясь сорваться, и впад в знаменитое вампирское бешенство начать распускать всех присутствующих на кровавые ленты, однако кое-что все же увидел.

Люди, вроде бы мужского пола (хотя бы по документам), но выраженные в женскую одежду... Существа в мужских шмотках, но с накрашенными лицами... В глазах многих прослеживается наркотический туман, особенно у тех, кто возрастом помоложе. Ах да, еще какое-то чувство превосходства над остальным миром. Дурдом, но факт — они действительно считают, что их извращенные наклонности являются признаком некой избранности. Странно это и непонятно... Ведь должны же подобные создания сознавать всю болезненность и ущербность подобных отношений, как-то стесняться, что ли... Так нет ведь, наоборот, гордятся, кичатся своей «избранностью»...

— Ка-акой кра-асивый мужчина, — сладеньким до омерзения голосом пропел кто-то у меня за спиной. — А как его зовут?

— Твой длительный больничный отпуск... — Увы. Все мои попытки сдерживаться пропали втуне, стоило мне только на миг представить что меня могли принять за одного из них. Горячая, кровавая волна ярости метнулась в голову, затуманивая разум и заставляя неизвольно обнажить клыки в злом оскале.

— А?

Этот вопрос остался уже без ответа, поскольку я развернулся, и тяжелый сапог полувоенного образца, в который я был обут, вошел в соприкосновение с наиболее нежной частью содомитского тела

Визг, изданный этим недомужчиной напомнил мне концерт кота, на хвост которого как-то со всей дури опустила подкованное копыто моя лошадь. Помнится спешил я тогда преизядно, а посему галопом свою Лисичку пустил. Этот же бедолага, на солнышке пригрелся, и даже топота копыт не услышал... Впрочем, не время отвлекаться на воспоминания...

Содомит взлетел, словно ангел на небеса, вот только вместо крыльев развевались оборки полуженского наряда, а небо заменил потолок. Причем, прошу заметить, магии в этом полете не было ни капли! Одна только чистая физическая сила взбешенного вампира. Однако, когда истошно верещащая тушка достигла потолка, настало время и для магии. Стукнувшись головой о потолок, содомит прекратил свои визги, ну а дальше я малость призадумался о месте его дальнейшего пребывания. О, идея! Какой-то вращающийся шар, изливающий на клиентуру заведения потоки разноцветного сияния... Вот туда его и прикрепим, благо там и нечто вроде подвеса присутствует. Как тут и было!

Слегка разрядив свою злость, я немного успокоился и уже не порывался начать разрывать всех подряд.

— Граф, у тебя явно просматривается художественная жилка, — восхитилась готесса. — К тому же экстравагантность исполнения лично меня очень порадовала.

— Благодарю. Всегда приятно услышать столь лестную оценку, а то раньше, товарищи боевые наоборот, жаловались, что чувство юмора у меня чересчур мрачное... Подумаешь, приказал повесить каналью-трактирщика, вздумавшего добавлять в пиво дурманный сок, чтобы затем грабить проезжающих, на вывеске его собственного трактира. А то, что трактир тот назывался «Повешенный разбойник» тут и вовсе почти не причем... Но то дела дней минувших... А нам надо дальше двигаться.

— М-да граф... Ну и шуточки же у тебя... — не то восхищенно, не то — осуждающе протянула готесса.

После этого происшествия, я все же решился набросить на нас маскирующее заклинание, чтобы не привлекать внимание, особенно внимание определенного рода. Да и народец вокруг ходил слегка ошарашенный, ввиду образовавшегося нового оригинального

украшения интерьера. Правда, в результате двигаться стало гораздо сложнее, — не видевшие нас посетители сего бого-, дьяволо-, ангело-, демоно-, и особенно вампирсконеугодного заведения, то и дело мешали проходу. Ну, то есть мешали, пока мне не надоели постоянные обходы, и я не выдвинулся вперед, после чего двигаться мы стали намного быстрее. Шаг — очередная мешающаяся тушка — добрый пинок — взвизг, — место свободно — шаг... Впрочем, как не странно, никакой особо острой реакции не наблюдалось.

Постоянные посетители, похоже были привычны и не к таким происшествиям. Мало ли чего в голову под воздействием наркотиков взбредит может...

Путь наш лежал к лестнице, ведущей на второй этаж. Именно там и находились номера для особо важных и состоятельных персон, посетителей здешнего притона. О как! Очередной блокпост нарисовался, причем самого что ни на есть непреклонного вида.

— Вход только по предъявлению клубной печати, — пробасил тип, более всего похожий на шкаф с антресолюю. — Оплатить разовый пропуск вы можете у кассира...

— Печати, говоришь... Чума, уплати.

Бесенок мгновенно проявился в видимый вариант. На сей раз он выглядел слишком уж деловитым и сосредоточенным, а в лапах у него красовалась большая канцелярская принадлежность — печать обыкновенная, чернильная. Эта самая печать вlepилась непосредственно в лоб стоящему на нашем пути стражу. Тот икнул и застыл каменной статуей — парализующее заклятие сработало на совесть. Ну а печать оставила на его лбу четкую и очень сложно смываемую надпись «Уплочено».

— Мне почему-то кажется, что он имел в виду нечто иное, — задумалась Элен. — Хотя статуя получилась вполне неплохая. Да, а сколько он так простоит?

— Часика четыре, а потом постепенно оттает. Ничего, будет повод подумать, а правильную ли работу он выбрал? Ведь следить за голубым порядком — не самое почтенное и приличное занятие в нашем безумном мире.

Произнеся эту краткую характеристику незадачливому стражу, я поставил ногу на первую ступень покрытой ковром лестницы, ведущей на второй этаж. Где-то там сейчас развлекался маньяк, а вместе с ним и другие члены содомитского братства. Что ж, неплохое время для завершения их утех и начала нового этапа. Какого? Это они скоро увидят и почувствуют...

* * *

Номера бордельные, обыкновенные. По крайней мере так оно на первый взгляд. Но только на первый, да и то очень невнимательный... В обычных борделях что? Правильно, девочки поведения нетяжелого. Тут же девочками что-то и не пахло, хотя ароматы женского парфюма буквально перенасытили воздух, превратив порой приятные запахи в нечто вовсе уж непотребное.

— Класс! — радостно взвизгнул Чума. Я удивленно покосился на беса. Обычно, подобные создания полностью копируют привычки, пристрастия и предубеждения своего создателя, и поскольку здешняя атмосфера мне категорично не нравилась, можно было ожидать подобного и от бесенка. Но как тогда понимать его восторг? Надеюсь он не... Хотя нет, я же помню с каким интересом он заглядывал в поезде под юбку к Ларисе.

— Чего это ты? — я недоуменно взглянул на беса.

— Такая атмосфера отвратная, — протянул Чума, радостно улыбаясь. — Я не я буду, если ты, хозяин, минут через пять не начнешь разносить тут все вдоль, поперек, а затем еще и по диагонали. Ух, и позабавлюсь!

— Проиграл. — Заметил я, невольно улыбнувшись энтузиазму бесенка. — Все. Теперь ты — уже не ты! Я вовсе не намерен выжидать целых пять минут, а начну громить тут все немедленно!

С этими словами я установил «Тихий полог» и с силой пнул ближайшую дверь, немедленно слетевшую с довольно-таки хлипких петель. Надо же с чего-то начинать поиски

маньяка, не так ли?

Ну, и что у нас тут имеется? Мда, картина стандартная — парочка без штанов и прочих деталей туалета. На маньяка никто не похож. Извиниться и закрыть дверь? Я бы так и поступил, если бы не одна деталь — парочка состояла из особой номинально мужского пола.

— Что? Это кто там вякнул «какая разница?» Вы что, сударь, демократ? Может быть, вы еще и толерантность проповедуете, и «права человека» готовы отстаивать? Извольте сегодня, с семи вечера быть дома. К вам подойдут мои секунданты. Эй, вы куда побежали? Да так быстро... Вы же не назвали вашего адреса, чтобы я мог послать секундантов! Убежал... Ну ладно, я его запах запомнил, все равно отыщу... Впрочем, я опять отвлекся от рассказа. Итак, продолжаю.

Помнится, где-то содомитов сажали на кол, в других странах им попросту отрезали оны органы, да и вообще существовало множество разнообразнейших вариантов. Вот только повторяться не хочется... Да и незачем, однако. Легкое скрепляющее заклинание и теперь пылкие любовники, пока что так и не замечавшие нашего появления, просто вынуждены были обратить внимание на некоторые произошедшие изменения. Чары-то скрепляющие, и прикрепили они орган того, кто был в роли, так сказать, «мужчины», к другому, так же весьма важному органу того, кто играл роль «женщины». Прикрепили именно в том положении, в котором он находился в данный момент. И все... без хирургического вмешательства не обойтись, финита ля комедия.

Элен, до которой мгновенно дошел юмор ситуации, согнулась в три погибели, видимо, представив себе выражение лица хирурга, к которому на операционный стол доставили эдакую скульптурную композицию «Made in Sodom». Визг же парочки, волею магии оказавшейся в прямом смысле неразлучной, перехлестнул за все видимые границы. Невольно поморщившись, я добавил в наложенные чары еще и компонент безмолвия. Ненадолго, минут на двадцать, а заодно и легкий паралич. Пусть полежат себе спокойненько до нашего отсюда ухода. Авось не протухнут...

— Попытка номер два, — философски высказался я, когда мы таким же образом оказались во втором номере.

— Бе-е-е — жалобно проблеяла небольшая белая козочка, отчаянно вырываясь из страстных объятий крупного, слегка обрюзгшего мужчины, в котором Элен с удивлением опознала местного, довольно известного политического деятеля. Мда... похоже данный козел её не слишком устраивал. Она явно предпочла бы нормального, с копытами и рогами. Ну что ж... на полное превращение моего умения не хватит, однако рога и копыта у данного экземпляра козлиной породы отрастут в самом скором времени. Так сказать, порода проявится. А борода у него и так имеется, самой что ни на есть подходящей формы.

— Номер три... — Очередная дверь не выдержала неравной схватки с моим сапогом.

Путь безумного доктора. Пожалуй, именно так и можно обозвать то, что оставалось после нашего визита. Разбегающиеся в разные стороны однополюсные парочки, чей путь по странной прихоти податливого и гибкого пространства оказывался бегом по пересекающимся траекториям. Какой-то видный общественный деятель, выпрыгнувший из окна и направившийся гулять по городу... Все бы ничего, но одетое на нем розовое платье с кружевами ну никоим образом не соответствовало создаваемому (по словам Элен, чуть не помиравшей от смеха) благообразному имиджу.

В одном номере так и вовсе ситуация оказалась... Не буду рассказывать. Противно. Однако, должен заметить, что по моему глубокому убеждению, некоторые виды извращений должны караться максимально жестоко. Уверен, что этот любитель молоденьких мальчиков на всю жизнь запомнит такую деталь номера, как декоративный фонтанчик с острым (ну, относительно острым) шпилем, что вращался вокруг своей оси... Это, разумеется, если он выживет, в чем лично я крайне сомневаюсь.

И наконец-то. Дверь номера, которая — сейчас уже не помню, — за ней искомое существо по имени Вильям и по призванию маньяк. Пора познакомиться, пора...

Эту дверь я ломать не стал. Выполненная из прочной стали, снабженная звукоизоляцией, она имела неплохие шансы выдержать не только мой пинок, но и таранное заклятие средней мощности. Ну и... Зачем ломать? Она ведь и не закрыта была, просто заперта с той стороны на задвижку. Легкий телекинез и мы проходим внутрь номера... И чем же тут изволит развлекаться месье Вильям?

Все ясно. Если бы у меня оставались какие-то сомнения в том что он и есть искомый субъект, то они рассеялись бы не просто быстро, а моментально. Нам везет. В отличие от связаной по рукам и ногам девочки лет двенадцати, над которой как раз в этот момент и склонялся искомый господин Вильям Кирнс. Впрочем, по большому счету её тоже повезло. Прибудь мы часа на два позднее... В принципе, учитывая успехи современной пластической хирургии, о которой мне рассказывала Элен, у неё еще оставался шанс на нормальную жизнь. Думаю, не так уж много маньяков было поймано с поличным, склонившимися над жертвой с опасной бритвой в руке.

В руках Элен материализовался фотоаппарат, и она торопливо защелкала кнопкой спуска, добывая драгоценные доказательства для милиции. Я же начал, второй раз за сутки, плести «Бессмертную боль».

— Раз, два, три, четыре, пять — приготовься умирать... — шипит Чума, раскрывая полную мелких, но очень острых зубов пасть. И почему-то его малые размеры не кажутся особым препятствием. Растет бесенок, растет.

Вильяму тоже повезло. Повезло невероятно. «Бессмертная боль» — сложное, и чрезвычайно энергоемкое заклятье, и у меня элементарно не хватило энергии. Пока я выискивал взглядом Джармена, дабы пополнить свой энергетический баланс стандартным для вампира образом, Элен сообразила, что означает кроваво-красный блеск моих глаз, и положив руку мне на плечо тихо прошептала — не забывай, он нужен нам живым!

Меж тем Джармен, родненький братец маньяка, аккуратненько так попытался смыться по-английски, то есть, совершенно не попрощавшись. И очень изумился, когда невидимая рука прихватила его за шиворот и поволокла обратно, а затем и пристроила рядом с братцем.

— Вся семейка в сборе... Как говорится, два сапога пара, — восхитилась готесса.

— Не докажете, — на довольно чистом языке изрек маньяк. — Ничего не докажете. Я иностранный гражданин и требую консула.

— Элен, будь другом, выгляни-ка за дверь.

— Зачем?

— Консула посмотреть. Что, нет консула? Странно... Обычно как посмотришь, так они стадами пасутся, заодно со всякими атташе и секретарями посольств. Ну а сейчас на них, видимо, не сезон. К тому же зачем мне консул?

— Хозяин, он наверняка принимает тебя за полицейского, — оскалился бесенок. — Ну а про меня он, кажется, и вовсе предпочитает не думать. Эй, дядя, я не глюк, я взаправду!

В подтверждение своих слов Чума подлетел вплотную и чувствительно тяпнул маньяка за нос. Нет, дитя природы и все тут.

— Чума, не кусай всякую гадость, оно же заразное может быть.

— Да? Жаль... А я из него хотел жертву сифилиса сделать. У них же как раз нос отваливается.

— Если тебе так нужен его нос, то лучше воспользуйся инструментом. У него, вон, и бритвочка подходящая есть. Хотя, наверно, не стоит. Лучше заклятье наложи. Сдадим его нашим друзьям во внешне неповрежденном виде. А существование ему и так можно неплохо подпортить. Примерно до той степени, что и у его жертв. — Эй ты, позор своих родителей, где ты своих жертв прятал? Как ловил? Как вывозил тела?

Но промолчал на это маньяк... Видимо решил, что он лицо в полной мере неприкосновенное. Что ж, лицо ему действительно оставим, иначе для опознания плоховато пригоден будет. Ладно. С ним будем разбираться позже, с чувством, с толком, с

расстановкой, и большим запасом энергии. А сейчас надо по его братцу решение принять. С одной стороны, ничего особо плохого он вроде как и не делал, проводником работал старательно, особо не хамил, так что убивать его вроде как и не за что. А с другой... Ну не нравятся мне подобные типы, крайне не нравятся, так что отпустить его просто так, целым, здоровым и не поврежденным, — душа не позволяет, ну или то, что у нас, вампиров, вместо нее имеется.

Ладно. В конце концов, я не ангел, путь в рай мне все равно заказан (да в принципе, не сильно-то и хочется господа... Крови там нет, женщин любить нельзя, подраться — не получится... оно мне надо?) так что могу себе позволить некоторую несправедливость.

— Джармен, а как ты думаешь, где твой братец мог своими маньяческими делами заниматься?

— Не знаю, ничего не знаю, — заюлил тот, словно червяк на крючке. — И вообще... я только проводник есть, я все показать...

— Тогда на кой ты мне нужен? Чума!

— Тут я.

— Позаботься о том, чтобы этот индивид никогда не мог пойти по стопам своего брата. Только не убивай. Пока-то он ничего такого не делал. — Я никак не мог придумать ничего подходящего для этого типа, и посему решил отдать его бесу.

М-да... Напрасно наверно. Ничтоже сумнящийся, Чума просто-напростодохнул ему в то место, кое для любого нормального мужчины среди наиважнейших числится, после чего выкинул потерявшего сознание, и мужские достоинства (в смысле органов, а не чего-либо другого. Достоинства в прямом смысле этого слова за ним и раньше не обнаруживалось) Джармена в окно, благо, — второй этаж был, насмерть расшибиться не должен.

— Все сделано, хозяин! — радостно отрапортовал довольный Чума. Да уж... Я вообще-то думал, что он ему какой-нибудь блок на мозги навесит, однако недооценил склонности моего беса к простым решениям. Ну что теперь делать. Ругать Чуму? Бесполезно... Сделанного — не поправишь, оторванного — не пришьешь. Благо, органы эти Джармену, по всей видимости, не так уж и нужны были...

— Не ходить ему больше по мальчикам, — произнесла подобие эпитафии Элен, довольно поглядывая на разбитое субтильной тушкой окно. — А по девочкам он сроду не ходил, так что и жалеть его не стоит.

Ну и кто из нас после этого жестокий вампир, спрашивается? Впрочем, она права. Какое мне дело до проблем этого убожества?

— Аминь, — закончил я импровизированную панихиду по сексуальной жизни младшего из братьев Кирнс, и еще раз поморщился. Неприятная реакция на слово. Да что ж это такое-то? Ведь раньше вполне спокойно по храмам ходил. А, ладно, потом разберусь.

С одним членом семейки закончили, теперь перейдем к другому. Ему так просто не отделаться, разный уровень грешков потому как.

Хм... Понял, болезный, что с ним тут никто в гуманизм играть не собирается, я даже непосредственно воздействовать не успел. Сломался, потек как слизьяк по стенке, полностью утратил подобие человеческое (каким и раньше, откровенно говоря, не сильно обладал). Да, насчет потекло... Не только его воля, но и кое-что совершенно материальное, хотя и весьма вонючее. Ну что за рефлекс у подобных созданий? Чуть что, сразу обгадиться норовят! Может, это по Дарвину? Надеются что хищник побрезгует? Тьфу! Ладно. Надеюсь, до суда его все же помогут. Хотя какая разница... От «Бессмертной боли» дерьмом не защитишься, хоть ты весь в него нырни, с головой. А пока, позабочусь о том, чтобы он и до суда, не очень скучал, да встречу нашу вспоминал почаще.

Магия. Она отнюдь не ограничивается боевыми заклятиями, как кажется некоторым. В ее власти многое, практически все, нужно только знать и уметь применять полученные знания. Создать и разрушить, исцелить или, напротив, наслать болезнь. Именно последним я сейчас и собрался заняться. Так толком и не сумев выбрать, что же именно на него наслать, я решил не мучаться и одарить его всем ассортиментом болезней. Немалая часть большого

черного тома под названием «Малефицистика», что я прочитал за время обучения, была посвящена именно болезням, вызываемым с помощью проклятий. Выбрав из них незаразные, я приступил к делу. Трясучка, заикание, энурез, чесотка, нервный тик, расслабление кишечника, эпилепсия, и прочие «прелести» стали первой, самой маленькой и легкой из предстоящих маньяку кар.

— Хорош! — резюмировал я, понаблюдав за результатом. — Прямо хоть сейчас можно использовать в качестве живого пособия для студентов-медиков. Зачем им нужны врачебные обходы? Обошел вокруг подобного типа, — и диплом готов.

— Ну, или можно нашему знакомому танатологу отдать на опыты... Он бы оценил.

— Да, Ярослав бы точно обрадовался, человек забавный, — подтвердила готесса. — Ну и что теперь с этим убогим делать?

— Передам нашей доблестной власти, само собой. Пусть себе дырки на погонах для новых звездочек ковыряют. Ладно, пошли отсюда.

Тихий стон, раздавшийся от привязанного к некому подобию хирургического стола тела, напомнил мне о жертве маньяка. Мда... — Выпустив когти, я разрезал ремни, и в глубокой задумчивости посмотрел на истерзанное тело. И что теперь делать? Целитель из меня, прямо скажем — никакой. Ну, кровь остановить не так сложно, — благо эта субстанция издревле податлива вампирским чарам, — я пробормотал несложное заклинание. А дальше?

— Добейте, дяденька. — Тихий, едва различимый шепот из разорванных губ.

Ну уж нет! Больно, согласен. Но ты у меня еще поживешь! Ты еще на могилке этого маньяка, спляшешь! И пальцы отрастут, и все остальное заживет! Вот только, как этого добиться? Методика, которую я применял с ветераном, тут не годилась. — Девчушка и впрямь умрет еще в самом начале заклинания. В таком состоянии дополнительной боли она просто не перенесет. Тогда что? Увы, мой арсенал лечебных средств крайне скуден. Что же делать?

Я лихорадочно просматривал весь имеющийся у меня багаж магических знаний. Увы... Темная магия вообще не слишком-то приспособлена для лечения, у неё другая специализация.

Кто-то может возразить, как это так? То, что может убивать, должно и лечить, ведь это две стороны одной медали! Острый нож, равно хорошо позволяет и перерезать горло, и проводить сложные операции. Смертельные яды в малой дозировке становятся ценнейшими лекарствами... Так-то это так, но хотел бы я посмотреть на подобного умника, как он будет лечить простуду при помощи автоматической винтовки, или удалять нарыв, имея на руках лишь боевую гранату... Вот и у меня та же история. Однако, надо что-то делать! Кровь я, конечно, остановил, да и крупные сосуды вроде не задеты, однако не годится оставлять её в таком виде. Может ведь и не дожить до приезда врачей. Особенно если я не сдержусь, и устрою таки в этом заведении хороший погром. Да и жалко просто. Вряд ли современная медицина сможет отрастить утраченные пальцы, да и рожать она, если я оставлю все как есть, не сможет точно.

Именно в этот миг мне и вспомнилось одно заклинание. Светлое. До отвращения светлое, и абсолютно идиотское. Сангрене демонстрировала мне его в качестве наглядной иллюстрации непроходимой тупости отдельных представителей рода человеческого. Должен признаться, в тот раз я с ней полностью согласился. Был в древности один храм, посвященный богине исцеления, жрицы которой разработали и практиковали это заклинание. Долго он не простоял, но заклятье, в качестве забавного курьеза вошло в некоторые магические книги.

Заклятье это было довольно просто, требовало самый минимум магических сил и позволяло исцелять ВСЕ. Не «почти все», как некоторые из высших заклинаний света, о которых я пару раз читал, и не «все, кроме...» (длинный список прилагается), а именно все. Старость, болезни, ранения любой степени тяжести, врожденное слабоумие и магические проклятья... Пара мгновений, — и пациент становился абсолютно здоровым молодым

человеком в самом расцвете сил и красоты, даже если с рождения его рожей можно было ворон распугивать.

Вот только... Болезни никуда не девались. Все проблемы, в полном объеме просто переходили к целителю, произносящему заклятье. Поскольку целителем мог быть только тот, кто обладал изрядным магическим даром, а одаренных людей вообще не так-то много, да к тому же нам всем свойственен изрядный эгоизм, неудивительно, что заклинание это вскоре попало в разряд курьезов. Все идиоты, что его практиковали, вымерли от полученных от пациентов болезней, которые как оказалось, после переноса чрезвычайно тяжело поддавались магическому лечению, а новых не нашлось. В общем-то поэтому я о нем и запамятовал.

Однако, в данном случае... Почему бы и нет? Моя вампирская регенерация должна довольно легко устранить все эти повреждения, даже без участия магии, боль я перетерплю, — благо не впервой, да и, невыносимая для человека, мне она не должна быть уж настолько страшна, а она будет жить нормальной жизнью. Разумеется, было бы куда лучше сбросить все это на маньяка, но увы, — заклинание предусматривает абсолютную добровольность принятия на себя чужой болезни. К нему даже шантажом принудить невозможно. Вздыхнув, и страдальчески морщась в предвкушении неприятной — мягко выражаясь, процедуры, я принялся раздеваться, чтобы не перепачкать одежду кровью.

— Граф, что это с вами? — удивилась подобному поведению Элен, с изрядным изумлением наблюдавшая эту сцену. — К чему этот стриптиз?

— Исцелять буду. — Я поморщился. — Подержи, — я передал ей брюки и рубашку, и оставшись в одних трусах решил что этого будет довольно. Ну, перемажу их кровью естественно, но не ходить же обнаженным в присутствии дамы, с которой даже еще ни разу не переспал? Не комильфо это...

Еще раз вздохнув, я положил руку на длинный разрез, идущий вдоль позвоночника, из которого виднелись края остистых отростков, и быстро, чтобы не передумать, произнес заклятье.

— М-мать! маньяк..., ... его ... в ... с тройным проворотом! Как больно-то! Забывшись от боли, я даже совершенно произвольно отпустил малый ахтырский загиб, совершенно не подумав о присутствии здесь девушки. Впрочем, бросившаяся к моему скорчившемуся на полу телу, Элен не обратила на это никакого внимания.

Фух!!! Включившаяся на максимум регенерация стремительно устраняла возникшие в организме повреждения. Пальцы на руках отрастали, и возникшая нестерпимая боль в паху тоже постепенно сходила на нет. Мда... если мне так больно, при всей моей вампирской малочувствительности, то каково было ей? Ладно... С трудом разогнувшись, я посмотрел на абсолютно здоровую девочку, удивленно глядящую на меня со стола. Оно того все же стоило!

— Что это? — она казалось, никак не могла понять что боли больше не будет.

— Займись ею. — Кивнул я Элен, указывая на девочку. — Я сейчас приду в норму, — и, пошатываясь, — все же досталось мне преизрядно, отошел в угол. Регенерации требовалось около минуты, чтобы привести мое тело в порядок. Да... Пулевые ранения восстанавливаются куда проще.

Немного придя в себя, смыв выступившую кровь из стоящего в углу умывальника, похоже специально для этого и предназначенного, и насухо вытеревшись обнаружившимся в не приметном шкафчике полотенцем, я начал одеваться, бросая злобные взгляды на стоящего у дверей, под полным контролем Чумы маньяка. Теперь у меня к нему еще и личный счет образовался. Трусы, целиком пропитавшиеся кровью, пришлось выбросить.

— Её зовут Алина. — После того как я пришел в себя и оделся, обратилась ко мне Элен. — Он держал её уже вторые сутки. Знаешь, подобные воспоминания — вовсе не те, что нужны молоденьким девочкам. — Она со значением посмотрела на меня, а затем перевела взгляд на абсолютно целую, но заплаканную девчушку, забившуюся в самый дальний угол, и бросающий на Вильяма полные ужаса взгляды.

— Согласен. — Я кивнул, и взглянул в серые глаза подростка. — Спи. Все хорошо... — Воля человека не может противостоять воздействию вампира.

— Сейчас тебе принесут одежду... — Чума, озаботься! Да можешь оставить этого недоноска. Никуда он не денется, я уже в норме.

— Итак, сейчас тебе принесут одежду... — О, уже? Чума, молодец! — Ты оденешься, — да, так, одевайся... Умница! — Надо же, она даже пребывая в трансе способна на некоторую самостоятельность. Явно нетривиальная девчушка. И вот её эта сволочь едва не запытал?

— Вот, молодец... Секундочку. — Взяв девушку в охапку, я выпрыгнул в окно, благо оно уже было выбито телом Джармена, и оказался у задней стены клуба. Кстати, означенного тела в пределах видимости не обнаружилось. Уполз, видимо болезный... ну и черт с ним.

— Теперь, ты, не просыпаясь, пойдешь домой. Ты помнишь, где твой дом? — задавая вопрос, я одновременно плел простенькое заклинание призрачного телохранителя. От серьезных магических атак он, конечно, защитить не сможет, но кто здесь, кроме меня здесь на такое способен? А вот от недобрых людей, наподобие того же Вильяма и неприятных случайностей, защитит без особого труда. Отныне ей можно без опасений гулять по вечерам, переходить дорогу в неположном месте, и не опасаться, что с крыши на неё упадет кирпич или сосулька. Хоть какое-то возмещение произошедшей с ней беды.

В ответ на мой вопрос девочка все так же сосредоточенно кивнула. — Отлично. Итак, ты пойдешь домой, и как только войдешь в двери немедленно уснешь по-настоящему. Ты проспишь восемь часов, и когда проснешься, не будешь помнить ничего из того что происходило с тобой последние три дня. — Завершив плетение «телохранителя», я щелчком пальцев сбросил на девочку заклинание, и слегка подтолкнул её в сторону улицы. — Ну, все — иди. Проводив взглядом тонкую фигурку, скрывающуюся за поворотом, я вздохнул, и одним прыжком, даже без использования левитации, вернулся в комнату тем же путем.

— Проводил, — ответил я на вопросительный взгляд готессы. — Теперь с ней все будет в порядке, я ей «телохранителя» навесил. Последние три дня своей жизни она помнить не будет. А теперь можно и этого пойти сдавать! — Я метко пнул Вильяма в коленную чашечку, отчего тот издал громкий немелодичный вой. — Это тебе еще цветочки! — Я зло прищурился. — Ягодки после суда будут!

* * *

Маньяк, схлопотавший мощную ментальную плюху, временно превратившую его в покорную марионетку, семенил следом за нами. Спускаясь по лестнице, я заметил некоторое оживление вокруг «статуи» охранника, еще не вернувшегося в нормальное состояние. Особенный интерес вызывала синяя печать на лбу.

Вид у Алекса и Владимира, стоящих на приличном отдалении от толпы, был весьма мрачноватый, но вся мрачность испарилась, стоило им заметить наше возвращении вместе с объектом их пристального интереса.

— Маньяк? — с надеждой спросил старлей.

— Он самый, тварь. Пользуйтесь на здоровье — хотите на куски режьте, хотите — в бочке заспиртуйте. Да, в течение суток он полностью безволен и будет отвечать на любые вопросы.

— На все?

— Конечно, причем чистую правду. Он просто не способен врать.

— Вид у него какой-то бледный..., — привычно оценил состояние «клиента» работник прокуратуры.

— Еще бы, — фыркнула Элен. — Граф его так хорошо обработал, что теперь ему до конца жизни на лекарства работать придется.

— Не придется — поправил я разошедшуюся готессу. — Ему только до суда жить и

осталось. Ну и потом, пару неделек... пока я заклятие на нем поддерживать буду... обещал же, что он умрет не сразу. Но в эти недели ему никакие лекарства нужны не будут. В названии заклинания: «Бессмертная боль» нет лишних слов или преувеличений.

— Это где? Следов ударов не видно, — не обратив внимания на зачитанную мной лекцию по некромантии, профессионально заинтересовался состоянием Кирнса старлей.

— Зачем бить? Это малоинтересно, да и вообще не стоит того. Я как-нибудь и нетрадиционными методами воздействия обойдусь. К тому же что даст кулак в данном случае? Синяки, переломы, выбитые зубы... Совершенно недостаточно, даже для первичного наказания. По крайней мере я так думаю... Ну а я наградил нашего дорогого маньяка многими радостными болезнями. Паркинсон к нему пришел на постоянное местожительство, нервный тик, заикание... Ах да, вы его в салоне не везите, по-хорошему советую. Лучше засуньте в багажник.

— Почему?

— Видишь ли, старлей, он теперь еще и с энурезом подружился. И не только с ним, так что пожалуй салон, а то машину чистить придется...

Алекс от души расхохотался.

— Вот так шуточка! Так его ж на суд придется в «памперсах» водить. Нет, какая прелесть!

— Рад, что моя небольшая шалость вам понравилась. Ну что, пойдем отсюда. Мне что-то, если честно, здешняя атмосфера не нравится. — Я начал привставать, намереваясь покинуть это заведение, вызывающее столько негативных чувств, но был приторможен готессой.

— Граф, а разве вы не будете разносить это заведение? — недовольно поинтересовалась она.

— Видишь ли, дорогая, — грустно ответил я, изо всех сил сдерживая свое желание немедленно заняться разгромом. — Это мы пришли сюда в гости, а не они к нам. Как мне ни хочется устроить тут образцово-показательную Варфоломеевскую ночь, но все же аргументов для подобного маловато.

— Ну граф... — Поморщилась Элен. — Я была о вас лучшего мнения. Если вам так уж нужны аргументы, то подумайте о том, — мог ли наш маньяк творить здесь свои проделки без ведома и одобрения хозяев клуба? Да и посетители наверняка должны были что-нибудь заподозрить...

— А вот это аргумент! — вынужден был признать я. — И как мне это в голову не пришло?! Господа офицеры, должен попросить вас покинуть это заведение. Мы задержимся ненадолго.

— А может, и мы тут пока побудем? — Алекс так и горел любопытством.

— Не стоит. Вы оба как-никак представители закона, ну а тут начнет твориться всякое, имеющее к нему очень слабое отношение. Примерно то же, что творилось в одном небезызвестном тебе милицеском участке. Вот именно, — кивнул я, заметив в его глазах понимание ситуации. — Не стоит оно того. Все равно завтра узнаете, хоть из газет, хоть из сводок. Сейчас вы как бы в стороне — сидели себе тихо и мирно, никого не трогали, нас с Элен не видели.

— Но ведь все подтвердят...

— Человеческая память — штука хрупкая и корректируемая. Мое присутствие при желании не откладывается у простых людей в сознании, только и всего. Вот и сейчас они видят только вас и этого красавца. Он сам спустился из номеров, сам с вами и уедет. Ну и произошедшие уже события и те, что еще только произойдут... они так и останутся загадкой практически для всех. До новых встреч, господа, они наверняка еще будут.

Глядя вслед служителям закона, уходящим вместе с редкой добычей, я поневоле улыбнулся. Самое забавное во всем этом то, что в этом мире, ставшем слишком уж материалистическим, появилось что-то новое, а точнее хорошо и усердно забытое старое.

— О чем задумался? — мягкий голос Элен вернул меня в реальный мир.

— Да так, о связи любого действия и окружающего нас мира, только и всего. А также о том, что это место доживает свои последние минуты

— Спалишь как то казино в Риге?

— Нет. Лучше уж нагнать на них такого страха, по сравнению с чем обычное пламя покажется просто детскими игрушками.

— Охотно верю. Твои таланты в этом весьма велики.

— Знаю... Но только для тебя и вообще для этого мира, из которого куда-то исчезли все, владеющие магией. По сравнению с ними мое искусство всего лишь ручей по сравнению с полноводной рекой.

— Неужто?

— Зато есть куда стремиться.

— Пусть так. Но здесь, получается, у тебя просто нет конкурентов? Неплохо.

— Вроде как нет, пока что я еще ни в чем не уверен. Однако, это как раз очень плохо. Какой интерес быть самым знающим там, где остальные не имеют даже зачатков этих знаний. Нет противников, нет конкурентов. Скучно... К тому же я знаю, что мне еще многое надо узнать, многому научиться. А при отсутствии опасностей и трудностей все стремления постепенно ослабеют и есть большой риск скатиться в «болото». То есть просто почивать на лаврах, причем не заслуженных, а доставшихся волею слепого случая.

— Понимаю... Поэтому ты и хочешь узнать, что случилось с остальными?

— Верно. И я не успокоюсь, пока мне не удастся это сделать. Не хочу, чтобы скука — вечный враг бессмертного — набросилась на меня из-за угла. Так что будем с ней бороться, причем здесь и сейчас. Как ты думаешь, Алекс с Владимиром уже покинули здание? Не хотелось бы их зацепить.

— Наверняка. — Фыркнула готесса. — Небось уже на полдороге к участку.

— Ну-с, тогда начнем.

— Что делать надо, хозяин? — нарочито елейным голоском пропел бесенок.

— Пока просто смотреть.

Действительно, больше ничего Чуме делать не стоило, поскольку то, что намеревался сделать я, требовало определенного умения и не слишком сочеталось с его проказами. Да и вообще, ему сейчас лучше всего держаться поближе ко мне.

Наш мир, в большей части материальный, на самом деле граничит со своеобразными пространствами, где материя, напротив, реализована в очень слабой степени. Простому человеку там делать нечего, да и маги чувствуют себя не слишком комфортно. Зато духи всех мастей и оттенков... им там самое раздолье. Табунами роятся! И само собой подобное обстоятельство не могло не обратить на себя внимания тех, кто был сведущ в магическом искусстве. Определенные ритуалы позволяют выдергивать подобных созданий в наш мир на тот или иной срок. Разумеется не забавы ради, а для исполнения какой-либо службы. Пусть это и не демонология, а нечто менее опасное и рискованное, но и спириты могут поиметь от духов серьезные проблемы.

Хотя большая часть проблем настигает тех, в чьих жилах течет теплая кровь, а не состав на ее основе, как у меня. Правда и вызвать духов из-за грани мне сложнее. Ну не хотят они отзываться и все тут, сопротивляются изо всех сил. Так что ничего серьезного вызвать не удастся, разве что всякую шушеру, низшие уровни. Но сейчас и этого достаточно... Мне ведь не на магическом поединке геройствовать, а всего-навсего устроить полный разгром одного отдельно взятого голубого борделя. Это и шушере вполне по силам.

— Элен, Чума, а давайте поближе ко мне. И держитесь внутри круга.

— Какого круга?

— Вот этого, ма шери...

Вокруг нас вспыхнул иллюзорный, но от того не менее действенный круг, по границе которого шли древние письмена, смысл коих был понятен с пятого на десятое, но эффективность внушала уважение.

— Вот это да, — ахнула готесса. — Красота какая!

— Тихо. Не отвлекай меня.

Горло человека почти не приспособлено для произнесения тех звуков, сочетание которых является необходимой частью ритуалов призыва. Поэтому в ход часто идут разного рода «поющие камни», мелодичный и не очень перезвон хрустальных частиц и прочие вспомогательные средства. Или же призывающий должен специальным заклятием расширить на какое-то время возможности своего голоса. Болезненная процедура, во время нее (да и пару часиков позже) создается впечатление, что горло усердно полируют напильником. Зато исключена любая погрешность, да и есть лишняя доля уверенности, что вызванным сущностям не удастся тем или иным образом сбить настройку оккультного инструментария.

Даже если бы он у меня был, я не стал бы рисковать. Пусть риск и минимален, но не люблю дергать тигра за хвост тогда, когда проку от сей процедуры ровным счетом никакого. А горло поболит да перестанет. Боль — всего лишь мелкое неудобство... особенно после того как полежишь более века в могиле да еще и с гниющим колом в груди. Сначала больно, потом просто неприятно, потом и вовсе перестаешь обращать внимание. Да, болевой порог у таких как я высокий, но все же, но все же...

Пространство вокруг, растревоженное совершенно чуждыми для нашей реальности звуками, закручивалось в силовые жгуты, пробивающие канал в мир духов. Одновременно с этим трещало и рвалось на части окутывающее нас заклятье невидимости. Вот уже кто-то показывает пальцем в мою сторону, а в глазах его удивление, перемешанное с зарождающимся страхом. Пусть, недолго осталось вам спокойного жития.

Из символов по всей границе круга начинают бить лучи тускло-синего света, окончательно ограждающие нас от внешнего мира. Сквозь него великолепно все видно, но теперь и мы лишились невидимости... Возгласы удивления, смех. Видимо, большая часть пьяных и находящихся под действием наркотиков посетителей «Голубой луны» принимает нас за участников какого-то экзотического шоу для увеселения их персон. Зря! За громко играющей музыкой было довольно сложно различить шорох, который всегда возникает при преодолении существами из-за грани, барьера, разделяющего реальности.

Шорох становится сильнее и вот уже кое-кто начинает озиаться по сторонам, в поисках источника звука... А он идет отовсюду. со всех сторон, со всех направлений и вот уже в шорохе начинают проскальзывать глухие стоны, уходящие в инфразвук. Они бьют по сознанию толпы, вызывая подсознательное беспокойство, вымывая алкогольно-наркотический туман и подменяя его чувством невнятной, но от того еще более жуткой угрозы. По стенам змеится невидимая, но осязаемая паутина силовых линий, ограждающая клуб от остального мира, и превращая в клетку, арену для безумства низших духов, которые не умеют ничего, кроме распространения страха и ужаса. Не того ужаса, которым пытаются пугать широкого зрителя создателя так называемых «страшных фильмов», а другого, упирающегося в бездонные глубины первобытного страха и безумия самых вязких кошмаров.

Электрическое освещение начинает мигать, становится более тусклым, а там и вовсе исчезает... Вот тут уже раздаются первые возгласы, сочащиеся не изумлением и зарождающимися опасениями, а самым настоящим страхом. Страхом, который для вызванных мною духов приятнее всего остального.

— Темно, — пожаловалась Элен. — Ничего почти не видно.

— Исправим.

Секунда и вот круг мигнул, немного сменил цвет и теперь синие лучи работали еще и как заклятие, позволяющее видеть в темноте. А посмотреть было на что!

Прямо из стены над сценой, где только что выламывался и кривлялся Боря Федосеев, вопящий, что он, дескать, дитя и порока (охотно верю. Похож, весьма похож. Но на месте его отца, я бы его в колыбели удавил), — с хрустом и скрежетом выламывался в наш мир первый, особо нетерпеливый дух. Удлиненный череп, больше всего похожий на помесь человеческого с черепом рептилии, был обтянут морщинистой кожей. В глазах полыхали

зарницы зеленого пламени, ну а увенчанные острыми когтями лапы цепко держались за стену, вытаскивая своего обладателя к нам, в непродолжительную командировку в материальность.

— Ну и урод...

— Ага, я по сравнению с ним просто красавец, — брякнул Чума в ответ на замечание готессы.

Полупрозрачное тело духа источало сероватое сияние, недостаточное для освещения, но вместе с тем еще сильнее подчеркивающее опустившуюся на «Голубую луну» тьму. Визги, вопли, шум, гам... Голубая толпа рванулась было к выходу, но там успел нарисоваться другой гость иного мира — свернувшийся кольцами змей с кошачьей головой, чьи зубы никак не могли служить доказательством миролюбия. К тому же у змеюки оказалось несколько хвостов, кои она тут же пустила в дело, захомотав сразу пять содомитов. Но вот чего я не ожидал, так это того, что они послужат предметами для жонглирования. Артист-жонглер, прямо так и хочется монетку бросить.

Звезда голубой эстрады Боря Федосеев столь усердно пытался забиться в, как ему казалось, безопасное местечко, что застрял своей тушкой между ножек одного из столиков. Радостно оскалившийся дух мгновенно оседлал предмет мебелировки и тот взмыл под потолок под аккомпанемент отнюдь не музыкальных воплей, издаваемых «порочным дитячком» сорока с лишним лет от роду. Тому способствовал и усеянный колючками хвост, периодически соприкасающийся с самыми «порочными» местами сего индивида.

— Вот так всадник... Да и «конь» оригинальный получился.

— Это только начало, ма шер, сейчас тут начнется такое, от чего и Чума сильно удивится. Эти существа хоть и весьма примитивны, зато срок их жизни давно перевалил за несколько веков.

— А что они могут?

— Да ничего особого. Просто буйствуют в меру своего желания и возможностей. По сути это почти что дети — все вокруг для их игрушки... Смотри, сейчас новые пожалуют.

Пожаловали... Краб с человеческими, но покрытыми хитиновой броней руками; рыцарские доспехи, части которых никак не были скреплены между собой и в этих промежутках билось желтое пламя, клуб тумана, вообще не имевший очертаний. Да, туманный гость сунулся было к границам круга, но получил разряд энергии и с раздраженным шипением убрался обратно. Вероятно обидевшись на такое невежливое по его мнению обращение, он (она или оно — сложно сказать) сгреб одного из мельтешащих поблизости голубых. Пойманный мгновенно окаменел, и эту, вовсе не историческую, окаменелость дух решил использовать как клюшку для гольфа или, скорее биту для лапты. В качестве мячика послужили разного рода предметы вроде отломанных ножек стульев и столов, а целью был тот самый всадник на «верном коне».

Краб же решил попробовать себя в музыкальном искусстве на поприще барабанщика. Увы, барабанов не нашлось, поэтому пришлось бедолаге воспользоваться заменителями. На их роль он избрал головы двух накрашенных и одетых в женское платье «красавчиков». Интересно, чем они привлекли его внимание? Скорее всего тем, что под париками были совершенно лысые головы.

— Они что, совсем на голову больные? — изумилась готесса. — ломать, рушить, жонглировать извращенцами...

— Детки неразумные, только и всего. Пошли отсюда. Трупов не будет, эти духи убивать не любят, но вот глумиться будут долго и вдумчиво.

— А как же круг? Что-то мне не хочется выходить из-под его защиты.

— Ах это... Не беспокойся, он от нас никуда не денется.

Для демонстрации, я сделал шаг в сторону выхода, и круг сместился вслед за мной, словно воздушный шарик на веревочке. Вот оно, одно из преимуществ иллюзорного круга. Да, подходит отнюдь не для всего, а заодно и намного слабее созданного на материальной основе. Зато мобилен... Согласитесь, господа, сие достоинство порой оказывается весьма к

месту.

Вот так, спокойно и неспешно, мы и добрались до выхода, осторожно лавируя между расшалившимися духами и вконец рехнувшимися от страха содомитами. Выход был заблокирован для обычных людей, но не для меня. Откроется для всех он где-то через полчаса — именно такое время отводит данный ритуал для гостей из-за кромки. К тому времени там будет полный разгром и хаос — как раз то, что и нужно.

Дверь захлопнулась за нами и я тут же погасил ограждающий барьер. Он более не нужен, а расходовать на него силы — не есть нужное занятие. Особенно сейчас, после всех магических экзерсисов прошедшего дня. М-да... Завтра надо будет прогуляться по криминогенным районам. Хорошее питание — залог долгой жизни. Особенно для вампиров. Но это завтра. Элен уже совсем на ногах не стоит. Устала девочка. Да и то... Весь день пробегали, маньяка этого отлавливая, даже поесть не удалось. Ну, мне то это не страшно, но каково ей! Она то все же не вампиресса, а человек.

— Поработали, развлеклись, можно и на отдых.

— Вот с чем полностью согласна, — усмехнулась готесса. — Повеселились хорошо, но я уже и устала.

— Тогда домой...

— Хозяин, — оборвал меня голосок Чумы. — Не хочу домой! По городу полетать хочу. Можно?

— Только осторожно. Узнаю, что особо сильно куролесил...

— Нет, да ни за что! Только так, самую малость.

— Знаю я твою малость... Ладно, лети.

Обрадованный бесенок радостно взвизгнул и свечой взмыл в небо. Ну теперь точно жди мелких каверз. Хотя мне-то что? Хочет развлечься — на здоровье. А я вместе с Элен на отдых, в наше временное пристанище.

Примечание на полях:

Между прочим, местная судебная система, вкупе с владельцами «Голубой луны» и влиятельными лицами города должны мне памятник. Да, да, именно памятник, причем не менее чем в полный рост, в любимом черном топике и миниюбке, повисшую на графе, и не дающей ему разнести все вокруг. Это он сейчас описывает все так тихо и спокойно, а на деле... Сколько раз он порывался «Стереть с лица земли, так чтобы камня на камне не осталось, и трупы лежали неубранными, поскольку люди приблизиться бы боялись» сейчас и не сосчитать. А когда он увидел жертву маньяка... Знаете, я всерьез забеспокоилась за целостность города. Не потратить он силы на исцеление — не знаю, что и случиться могло... В общем — памятник мне, и не меньше!

Глава восьмая, в которой я встречаюсь с бандитами и правозащитниками, а так же превращаю рассадник заразы вредной, постмодернизмом именуемой, в дом с приведениями, изрядно при том развлекшись

Всегда приятно отдохнуть, провести время в приятной компании и хорошей обстановке. Разумеется, насчет обстановки можно и поворчать малость, но по сравнению с предыдущим местом моего обитания... Да, даже эта тесноватая квартирка рядом с могилой шикарнейшими апартаментами покажется. Хорошо... Музыка играет, дел пока никаких нет, вот только Чума пока еще не появился, искатель приключений, чтоб его.

Вспомни про беса, вот он и объявится... Прямо из стены вылез, и морда счастливая, коньяком несет, как из подвалов английского лорда. Ах да, в лапах пачка газет.

— Тебе зачем газеты, бес? Никогда не поверю, что увлекся последними новостями человеческого мира. Нет, тут что-то другое... Знал бы я о твоей породе чуть меньше — точно бы решил, что съел ты что-то несвежее.

— Да что ты, хозяин, — возмутилось беспокойное создание. — Посмотри, тут о нас написать успели!

— Где?

Моментально проявившаяся Элен буквально выхватила ворох прессы и принялась изучать с искренним и непритворным любопытством. Да и я, признаться, испытывал некоторый интерес.

Прочитанное заставило смеяться долго и от души... Начали с загадочного происшествия в штаб-квартире инвестиционного комплекса «Развитие», где весь совет директоров «развился» в стаю взбесившихся макак. А вот и фотографии, где оказавшегося без штанов и прочей одежды важного чина сманивают с люстры связкой бананов... Да уж, деловая репутация иностранной компании упала ниже плашки паркета из железного дерева, свалившейся с борта корабля, идущего над Марианской впадиной. Впрочем, туда и дорога, лично я рыдать по этому поводу точно не намерен.

— А эт-то еще что за такое? Лицо готессы выразило сильное возмущение, и как ни странно — некоторый испуг. Я немедленно заглянул ей через плечо. Элен — девочка отнюдь не из пугливых, так что же могло так на неё повлиять?

На газетном развороте красовалась черно-белая фотография довольно низкого качества. Красивая брюнетка в черном топе и миниюбке, вместе с одетым в белый плащ и брюки высоким мужчиной, чье лицо было сильно смазано, так что различить какие-либо черты не представлялось возможным. Подпись под фотографией гласила: *«По утверждению сотрудников, возможными виновниками массового помешательства совета директоров компании „Развитие“ является посетившая незадолго перед этим офис пара, по всей видимости сильных гипнотизеров. Здесь вы можете видеть фотографии подозреваемых, сделанные камерами слежения.»*

Гм... Интересно. Эти камеры что, как-то с зеркалами связаны, что я таким размытым получился... Или просто, на качестве сэкономили? Да нет, вряд ли. Вон, Элен вполне опознать можно. Хотя и плоховато получилось конечно. Но что она так нервничает? Ну подумаешь, забыл Чуме приказать камеры обезвредить. Не привык я еще к этим техническим новшествам. Чего пугаться то? Об этом я и спросил.

— Ты что, не понимаешь? — Элен удивленно воззрилась на меня. — Да теперь же нам покою не будет! Ну, мне, по крайней мере, точно! Ты думаешь, спецслужбы такое так просто оставят? Ты-то допустим, из любой переделки выкрутишься, а вот меня в любой момент за мягкое место прихватить могут... Да в том же институте, к примеру! Каникулы-то через месяц заканчиваются. Да и родичи у меня... Если на них надавят, я же сама прибегу сдаваться! А вычислить их, с современной техникой проблем не представляет.

Я облегченно вздохнул. Какие глупости тревожат эту прелестную головку. Ну что ж, придется разъяснить ситуацию, чтобы девушка не волновалась по пустякам.

— Ма шер, неужели ты подозреваешь меня в том, что я могу бросить тебя в беде? — наигранно изумился я. — Поверь, произошедшее с тобой, или кем-либо из ваших родичей беда заставит меня бросить все дела и немедленно поспешить на помощь, — я выдержал паузу. — И не только меня, но и вот этого юного алкоголика! — Чума лишь слегка запищал, от учиненного ему встряхивания. Однако протестовать не решился.

— Представители же данной породы отличаются возможностью практически мгновенного преодоления любых расстояний, да и ауру твою он знает хорошо, так что отыщет, хоть тебя, хоть твоих родичей, где угодно. Да и силенок у него хватит, чтоб защищать вас от людей пока я не подспею...

— А то, — не выдержал невероятно раздувшийся от похвалы бес — Видела как я с шлакоблоком управляюсь?! Я еще и не то могу! Я им устроить — то такое могу! Да я вообще, если надо, начинку у ядерной ракеты вытащу, так что и не заметят, а потом у врага в

подвальчике в кучку набросаю! Мне-то взрыв, пусть и ядерный, не страшен! Да я при желании... — тут я прервал расхваставшегося беса легким подзатыльником.

— Похвастаться он и впрямь любит. Но, тем не менее, защитить от большинства немагических атак вполне способен. А там и я подоспею, так что любой, кто решится тебя обидеть, очень об этом пожалеет в самом скором времени.

Приняв мои аргументы, Элен улыбнулась, но тут же вновь надула губку. Правда на сей раз, это было сделано с нарочитой демонстративностью, как в театре.

— И все равно. Как они посмели напечатать такую гадость! Я на этой фотографии плохо получилась! Лучше не могли найти, что ли... Сквозь напускной гнев явственно просвечивала улыбка. Еще немного поворчав, она вновь углубилась в чтение. Ненадолго.

— Граф, ты только посмотри, там еще и про клуб написать успели, — восхитилась готесса. — И как написали, просто душа радуется.

— Ага, мы это можем.

— Чума, а ты-то тут, причем оказался, бесовская твоя душа?

— Я тебя морально поддерживал, хозяин, — подбоченился тот. — И вообще. я личность уникальная и незаменимая.

— Мания величия... — грустно вздохнула готесса. — Придется лечить подручными средствами.

Свернутая в трубку газета с глухим стуком ударила раздувшегося от важности бесенка по черепу. То изумленно икнул и рухнул вниз с совершенно ошарашенным видом. Оригинальное лечение... Впрочем, учитывая нашу первую с ней встречу, вполне предсказуемый шаг по усмирению излишне раздувшихся бесят.

Чума же, малость оклемавшись от неожиданного падения, посмотрел на готессу с некоторой опаской, словно ожидая повторения не слишком лестной процедуры. Однако никаких воплей протеста не последовало. Бесы... Тонко чуют внутреннюю силу человека, и если она оказывается достаточно высокой, то предпочитают не связываться от греха подальше без крайней на то необходимости. Особенно такие бесы-малолетки, как мое творение. И все-таки вернемся к просмотру прессы. Что там расписали относительно разгрома гнезда содомитов?

Ага... Звезда эстрады, тот самый Боря Федосеев, был найден утрамбованным между ножек стола, а при попытке извлечь его оттуда резво бегал на четырех конечностях и кричал, что он не конь, и овес есть не будет. Мда, расшалились духи по полной программе, раз кто-то из них решил «коняжку» покормить соответствующим рационом.

Что там дальше? Депутат областной думы от фракции «Груша» был найден в обществе козы в полностью невменяемом состоянии и срочно отправлен в институт физиологии человека, в связи с обнаруженными загадочными новообразованиями на черепе. При попытке разлучить его с животным пришел в сильное беспокойство, оказав санитарам отчаянное сопротивление, так что пришлось вместе с ним госпитализировать и абсолютно здоровую козу.

Чего загадочного-то? Рога растут. Скоро и копыта начнут проклеиваться. Что ж, совет вам да любовь... Думаю, из вас получится хорошая пара.

Так, а это еще что!? Ну Чума, ну любитель качественной выпивки! Бесенок, увидев, куда я смотрю, взвизгнул и провалился сквозь пол... Понимаю, небось думает, что ему достанется чем-то посерьезнее газеты. Надо бы, да смех разбирает поболее всего остального.

— Что там такого забавного? — Элен придвинула поближе и попыталась найти то, что вызвало у меня столь сильный смех.

— Да вот, посмотри... *«Глюки грабят эксклюзивный винный магазин „Ароматный мир“. В час ночи, по рассказу продавцов, перед ними материализовался чертик и потребовать коньяку, причем побольше и покачественней...»*

— Вот алкаш! — восхитилась готесса. — Сколько он вообще выпить в состоянии?

— Это ведь бес. Сколько угодно и ничуть от этого страдать не будет.

— Талант... И похмелья нет у паршивца. А что дальше? Вряд ли твое творение ничего

там не учинило.

— Это точно. Как пишут, он не только несколько бутылок с собой прихватил, а еще и полный разгром учинил. И, конечно, заплатить запамятовал.

— Врут, сволочи! — бесенок не выдержал клеветы в свой адрес и вновь появился в поле прямой видимости и близкой досягаемости. — Погром они сами учинили, от меня по углам магазина бегая. А я всего лишь одну дамочку пару раз ущипнул пониже талии... А за коньяк заплатил — аж две сотни им оставил.

— Откуда деньги? — любопытствовала готесса.

— Ну... это...

— Понятно. У графа спер. А нам коньяку принести так и не удосужился.

— Обижаешь, — взвился Чума, мгновенно извлекая из смещенного пространства литровую бутылку темного стекла с многочисленными этикетками. Вот она, — хорошая, качественная, вкусная.

Ну что с ним таким делать? А ничего, каким был, таким и останется, а если и повзрослеет, то через век-другой, никак не раньше. Зато без него скучно было бы.

* * *

Бутылке коньяка, как и всему хорошему на этом свете, быстро пришел конец. Я подумал было о том, чем заняться, чтоб время скоротать, как пронзительная трель сотового телефона разорвала относительно тихую обстановку. Элен, как более привычная к достижениям прогресса, успела взять трубку раньше меня.:

— Алло!

...

— Какие люди и даже без охраны... Что, по телефону не можете толком ничего объяснить, а при личной встрече получится?

...

— Ага, щас только за вилкой схожу, лапшу с ушей снять, и сразу же поверю.

...

— Все, надоело мне ваше бормотанье, тем более невнятное. Передаю трубку тому, кто с вами церемониться точно не будет, — она взглянула на меня, улыбнулась и заявила, прикрыв микрофон телефона ладонью. — Шулера из поезда объявились. Но темнят они что-то. Боятся, но темнят.

Понятно. Нечто вроде этого и можно было ожидать. Несмотря на тикающий внутри них счетчик, отсчитывающий мгновения до очень скорой смерти в случае, если не выполнят возложенное на них дело... Однако, поговорим.

— Внимательно вас слушаю. И что же такого важного вы хотите мне сказать?

— Не по телефону, — раздался в ответ голос Ларисы. — Его могут прослушивать. Но мы все узнали и даже сверх того И... вы помните, что обещали?

— Помню. Если все выполнено, то заклятие будет снято. Я свои обещания держу. А относительно вашего приезда... Пусть так. Допустим, через полчаса. Адрес...

Получив адрес того дома, где мы сейчас находились, девушка-шулер буквально рассыпалась в благодарностях и пообещала незамедлительно и как можно скорее появиться, после чего повесила трубку. Все ясно, все предсказуемо.

— Врет. Не во всем, но врёт, — констатировал я. — Они действительно узнали нужные нам сведения, но передать могли и по телефону. Зато им страсть как нужно встретиться лично и это дает повод для определенного рода размышлений.

— Мало им того, что в поезде случилось? — не поверила готесса.

— Одному вполне достаточно, но эта дамочка сильно напоминает змею подколодную. Нет, она что-то уже сделала и надеется на эффективность спланированной пакости. Так что извини, но встречать я их буду один.

— А я? — возмущенно захлопал крыльями бес.

— Что ты? Тебе-то точно ничего не сделают, в отличие от Элен. Среди нас наиболее уязвима именно она.

— Уязвима?! Да, но это еще не повод... И я не собираюсь отсиживаться в какой-то норе, пока один наглый вампир да бесенок с манией величия и хроническим алкоголизмом будут развлекаться по полной программе.

Да... с этой девочкой не соскучишься. И бесполезно объяснять об уровне риска — наоборот, чем рискованнее, тем больше это ее привлекает. Впрочем, в ином случае вряд ли бы она меня так заинтересовала... Вот только мне сейчас угрожает лишняя проблема... Какая? Наверняка эта самая Лариса приедет не одна, а в теплой и ошестившейся стволами компании, искренне полагая, что это может ей помочь. Закрывать же от хлещущих со всех сторон струй свинца мою готессу — занятие не самое приятное и легкое. Мало ли какой сбой произойти может. Но и оставить в безопасном месте не шибко получится. Хотя есть вариант...

— Я и не говорил, что ты останешься в стороне. Просто не пойдешь вместе со мной, а останешься здесь...

— Прямо разбежалась!

— ...и будешь в случае необходимости награждать особо резвых свинцовыми подарочками в любых количествах. Уверен, что стрельба по мишеням тебе понравится.

— А будет по кому стрелять?

— Наверняка. Так что скучать не будешь. К тому же кое-что добавлю, чтобы особого риска не было.

Подойдя к окну, я извлеченным из ножен кинжалом начал покрывать периметр открытого окна (выходящего во внутренний двор-колодец, где и должно было развернуться основное действие) руническими письменами. Разумеется, это была не просто наскальная живопись, а составные части защитных чар. Теперь сквозь это окно пулям будет пролетать весьма и весьма затруднительно. Часть от ricochet от невидимого барьера, часть завязнет, ну а оставшиеся просто рассыплются прахом. Три параллельно работающих защиты... Вроде бы вполне достаточно... И, конечно, полная проницаемость с другой стороны. Иначе как же готесса стрелять будет?

Готово. Едва заметная пленка, бликующая на солнце, наглядно свидетельствовала о заработавшей защите. Теперь нужно только предупредить Элен:

— Ма шерри, вот отсюда и будешь стрелять. Четвертый этаж, обзор великолепный, оружия у нас хватает, равно как и патронов. Выбирай, что душе угодно. Но ни в коем случае не высывайся за окно — как только ты оказываешься ЗА гранью, так сразу же становишься уязвимой. Вернее, та часть, что оказалась вне защиты. Понятно?

— Еще бы. Все просто, все ясно.

— Тогда остается только ждать визита. Тебе здесь, ну а мне снаружи. Устройся пока у окна, обживи это место, привыкни к нему.

— Слушаюсь!

Готесса, утрируя строевой шаг и вызывающе покачивая бедрами, двинулась к окну, прихватив с собой пару автоматов-малюток с соответствующим боезапасом. Ну, мне подобные вещи вряд ли понадобятся, разве что пистолет, который я и так ношу с собой постоянно. Не то чтобы он мне сильно нужен, но привычка сказывается. И в дополнение к поставленной защите я, уже выходя из квартиры, нанес несколько подобных рун на саму дверь. Вот так... Теперь отмычкой не откроешь, да и выбивать замучаются.

— Перестраховываешься, хозяин!

— Изыди, Чума. Привык я к ней, причем сильно.

— Вампир и чувства нежные... — ухмыльнулся бесенок, но сообразив, что можно и по голове получить, мгновенно заткнулся. Вот и правильно.

Во дворе было относительно тихо и спокойно. Сидела на лавках несколько старушек, стайка ребятишек о чем-то галдела, порой пробегал случайный прохожий. Так... Нужны мне здесь в случае чего лишние жертвы? Пуля, как говаривал Александр Васильевич, — дура. И

оснований полагать что стрелять по мне будут опытные профессионалы, которые не заденут некомбатантов, у меня нет. Тогда что остается? Убрать мирных жителей с поля будущего боя. Простенькое заклание, и вот все посторонние начали стремительно расходиться — кто внезапно «вспомнил» что забыл выключить плиту или закрыть воду, кто-то захотев немного отдохнуть, или посетить «место уединения», детям вдруг сообразили, что этот двор, — далеко не самое подходящее место для игр, особенно если вспомнить что неподалеку расположен прекрасный парк, ну а проходим просто захотелось обойти столь непривлекательный и угрюмый двор. Вроде все. Непричастных удалили.

Опа! А это еще кто такие? Из подъехавших пары неприметных машин вышло восемь человек в длинных, черных, невзирая на весьма жаркую погоду плащах, под которыми легко угадывались очертания серьезных огнестрелов, и быстро разбежались по близлежащим подъездам и магазинам. А ведь это похоже по мою душу! Ну-ну...

Время, однако. Подготовка проведена. Будь я обычным человеком, устоять против такого количества грамотно рассредоточенных стволов стреляющих из укрытий у меня не было бы ни малейшего шанса. Что ж, значит скоро и давешние поездные шулера — Вэл с Ларисой появятся. Искренне надеюсь — для их же блага, что они привезут нужную мне информацию.

Впрочем, что это я... Появятся, никуда им не деться, да и информацию выложат как на духу, только сначала... придется немного порезвиться. Как говорит моя подруга, получить очередную порцию адреналина.

Точность, — по весьма меткому замечанию, — вежливость королей. Въехавший же во двор роскошный автомобиль появился с опозданием на пять минут. Ладно, оставим сию мелочь и переключимся на более интересные детали. Хотя бы на ту, что ну никак у мелкоуголовной шпаны не может оказаться столько денег, чтобы тратить их на подобные эксклюзивные авто. Значит что? Правильно, машину им дали попользоваться. Кто? Те люди, что по каким-либо причинам сами сильно заинтересованы во встрече со мной.

Осталось лишь узнать их личности, а там и решить — говорить или же обойтись более простыми средствами. Разберемся... Тем более, что из недр авто уже появились оба моих должника. Вид бледноватый, особенно у Вэла. Что поделает, он в этой парочке явно второй номер, на подхвате у своей напарницы. Вот она. хоть и нервничает, но на внешнем виде сей факт отразился довольно слабо — все так же хороша и привлекательна. Разве что нет-нет, да и дернется уголок чувственного рта, показывая ее истинные эмоции.

— Мадмуазель Лариса... И Вэл, как же без него. Итак, что же вы так хотели мне рассказать, причем боясь высказать сие по телефону? Или же дело вовсе не в этом и вы просто хотите меня с кем-то познакомить? Например, с истинным хозяином этого авто, которое никак не по вашим доходам.

Тихий звук опускающегося стекла одной из дверок авто не стал для меня неожиданностью, равно как и показавшееся оттуда дуло автомата. Его и слышно было, да и на энергетическом уровне присутствие человека ощущается. Двое вышли из машины, шофер сидел практически неподвижно, а вот тип на заднем сиденье просто исходил флюидами напряженности. К тому же чувствовалось, что он по уши накачан какими-то препаратами, стимулирующими реакцию, а заодно и полностью заглушающими инстинкт самосохранения.

Безумные глаза, в которых нет практически никаких мыслей, почти идеальная машина для убийства. Именно машина, со всеми присущими ей достоинствами, но и с многочисленными недостатками. Резкие движения механизма, приглушенная боль, никаких колебаний и просчета вариантов — только то, что лежит в пределах поставленной задачи.

— Привет от Люриуса... — хрипит инструмент для доставки пуль по назначению и жмет на курок.

Мое сознание распараллеливается — одна половина занята отражением опасности, ну а другая перерывает кладовые памяти в поисках прозвучавшего имени. Люриус? Что-то такое я слышал, совершенно точно.

Звук выстрела, но пуля не вырывается из дула автомата. Что так? Простенькое и

донельзя забавное воздействие — запечатать сотканной из энергии заглушкой тот путь, по которому свинцовая смерть вырывается на волю. Один шутник из магов дал ему очаровательное название — Милая Мордашка... Думаю, суть вполне ясна — уж очень изумленная физиономия становится у стрелка, когда выстрел, вместо того, чтобы отправить цель в мир иной, в лучшем случае отрывает ему пальцы. Ну а в худшем... Это зависит лишь от того, как именно держится огнестрельное оружие в момент выстрела.

Этот держал близко от лица, оттого и распутившаяся цветком ствольная коробка автомата выбросила смертоносную силу взрыва прямо ему в лицо. Труп — диагноз окончательный и обжалованию не подлежит, благо некромантов — мастеров смерти — поблизости нет, и не предвидится. Ну, разве что кроме меня... Да и то. Мне до мастера-некроманта, как русскому соколу до африканского баобаба. В смысле, добраться можно, но долго, сложно, и особо не нужно.

Шофер, не будь дураком, быстро сориентировался и на максимальной скорости рванул отсюда задним ходом, поняв, что случилось нечто неожиданное. Видимо, он был осведомлен о моей не слишком доброй персоне и не слишком почтительном отношении к человеческим жизням. Ну-ну, мечтатель... Я отдаю мысленную команду Чуме, и машина глохнет. Теперь её только в металлолом сдавать.

Это что такое? Оба шулера рухнули на землю, закрыв головы руками. Учитывая столь необычное поведение для женщины, однозначно привыкшей великолепно выглядеть, следовало ждать очередной каверзы. Оно и понятно, если вспомнить засевших в подъездах стрелков. Так кто же этот Люриус? Вспомнил! Это же имя хозяина того казино, которое я спалил во чухонском граде. Вот кто вознамерился со мной свести счеты. Оно и понятно, убытку я ему нанес, чухонцу обнаглевшему, — до сих пор вспомнить приятно.

Звон разлетающегося стекла в нескольких окнах и заполошный треск очередей, хлопанье выстрелов помповых ружей — в ход пошел массированный артобстрел меня, родимого. Наивные, право слово... Могли бы и вспомнить, что подобные действия еще в столице земли чухонской доказали полную свою несостоятельность. Первые пули просто обогнули меня, изменив траекторию, ну а потом я спустил чары теневого двойника и одновременно сам перешел в невидимое состояние. Ну, не невидимое, просто все внимание теперь было приковано к порождению нехитрой магии, оставляя меня вне поля зрения. Почему бы и не повторить один раз уже хорошо показавший себя трюк? Пусть пару секунд порезвятся, пока я думать изволю о делах не столь давно минувшего времени.

Значит, Люциус... Мало ему угольков от казино, решил очередное пожарище устроить. Что ж, в этом я его чухонской светлости, точно не откажу. Интересно, сам заявиться рискнул или только свору клеветников своих прислать соизволил? Не знаю, не знаю, лично его видеть — то так и не довелось, общался я только с его советничком, незнакомцем рыбоглазым. Он уж точно сам сюда не сунется. Не от недостатка храбрости — просто как умный, привыкший все просчитывать человек, понимающий, что не по зубам я ему.

— Хозяин, а Элен-то стреляет всюю!

— Сам вижу...

В энтузиазме готессе отказать было нельзя, а вот меткость оставляла желать лучшего. Впрочем, попасть по стрелкам, точно так же стоящим у окон, причем на разных уровнях и вовсе не настроенных быть мишенями — задача отнюдь не для новичка, а для настоящего специалиста. А если чуть изменить ситуацию?

Иллюзорный двойник исчез как и не было, и стрельба заметно поутихла. Поутихла, но явно озадаченные подобным происшествием стрелки частью остались на местах, а частью поспрыгивали за землю. Грамотно прикрывая друг друга, трое из них рванулись к тому месту, где последний раз видели «меня». Добежали, правда, только двое, третий же в последний раз в жизни раскинул мозгами от автоматной очереди, выпущенной готессой. Что ж, мои ей поздравления с открытием личного кладбища. Но хватит... Пора из наблюдателя, превратиться в деятельного участника, а то кто-то уже метнулся по направлению к подъезду, в коем находилось наше временное пристанище. Повинуясь моему мысленному приказу.

Чума, просто дохнул ему в затылок. Ну а если мой бесенок на кого подышит особым образом, то жить тому осталось всего ничего — ноль минут и даже ноль секунд.

Одним длинным прыжком оказываюсь прямо за спиной одного из двух уцелевших после не слишком меткой стрельбы готессы и без особых изысков сворачиваю шею, одновременно впиваясь клыками в шею. А то, знаете ли, давненько не трапезничал, малость проголодаться успел. Ну а заодно, произнеся короткую формулу, слегка хлопнул покойничка по затылку. Был просто труп, а стал труп зомбированный, пусть и не слишком качественно. Увы, для создания хорошего, крепкого зомби нужно время, нужен инструментарий. Ах да, еще и глубокие знания некромантии, с коими у меня серьезные проблемы. Но и имеющегося хватает для производства низкосортных поделок. Но, право слово, окажись тут мастер смерти, он бы меня за халтуру и некомпетентность пришиб бы на месте. Вполне, кстати, заслуженно.

Зомби всегда хотят жрать, просто у моего создания эта способность была совсем уж неконтролируемой. Вот он и вцепился в своего приятеля по жизни, словно гиена в гнилую кость. Хорошо вцепился, с бульдожьей хваткой... Сия картина явно оказалась шокирующей и пугающей для прибывшего по мою душу криминального элемента. А там, где появляется страх, нет места ничему другому. Особенно если этот страх малость усилить ментальным воздействием по площади. Немного жаль местных обывателей, но я великолепно знаю, что большинство из них попрятались по укромным закоулкам своих квартир и сидят там как мышь под метлой. Ну а те, у кого хватает любопытства или смелости... Пусть тренируются противостоять страху. Выдержат — честь им и хвала. Не выдержат... нечего и лезть.

Ага, посыпались из окон, словно горох! Некоторые же вскоре время скатились по лестницам. Понятно, никому из них не захотелось бороться с диким ужасом не за идею, а всего лишь за деньги. Наемники, что с них взять! При любой критической да и вообще опасной ситуации они мгновенно и без тени сожалений продадут своего хозяина.

Э, а эти, Лариса с Вэлom, куда бежать вознамерились? Их я точно не отпускал... Да и с одним из остальных мне почему-то сильно захотелось пообщаться. Его, выделяющегося среди прочих как возрастом, так и манерой держаться, прикрывала парочка охранников, не до конца забывшая о сути своего тут нахождения. Интересно, кто это? Явно, персона не простая. Может сам Люриус? Хотя вряд ли. Подобные типы предпочитают держаться подальше от тех мест где стреляют. По возможности конечно.

— Вот он, хозяин, лови его! — аж взвизгнул от азарта Чума. — Лови, а то убежит, как таракан от тапочка!

— Никуда не убежит, — лениво ответил я, спуская на всю эту шоблу Цепь Боли.

Странное, но эффективное заклятие, основанное на зеркальном принципе. Вот только его не сильно любят применять, и вообще нечасто встретишь мистика, который имел «удовольствие» испытать сей прием. Что так? Просто Цепь Боли рождается за счет болевого импульса, который ты сам себе причиняешь. Ну а потом идет рикошетом по указанным целям, с каждым разом становясь все сильнее и сильнее. Однако для меня, учитывая высокий болевой порог вампиров, боль, нестерпимая для человека являлась просто мелким, неудобством. Так что особых преград для использования этого заклятия я не видел.

Разряд! М-мать вашу, а не переоценил ли я свои возможности? Больно блин! Ладно... Теперь поймать выплеск энергии и перенаправить по нужному адресу.

Первыми под удар попали мои давние знакомые — шулера поездные, обыкновенные. Сначала Лариса, ну а потом и Вэл получил от щедрот моих... Но им еще повезло, хотя везение относительное — они просто попали под начальную стадию заклятья. Впрочем, этого оказалось вполне достаточно, чтобы обрушить парочку обратно на пыльный асфальт. Пусть лежат и не жужжат. А там и до остальных дошло. Крики, вопли, стоны, падающие тела. Какой там стрелять или убежать — остатки разума вышибло из охваченных болью мозгов как пробку из бутылки шампанского. Ну а наиболее мощный болевой импульс пришелся как раз по типу с личной охраной. Seriously пришелся, как бы не помер от болевого шока. Нет, это вовсе не гуманизм, просто хочется малость побеседовать с сим

индивидом.

Меж тем треск автомата из окна продолжается. Вошла готесса во вкус, ничего не скажешь! Но стрелять по этим, уже неспособным оказать сопротивление, не стоит.

— Спускайся! — кричу ей. — Да вещи наши прихвати.

— А? — стрельба прекращается и теперь она слышит меня. — Вещи, говоришь, забрать? Все?

— Да, все. Съезжаем отсюда.

Пора... Рано или поздно кто-то все равно вызовет доблестную милицию. Правда скорее поздно, нежели рано — обыватели всегда стремятся отсидеться в раковинах своих квартир, надеясь, что все жизненные невзгоды пройдут стороной. Да уж, страусов не пугать — пол бетонный...

Но делать со всем этим вопящим и стонущим безобразием что-то надо. Достаяю сотовый телефон и набираю номер Алекса, того самого старлея. Трубку он взял сразу, да и голос был вполне уважительным:

— Слушаю вас, Аркадий.

— Слушай-слушай... Сейчас новое полезное для себя дело услышишь. Ты как к организованной преступности относишься, особенно если она импортного происхождения?

— Ну... положительно отношусь, ежели она по нарам распахана. Если же под землей, в уютных могилах спит — и того положительней.

— Философствуешь... Дело хорошее. Ну ладно, коли так, то я их добиваю. А хоронить сам будешь, мне этой ерундой заниматься некогда.

— Эй, эй! — всполошился Алекс. — Какие бандиты, о чем ты? Я пошутил, на нарах они меня вполне устраивают! Не надо добивать!

— Ну не надо, так не надо. — Покладисто согласился я. — Тогда приезжай сюда, — тут я назвал свой нынешний адрес, — собери эти тушки, пока они не очухались. Что за бандиты? Так я уже говорил ведь! Разбойники обыкновенные, разлива чухонского, городской окраски. В общем, так.

Тут мне пришлось на секунду отвлечься, ибо сотворенный зомби решил сменить рацион и рванул по направлению к Ларисе. Э нет, огрызок некромантии, обойдешься! Я мгновенно разорвал нить, удерживающую сию тварь в нашем мире и теперь уже окончательно и бесповоротно окочурившийся бандюк осел на асфальт и стал усиленно разлагаться. Зомби...

— Алло! Алло...

— Да не кричи ты так в трубку, а то на другом конце города скоро услышат.

— А почему скоро? — удивился собеседник.

— Так пока звук долетит. Ну так вот... Проблем никаких не намечается, поскольку защищать криминал из земель чухонский сейчас вряд ли будут. Так?

— Да. Сейчас не те отношения. Демократия-то она демократия, но свои особенности тоже есть.

— Вот и замечательно. Найдешь грудку оружия с отпечатками пальцев, из которого стреляли много, стреляли хорошо. Трупы найдешь... разные. Не советую особо в рапорте указывать. Лучше всего Ярославу отдай, он с интересом изучит.

Недолгое молчание, потом несколько изменившийся голос старлея зазвучал вновь:

— Там это... кто живой есть? И они вообще говорить могут?

— Могут. А если как следует на них надавишь, то и будут. Да, всю правду расскажут, коли ты пообещаешь им меня в гости пригласить, на воспитательную беседу. Ну, а их главному можешь пожарчик небольшой в Риге напомнить. Там вроде как большой кусок сего городка в угольки превратился. И уточни, где Люриус, главарь ихний, обретается. Ежели неподалеку — будь другом, сообщи адресок. Ну все, приезжай, трофеи тебя ждут. Только...

— Что такое?

— Спешить особо не стоит, я тут малость своими делами пока занят. Возражений нет?

— Что ты, что ты, — я прямо отчетливо ощутил, как собеседник отмахивается от такого вопроса. — Нет у меня возражений никаких.

— Рад за тебя. Да, как вы там маньяка-то нашего довезли?

— Довезли, — голос старлея сочился брезгливостью и омерзением. — Хоть в багажник и засунули, но все равно пришлось хлоркой отмывать. Все обгадил, паразит! Сунули потом в общую камеру, так остальные арестованные акцию протеста устроили. Даже им он шибко не понравился. Пришлось переводить в одиночку, а то придушили бы его темной ночью.

— Никак ты решил все-таки дотащить уroda до суда, — хмыкнул я. — Ну-ну... Ладно, начнется суд, отзвонишься. Стоит посмотреть на сие забавное зрелище.

Нажав кнопку разрыва связи, я еще раз оглядел поле побоища. Лежат, стонут, ни к каким активным действиям непригодны. Ну а мы еще небольшой подарочек добавим, на сей раз просто парализующий. На организмы, серьезно ослабленные Цепью Боли любой паралич, самый простой, действует идеально, как будто магнитом притягивается. Разумеется, парочку старых знакомцев от подобного воздействия избавим. Ни к чему оно.

— Кого выискиваешь, граф? — Элен, хоть и тяжело дышала от тяжести сумки с деньгами и оружием, но была весела и полна энтузиазма. — Ой, а они что, совсем полудохлые? А я-то не поняла и стреляю себе... Пряма тир, только веселее! — она без всякой брезгливости пнула ближайшее к ней тело, с наполовину снесенным автоматной очередью черепом. — О, да это же шулера! — только сейчас обратила внимание готесса на наших общих знакомых.

— Они самые, ма шер, они самые. Сейчас мы их порасспросим малость.

— Ага, а потом на части разорвать можно, — вклинился Чума с очередным кровожадным предложением.

— Бес, ты же не волк лесной, чтобы на части рвать. Однако ж вопрос освобождения вас от заклатья в связи с нынешней проделкой встает весьма остро. И чем вы думали, когда на это соглашались, позвольте поинтересоваться? Ведь если даже допустить что стрелкам этим меня достать бы удалось, то заклатье-то на вас так бы и осталось? Решили с жизнью таким оригинальным способом покончить?

— Нам сказали, что после смерти мага, любые его заклатья немедленно спадают. — Мрачно отозвалась Лариса.

— Ну-ну... Я насмешливо покачал головой. — И где ж вы такого «специалиста» нашли, что активно поддерживаемое заклание с отложенным проклятьем путает... Последнее дело — доверять шарлатану. — Все скажу! — внезапно завопил Вэл, словно его уже подвесили на дыбе и начали пытаться особо изощренным способом. — Это все она, она меня надоумила...

— Да умей ты хоть сдохнуть по-человечески, трус несчастный, — прикрикнула на него Лариса. — Еще сапоги этому вылижи! Рискнули, но проиграли, теперь за все оптом расплатимся.

Что ж, у этой хоть осталась определенная доля гордости — поняв полный проигрыш, она не пыталась унижаться, выторговывая собственную жизнь. Зато ее напарничек... Вот уж действительно — прикажи такому сапоги вычистить, так он языком на них глянец наводить будет. А при наличии хвоста непременно показал бы первоклассное умение вилять им во все стороны. Но хвоста не было, поэтому он ограничился словесным извержением, где среди хныканья и просьб приходилось выделять мало-мальски стоящее.

Я уж не говорю о той информации, что требовалась от них изначально — Вэл выдал ее сразу и моментально. Оказывается, дом Ремизова теперь вовсе и не дом, а музей, с картинной галереей совмещенный. Авангардное искусство какое-то. Там же хранятся и сведения о владельцах дома. Ну да ладно, тут пока понятно. Зато настойчивость чухонских «погорельцев» с казино объяснялась, как ни парадоксально, особым рвением того самого рыбоглазого помощника Люриуса. Дохлый, таковым было его прозвище в той среде, оказался неплохим аналитиком и проверил все события, произошедшие в течение суток во всех видах транспорта, идущих из Латвии в Россию. Так и вышел на эту парочку, коей и

воспользовался в своих интересах. Помогло и оскорбленное самолюбие Ларисы, оказавшееся сильнее любого страха.

Ну да ладно, Скоро и до Люриуса очередь дойдет, пока же с парочкой шулеров разберемся. Подонков на свете много, но гаже всего те, кто лебезит и унижается, но при первой возможности готовы укусить за пятку ядовитыми зубами. Однако, слово надо держать, так что заклятие отложенной смерти я с них сниму. Впрочем, мне ничто не препятствует навесить его заново, или еще чего другого придумать...

— Не люблю предателей, — сказал я вслух.

— А кто их любит? — хмыкнула Элен. — Да и терпят до поры до времени только те, кому они оказывают услуги. Да раздави ты его как мокрицу, вылезшую из отхожего места подышать свежим воздухом.

— Маловато будет, ма шер! Раздавить легко, а вот вытащить на всеобщее обозрение всю ту гадость, что находится внутри...

— Гадость, которая внутри, говоришь? Знаешь, есть такая книга, где все мерзости, что делал один человек, отражались на его портрете. Можешь сделать наоборот?

— В смысле отразить его дух на тело? Интересно...

— Хозяин, это же роскошно, — взвился бесенок. — Представляешь, что получится!

— Плоховато я в этом разбираюсь, откровенно говоря. Трансформационные процессы, к тому же еще на стыке тела и духа...

— Но в этом разбираюсь я... Мы, бесы, вообще к подобным вещам чувствительны. Позволь!

— Вперед и с песней.

Бесенок за работой... Зрелище специфическое, к тому же магия подобных существ вообще довольно своеобразна, и весьма далеко отстоит от той, что применяется людьми или теми, кто произошел от них (то есть такими, как я). Чума закружился вокруг оцепеневшего Вэла, словно обезумевший волчок. Энергетический вихрь, образовавшийся рядом со мной, хоть и не был опасен, но заслуживал пристального внимания как весьма необычный по структуре.

Тут я понял, что же, собственно, творит мой карманный бесенок. Он вовсе не собирался трансформировать физику организма. Не под силу его весьма пока еще скромным талантам такое воздействие... Зато соорудить ментальную проекцию, способную воздействовать на окружающих в зависимости от внутренней сути объекта оказалось таки да, по силам и возможностям. Лицо Вэла не изменилось внешне, но впечатление при взгляде на него было равнозначно любованию полуразложившимся трупом. И приведенное мной сравнение еще не отражало всех чувств, возникающих в качестве естественной реакции на это подобие человека.

— Ф-фу! Ну и мерзость, — отшатнулась готесса. — Чума, ты с ним такое сотворил, что тут и прокаженные красавцами покажутся. Какая же гадость...

— Зато теперь все увидят, что он представляет из себя на самом деле, — парировал я. — А теперь пусть улепетывает, пока я ему для полного счастья все выступающие части не поотрывал. А ну, брысь!

Ишь как копытами застучал по асфальту. Заторопился по своим непонятным делам, все еще не понимая, что теперь его ожидает в неощутимо, но очень серьезно изменившемся мире.

— С дамочкой такое сотворить что ли? — разошелся было Чума, однако тут вмешалась сама предполагаемая жертва:

— Не надо! — В её голосе звучала храбрость отчаяния. — Лучше убей сразу! Я все равно не буду такой жить!

— Мда... Можно и убить конечно... — Я пожал плечами и выпустил когти на левой руке. Мошенница побледнела, но промолчала. — Вот только есть одна проблема, — я втянул когти и внимательно посмотрел ей в глаза, позволив своим зрачкам налиться красноватым свечением. — Я не воюю с женщинами и не люблю их убивать.

— Да ты что, хозяин? — возмутился Чума. — Что ты медлишь? Она ведь тоже пакость тебе сделать намеревалась.

— Так то оно так, но есть один маленький нюанс, который ты не заметил. Ну а ты, Элен?

— Кажется, у этой женщины еще осталась гордость... — Задумчиво произнесла готесса. — Не думаю, что она согласится жить таким огрызком как Вэл. Скорее уж и впрямь под машину бросится или вены вскроет...

— А убивать её мне неохота, — подвел я итог нашим рассуждениям. Впрочем, и отпускать без наказания не подобает.

— Ладно... Принял я решение и повернулся к ожидающей решения своей судьбы Ларисе. — Иди отсюда.

— Что? — не ожидавшая такого решения мошенница опешила.

— Иди, иди, — повторил я, заканчивая плетение заклинания и набрасывая его на нее. — Не могу я красивую женщину уродовать, — честь гусарская не позволяет, да и слуге своему не позволю. Однако ж, врать теперь тебе не рекомендую категорически. Врать, обманывать, недоговаривать, мошенничать, шельмовать, особенно в карты... При любой попытке хоть самую малость, хоть по совершенно невинному поводу ввести кого-либо в заблуждение тебе будет больно. Очень больно. Так что отныне — следи за своими словами и поступками, женщина.

Неверящая в свое счастье, что так легко отделалась, Лариса, вначале медленно, а затем все быстрее и быстрее устремила к выходу. Ну-ну... Скоро, очень скоро она поймет, что наказание куда тяжелее чем кажется поначалу. Интересно, как к ней будут относиться подруги, которым она на стандартный вопрос «как я выгляжу в новом платье?» будет отвечать не стандартным же ответом «великолепно, дорогая» а чистой правдой — «как корова в сарафане» или еще чем-нибудь подобным. Абсолютная, не допускающая ни оговорки, ни умолчаний честность — вещь тяжелая, как для самого человека, так и для тех, кто с ним соприкасается.

Ах да, я же еще с одним индивидуумом не до конца разобрался! Начальничек с телохранителями, что должен был по всей видимости надзирать за моим расстрелом. Ну-ка, а что у него в мозгах? Ого, да это же сам господин Люриус! Ничего не понимаю. Почему сам? Почему не послал кого-либо, а явился самолично? Вроде как не такая уж мелкая персона, чтобы лично в это дело ввязываться. Однако ввязался же! Ну-ка, посмотрим подробности...

Гм... Месье Дохлый оказывается и вовсе иезуит. Это ведь он подтолкнул Люриуса принять участие в акции, ювелирно воздействуя на своего «хозяина» и его нелюбовь к русским. Нелюбовь, вызванную, кстати, тем, что в молодости тот был внештатным осведомителем в хитрой организации из трех букв. Добровольным, прошу заметить, никто его за первичные половые признаки туда не тянул. Доносил, откровенно говоря, на всех и каждого по мере сил и возможностей. Интересно, зачем это рыбоглазый решил от него избавиться? Ничем иным столь хитроумное натравливание на меня Люриуса и убеждение его лично принять участие в расправе я объяснить не могу.

Хотя... Откуда Дохлему иметь представление о моих возможностях? Может и впрямь рассчитывал, что эти недоноски смогут меня убить? Но с другой стороны, аналитик он хороший, мог и вычислить кое-что... Ладно, хватит гадать! Не мое это дело, в кадетском корпусе нас другому обучали! Вот и буду делать то, что и так умею, а интриги подковерные оставлю любителям. Если еще раз столкнусь с чухонцами этими, просто съезжу ненадолго вновь в эту маленькую «суверенную» страну... В этом случае они половиной города уже не отделаются.

Так, что у нас еще в этих мозгах имеется... донос, донос, еще донос... Он что, даже мыслит цитатами из своих писул? Мерзкий тип. Доносы — это стиль жизни. Вонючий такой стиль... Это было наглядно продемонстрировано еще в юности, когда в кадетском корпусе одного не слишком культурного человека поймали на наушничанье. А раз поймали, то спускать с рук это никто и не намеревался. Правда, он что-то вопил о том, что, дескать,

князь с вершин чеченских гор и прочую чушь. Князь, не князь, а по сути полная мразь... или грязь, особой разницы все равно нет. Подобное притягивается к подобному. Верное выражение, к тому же в тот раз подтвердилось весьма наглядным образом.

Каким? Его просто взяли под руки и поволокли к самому подходящему месту обитания — выгребной яме. Да уж, наш князь юлил, наш князь вертел, никак поплавать не хотел... А пришлось. Из князи в грязи, причем отнюдь не целебные... Потом выбрался, но дуэлировать ни с кем не решился — побоялся, что проткнут как куропатку, желающих с десятков нашлось бы. Доносить, правда, тоже не решился, да и вообще исчез из корпуса, как привидение в стенах древнего замка. Больше его не видели, да ничего и не слышали...

Ладно, экскурс в прошлое, ненароком всплывший в памяти, можно считать и законченным, а вот в настоящем еще нужно было кое-что доделать. Люриус как таковой мне уже совершенно не интересен, зато проснулось определенное любопытство к его так называемому советнику по кличке Дохлый. Иезуит, интриган... Жаль, что на такие мелочи как криминальный мир свой талант направил. Кто знает, вдруг да свидимся еще — против такого и свою партию разыграть интереса не лишено.

— Так что с разбойничками делать будешь? А, граф?

— Сдам всей гурьбой в оны органы. Они у меня дружными колоннами замаршируют. Чума!

— Что, хозяин?

— А организуй-ка ты шествие дружными рядами и с веселыми песнями да плясками. Пусть родная милиция порадует. Кстати, они уже на подходе. — С этими словами я снял паралич с начинавших потихоньку очухиваться бандитов.

Чуме дважды повторять не стоило — что другое, а подобные поручения для него сплошное удовольствие. Секунда, и у него в лапах появилась дудочка, на которой бесенок стал наигрывать мотивчик. Ничего особого... Кроме вплетенной в звуки магии. Простенькой такой, рассчитанной на одурение толпы, приведения ее в безумно-радостное состояние.

Слышал я про всякие психотропные препараты, эти новейшие достижения науки... Смешно, однако. Мистическое искусство еще в незапамятные времена было способно на подобное. Гусли-самогуды, лютни-самоплясы, дудочка Гаммельнского крысолова... Тот еще тип был, между прочим. Мне про него Сангрени много чего понарасказывала... Магистр темной магии помимо всего прочего.

Впрочем, умели и защищаться. Вообще, подобные техники могут быть применены лишь на тех, кто ну никоим образом не защищен. Даже самая слабая защита легко блокирует такую магию. Да что защита... Достаточно просто внести искажение в воспринимаемый звук, например, ритмично то закрывая, то приоткрывая уши ладонями — и все. Весь эффект насмарку. Однако здесь никто об этих методиках не знал, и защиты, соответственно, даже самой примитивной, не имел.

Все живые, вне зависимости от степени побитости, болевых ощущений и прочих помех, с криканием, оханьем и матерком приняли вертикальное положение и, замысловато приплясывая, двинулись к выходу со двора. Оружие они держали на вытянутых вперед руках, чтобы не выстрелило случайно, — молодец, Чума догадался. По мере того как они осознавали свое положение, матерки становились все громче и разнообразнее. Гм... А ведь они весьма неплохо русским языком владеют! Чего ж раньше-то придуривались спрашивается?

— А вот и сирены милицейские — прислушавшись, сообщила готесса. — Приехали...

— Тогда мы исчезаем из их поля зрения. Ну а сами направимся в бывший дом меье Ремизова.

Возражений не последовало... Однако, проходя в уже невидимом для посторонних обличье мимо блюстителей закона и тех, кого я им преподнес в качестве очередного подарка, я с удовольствием любовался на их изумленные лица. Да, такое зрелище им видеть не доводилось. Иначе и не назовешь, как толпой психов, сбежавших из дурдома. Только у этих конкретных постояльцев сего заведения в руках было оружие, да и вид свидетельствовал о

том, что применять они его худо-бедно, но умеют. И вдруг такое...

Единственный, кто не был удивлен — Алекс, он-то уже не раз видел мои забавы на различные темы. А, не суть важно. Сдается мне, что еще увидит. Как-никак я собирался и на суде поприсутствовать. Любопытно все же, каков он, суд современный. В мое время типа подобного без разговоров бы к веревке, как минимум, приговорили, а может быть и кое-что поэкзотичней, из времен Иоанна Васильевича припомнили. Как они нынче, когда смертную казнь запретили, (вот глупость-то несусветная! Разбойничков по тюрьмам копить, да на пропитание их тратиться... А если сбегут? Лови их потом... И пришло же кому-то в голову!) выкручиваться будут?

Ладно, пора к Ремизову в дом заглянуть. Что это за галерея авангарда такая? Каюсь, любил в свое время живопись хорошую, любопытно будет на современные творенья взглянуть.

* * *

— Давненько я не был в картинных галереях, давненько...

— Ой, граф, сомневаюсь я, что тебе подобное понравиться может. Сильно сомневаюсь! — покачала головой Элен, а в глазах у нее прыгали веселые чертики. — Авангардисты, чтоб их крокодилы слопали!

— Не любишь? — я посмотрел на полную радостного предвкушения готессу.

— А чего там любить? Впрочем, сам увидишь. Пошли скорее! Мне если честно даже немного жаль тех, кто тебе под горячую руку попадет, когда ты эти «творения» узришь. Пойдем уж, будешь если не приобщаться, то знакомиться с тем, что нынче тоже почему-то стало называться искусством.

Этот диалог имел место перед входом в дом, где раньше обитал тот самый искомый долгожитель по фамилии Ремизов. Напуганная до дрожи в коленях и прочих частях организма парочка шулеров из поезда таки да сумела кое-что выяснить. В частности то, что сейчас находится в этом доме и гораздо более интересный факт. Какой? Наличие где-то среди архивных документов полных, исчерпывающих сведений как о самом Ремизове, как и о его «потомках». Сам он вроде наследников оставить не мог, но вот особенности организма не позволяли ему существовать под одним именем слишком долгое время. Вот и получалось, что каждые лет двадцать-тридцать он уезжал в длительный вояж, «умирал» там скоропостижным образом, ну а на его месте возникал какой-нибудь племянник.

Довольно сложная схема, но она позволяла сохранять привычный стиль жизни и место обитания сколь угодно долгий срок. Разумеется, при отсутствии разного рода форс-мажорных обстоятельств, к коим вполне реально отнести случившуюся в семнадцатом году революцию. Владел бы он магией, мог бы и дальше поддерживать примерно те же условия, просто выведя свой дом за границу внимания всех и всяческих революционеров, ну а так... Что поделать, бывают полностью бесталанные в этой области люди.

Но проследить путь хотя бы до этого момента можно и даже нужно. Да, реально было бы свалить и оставшуюся работу на ту парочку, работающую за страх и деньги, но почему бы и самому не прогуляться малость по городу. Хм, прогуляться... Мои прогулки в этом новом мире имеют милую привычку оборачиваться несколько нестандартным образом. Однако, я никоим образом на это стечение обстоятельств не жалуюсь, скорее уж напротив, подобные события не дают заскучать, поддерживая в тонусе.

Итак, что мы имеем? А имеем мы в наличии дом, ныне, как начертано на вывеске, «Музей-выставка современного авангардного искусства». Несмотря на туманные предостережения Элен, я так и не понял, что же таится за таинственным «авангардом» поэтому решил поступить самым логичным образом — увидеть все собственными глазами. Тем более идти туда все равно надо, так и совместим дела с повышением культурно-образовательного уровня.

— Ох и будет здесь бардак поболее того, что ты в милиции учинил, — хихикнула

Элен. — Забегают по стенам абстракционисты, словно тараканы от дихлофоса!

— Бардак, ма шер, вовсе не есть нечто сумбурное и хаотичное. Это слово несет совсем иной смысл, отличный от того, что ты в него сейчас вкладываешь.

— Да ну?

— Ну да... Бардак — всего лишь публичный дом, бордель, проще говоря. А там, как ты понимаешь, никакого беспорядка и в помине нет, иначе проку хозяевам от заведения не будет.

Заставив столь нестандартным экскурсом в историю и лингвистику свою спутницу хоть на минуту примолкнуть, я открыл дверь и оказался внутри дома... извиняюсь, теперь уже музея. Навстречу сразу бросилась какая-то не слишком опрятная мадам, желая осчастливить нас билетом на посещение сего места. Что ж, возражений с моей стороны не ожидалось. Расставшись с банкнотой, я получил взамен два кусочка бумаги, на коих было изображено что-то вовсе непонятное. Пару секунд пытаюсь осмыслить загадочное нечто, изображенное там, в конце концов я сдался и решил направить себя непосредственно к шедеврам живописи и скульптуры.

Оказавшись в первом зале, я было огляделся, намереваясь выяснить, на что обратить внимание в первую очередь и... чуть было не раскрыл рот от глубочайшего изумления. Остановило лишь то, что подобная реакция простительна лишь сиволапому мужичью, но никак не аристократу, чей род занимает почетное место в Бархатной книге — собрании родословных всех аристократов Государства Русского.

Вид, однако... Не живопись, а какая-то мазня сумасшедших, не имеющая ровным счетом ничего общего с настоящими произведениями искусства. Хотелось что-то сказать, но шок от увиденного оказался слишком велик, слова словно улетучились в далекие дали. Видимо, также пребывали не в лучшем состоянии.

— И как тебе... искусство? — ехидно-сочувствующий голосок Элен помог хоть немного восстановить душевное равновесие. — Теперь ты точно понимаешь, что я имела в виду, когда упоминала об авангардистских мотивах.

— Это не мотивы, а грязь из помойной ямы сознания, выплеснутая на холст дорвавшимся до мастерской художника опасным безумцем, — передернуло меня от омерзения. — Но я все же осмотрю эту гадость.

— Стоит ли?

— Разумеется. Некоторые боевые заклинания предназначенные для схваток с особо опасными противниками, ввергают врага в иллюзорный мир. Чем более безумным этот мир будет — тем больше шансов поразить врага. Многие маги, специально для этого надолго уходят в дома сумасшедших, терпеливо ловя отголоски их безумств. Мне же собственно даже и ловить ничего не требуется... Так что такой шанс пополнить свой паноптикум я не упущу...

— Вот уж не думала, что тебе это понравится... — Удивленно пожала плечами готесса.

— А мне и не нравится, — я качнул головой. — Собственно, в человеческой реальности подобной пакости вовсе даже не место. Просто не могу упустить такой шанс обзавестись новым оружием. После же, — позабочусь о том, чтобы вернуть эту гадость на ее законное место, — в головы нарисовавших такое, причем для особо одаренных, — я кивнул на картину, в которой изображались человеческие тела, свернутые в аккуратные кучки наподобие «собачьих неожиданностей» — возвращена она будет вместе с рамой.

— Это в голову-то? — не поверила Элен. — Не поместится же!

— А я постараюсь! — На сей раз мой оскал оказался столь неласковым, что невидимый Чума радостно пискнул откуда-то из-за плеча:

— Хозяин, а трупы будут?

— Трупы... — задумался я, тем самым несколько успокаиваясь. — Кто знает, может и появятся. Элен, тут есть эти... авангардисты?

— Сами вряд ли, зато любящие их эту мазню наверняка найдутся. И не только любящие, но и продвигающие ее в широкие народные массы.

— Тогда после нашей экскурсии им придется задуматься о смене работы. — Подвел я итог своим мыслям.

И все же, с чего бы начать осмотр сей выставки абсурда? Перво-наперво я подошел к той картине, которая отвращения вызвать в принципе не могла, но и какого-либо положительного отклика ожидать также не приходилось...

— Черный квадрат, — прочитал я название сего экспоната. — Не слепой, вижу, что не круг и не треугольник. Но смысл в чем?

— Ты у меня, что ли, спрашиваешь? — фыркнула готесса. — Не знаю уж насчет смысла, но в последний раз эту геометрическую фигуру из школьного курса продали за пару миллионов зеленых рублей. То, что висит тут — всего лишь копия. Да тут почти все копии, хоть я нисколько не жалею.

Много я в своей жизни повидал идиотов, но чтобы так... Заплатить столь огромную сумму за этот «рисунок», что может воспроизвести кто угодно — подобное поведение свидетельствует о явном умственном расстройстве. Я посмотрел еще раз, отошел на пару шагов, потом сдвинулся вправо, влево... Результат был одинаков, точнее не сам результат, а его полное отсутствие. Плюнув на попытку разобраться, я перешел к следующей, с позволения сказать, картине.

Она живо напомнила мне рисунки детей не старше десятилетнего возраста — такая же манера, столь же примитивное исполнение. Как говорится, чем бы дитяток не тешилось, лишь бы своих не было, но этому «творению» место на помойке, а никак не в картинной галерее.

— Примитивщина чистой воды, — высказал я свое нелестное мнение и неожиданно получил ответ.

— Да, это примитив, гениальный примитив! Художник так очаровательно внес неправильность композиции, посмотрел на мир под новым углом...

Я развернулся в сторону источника глупостей и заметил женщину неопределенного возраста и не слишком приятной наружности, которая на полном серьезе восторгалась изображенным перекошенным домишкой и сидящим на пороге человеком с лицом деревенского дурачка.

— Извините, сударыня, но подобное «творчество» могло выйти из под неумелой руки ребенка, которому никогда не стать живописцем. Мой кузен в очень юном возрасте портил бумагу такими же каракулями, но никому и в голову не приходило тащить ЭТО в картинную галерею. На смех бы подняли и сие действие было бы абсолютно верным и ничуть не оскорбительным.

— Вы невежественный ортодокс и консерватор! — костлявый палец, украшенный весьма приличным кольцом, протянулся в мою сторону. — Такие как вы всегда противились всему новому. Великое благо видеть мир так, как видят его гении, чьи творения представлены в нашем музее...

— Благо говорите? Ну что ж... — я был несколько изумлен подобным мнением, однако никогда не стоит упускать возможности сделать доброе дело. Порадуем женщину... Пусть наслаждается, На всякий случай, — а вдруг я неправильно её понял, я все же переспросил:

— Вы уверены? Вы действительно хотели бы видеть мир именно так?

— О, да, конечно! Увы, это доступно лишь гениям! Великим гениям!

— Ну что вы, — я улыбнулся — Ничего сложного, рад вам помочь! — и сбросил на нее заготовленное заклятие.

Тихий, стонущий крик и через пару секунд на пол обрушилось бесчувственное тело. Глубокий обморок плюс серьезнейший шок.

— Что это с ней?

— А это она мир по-другому увидела, — прошелестел на ухо готессе невидимый Чума. — Хозяин сделал так, что теперь ей все кажется таким же, как на той мазне.

Хохот Элен нарушил относительное спокойствие в музее, добавив элемент веселья в тихую и слишком спокойную атмосферу. Бесчувственная дама на полу, готесса в

развеселившемся состоянии и мрачный тип в не слишком приподнятом настроении — неплохое сочетание для художника. Жаль, что их тут в принципе не наблюдалось.

Тем временем жертву моего черного юмора уже куда-то потащили служители. Приводить в чувство, наверное... Ничего, еще один обморок не за горами — вряд ли ей приятно будет вновь увидеть окружающую реальность так, как это выглядит на столь близкой ее душе картине. Впрочем, подобное видение продержится всего несколько дней. Может быть, хоть это подействует, привьет какой-то относительно приемлемый вариант оценки красоты...

Другие картины, совсем уж убогие и непонятные. Кляксы разной формы и размера, черные горошины на красном фоне, нечто напоминающее подгнивший кочан капусты... Ах это не капуста, а автопортрет! Сочувствую. «Скульптура» из свитых меж собой двух кусков арматуры под названием «Смысл жизни». Ну и смысл он разглядел в кусках железа. Далее, далее, все такая же безнадега и муть различных цветов и оттенков.

О, никак луч здравого рассудка в царстве! Неужели это Гойя с его знаменитыми «Капричиос»? Пусть копии, но приятно посмотреть. Сатира на грани гротеска, утонченнейшее издевательство над глупостью рода человеческого, проделанное кистью настоящего гения. Ан нет, не тут то было! Чья-то шаловливая лапка прошлась по офортам, намалевав поверх руки мастера каких-то клякс и рожиц. И кто у нас «автор» сего издеательства над картинами моего любимого художника? Боюсь, в ближайшее время у него начнутся серьезнейшие проблемы со здоровьем! Ага, некто Сальвадор Дали.

— Голову оторву и буду по утрам вместо мячика использовать, в стену кидать. Тушка как пуфик для ног сгодится, руки-ноги с корнем выдерну! — заметил я, разглядывая испохабленную картину.

— Опоздал, дорогой граф, — обворожительно промурлыкала Элен. — Он уже давненько помер в полностью спятившем состоянии. Говорят, что последний десяток лет его вообще никто не видел, кроме жены.

— Жаль...

— Зато я знаю, где его могила расположена. Можешь череп использовать как пепельницу... если не сгнил, конечно.

— Да наверняка сгнил. Если мозги гнилые, то и кости не лучше, — отшутился я от не прельстившего предложения покопаться в могиле. Я же не хунган какой-нибудь, для которого кости — один из основных источников могущества. — Интересно, этот Дали мог только чужие картины поганить или как?

— А вот его личное творение! К тому же не одно.

Я посмотрел в указанном Элен направлении и увидел какого-то зверя, похожего на жирафа, который изволил подгорать на медленном огне, человека (вроде бы) с длинной шеей и что-то еще столь же непонятное... Нарисовано это было довольно примитивно, да и чувства, возникающие при взгляде на полотно были далеки от приличных. Странное сочетание брезгливости, отвращения и желания никогда не видеть такое «творчество». Нет, я не против фантазмагорий, скорее даже за, но тогда уж будьте любезны рисовать красиво. Увы. Подобного не наблюдалось.

Вот и мой любимый сюжет, пусть и этот офорт несколько испорчен чужим вмешательством... «Сон разума рождает чудовищ» — емкое и совершенно правдивое название. Спящий человек уронил голову на стол, а за его спиной возникает множество странных и просто чудовищных созданий. Аллегория, но ее смысл ясен всем, кто умеет хоть немного думать. Когда гаснет разум, или он просто подменяется чем-то иным, тогда на волю вырывается вся муть и гадость, таящиеся внутри человеческой души. Вот как здесь, в этом так называемом «музее».

— Красивый офорт, Гойя вообще был очень талантлив.

— Знаю, поэтому меня так и взбесило издевательство над его картинами. Но сон разума действительно породит чудовищ. Породит здесь и сейчас...

— А может подождешь минутку?

— Смысл?

— Ну как же, сюда экскурсия зашла, сейчас экскурсовод будет заливать, какие прелестные картины здесь представлены, а те будут радостно соглашаться.

— Тогда согласен, — радостно оскалился я. — Это выйдет еще более неплохо. Как думаешь, ма шер, ослиные мотивы для начала сойдут?

Почему бы и нет? — пожала плечами готесса.

* * *

Царство Осла — небольшая, но очень язвительная серия офортов Гойя, входящая в цикл Каприччиос. Люди в них исчезают, вернее отодвигаются на задний план, ну а на главное место выходит его величество Осел.

— Оживим осликов, Чума?

— Ага, они своим «И-а» внесут ноту разума в этот маразм, — хихикнул бесенок. — Щас я тут подготавливаю...

Очередное воплощение у нас тут намечается, но на этот раз не совсем иллюзий. Опора больно уж специфическая — сами офорты (пусть даже копии) обладают определенной энергетикой. Искусство Мастеров вроде Гойя и само по себе таинственно-мистическое, а коли прибавить к нему магию вампиров... Получится что угодно, но не банальщина.

Хм, вот экскурсия приблизилась к первому ослиному офорту... Ослиная школа, где осел-учитель раскрывает перед учениками книгу с одной лишь буквой «А», зато в очень больших количествах, но те внимают ему со всей серьезностью.

— Обратите внимание на этот шедевр великого сюрреалиста Сальвадора Дали, — заводит песню экскурсовод — весьма немолодая женщина с каким — то вытянутым, словно лошадиным лицом и чересчур сухощавой фигурой...

— Всего несколько штрихов и вместо обычного рисунка Гойи мы видим истинное произведение искусства. Видна рука великого художника, способного с легкостью создать из ничего все.

— До чего же они похожи на тех, кто изображен там, — невольно ахнула Элен. — Вот так игра случая!

И верно... Важный, раздувшийся от собственной значимости до кончиков длинных ушей учитель в ночном колпаке и с опухшей от сна мордой так похож на полупочтенного экскурсовода. Ну а восхищающиеся несколькими экскурсантами — не есть ли они живое воплощение тех ослят, что из всей грамоты знают лишь букву «А», кою и тянут на разные лады? Кто умнее — ученик или учитель, экскурсовод или те люди, что искренне восхищаются тем, что является не более чем насмешкой над искусством? Умнее, глупее, но нет никаких сомнений, что сложно обнаружить более важную и глубокомысленную особу.

— Также советую... И-а! — внезапно из её голоса вырвался трубный рев... Так. Чума похоже уже начал... Надо позаботиться чтобы нас с Элен не задело. Я торопливо накинул защитное заклинание. — ...манеру кисти. — как ни в чем не бывало продолжила экскурсовод.

Осел на офорте повернул голову, прислушиваясь к столь родным и знакомым звукам. Рождение если и не чудовища (до этого длинноухое творение Гойи ну никак не дотягивает), то уж гротескного искажения мира точно. Или не искажения, а всего лишь отражения существующего в истинном облике?

— Мне показалось, или осел оживает?

— Не показалось, ма шер. Сейчас тут начнется такое, от чего покойный Гойя немедленно схватился бы за кисть, начав творить очередную серию своих шедевров. Смотри и наслаждайся, билеты на такое действо нигде не продаются, а представление не повторяется.

Поверхность офорта пошла волнами, с него как накупь слетела пачкотня Дали и вот уже это не просто картина, а словно окно в иной мир, где торжествующее «И-а» бьет по

ушам не хуже молота по наковальне. Меняется суть происходящего, метрика пространства, застывшая картина приобретает глубину, мерность, готова вот-вот выплеснуться наружу, в реальный мир.

Но рано, еще рано, если уж устраивать большую художественную выставку работ Гойя, то не стоит ограничиваться одним лишь офортом, лучше задействовать сразу несколько. Тогда и для зрителей (меня и Элен), и для участников поневоле впечатления будут на порядок более насыщенными и запоминающимися.

Мартышка, пишущая парадный портрет осла, вдруг злобно щелкает зубами и выпрыгивает наружу, мягко приземляясь на пол зала. Она осматривается и внезапно на морде появляется радостное выражение...

— Кажется, ей понравилось окружение!

— Да нет, — отвечаю я готессе. — Просто она понимает, что на общем фоне даже рисунок, вышедший из-под шаловливых лап мартышки, будет смотреться вполне прилично.

Но такой пассаж не мог остаться незамеченным. Все таки музей, а не цирк бродячих комедиантов... Вроде бы. Кто-то из посетителей указывает на обезьяну пальцем и глупо смеется, демонстрируя некоторое сходство с вышеупомянутым приматом... Мартышка возмущенно верещит, после чего взмахивает кистью, зажатой в лапе.

Капли краски летят во все стороны, причем некоторые из них попадают как раз на картины. Совы и вовсе странноватые создания из «Сна разума» прорвали пленку, разделяющие мир фантазмагорий от реальности и с мягким шелестом отливающих черным бархатом крыльев взмыли под потолок, закружившись в безумно-завораживающем танце. Демонические существа с других офортов вступили в зал более медленно и величаво, с ленцой оглядывая оцепеневших любителей абстракционизма. Они-то знали, что теперь это ИХ вотчина, а остальные здесь так, мимолетные гости на вечном празднике фантазмагорий.

Полуобнаженная ведьмочка с развевающимися черными волосами кружилась волчком, издевательски хохоча... Парочка домовых с пивными кружками в руках, пустившаяся в пляс вокруг возникшей ниоткуда пивной бочки и вовлекающая в этот танец вовсе не желающих подобного внимания людей. Еще один осел в мантии дипломированного врача с важным видом слонялся по залу, выискивая жертву для медицинских экспериментов. Неважно, отчего помрет больной, зато диагноз будет внушительным и непременно по латыни...

От продолжающих танцевать под потолком сов начинают исходить лучи не света, но тумана, скрывающие большую часть происходящего, превращая пока что относительно обычный зал в перекресток кошмаров, рожденных кистью великого, по-настоящему великого художника — Гойи.

— Пошли, ма шер, сейчас человеку находиться тут не очень-то полезно, — говорю я готессе и увлекаю ее по направлению к ведущей на второй этаж лестнице.

* * *

Вот, собственно и второй этаж. Тут пока что спокойно и так будет по крайней мере несколько дней — созданному конструкту потребуется время, чтобы прибраться к рукам весь дом. Правде, этим все и ограничится, поскольку такие проявления в принципе не могут выйти за пределы здания, в коем были порождены.

Чуму я решил пока не отвлекать... Больно уж бесенку нравилось происходящее в выставочных залах, да к тому же подобная атмосфера паники и истерии — идеальная среда для подпитки столь необходимым ему спектром энергетики. Пусть резвится, дитяtko полумрачное, ну а мы с готессой пока что проведем начальника всего этого паноптикума. Или все же кунсткамеры? А, не суть важно!

— Граф, посмотри.

— Ираида Ильинишна Старохатская, — прочитал я надпись на двери кабинета. — А что? Обычная фамилия. Вполне кстати соответствует облику этого заведения.

— Да я не о том! Это же известная в области правозащитница всех наркоманов,

педофилов и прочей швали и одновременно ненавистница всего, что связано с нашей страной. К тому же еще и... Да ты и сам увидишь. Особенно не любит тех, кто хотя на волос приподнимается над уровнем толпы.

— Вот мы сейчас на это и посмотрим... и не только посмотрим. Все равно надо кое-что узнать, заодно и проверим суть правозащитников нашего времени.

Я довольно вежливо и деликатно постучал в дверь костяшками пальцев.

— Занято! — раздался резкий, неприятный голос. — Я не принимаю.

— Свободно...

Замок, жалобно скрипнув, уступил в неравном бою с силой вампира. И вообще, не слишком вежливо с ее стороны не пускать посетителей, которые страсть как хотят увидиться с руководством сего «культурного» учреждения. О, да тут знакомые все лица! Именно эту дамочку я видел, когда она на всех четырех конечностях резво убегала от полуиллюзорных существ с офтортов Гойи.

— Приветствую вас. Приношу извинения за настойчивость, однако нам необходимо побеседовать. — Вполне вежливо начал я.

— Кто вы такой? Что вы здесь делаете? Каковы ваши политические убеждения? Как вы относитесь к смертной казни? — приветствие было несколько оригинальным, однако придираться я не стал, — мало ли, какой стиль общения тут принят, — в конце концов, это ведь я нахожусь у нее в гостях, а посему кратко ответил на все четыре вопроса: граф Бельский. Развлекаюсь. Монархист. Поддерживаю. Доводилось и осуществлять.

— Граф? Монархист?! Палач!!! — лицо её сморщилось, демонстрируя крайнюю степень неприязни. — Я решительно требую удаления вашей недемократической персоны из моего кабинета. Так же вы должны ответить за учиненное вами надругательство над величайшими творениями гениев двадцатого века, экспонировавшимися в нашем музее. Немедленно верните все, как было! — взвизгнула она, заметив любопытствующую ослиную мордочку, просунувшуюся между половицами и с интересом осматривающую кабинет.

— Если вы не прекратите свои психоделические эксперименты, — я буду жаловаться! Я подам на вас в суд по защите прав потре... тьфу, человека, прямо в Гаагский трибунал! Вас посадят, а ваше начальство будет строго наказано, и после этого накажет и вас!

— Какое начальство? — я с недоумением посмотрел на разволновавшуюся женщину. Все люди, коих за начальство я признавать мог, — полковник наш, Пашков Александр Васильевич, и император Александр Павлович, светлая ему память, — давно уже в могиле лежат, и восставать для моего наказания будут вряд ли, куда бы эта женщина не жаловалась. Да и их наказать нынче, было бы чрезвычайно сложной, и прямо скажем, чрезвычайно трудноосуществимой задачей даже для опытейшего некроманта. Очень сомневаюсь, что подобный сверхпрофессионал имеется в распоряжении Гаагского трибунала. Да и при жизни... Плевать император хотел на эту Гаагу. Приказал бы, так наши казаки её за месяц максимум, «на копье» взяли бы.

Так что, думаю что Александр Васильевич с Александром Павловичем, в этом плане полностью неуязвимы. Ну а другого начальства у меня и не было никогда, не обзавелся как-то... Да и то подумать... Зачем мне оно? Для каких таких целей потребоваться может? Мне признаться, и без начальства весьма неплохо живется!

— Как какое? Только не пытайтесь отрицать! Вы из КГБ! Вы пришли за мной, чтобы опять посадить меня в сумасшедший дом! Но я не дамся! Демократия не сдастся! Всем рты не заткнете, губители свободы! Да здравствует свобода и демократия! — с глубоким изумлением я смотрел на беснующуюся женщину... Честно сказать, у меня и впрямь мелькнула мысль о том, что стоило бы вызвать санитаров. Но раз она этого так боится... Что ж, поищем другие пути.

— Элен, а ведь дамочка больна на голову всерьез и надолго.

— А ты не заметил? — деланно изумилась готесса. — Её несколько раз пытались пролечить, однако каждый раз поднимался ТАКОЙ вой, что приходилось отпускать от греха подальше. Вот и результат...

— Мда... Тяжелый случай. — Пожал я плечами.

— Похоже на паранойю, — заметив, с каким страхом сжавшаяся в углу «правозащитница» смотрит на нас, не сделавших пока ей ничего плохого — поставила диагноз Элен. — Ну, или возможно, мания преследования, — поправились она после того, как правозащитница с криком: — Я узнаю тебя, агент в штатском! — обрушила тяжелый том на призрачную голову любопытного ослика, вновь мелькнувшую на уровне пола.

— Мда... — Пронаблюдав эту картину, я еще раз пожал плечами. — Тут в общем-то даже и мое вмешательство не требуется. Одно непонятно, почему она еще не в доме призрения, для головой скорбящих?

— Так говорю же, пытались её туда несколько раз определить, — вздохнула готесса. — Но такой вопль поднимался... В общем, решили не трогать, дабы вони не было... Все по пословице.

— Ну ладно. Пора и делом заняться. — Я внимательно посмотрел на Новосвинскую, позволив на миг красным искрам мелькнуть в своих зрачках.

— Мадам. Я не имею никакого отношения к государственным органам. — я с искренним сочувствием подумал о коллегах Алекса и Влада, которым приходилось общаться с этой персоной. Бедолаги... — Можете успокоиться, а то ваша истерика преизрядно уже надоела. Мне необходимы кое-какие архивные документы о бывших хозяевах этого дома, которые, как мне стало известно хранятся у вас в кабинете. Дайте мне их, и мы расстанемся к обоюдному удовольствию.

— Граф, да что ты с ней возишься? — не выдержала Элен. — Прибей её по быстрому, да возьми все документы. Что время зря тратить?!

— Да так. Есть причины. Знаешь, Сангрени мне как-то наполовину в шутку рассказывала, что, если информация о магии не передана хранителем по доброй воле, то к добру она не приведет. Суеверие скорее всего, но... мало ли что... Так что лучше немного потерпеть... Если это не будет чересчур сильно напрягать. В крайнем случае, можно, конечно, и убить. Тогда мы становимся вроде как законными наследниками... Но убивать что-то пока не хочется. Настроения нет...

— Понятно... — несколько разочарованно протянула девушка. — Надо же... У тебя нет настроения убивать?! — она покачала головой. Странно... Что случилось? Уж не заболел ли?

Я улыбнулся её шутке, и вновь обернулся к «доблестной» правозащитнице. Наши шуточные переговоры произвели на нее весьма сильное впечатление.

— Ну так как мадам? Вы позволите?

— Ва... ва...

— Еще раз и у вас непременно получится.

— Ваш-ша св-ветлость, — тушка правозащитницы со стуком обрушилась на колени и поползла в моем направлении. — Все отдам, все, что есть! Не убивайте...

Противно однако. Я брезгливо выдернул ногу из захвата. Еще немного, и она мне все туфли своими слюнями перепачкает.

— Во-первых, не «св-ветлость», а «сиятельство». Я граф, а не барон. Не умеете титуловать правильно, так и не лезьте! А во-вторых, — документы где, жаба ты пупырчатая... И с колен поднимись, а то смотреть еще более противно, чем обычно.

Та, путаясь в собственных ногах и размахивая ручками, словно пытаюсь взлететь, бросилась к стоящему в углу шкафу, от усердия чуть не вывалив на пол целую грудку официального вида бумажек. Стоп! Магия... Слабо выраженная, но все же именно она. Пришлось подойти и отстранить мадам в сторону, поскольку тут от нее точно не было бы никакого проку.

Я смел с заинтересовавшей меня полки остатки хлама и внимательно присмотрелся. Точно, оно и есть — под прикрытием довольно халтурно наложенных маскирующих чар просматривался контур кожаной папки с серебряными уголками.

— Элен, а вот, кажется, и то, что мы тут искали.

— Где? — метнулась готесса ко мне, после чего уставилась на полку. — Там же ничего нет!

— Есть, просто скрыто от посторонних глаз. Смотри.

Легкий выплеск энергии, перерубивший питающий чары канал и скрытая доселе от посторонних глаз папка проявилась в видимом для простого взгляда спектре. Элен было потянулась к ней, но получила шлепок по руке, довольно болезненный.

— Не трогай, а то будет тебе хорошо, то есть плохо! Если грубо замаскировано, то это скорее всего не от недостатка умения, а для того, чтобы поймать легковых простаков. Сейчас проверим.

Вырываю листок бумаги из какого-то очень важного на вид собрания документов и бросаю на проявившуюся папку. Вспышка и от листка не остается даже пепла.

Одновременно с этим, слышится громкий взвизг правозащитной мадам и дробный цокот каблуков... Никак убежать пытается. Зря, от меня вообще скрыться сложно. С языка срываются несколько слов на умершем языке и проблема решена. Пусть бежит, вскоре все равно скоро надоест. Почему? Да просто это будет бег на месте, до выхода ей все равно не добраться. Пространственная петля, искривление пути таким образом, что человек бежит вперед, а на самом деле вновь и вновь возвращается обратно. Но ей оно и полезно — побегает, разомнется, вес немного сбавит... наверняка ведь за последние несколько лет она никоим образом не утруждала себя физическими упражнениями.

Мда... И как взять эту близкую, но пока что недоступную добычу? Огненная магия для вампиров слишком уж чужда и неприятна, так что о прямом воздействии лучше забыть. А вообще стоит малость подумать. Ремизов то сам магией не владел, так что тут или кто другой постарался или же просто амулет был использован, а то и не один. Для использования амулетов достаточно малости — обладания самыми азами или хотя бы иметь особенность некую, что владельца от простого человека отличает, чтобы на нее управление завязать можно было. Ну а долгожитель этот точно был чем-то особенным, пусть и непонятным.

Значит, амулеты. Уже на порядок легче, благо как сводить их с ума известно давно. Особенно те из них, которые не слишком высокого качества и откровенно примитивного вида. Пусть работать они могут неограниченно долго, да и подзаряжаются, откачивая энергию прямо из внешнего мира, но и на это требуется определенное время. Сработает огненная ловушка несколько раз, вот и кончился до поры до времени запас силы в амулете.

Так что в полет отправился второй клочок бумаги, за тем третий и все в том же русле. Уже на пятом дубле вспышка оказалась довольно дохленькой, ну а шестой клочок бумаги даже не до конца обуглился. Все, теперь можно и изъять хранилище неизвестной информации.

— Получилось! — радостно взвизгнула готесса. — Граф, ты гений!

— Благодарю за столь лестное признание моих достоинств, — раскланялся я. — Особенно приятно слышать это от очаровательной и экстравагантной леди. Однако, это еще далеко не все, наверняка есть и еще что-то, что срабатывает исключительно при открытии папки.

— А огонь больше не появится?

— С чего бы? — произнеся эти слова, я снял один из серебряных уголков и продемонстрировал его своей спутнице. — Вот и источник пламени, уже деактивированный. Так что и при накоплении энергии сюрпризов ожидать не придется. Зато сильно меня смущает нечто другое. Чувствую подвох, а понять не могу! Эй, Чума!

Клуб черного, едкого дыма и вот уже бесенок вновь в полном распоряжении.

— За что, хозяин! Там так весело... — заныло мое творение, но тут его взгляд переместился на все еще бегущую к двери мадам, и от грусти и следа не осталось. — О, да тут бегом на длинные дистанции занимаются. А можно я ее подбодрю малость?

— Потом... Лучше посмотри на эту папку, как следует посмотри.

Хлопая крыльями, Чума завис над объектом моего интереса, скривил рожицу и пробурчал:

— Я бы не стал открывать ЭТО. Такое лучше отдать тому, кого не жалко.

— Раз так, то есть одна подходящая кандидатура...

Комментарий готессы заставил всех нас скрестить взгляды на начальнице «музея», все еще продолжающей бег в пространственной петле, вдобавок ко всему еще и туманящей разум попавшим в нее.

— Идея неплохая и внушающая определенные надежды. Иди сюда, гадость моя!

Пространственный выверт несколько изменил направление, и вконец одуревшая мадам буквально врезалась в кресло. Мне оставалось лишь чуточку подправить траекторию, а заодно сделать так, чтобы она никуда оттуда не делась. Вот так, готово. Теперь аккуратненько так воспользуемся телекинезом и переправим папку прямиком ей в лапки. Эта идея явно не вызвала у нее положительных эмоций, но вопить и каким-либо звуковым образом выражать свое недовольство «пациентка» не решалась — и правильно делала. Видимо, кое-какие остатки мозгов в этой голове еще присутствовали.

— А просто телекинезом открыть нельзя было? — удивилась Элен.

— Нельзя. Там какая-то хитрая штуковина стоит, рассеивающая телекинетизирующее воздействие. Так что ручками и еще раз ручками. Естественно, не своими. К тому же мне страсть как интересно, что еще за фокусы ожидают покусившегося на эту скрытую от всех информацию. Рецепт семейного пирога так скрывать не будут, разве что чувство юмора совсем уж извращенное.

— Хозяин, этот твой Ремизов не маг, сам говорил. Не стал бы он амулеты та такую фигню переводить.

— И я о том же, бес. Но что же это наша подопытная скромничает? Пора бы и проявить свойственное женщинам любопытство.

— Так она же феминистка, — усмехнулась готесса. — Забавный народец, как ни крути.

Да уж, крутить феминистку вокруг своей оси — занятие весьма неблагодарное и абсолютно бесполезное. Я успел кое-что узнать о подобных существах теоретически женского пола и единственной реакцией был смех пополам с непониманием. Уравнение мужчин и женщин... Бред полнейший, лечению не поддающийся. Все равно что сравнивать клинок и пистолет! Понимаю, сравнение не совсем удачное, но тем не менее вполне отражающее истинное положение дел. Одно оружие незаменимо для ближнего боя, другое при уничтожении врага на сколь-либо серьезном расстоянии. Клинок имеет шансы убить защищенного заклятием мага, ну а пистолет почти бесполезен. Я не говорю уже о боеприпасах, без коих самый роскошный ствол можно разве что на стенку повесить или на крайний случай использовать как дубинку.

Так и мужчина с женщиной совершенно не могут быть сравнены друг с другом. У каждого из нас свои особенности, свои сильные и слабые места. Вот только оказать что-либо эмансипированным идиоткам не представляется возможным. Они сознательно приглушают свои достоинства и считают, что таким образом избавляются от недостатков. А, ну их всех... Каждый сам себе полено. Так было раньше, есть сейчас и будет всегда!

— Тут мы все существа добрые, Гаагским трибуналом угрожать не намерены, зато можем на все четыре стороны отпустить. Хочешь? — мадам было усердно закивала, но тут я добавил. — Нога в одну сторону поскачет, рука в другую и так далее, по мере нашей фантазии. Вижу, что энтузиазм заметно поубавился.

— В-вас ар-рестуют...

— Чума, мне кажется, что сие наивное создание принимает нас за мелкую шпану с городских окраин.

— Какая пошлость, хозяин! Можно я покажу ей во всех деталях, где на Руси раки зимой обитают?

Прилепленная к креслу нервно икнула, видимо, первый раз увидев беса, да еще и в непосредственной близости. И что люди так Чумы пугаются? Маленький, с крылышками, ну просто ангелочек... И отличий всего ничего — почернел, обзавелся горящими багровым огнем глазками, перепончатыми крыльями да мерзопакостным характером вкупе с черным

юмором и прочими радостями жизни. А так один в один ангел.

Вот и получилось, что один вид моего карманного бесенка заставил мадам, подвывая и пощелкивая зубами со страха, открыть находящуюся у нее в руках папку. Сюрпризы не заставили себя долго ждать.

Оттуда рванулся жаркий пустынный ветер вперемишку с песком и все это непосредственно в лицо жертвы эксперимента. Ничего особо вредного и опасного, зато от прически и косметики остались лишь не самые приятные воспоминания. Папка же, пару раз взмахнув «крыльями», спланировала на пол, где и захлопнулась.

— Была прическа, а стало гнездо пьяной вороны, — безжалостно откомментировала ситуацию готесса. — Если так и дальше пойдет, то вскоре лучшей кандидатуры на роль огородного пугала будет не найти.

— Вот и ладненько, там хоть какая-то польза будет. Ну что, приступим ко второму акту комедии?

Элен точно не возражала, ну а Чума, зацепившийся когтистыми лапами за люстру, и свисающий вниз головой с потолка, так и вовсе только и ждал продолжения. Мадам же никто и спрашивать не собирался, права голоса у нее отсутствовало. Тут у нас не демократия её любимая.

Вместилище сюрпризов во второй раз оказалось в руках у правозащитницы, и вновь она с трепетом душевным попыталась его открыть. Правда на сей раз она попыталась направить его от себя подальше. Наивная... Для магии направление не суть важно, выброс может произойти по любой траектории, но неизменно наиболее неблагоприятной для открывающего.

Не стал исключением и данный случай. Откуда-то сверху на полное отсутствие прически упал огромный и весьма непрезентабельный паук. Дамочка взвизгнула и попыталась отбросить папку, но та крепко приклеилась к ее ладоням. Паук деловито закопошился и в ускоренном порядке начал плести из паутины какое-то подобие не то логова, не то гнезда.

— Зоопарк на дому, — хихикнул раскачивающийся вниз головой Чума. — Только зверушки больно уж несимпатичные...

Лучше бы он этого не говорил. Словно подслушав сие мнение, прямо из папки с диким шумом и хлопаньем крыльев выпорхнуло нечто. Оказалось это нечто — всего лишь громадный петух многоцветного окраса, к тому же очень хорошо летающий. Сделав круг почета под потолком кабинета, он уселся... Да, как раз на голову правозащитной мадам, притягивающей к себе все магические порождения из папки. Склонув замешкавшегося паука, он победно прокукарекал, после чего как-то подозрительно стал топтаться на одном месте.

— Чего это с ним? — подозрительно покосилась на пернатое готесса.

— А бес его знает...

— Не, хозяин, я тут ни при чем, это ты у того умника спроси, кто в эту папочку столько пакостей засунул. Мне аж завидно стало!

Тем временем петух совсем уж заполошно захлопал крыльями, потом вовсе уж неожиданно закудаhtал, нахохлился и... снес яйцо. Чума от изумления запомнил, что висит вниз головой, и разжал лапы.

— Ну как, удачно отбомбился? — поинтересовался я у сидящего на полу с флегматично-ошарашенным видом бесенка.

— Я за свечку, свечка в печку, я за книжку — та бежать... Коноплю теперь такую я не буду покупать, — выдал Чума нечто уж совсем невразумительное. — Хозяин, а у меня не белая горячка? Так вроде давно ничего не пил...

— Да нет, белочка на тебя хвостиком не махала, — успокоила его Элен. — А вот это дитя Чернобыля, кукарекающее и несущее яйца — чья-то особо изощренная издевка. Как бы из этого яйца чего похуже не вылупилось.

Так. Ну все, надоели мне эти бесконечные и успевшие поднадоесть магические пакости

от еще не идентифицированного амулета. Придется перейти к радикальным мерам. Не желая особо усердствовать, я просто сконцентрировал возле правой ладони несколько силовых потоков, да и отправил образовавшийся энергосгусток непосредственно по кудахтающему адресу.

Вспыхнуло, бухнуло, запахло палеными перьями и жареной курицей. Теперь на остатках отсутствия прически находились не петух с яйцом и куриная тушка с яичным гарниром.

— Посолить, поперчить и можно накрывать на стол, — оценил я полученный результат.

Вот только сам свежеподжаренный результат не слишком хотел быть центральным блюдом и взмыл вверх, весьма энергично взмахивая крыльями, покрытыми румяной корочкой.

— Стоять, закуска! — взвыл бесенок и пустился вслед, демонстрируя фигуры высшего пилотажа в погоне за взбесившейся жареной курицей.

Для болезной правозащитницы подобное зрелище оказалось последней каплей и, прохрипев что-то невнятное, она обмякла в кресле в глубоком обмороке. Хлипкий народец пошел, чуть что, так в обморок... Однако, зрелище и впрямь специфическое, но слишком долго его не вынести — со смеху помереть можно. Готесса моя так и вовсе рыдала, наблюдая за разворачивающейся в воздухе погоней.

Пора и прекращать, тем более что до меня наконец дошла суть происходящего. Не было отдельного от папки амулета, она сама являлась им, активизируясь при попытке ее открыть. Ну а там формировалось направленное на инициатора ее открытия воздействие, которое питалось эмоциями и трансформировало их в какую-нибудь случайную, но эффектную гадость. Каждый раз разную... Лично я с подобным не сталкивался, но теория работы была вполне знакома. А заодно и метод нейтрализации. Достаточно просто развернуть вектор и вся выходящая энергия замкнется в кольцо, то есть прекратит проникать во внешний мир.

Легко, быстро, эффективно. Теперь образовавшаяся воронка затягивала обратно все то, что выплеснулось в реальность. Всякая мелочь вроде остатков паутины не стоила внимания, а вот возврат продолжавшей рассекать воздух жареной курицы был весьма эффектен. Заложив крутой вираж, достижение кулинарного искусства спикировало вниз. Ну а Чума... Он никак не мог смириться с мыслью, что закуска так и уйдет необгрызанной. И я, и Элен с искренним интересом наблюдали за этой гонкой.

— Давай, давай, а то уйдет сытный завтрак и полезный ужин, — подбадривала бесенка Элен.

Воодушевленный моральной поддержкой, Чума ускорился и все-таки ухватил летающее блюдо за ногу, вцепившись руками и зубами. Победила дружба, то есть бесенок отлетел в сторону, оставшись обладателем одной ноги, ну а все остальное благополучно втянулось обратно в папку.

— Ну что, добыл трофей, чудо непотребное?

— Ага, — радостно оскалился бес. — Теперь бы еще коньячку для успокоения нервов. А, хозяин?

— Сам ищи. Что найдешь, все твое.

Так, и что мы получили в результате? Я без всякой опаски заграбастал кожаную папку в свои руки и раскрыл. Хм... Лист бумаги, абсолютно чистый с обеих сторон. Очередная шуточка? да нет, сильно в том сомневаюсь, скорее уж последняя преграда к информации. Тут всего два варианта — симпатически чернила или очередной магический сюрприз. Вернее, это почти те же симпатические чернила, но несколько иного плана. Они проявляются не от тепловых или каких-то химических воздействий, а при равномерном потоке энергии, направленном на лист.

Я с максимальной осторожностью начал закачивать энергию из окружающего пространства в чистый лист, стараясь не допустить ни малейшего дисбаланса. Тут ведь как

— малость ошибешься, схалтуришь, и все, останется только пепел и ничего больше. Однако, обошлось, и на листе стали медленно проступать строчки, в которых ну просто должно было быть хоть что-то для нас интересное.

— Да это ведь как раз дневник самого Ремизова! — обрадовался я. — Вот уж действительно повезло! Так... Теперь понятно, где он нынче...

— Ну и где это место?

— Элен, ты не поверишь... Его вычислили! В тридцатых годах. Какое-то НКВД. Он пишет, что опасается, — вот-вот за ним придут. Судя по тому, что эта запись — последняя, — таки пришли. Что это за НКВД такое было, не знаешь?

— Народный комиссариат внутренних дел. Нечто вроде вашей охраны. Ныне его наследники ФСБ именуются... Мда... Попал твой Ремизов. Доводилось мне о методах чекистов почитать. Интересно, где его могилка находится...

— Да нет, ты не поняла! Они его раскрыли! Узнали о его бессмертии. Видишь ли, здесь он пишет, что после внезапного исчезновения всех известных ему мистиков он впал состояние полной прострации.

Оно и понятно, исчез весь привычный круг знакомств, те лица, что окружали его длительное время. Раньше проблемой его долгожительства интересовались некоторые из них, ну а теперь его главная особенность оказалась как бы ненужной. Вот он и решил в очередной раз разыграть свою козырную карту, но теперь с другими заинтересованными лицами.

Обратился к одному профессору, научному светилу того времени... Продемонстрировал свою регенерацию. Она у него тоже, куда как повыше обычной человеческой будет. Начали исследования в тайне проводить... А потом, профессора этого арестовали. Вскоре Ремизов заметил за собой слежку. Ну и вот... Серьезных амулетов у него не было, а то, что имелось, — он пустил на защиту дневника, а сам стал ожидать «ночных гостей в кожаных куртках». Так что, скорее всего, он жив. Содержится где-нибудь, исследуют его потихоньку. Будет время, надо будет попробовать вызволить мужика. Знает он ой как много, и мне бы эти знания оченьгодились.

Собственно, с этой целью он дневник и оставил. Надеялся, что когда-нибудь попадут его записи к кому из знакомых, да вытащат его. Что ж, может и вытащу. Только сейчас не важно это. А важно, что в дневнике этом, отрывок имелся, где говорилось об исходе магическом. Сам Ремизов причин исчезновения всех мистиков не знал, просто в конце девятнадцатого века все его знакомые, кто с магическими делами был связан, вдруг засобирались разом и куда-то исчезли. Однако ж, ему было точно известно, кто на этот, да в общем-то и практически на любой другой вопрос ответ дать может. Правда сам Ремизов ответ от него получить и не надеялся. Да, я как раз о том древнем вампире... Его имя — Тулий, а место обитания... Столица, точнее город, коий был ею в мое время, а еще точнее — его пригороды. Там и стоял сей особняк, в который мне нужно было попасть.

Легко сказать, да нелегко сделать. Так и не увиденный (пока что) мной долгожитель предупреждал о том, что подземные уровни, где чаще всего и находился Тулий, были буквально нафаршированы различными ловушками. А пирамидка, которую я изъяс у покойной Сангрени — всего лишь ключ для доступа и заодно нейтрализатор особо опасных, почти непреодолимых препятствий. Проверим, особого выбора у меня все рано нет. Загадку исчезновения всех без исключения мистиков просто необходимо разрешить.

Размышляя о высоких материях, я двинулся было к выходу, но остановился, когда передо мной возник Чума, от которого вновь несло алкогольными парами.

— Хозяин, а с этой что делать будем? — он ткнул лапкой в сторону валяющейся тушки правозащитницы

— Верно, — поддержала бесенка Элен. —

— Да за что её наказывать? — не понял я единодушия моих спутников. Ну бес-то ладно, ему для развития негативные эмоции требуются, но Элен-то чего так к несчастной сумасшедшей прицепилась? Лежит себе тихонько в обмороке, никому не мешает... зачем

умом скорбящую обижать?

— Ты бы знал, освобождения скольких преступников это дама добила! И не каких-нибудь безобидных воришек, а насильников, убийц и грабителей! Видишь ли, в тюрьме содержание плохое, не соответствует «правам человека». Да и запрет на смертную казнь был введен во многом из-за её воплей и таких как она.

— Да ну? — Не поверил я. — Неужто маленькая жирная женщина, работающая в захудалом музее, может сделать столько пакостей одной из крупнейших держав мира?

— Увы... — Элен вздохнула. — Все так и есть.

— Ну что ж... Желания прекрасной спутницы — закон для гусара, — склонился я в полупоклоне перед дамой. —

— Мадам, — обернулся я к правозащитнице, возвращая её в сознание ментальной плюхой.

— А?! Что?! Не трогайте меня!

— Я как раз по этому поводу. Я вижу, вас в жизни многие обижали...

— Да! Да! Били и издевались! Сажали в камеру и запирали на замок! Кололи всякими гадостями!

— Мадам, если хотите, я мог бы вам помочь... Надеюсь, вы заметили, что я обладаю некоторыми необычными силами? Так вот, ваша отважная борьба за права человека произвела на меня большое впечатление (я с трудом сдерживался, чтобы не сказать какое именно впечатление она на меня произвела, но тем не менее сумел удержаться)

— Если хотите, я мог бы сделать так, что вы будете в силах вести эту борьбу буквально так вечно, будучи полностью неуязвимы для агентов КГБ и санитаров. Никто и никогда более не сможет вам помешать защищать права человека! Вы будете бессмертно и неуязвимой!

— А это не больно? Вы не собираетесь меня убить? Или обмануть? — Мадам подозрительно прищурилась.

— Абсолютно безболезненно. Ну подумайте сами. Если бы я хотел вас убить, то давно бы мог это сделать. Что же касается лжи (я намеренно сместил акценты) — то смею вас заверить — граф Бельский никогда не опустится до примитивной лжи. В конце концов, кто вы такая, чтобы я поступался честью тридцати поколений своих предков, никогда не произносивших и слова неправды! — Я отвернулся с нарочитым высокомерием. — Будь вы мужчиной, я уже убил бы вас за оскорбление!

— Прошу прощения, простите меня, я не знала! — Она немедленно сделала попытку вновь опуститься на колени. Прошу вас, сделайте меня бессмертной!

— Услышано. Зафиксировано. Выполняю! — повторной ментальной плюхой я вогнал её в бессознательное состояние. Добровольное согласие для задуманного мной ритуала было весьма важно.

— Что ты задумал? — поинтересовалась Элен.

— Вариант ритуала Развоплощения...

Готесса промолчала, ибо ничего в этом пока что не понимала, а вот Чума радостно оскалил зубы и зашипел:

— Пр-релесс-стно!

— Чего прелестно, мелочь летающая?

— Хозяин хочет превратить её в призрака, глупая ты женщина!

— В призрака, говоришь... Граф, а смысл какой?

— Да просто так, чтобы не скучно было, — пожал я плечами, действительно не понимая суть вопроса. — Хотя тут и желание довести начатое до конца. Ожившие картины есть, разные порождаемые ими существа по всем углам бегают, не хватает только призрака со всеми полагающимися атрибутами. Дом то не новый, мало-мальски с историей, а в таких просто полагается быть фамильному призраку. Это, конечно, не убиенный рыцарь в парадных доспехах, да и до прекрасной дамы ей далеко, как до Китая в одной известной позе... Однако, за неимением лучшего и это сойдет

Рассуждая на тему необходимости привидений и их полезности в замкнутой магической структуре приличного дома, я одновременно готовил собственно ритуал. Простенький, ничего особо сложного. Я ведь вовсе не собирался создавать нечто серьезное и малоуязвимое. Так, мелочь быстрого приготовления, небольшая шуточка по ходу дела — не более, но и не менее того.

Кстати, самое то, что объект в бессознательном состоянии — оно способствует облегчению процесса. Концентрирующаяся вокруг мощь должна была не разрушить, а всего лишь изменить состояние с материального на эфирное, характерное исключительно для призраков. Из сведенных в замок и вытянутых в сторону правозащитной мадам рук ударил луч белесого цвета. Луч не просто так, а трансформирующий материю тела в эфирную структуру, причем в сжатые сроки. Контуры тела подернулись дымкой, начали расплываться, становиться полупрозрачными... Хорошо. Значит начинает действовать.

Но просто призрак без каких-либо отличительных особенностей — все равно что блюдо без приправ и специй. Скучно, пресно и малосъедобно... Надо ей что-то особенное придумать, надо!

— Элен, а что обычно правозащитники делают?

— Пакостят...

— Нет, это как раз ясно. Какой главный инструментарий, используемый для этого?

— А! Декларация прав человека и что-то вроде конституции.

— Даже так? — слегка удивился я. — Декаданс, однако... Тогда будь так любезна, поищи здесь эти вещицы. Конечно, если они есть.

— А как же им не быть? — пожала плечиками готесса. — Во-он там стоят...

Глянув в ту сторону, куда указала Элен, я и впрямь увидел искомое. Замечательно, тогда вообще никаких проблем нет и не намечается. Проплывшая по воздуху макулатура спланировала прямо в руки призрачной правозащитнице. Финита ля комедия, одним словом.

— Вот так! Теперь сей дом обзавелся персональным призраком. Будет ходить, завывать о правах человека и зачитывать отрывки из тех книг, которые носит с собой. Прошу заметить, что голосок при этом преотвратный намечается.

Словно в подтверждение моих слов, новосотворенное приведение завывало замогильным гласом:

— Любые формы дискриминации караются...

Пара пассов в сторону источника нежелательного шума и вот она исчезла с глаза долой о поры до времени.

— Пусть пока скроется. Нет ни малейшего желания выслушивать содержимое этих, с позволения сказать, научных трудов.

— Уже уходим?

— Естественно, ма шер. Все, что было нужно, мы уже получили. Есть адрес того места, куда мы направимся, есть примерное представления об ожидающих там нас преградах. Ну а остальное в наших руках.

* * *

Вот мы и покинули сие место, ставшее из ничего чем-то. Оглядев здание еще раз, я сказал:

— Ну что, ма шер, превратили рассадник модернизма и абстракционизма в старый, добрый дом с привидениями!

— Превратили, — утирая выступившие от смеха слезы, согласилась Элен. — теперь это место станет достопримечательностью всей области, а то и по всей Руси слава покатится. единственный дом с привидениями, который столь оригинален и непредсказуем. Слушай, а призрак Гойи там случайно не появится?

— Вряд ли. Хотя нечто вроде ментальной проекции может и образуется. Чего только на свете не случается, особенно когда подключается магическая составляющая. Но... нам пора,

здесь больше нечего делать.

— В столицу?

— А куда же еще? Непосредственно туда. С собой ничего брать не нужно, все и так при нас. Отправляемся, нечего здесь задерживать, тем более что и впечатление от города у меня далеко от нормального.

— Хозяин, а может, на самолете полетаем? — высказал очередную мысль бесенок.

— Спасибо, не хочется. Они, знаешь ли, падать иногда норовят. Не смертельно, но неприятно. Лучше уж на поезде прокатимся или на рейсовом автобусе. Посмотрим, чем жизнь в Петербурге от местной отличается. Вдруг да попримечнее будет...

Готесса искренне и от души расхохоталась, услышав такие слова.

— Граф, ну ты в самом деле из другого времени, — думаешь, что где то может быть идеал... Наивный. Впрочем, сам все увидишь.

Не возражаю. А увижу действительно скоро, и дня не пройдет, как мы будем уже там.

Примечание на полях:

Да! Я сделала это! Какой кайф! Какое блаженство! Я наконец-то смогла дать в морду этой старой ... (вырезано по соображениям цензуры) Старохатской! Сколько я об этом мечтала, после того, как по её наводке был освобожден наш сосед-наркоман! И не только дала! Единственное, что меня немного огорчает, это продолжающаяся, и совершенно неуместная скромность моего спутника. Если бы не изредка кидаемые им в мою сторону взгляды, то я могла бы подумать, что совсем его не привлекаю. Придется, наверно взять инициативу в свои руки... Решено, завтра куплю презервативы.

Глава девятая, в которой мы приезжаем в бывшую столицу, смотрим на памятник великому императору, знакомимся с современными «магами», путешествуем в подземельях, и претерпев множество приключений наконец-то добиваемся своей цели

Стольный град... Точнее — бывший. Перенесли столицу, перенесли... Изменился, однако, за долгие-то годы, сильно изменился! Увы, не в лучшую сторону. Раньше был какой-то неповторимый, присущий только этому городу стиль, и удивительная, какая-то летящая красота построенного Петровской волей города. Ну а сейчас... Здания-свечки, все из стекла и бетона, потоки машин, снующие прохожие со стеклянными, ничего не видящими вокруг глазами. Дурдом на прогулке, право слово. Даже то место, откуда мы прибыли, вдруг показалось более близким и родным. Там, по крайней мере, людей было поменьше!

— Хандришь?

— Есть немного. Не по себе мне тут, ма шери... Сильно не по себе. Столько людей... И все куда-то спешат, суетятся, несутся сломя голову со стеклянными глазами... Так и хочется разбить суетливый муравейник вокруг нас, чтобы снующие вокруг хоть ненадолго вырвались из своего оупляющего ритма. Да и людей вокруг — резко бы поуменьшилось. Вот клянусь, они напоминают мне толпу зомби, спешащих по поручениям своего некроманта-повелителя. Только тут и некроманта нет.

— Город... Большой и современный город, который делает сильных духом еще более сильными, а слабовольных окончательно ломает, превращая в своих рабов. Ты просто не привык к очарованию каменных джунглей. Да и то, оно становится ощутимо лишь ночью, когда уходит солнце и приходит мертвенно-бледное сияние луны.

— Красиво сказано. Интересно было бы почитать твои стихи... Но пора бы нам и по указанному адресу направляться. Это вроде бы где-то в пригородах.

— Так точно, — согласилась Элен. — В пригородах. Да не беспокойся ты, доедем! А пока я тебя по городу повожу, надо же тебе хоть немного по новой столице прогуляться. Да, кстати, а откуда ты узнал, что я раньше, до смерти родителей, стихи писала?

— Элементарно, Ватсон — процитировал я главного героя недавно прочитанной и очень мне понравившейся книги об одном английском сыщике. — Какая же юная девушка не пишет стихов? А что случилось с твоими родителями?

— Ты до сих пор ничего о них не рассказывала. Вообще о своей жизни молчишь как партизан.

— Не хочу потому что. Если коротко: — родители погибли три года назад во время теракта. Жила со старшим братом, который обо мне заботился. Потом поступила в ВУЗ и сейчас прописана в общежитии. А вообще, граф, не лезь в душу! Не хочу я об этом рассказывать! Терпеть не могу, когда меня жалеют!

— Ладно. — Я счел за лучшее перевести тему. Действительно, не стоит ковырять не такие уж старые, и судя по болезненной реакции — не до конца зажившие раны ради простого любопытства. Захочет — сама расскажет. Пожелает отомстить — помогу с удовольствием. Ну а пока...

— Ты предлагала прогуляться по городу?

— Ага, вдруг что интересное увидим, — тут же пискнул невидимый Чума.

Ну, этому лишь бы пошляться по разным местам, бесенок всегда найдет чем развлечься. Ладно, пройдемся, мало ли что обнаружится. К тому же прогулка сама по себе неплохое занятие, пусть даже и не в самом лучшем для этого месте, то есть по людной и суматошно оживленной улице.

— Ты сама часто тут бываешь?

— Что ты, конечно же, редко, — отмахнулась готесса. Не по карману мне этот город...

— Был. — С улыбкой добавил я к её фразе ключевое слово.

— Что?

— Был, говорю не по карману. Сейчас — вполне — я кивнул на набитую деньгами спортивную сумку. — А если не хватит — еще возьмем! Казино тут наверняка имеются. Вот только одного не пойму — зачем тебе весь город покупать понадобилось? И обязательно ли покупать? Может, так возьмем? На копейку? — я широко усмехнулся, демонстрируя клыки.

— Да ну тебя, граф. — Элен, приунывшая было от печальных воспоминаний заулыбалась. — Знаешь, как развеселить девушку. Нет уж! Ни покупать, не брать мы его не будем! Пойдем, погуляем лучше! — И мы пошли на мою первую после стольких лет отсутствия прогулку по великолепному детищу первого российского императора.

Красота этого города заложенная в нем при самой его постройке просвечивала даже сквозь позднейшие наслоения стекла и бетона, доставляя моей душе истинное наслаждение. Постепенно, я если и не привык к шуршащему и суетящемуся вокруг народу, то, по крайней мере, перестал обращать на него особое внимание. Душа, — или то что у меня её заменяло, размякла, наслаждаясь гармонией линий, и величием задумки давно почившего архитектора. И вестимо, меня сразу же выдернули из относительно благодушного состояния. Прямо гримаса фортуны в самом классическом варианте. Зайдя в небольшой затемненный переулок, дабы дать небольшой роздых моим утомившимся от обилия солнечного света глазам, мы нос к носу столкнулись с небольшой компанией из трех небритых, плохо одетых личностей окруженных густым туманом выдыхаемого ими перегара.

— Слышь, мужик, прикурить дай! Да типа быстро, я спешу, — окрикнул какой-то тип с отсутствием на лице мыслей и острой нехваткой зубов в ротовом отверстии. Выдающееся пузо даже не намекало, а прямо свидетельствовало о его трепетной любви к пиву и полном неприятии физических упражнений.

— Быстро вам могут только пинок под филейную часть организовать или просто послать на чухонский хутор толстых бабочек ловить. И вообще мы с вами на брудершафт не пили, чтоб на ты переходить.

— Да ты че, рамсы попутал! Я...

Мне что-то не хотелось применять магию, но малость поучить хама было надо. Вот и вышло ненароком, что пистолет уперся прямо в его пузо, вызвав резкую остановку вопля.

— Это что? — голос мгновенно стал заискивающим и скромным.

— Как что? Калькулятор, — ответила готесса прежде, чем я успел раскрыть рот.

— Калькулятор он того... с кнопочками.

— Да нет, родимый, — тут Элен ласково потрепала хама по щеке. — Тот, со многими кнопочками, для предварительных расчетов. А у того калькулятора, что граф тебе к пузу приставил — кнопочка всего одна. Зато расчет ведется окончательный. Ну а перепроверку, если хочешь, с небес вести будешь, на арфе тренькая.

Обычно люди бледнеют, а этот вовсе даже посерел. Стал похож на своеобразную статую, выбитую из бросового дорожного камня. Судя по всему, перспектива получить окончательный расчет с делами земными оказалась ему не близка. А может, он просто не любил играть на арфе?

— Ладно, уматывайте отсюда, — разрешил я, но толстяк все еще стоял, оцепенев от страха. Пришлось сменить тон. — Бежать!

— Носорог плохо видит, но при таком весе это не его проблемы...

Мрачноватый комментарий готессы оказался к месту, поскольку моя команда была воспринята чересчур буквально. Видели слона на прогулке? Я тоже не видел, но данное зрелище было чем-то похоже. Бедные прохожие... Надо каким-то образом исправлять. О, уже не надо. Чума просто не мог упустить такого момента. Крышка оказавшегося на дороге толстяка канализационного люка услужливо отодвинулась...

— Мамонты, мамонты прутся напролом, — продекламировала было Элен, но тут хамоватое создание обрушилось вниз. — А напролом переться не всегда полезно для здоровья.

— Ага, череповато будет, — хихикнул бесенок.

— Зато он наконец то занял подобающий ему уровень в этом городе. Аккурат пониже уровня пола... или асфальта. Ничего, полежит, синяки да шишки полечит, вдруг да поумнеет.

— Бесплезно, хозяин. Для таких лекарство только доктор Гильотен придумал.

— И то верно. Ладно, ну его... А кстати, где его приятели? — Я огляделся. Пары угрюмых личностей в ближайших окрестностях как не бывало. Испарились, что ли? Ну и ладно... Мне меньше возиться. Пойдем лучше поближе к реке. Может, хоть она мало изменилась...

Хотя бы! Довольно скромное предположение, но и оно оказалось несколько преувеличенным. Река, как и в давние времена, все так же неторопливо перекачивала воды с прежним безразличием к творящемуся вокруг. Зато окружающие ее элементы пейзажа... нет, набережная, закованная в каменные плиты, была весьма и весьма, но вот стоящий неподалеку памятник вверг меня в состояние легкого ступора.

— Это что? — ткнул я пальцем в сторону сооружения циклопических размеров, но крайне безобразного со всех точек зрения.

— Памятник.

— Благодарю от всей души... Я бы никак не догадался! Лучше скажи, что он вообще изображает и с какого тяжелого похмелья его ваяли?

— Вполне тебя понимаю. Однако, это еще один образчик всякого рода модернизма и абстракционизма. Ну а наваял ЭТО некто Куршаб Меретелли — один из наиболее любимых скульпторов сильных мира сего. Теперь у нас много таких «шедевров»...

Я искренне попытался разобраться, что же собственно изображалось тут. Получалось, откровенно говоря, малость плоховато, а если честно, то совсем не получалось. Какая-то груда кораблей, поставленных один на другой, а на самом верху корабль побольше. Ну и на нем какая-то непонятная личность с факелом в руке, которая не то потерянную монетку ищет, не то просто смотрит за горизонт и думает, за каким бесом тут очутилась.

— Меретелли, говоришь... Знакомая фамилия.

— Да ну? Никак однофамилец... И чем же был знаменит?

— Знаменитость там и рядом не лежала, — мои губы невольно искривились в подобии улыбки. — Просто у одного моего товарища был денщик с такой фамилией. Редкостная пакость оказалась. Промышлял тем, что воровал ложки, вилки и прочие тарелки. Был за это бит плетью, но повадки так и не оставил.

— Если это был предок нашего «скульптора», то тогда понятно. Тут ведь вот такая интересная история. Памятник-то в честь Петра Великого...

— Что? И где же там сам император? Уж ничего общего с сей странной фигурой там точно не имеется, да и сомневаюсь я, что он вылез бы на нос корабля с факелом в руке в столь идиотском виде.

— Это еще не самое занятное, — прервала Элен мое вполне заслуженное возмущение. — Сначала это был вовсе не Петр, а совсем даже Колумб, открывающий Америку. Но там как увидели сей монумент, так испугались и отказались сразу же, окончательно и бесповоротно. Тогда этот «ваятель» повздыхал, почесал отсутствие мозгов и побежал жаловаться, что модернизм забирают. А у нас чуть пожалуйся на притеснение извращений, так жалобу сразу удовлетворят. Вот и посоветовали назвать Колумба Петром... И назвал. И поставили.

Ну и безумие в отдельно взятом городе, да и вообще во всем мире в целом. Это же надо так суметь испакостить образ великого императора, столь много для страны сделавшего. Хотя какая может быть связь между страной и этим... Куршабом Меретелли? Ага, ровным счетом никакой. Но и оставлять подобное не годится. Разумеется, рушить ничего не буду, слишком грубо да и не тот стиль действия, к коему стоит часто прибегать. Изящнее надо, изящнее.

— Граф, никак что интересное придумал? Опять лицо стало таким...

— А ты сомневалась? Ладно, шучу. Давай зайдем в какое-нибудь тихое, спокойное, и желательно, темное местечко, там ты и увидишь.

— А я?

— Чума... Ну ты вообще со своим любопытством в любую бочку затычкой залезешь. Нет, куда бы направиться?

— Да вот хотя бы, — взгляд готессы устремился в каком-то определенном направлении. Там, как я понимаю, самое место для подобного рода занятий.

Посмотрим, что там высмотрела любопытная готесса. Магазин, отделение какого-то банка, кафе, салон магии и колдовства. Что? Ничего не понимаю! Все места, так или иначе имеющие отношение к мистике, видны таким как я за версту, а то и далее. Но я НИЧЕГО не ощущаю! Как так? На всякий случай, проверил внутреннее зрение. Вот Чума, — так и полыхает темным сиянием, — магическое создание, ему положено... Вот Элен, — на ярком пятне ауры явственно видны темные паутинки наложенных мной втихомолку защитных чар. Да, я понимаю, что светлые заклинания были бы гораздо лучше, но что поделать, — магия света и я, как представитель вампирского рода — вещи несочетаемые. Обхожусь тем, что имею... И все! Больше никаких признаков магии! Но это же невозможно! Не смешно, однако! Даже когда хотят скрыть наличие чар в том или ином месте, то их просто смазывают, как бы размывают их по площади, поскольку просто скрыть выделение энергии практически невозможно.

Да и как такое могло быть? Нигде мистиков нет, а тут аж целый салон имеется?

Наконец я остановился на единственном приемлемом объяснении, которое именно в тот момент и было озвучено Чумой.

— Шарлатаны... Хозяин, но обстановка там самое то. Пошли, зайдем.

— Бес дело говорит, заодно и познакомишься местными экстрасексами и всякими личностями с девизом вроде «снимаю порчу, вешаю на уши».

— Почему бы и нет? Посетим, посмотрим на тех, кто сейчас решил назвать себя магами

Стоило зайти внутрь, как в нос ударил резкий, слишком резкий аромат восточных благовоний. Помилосердствуйте, они хороши в малой концентрации, но никак не в такой. Вон, у готессы чих на этой почве пошел.

— А-пчхи! Сволочи! А-пчхи! Гады! А-пчхи! Да дайте же кто-нибудь противогаз!

— С чего вдруг столь бурная реакция, красавица?

— Да они в свои ароматические курения какую-то дурманящую травку подсыпали, — огрызнулась Элен. — Наверное таким образом клиентура лучше ведется. А у меня на эту пакость — аллергия.

Неприятное открытие. Но и на сей случай есть определенные чары. Они как бы стимулируют обмен веществ, заставляя организм человека в ускоренном режиме выбрасывать и нейтрализовывать все чужеродные вещества, особенно ядовитые, в том числе и дурманящие разум. Пара пассов перед лицом готессы, энергетический выплеск...

— Все, прошел дурман?

— Как рукой сняло, извини за каламбур.

— Вы к магу Серафиму на прием? — почти безразлично поинтересовалась женщина лет тридцати с блеклым, невыразительным лицом. — Тогда запишитесь, у него сегодня и так клиентов много.

— Много? Ну это не слишком страшно, — я извлек из кармана несколько банкнот и передал женщине. — Это в качестве аванса. Так что я пройду, посижу, послушаю. Проблемы есть?

— Н-нет... Конечно, проходите. Я тотчас скажу, чтобы Серафим принял без очереди.

— Не стоит. Я с девушкой лучше просто посижу, посмотрю. Место тут мне нравится. Так что идите, сударыня, а мы уж сами разберемся.

Ничего не понимающая мадам пожала плечами и отправилась восвояси, но проход нам теперь никто и не думал загораживать. Славненько...

А атмосфера внутри сего салона вполне ничего. В меру мрачноватая, свет с улицы тут явно был нежелательным гостем, да и убранство комнаты для ожидания соответствовало. Не высший разряд, конечно, но для моих целей вполне подходит. Задача простенькая, но требующая определенных условий для решения. Только вот посторонний народец мешает малость. Сидит ту, к примеру, какая-то сильно нервная дамочка с таким видом, будто кресло под ней булавками усыпано. И чего, спрашивается?

— Чего сидим, кого ждем... А главное, зачем ждем? — любопытствовал я, добавив к простому вопросу самую малость ментального воздействия.

— Венец безбрачия снимать, — нервно дернулась дамочка. — Сглазили меня, сглазили.

Тут я предпочел промолчать, несмотря на то, что такую чушь слышать приходилось довольно редко. Хотя сказать можно было многое, причем явно нелестное в адрес сей персоны. Однако, я то промолчал, а вот моя довольно стервозная спутница не преминула высказаться по полной программе и с максимальным сарказмом:

— Да у тебя венец не безбрачия, а идиотизма. Истеричка, психопатка, любого мужчину отпугиваешь после первого же свидания, — тут Элен переключила внимание на меня. — Граф, да это же классический случай. Знаешь сколько я таких видела?

— Ну да, ты права, вот только полюбуйся на дамочку — она не то в обморок хлопнуться решила, не то лопнуть от злости. Да и цвет лица стал соответствовать перезревшему помидору. Мегера... От души сочувствую тому, кто позарится на такое сокровище.

— Так она и пришла, потому что никто не зарится, — припечатала готесса.

Метеор, однако! Или комета, что не суть важно. Именно эти небесные тела напомнила мне сия дамочка, столь резво метнувшаяся к выходу, что аж воздух засвистел от такого бесцеремонного с ним обращения.

— Одним клиентом у Серафима меньше стало, — гнусным голосом пропел Чума,

решивший проявиться, но не в настоящем виде, а в обличье все того же ворона. — Ох и расплачется он крокодильими слезами.

— Проблемы негров шерифа не... волнуют, — развеселившаяся Элен щелкнула Чуму по лбу, вызвав возмущенное карканье. Да уж, старается бесенок входить в роль ученой птицы.

Пока они там в остроумии состязаются, я малость поколдую на тему фантомов и их применения в целях воздействия на психику отдельных личностей. Придется опять малость похудожничать. Фантомы, хоть и эфемерные конструкции, но требуют для своего создания именно материальной привязки к реальности. На сей раз чертить пришлось не круг, а скорее волнистую область, как бы подчеркивающую зыбкость и нереальность. Это вам не призрак, а совсем другое. Там в основе лежит чья-то сущность, а фантом — просто набор команд и правил, которые ты сам в него вкладываешь. Вот мы и вложим... Речь, способность физического воздействия, а заодно и возможность напугать одним своим видом до полного расслабления всех органов со всеми вытекающими последствиями. Объекту для этого немного и потребуется.

— Хозяин, а куда тебе этот фантом? От него же толку чуть. Ни убьет, ни покалечит, только напугать и способен, да пару фонарей под глаз повесить. Ты бы хоть возможность сильных ударов добавил!

— Скульптору и этого за глаза хватит, — отмахнулся я от кроважанных причитаний бесенка. — К тому же ты посмотри на вид фантома. Никого не напоминает?

Посмотреть же было на что. Внутри очерченного на полу пространства из туманного нечто почти сформировалась фигура с вполне конкретными очертаниями. Мужчина, ростом под два метра, в одежде восемнадцатого века... Круглое, нервное лицо, усы как у раздраженного и злобного кота, в руке вместо трости увесистая дубина. Колоритнейшая личность и весьма к тому же узнаваемая.

— Вот это да! — восхитилась Элен. — Насколько я понимаю, это и есть твой подарочек Меретелли.

— Как раз такой, какого он и заслуживает. Представь себе его состояние, когда каждую ночь на протяжении года или что-то вроде того к нему будет являться разъяренный император и лупцевать своей эксклюзивной дубиной для вразумления и отучения от ваяния всякой непотребщины.

Пара слов и фантом исчез из поля зрения... Но теперь он будет следовать за «скульптором», где бы тот ни находился. Избавиться от него нереально, если ты не сведущ в магии, а попробует кому-нибудь рассказать о ночном госте... загремит в пристанище для скорбных на голову. Тут, как я заметил, в магию давно уже не верят. Что ж, а это уже совсем не моя проблема.

— Полетел до места назначения? — получив подтверждение, готесса задала другой вопрос. — Ну а мы здесь что тогда сидим? Ты же вроде собирался к этому особняку древнего вампира ехать... Вот и собираемся.

— Жди. Спешка нужна только при ловле блох да при упокоении беспокойного кладбища.

— Что так?

— Не поспешишь — зомби слопают. У них аппетит от времени суток и погоды не меняется. А коли серьезно, то хочется поближе пообщаться с местным, магом. Прозкзаменоват так сказать, на предмет владения ремеслом заявленным. Кстати, клиент как раз от него уходит. Других тут нет... уже нет, так что мы сейчас и предстанем в их обличье.

— И что ты от этого «мага» потребуешь в качестве услуги?

— Да какая, собственно, разница... Пусть хотя бы попробует предсказать, какие мне опасности угрожают.

— Предсказать?

— Именно, ма шери. Предсказать с полной достоверностью нельзя ничего, можно только спрогнозировать. Великие же предсказатели и пророки. на коих история довольно

богата... Они ведь не столько прогнозировали, сколько сами изменяли окружающую реальность. Порой сами того не осознавали, но суть от того не менялась. Правда, с помощью того же Таро можно увидеть отбрасываю будущим тень, но и тут свои особенности... Проявляется лишь тот вариант, который реализуется при отсутствии особо сильного сопротивления с твоей стороны. Но его можно и переломить, так что пни хорошенько тех, кто утверждает, будто судьба есть нечто неизменное и статичное.

Пока я излагал готессе основу основ всех так называемых предсказаний, дверь распахнулась, и оттуда спиной вперед вылез какой-то тип, скороговоркой выплевывающий ушаты славословий и благодарностей. Насколько я смог понять, он как раз и получил какое-то предсказание «будущего»... Ну а сейчас распинался, что он так и думал, что Серафим прямо подтвердил его предположения. Вот вам и магия... Просто не самый бесталанный психолог, умеющий чувствовать собеседника, только и всего.

Что ж, пора и нам к нему зайти, полюбопытствовать, так сказать...

— Разрешите, сударь... — я без малейшего стеснения вперся в «рабочий кабинет» и осмотрелся. — Неплохая обстановка. В меру уютная, в меру приличная.

— Благодарю, — отвечивал местный «чародей». — Что беспокоит?

Нет, ну просто доктор и пациент! Однако, не буду же я говорить, что мне то здесь беспокоиться не о чем, а вот ему в ближайшие минуты предстоит прочувствовать поблизости влияние не фокусов балаганных, а самой настоящей магии.

— Узнать бы кое-что хотелось. Вы же вроде известны в определенных кругах, как неплохой специалист, не так ли?

— Как великолепный специалист, — раздулся от важности Серафим. — Моя репутация безупречна.

— А раз так, то попробуйте указать, чего мне стоит опасаться в ближайшее время, — в качестве стимулирующего средства я выложил перед «магом» вполне приличную сумму. — Сумеете?

Тот только кивнул, мгновенно протянув загибающие лапы к банкнотам. После этого он, предложив садиться в кресла, загремел различного рода инструментарием, не имеющим ни малейшего отношения к магии как к таковой. Чур меня! Использовать для предсказания хрустальный шар... Какое он вообще имеет к этому отношение? Ан нет, Таро все-таки появилось. И то неплохо...

Вот только знать расклады и уметь заставить карты повиноваться — две очень большие разницы. У него в руках это всего лишь картинки, не более того. Зато какое серьезное выражение лица, какой одухотворенный и важный вид... и какое несоответствие настоящих мыслей. Думал он исключительно о том, что попались очередные богатенькие дураки, у которых денег много, а ума мало. Тому способствовала и Элен, изображавшая столь наивно-восторженно выражение, что простого человека (и даже не очень простого) подобное поведение вполне могло ввести в заблуждение.

— Истоки тех неприятностей, что вас сейчас волнуют, образовались года полтора назад...

Серафим начал было излагать свои «предсказания», как окно распахнулось и в комнату ворвался порыв ветра с улицы. Он удивленно посмотрел в ту сторону, совершенно не понимая, с чего бы вдруг такое стряслось. Зато для меня это не было открытием — Чума постарался, по моему приказу естественно. Пока хозяин салона ходил закрывать окно, Элен шепнула:

— Ты что ему, что-то вроде полтергейста решил устроить?

— Примерно в этом духе.

Меж тем предсказания возобновились, хотя и первого фрагмента их было вполне достаточно, чтобы развеять последние сомнения. Полтора года назад я тихо и спокойно лежал в могилке и эти самые неприятности ну никак не могли образоваться.

— Проблемы в том числе есть и в деловой сфере, но и их при желании можно преодолеть, если...

Раздавшийся шелест страниц заставил его прервать свою опять неправильную речь и посмотреть в сторону источника звука. Это большая, толстая книга со словом «Хиромантия» на переплете, натужно взмахивая «крыльями», зависла прямо над ним. Бес учел мое требование о недопустимости некультурного обращения с приличной литературой и выбрал то, что не имело к мистике никакого отношения, являясь классическим лжеискусством. Нет, у моего творения явно есть склонность к тяжелой атлетике — грузы всякие, превышающие собственный вес, таскать и так далее.

Зато Серафима проняло до глубины души. Глаза стали большие-пребольшие, изумленные такие. Рот то откроется, то закроется и так несколько раз. Из сего состояние его смогло вывести лишь падение книги... прямо на раскинутые карты. Это уж я траекторию малость подправил, а то Чума, по своему милому обыкновению, бросал вместилище хиромантской мудрости прямо на голову безобидному, в общем, шарлатану.

— Что это такое? — прошептал Серафим. В ответ раздался ехидный смех невидимого беса.

— Ну ладно вам так беспокоиться. Скорее всего полтергейст завелся. В конце концов, при вашей работе такое вполне могло случиться, — мягким голосом «утешил» я его. — Но вы у нас хороший специалист, сейчас избавитесь от этого. По моему, что-то вроде того мне про вас рассказывали.

Разумеется, никто и ничего мне не рассказывал, но подобные личности частенько включают в список предоставляемых «услуг» очистку помещений от всяческого рода беспокойных сущностей.

— Аркадий, пусть он поскорее что-нибудь сделает, — как бы испугавшись, вскрикнула Элен. — Мне не по себе. Я боюсь...

— Вы маг, вам и карты в руки, — окончательно припечатал я Серафима. — Ну его, предсказание, лучше от этого безобразия избавьтесь. Ну а за мной не постоит, гонорар вас не разочарует.

Чума меж тем совсем разбушевался. По комнате летали разные бумаги, вновь открылось окно, стоящий на столе графин пустился в безумный танец, а потом и вовсе выплеснул содержимое на хозяина здешних мест. Вот только «маг» ну никак не хотел урезонивать разбушевавшегося «полтергейста». Точнее, не мог, но явно не собирался в сем признаваться.

— Ну да ладно, потом разобраться можете, — вздохнул я. — Только учтите, что беспорядка будет все больше, клиентов, соответственно, меньше, да и со временем проявления всего этого будут становиться более и более угрожающими.

Подтверждая мои слова, стоявшая доселе тихо и мирно на столике пепельница поднялась в воздух, повисела там маленько, а потом полетела в сторону Серафима. Уклонился... Неплохая реакция. Впрочем, Чума на сей раз не ставил целью непременно попадание сего метательного снаряда.

— Или все же предпочитаете, чтобы вас избавили от всего здесь творящегося?

Задав вопрос, я улыбнулся Серафиму, одновременно снимая привычный морок со своих глаз. Мертвые, налитые стылой кровью белки с практически неразличимой радужной оболочкой и зрачком, похоже, произвели соответствующее впечатление. «Маг» тихо застонал и осел в кресле, хватаясь за сердце.

— Граф. А не слишком ли круто для обычного шарлатана? — обеспокоенно поинтересовалась Элен, глядя на обмякшее тело. — Зачем его убивать? Ничего уж настолько плохого он вроде бы не делал...

— Я тут не причем, — уточнил я, направляя во внезапно отказавшуюся работать сердечную мышцу Серафима слабый поток энергии. Та взбодрилась, и вновь начала сокращаться. «Маг» застонал и начал приходить в сознание. Во избежание повторения экссесса я поспешно вернул морок на место.

— Понял?

— «Маг» похоже был человеком весьма неглупым, так что ситуацию оценил сразу и

лишь кивнул в ответ на мое предложение.

— Чума, а ну прекрати! — прикрикнул я на вконец разгулявшегося беса.

— Ну вот, как только самое интересное начинается, так сразу и прекрати, — заныл тот, проявляясь на всеобщее обозрение. — А может, я еще малость развлекусь?

— Хватит пока. Ну так что, месье Серафим, вы, надеюсь, все осознали?

— Конечно, — он уставился на беса со странной смесью испуга и интереса. — Что я теперь должен сделать?

— Сделать... Для начала, денежки я у вас заберу, вы их ну никоим образом не заработали. Ну а потом... Знаешь, не люблю обманщиков. Так что у тебя есть два варианта. Либо, завтра же ты прекращаешь всю свою деятельность. — я широким жестом обвел «псевдомагические» декорации, поясняя, что именно имел в виду, — либо прекращаешь обманывать людей. То есть если магия, хотя бы даже в виде жалкой подделки так важна для твоей жизни, в течении года ты должен будешь найти НАСТОЯЩИЕ книги, и изучить хоть что-нибудь! — Признаться, я изначально планировал вовсе даже не такое наказание, однако перенесенный шарлатаном инфаркт — само по себе немало, так что я решил смягчить свои требования.

— Простите... Вид у псевдомага был весьма ошарашенный. Похоже, он до сих пор не успел оправиться от потрясения. — Что вы имеете в виду?

— Магию попробуй изучать, шарлатан ты недобитый. — Его недогадливость меня несколько разозлила. Похоже я переоценил ум этого человека. — И запомни — возможно, я через некоторое время еще раз в гости зайду. Проверить успехи. А вот если их не будет...

— Ну, тогда граф точно разнесет тут все по камушкам и досточкам, — проворковала готесса. — А что останется, с тем еще и бес поработает. Правильно, Чума?

— Ага, я такой!

— Тогда, сударь «маг»... — последнее слово сейчас прозвучало из моих уст как весомая оплеуха. — Тогда мы с вами расстаемся на некоторое время. Пошли, Элен.

Направляясь к выходу, я невольно подумал, а получится ли у него, воспользовавшись подобным, с позволения сказать, стимулом, действительно попробовать прикоснуться к мистическим тайнам? Нет, однозначно стоит как-нибудь на досуге заглянуть к нему еще раз.

* * *

Что хорошо в изменившемся мире — теперь все расстояния преодолеваются не только быстро, но еще и транспорт найти не проблема. Особенно если у тебя деньги имеются... С этим никаких проблем возникнуть не могло, так что владелец одного из автомобилей, частным извозом промышляющий, таксист по новомодному, мгновенно согласился отвезти нас в пригород по указанному адресу.

Шум мотора, километры, наматываемые на колеса, да и просто приятное впечатление от высокой скорости и ветра, бьющего в лицо из открытого окна. Хорошо... Шофер вот только испуганно озирается назад, будучи и сам не рад, что взял столь своеобразных пассажиров. Ну да, Чума опять набедокурил, куда же без этого! Бедный таксист вряд ли когда видел ворона с фляжкой коньяка в лапах, сигаретой в клюве, да и слова «Шеф, поехали, а то заклю нафиг» были однозначно в новинку. Однако, повез, ибо отказываться показалось еще опаснее, нежели соглашаться.

— Граф, а ведь мы после себя такие следы оставили, что того и гляди легенды гулять пойдут, — прошептала на ухо уютно устроившаяся рядом Элен. — А где легенды, там правды маловато останется.

— Пусть. Чем бы дитяtko ни тешилось, лишь бы своими не обзаводилось. Легенды же... И они могут быть полезны. Вдруг кто-нибудь захочет отыскать в них зерно истины, а там и натолкнется на вновь появившуюся магию. Именно ее очень сильно не хватает окружающему нас миру.

— Думаешь, кто-то докопается? Хотя...

Внезапно машина резко затормозила, словно на дороге возникло мощное и никоим образом не преодолимое препятствие. Ну и что у нас там? А, все понятно... Машина милицейская одна штука, ее содержимое в виде двух индивидов также присутствует. Один за рулем отдыхает, ну а другой медленно приближается с целью... Ну какая там цель? Мы же вроде ничего не нарушили?

— Документы предъявите, — дыхнул тот на водителя тяжелой волной перегара гаишник. — Сержант Куроедов. Вы правила нарушили...

Что? Какие правила? — Я быстренько считал из разума шофера основные возможные нарушения и понял, что ничего к данной ситуации и применить было нельзя.

— Та-ак... А чем это у нас шофер занят? — Тот покорно достал просимое, одновременно доставая парочку купюр не самого малого достоинства... Гм... Похоже он тут уже не первый раз ездит. И что, каждый раз покорно платит? — я еще раз заглянул в сознание шофера, и поразился царящей там равнодушной покорности. Похоже он пару раз уже пробовал избежать подобных поборов и по результатам пришел к мысли что: «Проще заплатить» Мда... Не нравится мне это! Ну что ж, разберемся.

Ладно, начнем. Перво-наперво хозяина транспорта малость укоротим, дабы не испортил потеху тем, что сунет этой похмельной морде денежку.

Рука, ухватившая купюры для передачи в непотребные лапки, застыла. Ну а документы были таки да переданы... Это нужно, все сейчас будет по закону, в этом то и забава.

— А что нарушено-то было, служивый? — спрашиваю я. — Будь так любезен, поделись информацией.

— Он знает, — буркнул тот в ответ.

— Да ну? Он просто пока сидит себе тихонько и даже слова не вымолвит. Никак тебя испугался. Ну а я нарушения точно не видел.

Водитель, естественно, был до поры до времени выключен из окружающего мира. То есть мог, повинаясь моим командам, двигаться, говорить, но от него и это не требовалось. Так, статист и все тут.

— Скорость нарушил, — засопел блюститель правил, внимательно исследуя со всех сторон полученные права и не обнаруживая там ни малейшего намека на положенную мзду.

— Не было такого, — огорчил я его. — Еще?

На опухшем лице отобразилась судорожная попытка запустить мыслительные процессы. Однако! Право слово, некоторым делать это настолько сложно, что лучше и не пытаться. Со стороны прямо плакать хочется, когда наблюдаешь за болезненным сокращением мозговых извилин.

— Запаски нет!

— Иди, родная душа, багажник открой. Как откроешь, так будет тебе в жизни счастье. Посмотрит на тебя колесо обыкновенное в количестве одного экземпляра, запаской именуемое... Давай еще... Попытка третья, но вряд ли последняя. — Игра начинала мне нравиться.

Пошел все-таки проверил. Молодец мужик, небольшой моцион полезен для здоровья. Вернулся с таким кислым выражением, будто его год подряд на лимонной диете держали.

— Огнетушитель есть?

— Ответ положительный. Ну не судьба тебе сегодня...

— Поворотники не работают, — с гордостью от внезапно всплывшего в голове правила изрек сержант. Да, плоховато у него с правилами движения. Сам да-авно запомнил, а к другим пристаёт.

— Тебе еще и ими помогать? — вежливо поинтересовался я. — Так мне не жалко, водителю тем более.

Создавалось впечатление, что у моего невольного собеседника пойдет пар из ушей и в этой критической атмосфере сварятся последние остатки того, чем обычно думают.

— Аптечка! — гаркнул тот.

— Что такое? Никак аптечка понадобилась... Болеешь?

— Да нет, может и болеет, да спрашивает не для этого, — подсказала Элен. — В автомобиле аптечка обязательна.

— Так бы сразу и сказал. А гаркнул так, как обычно команды на плацу отдают. Вон она... Держи и не болей.

Он вцепился в аптечку, словно собака в кость, открыл и стал рыться с повышенным энтузиазмом.

— Что такое? Там вряд ли есть нечто интересное. Уж извини, фамильных бриллиантов я там для тебя не припас.

— Презервативов нет! — небритая рожа озарилась неземной радостью.

— Тебе они зачем нужны, чудо непонятное?

— По инструкции положено, чтобы в аптечке презервативы были.

Я с трудом удерживал себя от пароксизма хохота. Это надо же до чего додумался красавец... Молодец однако! Захочешь не придумаешь, а тут вдруг проявилось подобное.

— Скорая сексуальная помощь, значит, — расцвела готесса. — Родные стражи порядка на дорогах беспокоятся, как бы случайно при съеме шлюх вдоль дороги автолюбители сифилис не подцепили. Похвально, похвально. А презики... Да держи, их у меня хватает.

И верно, из недр женской сумочки была извлечена коробочка веселого розового цвета.

Однако... Элен, смущенно взглянула в мою сторону, а потом с крайне независимым видом перевела взгляд на милиционера. Мда... Похоже я со своим чересчур трепетным отношением даром потерял кучу времени! По-гусарски надо было действовать, по-гусарски, поручик Бельский. Чтоб мне белкой стать, если это не намек для одного не в меру рыцарственного потомка древнего рода! Что-то, после выхода из могилы я и впрямь в этих вопросах стал чересчур осторожен. Ну да ладно... Не все еще потеряно. А кстати, что там с гаишником то?

Глядя на такое крушение надежды поживиться, взяточбравец-профессионал сначала побелел, потом позеленел, ну а в конце принял какой-то сероватый оттенок. Хамелеон, право слово. Или нет, выражаясь современным жаргоном, оборотень в погонах. Конечно, до настоящего оборотня ему как до Китая в одной известной позе, но погоны все же имеются.

— Слышь, мужик, тебе что, пятихатку жалко? — буквально зарычало серебролюбивое создание. — Я ж по хорошему хотел! Хуже будет...

— Мне кажется, что кое-кто пытается угрожать, — обращаясь к Элен, я констатировал вполне очевидный факт. — Вот только привести угрозы в жизнь сложновато будет.

— Я понимаю...

— Нет, не совсем понимаешь. Вряд ли он настолько глуп, что попытается напугать распахнутым удостоверением. Скорее всего будет угрожать применить табельное оружие.

— Уже угрожает, — прислушалась готесса к воплям.

— Так ведь не получится.

— Что так?

— У него кобура на поясе, а в кобуре...

— Пистолет!

— Не угадала. Туда он складывает деньги. Их там сейчас полная кобура. Хотел бы я посмотреть, как он будет пугать нас большой и толстой пачкой крупных купюр.

Вопли снаружи стихли. Теперь дорожный доильщик стоял с открытым ртом и создавалось впечатление, что нижняя челюсть вот-вот отпадет и укатится куда-нибудь под днище машины.

— Видал я много всего, но такого еще нет, — оживился ворон-Чума, сидящий на спинке кресла. — Слышь, сержант, может тебе коньячку дать, а то вид такой, что в гроб краше кладут.

Умеет бесенок влезть в беседу в самый нужный (или НЕ нужный) момент. Этого у него точно не отнимешь. При виде такого зрелища бедняка сержант звучно лягнул зубами, закатил глазки и шумно рухнул на асфальт. Его напарник тут же выскочил из машины, подбежал к нам, но остановился в полном изумлении. Мы сидим спокойненько, его приятель

лежит... тоже не проявляя ни малейших беспокойств по тому или иному поводу. Ну не человек, а памятник нерукотворный. Застыл на месте и даже вид Чумы, который в своем истинном облике завис прямо у него под носом, не оказал ни малейшего эффекта.

— Да уж, ушел в себя, вернусь не скоро, — прокомментировала ситуацию готесса. — Ну их всех, поехали отсюда.

— И то верно. Трогай!

Шофер, все еще пребывающий под воздействием, послушно вдавил педаль газа и машина рванулась вперед, оставляя за собой очередной эпизод, который, откровенно говоря, вряд ли будет предан огласке его участниками.

* * *

Особняк древнего и очень своеобразного вампира по имени Марк Тулий Кордатус, хоть и был несколько осовременен, но представлял из себя весьма примечательное зрелище. Несколько чужая в этих местах готическая архитектура, острые шпили декоративных башенок гордо пронзали небо, словно смеясь над ним. Красиво. Со стилем. Элегантно. А впрочем, в другом месте вампир-аристократ жить и не стал бы. Единственная альтернатива — подземелье, вернее тот же замок, но скрытый от посторонних глаз и на порядок более сложный и изощренно сконструированный.

Кстати о подземелье. Ведь и оно там есть, причем нам надо попасть именно туда. Марк Тулий, как древний параноик, выстроил под землей целый комплекс пересекающихся друг с другом ходов и уровней. Что там было, зачем — на эти вопросы я не знал ответа, а знающие... Куда они делись, вернутся ли? Это и надо узнать, хотя догадки не отличались особым оптимизмом.

— Ну и что там у нас располагается? — проявила любопытство Элен и тут же выдвинула предположение. — Охрана у ворот, видеокамеры наблюдения... Точно какой-нибудь местный олигарх поселился. Они любят старые особняки, хотя совершенно к ним не подходят.

— Понятно. Очередной вариант тех, кто вылез из низов, но оставил все привычки оттуда. Грустно...

— Опять будешь развлекаться по полной программе?

— да нет, хватит на сегодня. Пройдем тихо, только сначала поинтересуемся у охраны, чей же это нынче домик.

— Ну-ну... — хмыкнула готесса. — Вовсе не факт, что они окажутся особо разговорчивы.

— А это уже исключительно их головная боль.

Произнеся последние слова, я направился напрямик к воротам. Там, естественно, зашевелились, не понимая, что это за странная парочка движется в их сторону. Хм, а охранники тут опытные, не стали дергаться, суетиться, нарываться на грубости и тем более сами от хамства воздержались.

— Извините, здесь охраняемая территория, — с ходу заявил один из трех, что были в поле зрения. — Частное владение. Но я могу передать ваше сообщение.

— А пропустить нас вы не можете?

— Запрещено. К тому же некоторые детали вашей экипировки, да и сумка в руках девушки...

Точно профессионалы. Сразу различили пистолет у меня за поясом и содержимое набитой оружием сумки, с которой готесса категорически отказывалась расставаться.

— Понимаю. Тогда ответьте на один небольшой вопрос... Кто сейчас живет в этом доме?

— Это можно. Раушан Хамидов. Слышал о таком?

— Конечно нет. И чем же он так сильно известен?

— Это я тебе скажу, — усмехнулась Элен. — Как говорится, мал клоп, а вони от него

много. Сначала банк организовал, который лопнул почти моментально вместе со всеми вкладами. Этот, как и полагается, вывернулся, поскольку на подставных лиц все оформлено было. Ну а потом чем только не торговал в особо крупных объемах. Презиками, рвущимися при первом удобном случае... «Фирменными» шмотками, что линяли и рвались после первой же стирки. Ах да, сейчас прямо с толчков деньги черпает.

— Не понял...

— А что тут непонятного. Он сейчас великий и ужасный владелец всех передвижных сортиров града. Его почти открыто Навозным Королем величают. Ох он и бесится!

Охранники лишь посмеивались, слушая готессу, но никаких возражений так и не последовало. Судя по всему, все было полностью в масть.

— Ну и как вам нравится работать на такого милого субъекта? — поинтересовался я.

— Да ничего, есть еще и похуже, — осклабился разговорчивый охранник. — В предыдущем месте, где я работал, так там хозяйкой дамочка была, послебалзаковского возраста. Нимфоманистая как не приведи что такое на нашу голову. Альфонсики — это еще нормально, дело житейское, хоть они через нее табунами шли. Но после того как она на территорию дома коня завезла... самого настоящего, с копытами. Тут я плюнул, да и уволился.

— Странные привычки пошли на Руси...

— Не говори. Этот тоже тот еще уродец. Сказал бы, да пока работаю, как бы и некрасиво получится.

Профессиональная этика... Понимаю. Но разговор хоть и интересен, но мне оно внутрь попасть надо. Доставлять неприятности охране как-то не хотелось — люди нормальные, так что пойдем другим путем. Я приобнял Элен, после чего вежливо попрощался в охраной:

— Счастливо оставаться, ну а мы с девушкой просто исчезаем.

В самом прямом смысле этого слова. Были видимы для них и вот уже нет... Мой недавний собеседник протер глаза, будучи в полном непонимании относительно произошедшего. Ничего, переживет. Ну а мне только и оставалось, что воспользоваться телекинезом. Только на сей раз объектом сего воздействия послужил не какой-то посторонний предмет, а мы сами. Тяжеловато, никуда не денешься, но не рушить же стены и не обрушивать парализующие чары на охрану.

Все, перелетели. Теперь пешочком двинемся, прямо к особняку. Трава зеленая под ногами, тишь, гладь. Хорошее место, а вот его хозяин ну никоим образом не соответствует. Ну сравните сами — древний вампир благородной крови и торгаш, продающий презервативы низкого качества и разжиревший на самой что ни на есть натуральной куче навоза. Как-то не подходит слугитель помойной ямы к особняку с многовековой историей. Ну да на месте разберемся.

Пришли. Дверь обычная, прочная, но даже не запертая. Это зря... На охрану надейся, но сам ртом мух не лови. Ну да ладно, зайдем без взлома замков, так оно и спокойнее.

Какая безвкусица... Налепить побольше золота, выложить пол ониксом, который скользит так, что хоть на коньках катайся. Паркет ведь не идиоты придумали. Да уж, зато идиоты догадались его выковырять. На стенах... Бр-р! Та самая абстрактная живопись... Выброс силы и нечто в фиолетовых тонах размалывается в крошево, оставляя пустую раму. Нет, так оно и лучше будет — хотя бы рама вполне ничего, из резного дерева с завитушками.

— Ну и где там этот — всех толчков вокруг начальник и помоек командир? — не удержалась готесса.

— Ага, — поддакнул Чума. — Мне прямо страсть как интересно.

— Тебе-то он зачем? Разве что опять в ворона превратишься и клюнешь пару раз в самое темечко... Да тут он, буквально в соседней комнате. И явно не один, а в небольшой компании. Сейчас мы эту компанию малость и разрушим.

Услышав одно из самых любимых своих слов, бес радостно заверещал, и у меня возникло желание отвесить ему несильный, но ощутимый подзатыльник. Противно орет и все тут... А у меня слух есть, музыкальный между прочим. Тот, мгновенно почуяв сие

намерение, пулей метнулся в ту самую комнату, где находился нынешний владелец особняка, но уже через несколько секунд вылетел обратно:

— Хозяин, так такое! Представляешь, они меня даже не заметили...

— Да ну, — не поверила готесса. — Ты же, наверное, от души старался?

— Ага, — загрустил бес. А они вроде вообще ничего не соображают.

О как! Ладно, сейчас мы посмотрим, как же это люди могут не обратить ни малейшего внимания на мое шкодливо-пакостное создание, родословная которого своими корнями прямо упирается в городское кладбище. Дверь, в отличие от входной, оказалась закрыта, но это не то, что способно причинить сколь-либо заметные трудности. Несколько секунд и щелчок возвещает о свободном пути. Открываю, делаю несколько шагов вперед и понимаю, чем было вызвано столь сильное и искреннее удивление Чумы.

Раушан Хамидов и две девицы чересчур легкого поведения в явно неадекватном состоянии. Глаза в кучку, бессмысленные взгляды, идиотская улыбка и прочие признаки... неизвестно чего. На мое счастье Элен оказалась на порядок более сведуща в сих вопросах, что и подтвердила:

— Граф, да они же настолько далеко ушли по дорожке, что мало не покажется...

— Ушли куда?

— По дорожке... — поняв, что для меня сей термин ну ничего не значит, готесса пояснила. — Наркота такая есть, кокаин называется. Высыпают его в виде белой дорожки и снюхивают. Похабное зрелище...

— Догадываюсь.

— Э, нет. Ничего ты, граф, не догадываешься. Ты ведь не знаешь самый распространенный метод «ходьбы по дорожкам». Кокаин больше всего во всякого рода ночных клубах и прочих дискотеках потребляют, ну а официально он, слава всем силам, еще не разрешен. Вот и получается, что нельзя его прямо на столике рассыпать...

— Ну и как тогда? — заинтересовался бесенок.

— Выходят они, значит, в одно заведение, которое в любом месте имеется, и организуют себе дорожку прямо на толчке, а точнее на сливном бачке.

Шмяк... Это бесенок обрушился на пол, позабыв, что для полета нужно либо крыльями махать, либо прикладывать определенные магические усилия. Однако, я его вполне понимаю — у самого чуть было похожая реакция не произошла. Едва сдержался. Беспредельна глупость и похабность человеческая ныне и присно и во веки веков... Тут и добавить больше нечего.

— Кайф прямо с толчка. Извращенцы! — Чума вновь взмыл в воздух и раздраженно плевался. — И много таких?

— Хватает, — усмехнулась готесса. — Вот как эти. Ничего не соображают, особенно хозяин здешних мест.

Тот, словно нутром почуяв, что разговор коснулся его навозно-кокаиновой персоны, перевел мутный взгляд в нашу сторону. Видок... Мелкий, плешивый мужичонка крайне нелицеприятного вида, а рядом с ним две холеные красотки. И был бы только вид — он порой обманчив — так тут еще и внутреннее содержимое представляет собой смесь гнусности, наркотиков и подлости. Проще простого считать информацию из мозга пьяного, а тем более находящегося под действием намного более сильного дурмана.

— Д-девочки, — расплылся Хамидов в улыбке идиота. — Еще девочки... Проходите, меня и на вас хватит.

— Граф, это же надо так обдолбаться, — брезгливо поморщилась Элен. — Он сейчас вообще ничего реального не видит, наблюдая только то, что хочет. А хочет он кокаину и девочек.

Девочки, кстати, были хоть самую малость, но более адекватны. Они сразу почуяли, что ситуация изменилась в несколько неожиданном направлении. Визг поднимать правда не стали, поскольку, как и положено профессиональным шлюхам, четко осознавали положение вещей. Даже будучи под действием дурмана, они поняли, что сидеть им надо тихо и

незаметно.

— Умнички, труженицы фронта постельного, — похвалил я их, вот так и сидите, — после чего поинтересовался у Элен. — Да, а где этот самый кокаин?

— А во-от тот флакончик, что на краю стола стоит.

Вышеупомянутая емкость тут же перекочевала ко мне. Неприятное ощущение, когда держишь то, что иначе как для особо изощренной формы самоубийства люди и не используют. Или для убийства...

— Знаешь, ма шер, а ведь этот месье не только потребляет эту отраву, а еще и приторговывает... Вернее, сначала просто приторговывал, а потом и сам втянулся.

— Не люблю торговцев наркотой, — прошипела готесса. — Самый лучший для них вариант — сдохнуть от своего же товара. Но этот движется в верном направлении.

— От своего же товара, говоришь? — переспросил я. — Неплохо, неплохо... Чума!

— Тут я.

— Давай-ка отыщи здесь весь кокаин. Он наверняка тут в изобилии присутствует.

Бесенка учить не надо — найти хорошо спрятанные вещи вовсе не сложно для того, кто спокойно видит сквозь стены, да еще и проходит через них. Вот и кусок одной из стенных панелей отвалился, ну а внутри... Правильно, захоронка обыкновенная, внутри которой еще одна емкость с кокаином, вполне солидная по объему.

— Так значит, кокаину и девочек хочет, морда нехорошая... Насчет второго обойдется, а вот относительно первого я ему устрою райское изобилие.

Чума, совершенно точно понявший мою идею, вспорхнул, держа в лапах вместилище белой порошкообразной отравы и, оказавшись совсем рядом с Хамидовым, проделал в днище сосуда небольшую дыру. Кокаин веселой струйкой начал высыпаться на пол, образуя как раз ту самую дорогу, которая вела к вполне определенному финалу. Небольшой ментальный импульс прямо в пораженный дурманом мозг наркомана и тот уже не видит ничего, кроме предмета своей самой большой страсти.

Мерзкое зрелище, откровенно говоря, очень мерзкое... Тогда для чего? Ну, помимо старой истины, кто каждому по заслугам, можно и еще одни существенный нюанс включить. Что я и сделал, нанеся пару хороших ментальных оплеух по таким же одурманенным мозгам тружениц постельного фронта. Разумеется, после такого кокаиновый кайф вылетел впереди собственного визга, оставив лишь боль и совершенно трезвое восприятие действительности. Пусть полюбуются на того, кто снабжал их наркотой, посмотрят, как он идет по последней в своей жизни «белой дороге».

Поймут или не поймут — это уже исключительно их выбор. Мне оно как-то без особой разницы... Так, нашла блажь попробовать дать им шанс, только и всего. Мимолетный каприз, не более, но и не менее того.

Ну а для торговца смертью дорога подошла к концу. Он пару раз моргнул глазами с невероятно расширившимися зрачками, последний раз хихикнул и рухнул мордой прямо в кокаиновый путь. Еще дышит, но передозировка гарантирована.

— Иногда и избыток кайфа становится опасен, — откомментировала готесса. — Граф, а этих ты бы усыпил что ли. Побегут же сейчас, воплями своими охрану взбудоражат. Тебе такое надо?

— Пожалуй, нет, — согласился я и простеньким заклинанием отправил девиц в краткое турне по сонному царству. — Нам ведь еще спуск в подземелье искать надо.

Искать... Легко сказать, зато осуществить далеко не так просто. Весь особняк пропитан следами магии, пусть и косвенными, но все же. Стоп, косвенными... А мне надо искать прямые, то есть след маскирующего или просто защитного заклятья. Но как? Сомневаюсь, что тут все столь просто. Хотя... Есть у меня одна хрустальная пирамидка, вроде бы являющаяся ключом, вот ее и используем несколько по иному назначению. В смысле, поищем что-то родственное ей.

Я попытался проникнуть как бы внутрь хрустального амулета, почувствовать его в себе, ощутить биение силы. Получилось! Где-то в глубине пирамидки разгоралась одинокая

багровая искорка и она ощутимо влекла меня в конкретную сторону. Вниз, по направлению к лестнице, ведущей в подвал. На пути дверь? Была... Сейчас не время для особо изысканных ходов, слишком уж непрочен установившийся контакт. Вот она, та стена, за которой находится подземелье.

— Пришли, — говорю я своим спутникам. — Теперь нужно открыть.

— Чем?

— Скорее всего той же пирамидкой, — отвечаю на вполне закономерный вопрос готессы. — Но вот где тут замочная скважина...

Минут пятнадцать мы честно пытались ее найти — я применил весь диапазон поисковых и открывающих чар, что был мне доступен (не слишком большой, но все же), ну а Элен просто ощупала каждый квадратный сантиметр стены в поисках какого-нибудь скрытого механизма. Пусто! От Чумы здесь толку маловато было — сквозь ЭТУ стену он пройти не мог никоим образом — поставленная защита способна была остановить и куда более серьезных нарушителей, чем мой карманный бесенок.

Ну и загадка... Я задумчиво повертел цепочку, на конце которой висела эта самая пирамидка, и вдруг заметил, что искорка внутри как бы преломляет окружающий мир, окрашивая в тот самый багровый оттенок. А что? Попробовать-то вполне можно, от меня не убудет.

Ага! Теперь, смотря сквозь хрусталь амулета, я видел стену в несколько ином виде — как сочетание материи и свитых в энергетические жгуты защитных и маскировочных заклятий. И был там единственный пробел, причем форма в том, новом видении, как раз походила на замочную скважину. Осторожно и очень медленно я поднес амулет к цели и направил вершиной внутрь. Вспышка, больно ударившая по глазам и тут же торжествующий вопль Элен:

— Получилось! Граф, она открывается!

Все верно. Часть стены отходила в сторону, открывая проход на подземные уровни... Вот и дошли до подземелья. Шаг вперед, еще шаг... Все вроде бы относительно спокойно. Пока спокойно.

Да, ключевое слово тут было именно «пока». Стоило отойти на пару метров и с гостеприимным кляцаньем и грохотом стена вернулась на свое прежнее место. Как это банально, господа...

* * *

— Итак, и что мы имеем? — спросил я у Элен.

— Имеем тут явно не мы, скорее уж это пытаются сделать с нами, — огрызнулась она, с ненавистью глядя на закрывшуюся дверь.

Ну а Чума, этот суетливый бесенок, просто возмущенно шипел, хлопая крыльями. Понимаю, он-то великолепно чувствовал силу преграды, отделившей нас от внешнего мира.

Вот уж действительно неприятность серьезная — ломать эту преграду, отрезавшую выход в надземную часть особняка Марка Тулия, было не просто сложно, а очень сложно. Причем не факт, что одна лишь попытка подобного рода не вызовет какую-то серьезную гадость. Опустившаяся каменная плита была не просто так, косная материя, а нечто более серьезное, до предела насыщенное дремлющими пока чарами. Есть очень серьезная разница между магическими конструктами неофита, то есть моими, и теми, что наложены настоящим мастером своего дела... Да и опыт многих веков со счета сбрасывать нельзя никоим образом.

Но до чего же качественно все сделано — все мистики, в том числе и сам Тулий, давно исчезли, а сила наложенных заклятий если и ослабела, то лично я так и не могу этого заметить. Остается лишь идти вперед в надежде, что удастся добраться до цели, то есть собственно до личных покоев давно исчезнувшего древнего вампира.

Ах да, быть может, хрустальная пирамидка, сияющая сейчас ярким багровым сиянием, способна будет если и не оградить от множества установленных ловушек, то хотя бы

предупредить о их наличии. Ремизов, долгожитель этот, описывал в своих воспоминаниях одни нюансы... Дескать, гостевой ключ, — которым собственно и является моя пирамидка, не только ключ от входа, она еще и указатель вида «свой-чужой».. Нет, пожалуй, вернее будет «чужой — не совсем чужой», поскольку Марк Тулий испокон века страдал редким даже для вампира параноидальным синдромом недоверчивости. Может именно поэтому он так долго и прожил?

Однако, с пирамидкой не включались наиболее мощные преграды и ловушки, ставящие своей целью уничтожить визитера во что бы то ни стало. Оставались те, что попроще, но понятие «попроще» также было весьма относительным. Оригинальное вампирское чувство юмора хозяина особняка предполагало, что желающий повидаться с ним гость обязан пройти своеобразный тест на выживание, тем самым доказав свое право задать интересующие вопросы.

Но идти надо, поскольку долго стоять на одном месте, во-первых, бессмысленно, а во-вторых, только прибавляет неуверенности в собственных силах и плохо влияет на нервы. Но сначала скажу парочку слов Элен, чтобы была поосторожней... нет, крайне осторожной здесь, в этом смертельном лабиринте:

— Иди только вслед за мной. Выполняй любые команды, ни секунды не раздумывая — малейшее промедление может стоить тебе жизни. Сама понимаешь, в качестве зомби ты меня явно не устраиваешь.

— Чего именно больше всего опасаться? — вполне разумно поинтересовалась готесса. Вот только порадовать было нечем.

— Всего, ма шер, всего... Тут нет ничего безобидного. Сначала пойдут простые ловушки, потом по нарастающей. Но не факт. Черный юмор старого римлянина вполне мог додуматься до простейшей преграды сразу за весьма сложной и опасной. Так, интереса ради и проверки сообразительности для.

— И откуда начинаются эти ловушки?

— Прямо отсюда, — уловив тень недоверия, я уточнил. — Впрочем, порой лучше показать, чем просто сказать. Смотри.

Элен своим человеческим зрением не могла увидеть того, что для меня было очевидным, просто бросающимся в глаза. Тончайшие, похожие на паутину нити заплетали пространство впереди сетью. Да, через прорехи в ней вполне можно было пройти, но для этого их необходимо было видеть... Я бросил вперед небольшой камешек и тот, разорвав одну и нитей, вызвал ответную реакцию. С обеих боковых стен, а заодно и с потолка, выстрелили несколько десятков стальных игл, способных превратить в решето даже рыцаря в полном доспехе. Ведь это была не простая, пусть и высокого качества, сталь, а на пару мгновений принявшая материальную форму энергия.

Энергия... Через пару секунд они растворились, вновь перейдя в нематериальное состояние. Да и разорванная броском камня нить красовалась на прежнем месте. Вечная ловушка, которую невозможно разрушить, не разорвав само заклятие, дающее ей силу.

— Вот это да! — восхищенно ахнула Элен. — Дикобраз нервно курит за углом... Может взорвать ту все, тогда и пройти сумеем?

— Не получится. Стены поглотят взрыв, а самой ловушке ровным счетом ничего не сделается, да и ни к чему. Это не препятствие, а так, отсебаст простых людей, тех, кто далек не только от магии, но и просто от умения обходить подобные преграды.

Жест, и вся осевшая на полу пыль поднимается в воздух и облипает это сложное переплетение нитей. Масса ничтожна, чтобы быть принятой за нарушение, но теперь нити покрыты слоем пыли, которую можно сделать чуть более видимой. Вот и готово... Теперь сторожевая сеть не невидимая, а бледно серая, чего вполне достаточно, чтобы спокойно пройти мимо.

— Прошу всех вслед за мной. Чума, тебя тоже касается, эти нити вполне способны уловить и твое присутствие.

Послушался. Да я и не удивлен. Такие создания чувствуют степень опасности и вовсе не

горят желанием понапрасну рисковать, бравидуя частичной неуязвимостью своего организма по сравнению с обычными материальными телами.

Позади первая преграда, но это так, легкая разминка перед основной программой, увертюра на выступлении смерти во всех ее многочисленных обликах. Кинуть впереди себя еще пару каменных осколков, благо такого добра под ногами предостаточно? Хотя скорее всего это бесполезно, но чем бес не шутит... Кстати, насчет беса! Чума также способен пригодиться в качестве разведки — у него и размеры маленькие, да и возможностей остаться незамеченным несколько побольше.

Но все же, где могут скрываться очередные неприятные сюрпризы? До конца коридора с легким уклоном вниз еще достаточное расстояние, мы и прошли всего ничего, каких-то полтора десятка шагов. Осторожно продвигаюсь вперед, и через пару метров нога не чувствует опоры. О как! Иллюзия, причем настолько тонко проработанная, что практически не ощущаются следы заклятия. Вернее, оно сливается воедино с общей магией места, всеми укрепляющими и поддерживающими это подземелье конструкциями. Любопытства ради развеиваю иллюзию и смотрю на то, что там есть в действительности. Довольно банально, зато эффективно — глубокая яма, выбраться из которой и само по себе сложно, ну а если на ее дне не слишком мягкие камни...

— Я гляжу, этот Марк Тулий не любил гостей, — поежилась Элен. — Как-то не похоже это на дом, куда хочется зайти на огонек выпить чашечку кофе.

— И это тоже, но не забывай, что здесь подземелье, куда вообще-то чай или кофе пить не ходят. Обычно тут располагается то, что хозяин не слишком любит показывать всем и каждому. Все честно. Вот тебе ключ, то есть пирамидка, ну а дальше сам решай, хочешь ли ты рискнуть и найти ответы на интересующие вопросы.

Очевидно было наличие на нашем пути далеко не одной подобной ямы, поэтому я и запустил вперед небольшой силовой импульс, который развеивал уже понятный принцип использованных тут иллюзий. Весь расчет здесь был на внезапность, но никак не на постоянный эффект. Ага! Еще пять подобных ям-ловушек... Зато сейчас они видны и неопасны до поры до времени, пока иллюзия не восстановится, вновь напитавшись от пронизывающей подземелье энергии.

Развилка... Коридор изволит раздваиваться, причем оба ответвления на вид совершенно одинаковы. Ясно, что это не просто так, каприз безумного архитектора, а нечто более осмысленное.

— Монетка есть? — усмехнулась готесса. — Сейчас бросим и определим, куда нам следовать, поскольку другого метода я как-то не ощущаю.

— Зачем монетами играть, сейчас и так все станет ясно. Посмотри как следует...

А посмотреть было на что. Из раздвинувшегося потолка в правой развилке с грохотом вывалился огромный камень и медленно, но неотвратно покатился в нашу сторону. Казало бы, вот и ответ, куда именно следует направиться, однако, все было далеко не столь очевидно.

— Стой, — схватил я за руку уже собравшуюся было метнуться в левый коридор Элен. — Смотри.

Выхватив из за ремня пистолет, я послал три пули в угрожающе накатывающийся валун... Пули прошли насквозь, как будто его и не было. А его действительно не было. Вот камень уже совсем рядом, а вот и проходит сквозь нас, вызывая лишь ощущение легкого покалывания на коже. Была видимость, и нет ее.

— Опять иллюзия...

— Она самая. Но что-то слишком много их здесь. Два типа иллюзорных конструктов подряд... Неправильно это, поневоле наводит на мысль о более неприятной шутке, в давние времена заложенной исчезнувшим хозяином здешних мест.

— Пойдем туда, откуда появилась иллюзия, — ни малейшего оттенка вопроса, одно лишь утверждение. Оно и верно.

Я лишь кивнул утверждающе, но сперва предпочел послать вперед Чуму. Недалеко,

метров на пятнадцать.

— Все чисто, хозяин, — хрипло каркнул бесенок. — Но тут везде магия, я почти ничего не чувствую, так ее много.

Понятно. У него же нет простых, человеческих чувств, есть только восприятие энергии во всем многообразии, но при чрезмерной концентрации полей идут сильные, очень сильные искажения. Своими внутренними силами пользоваться, конечно, может, но вот в полной мере отследить происходящее вокруг удастся далеко не всегда. Еще немного вперед по коридору, ежесекундно ожидая чего угодно.

Б-бах! Еще один камень-иллюзия обрушивается с потолка. Элен лишь издевательски улыбается, порядка ради выстрелив в глыбу из своего изящного пистолета.

— До чего же предсказуемо...

— Назад! — ору нечеловеческим голосом.

Готесса в недоумении замирает, ну а я хватаю ее в охапку и подпрыгиваю вверх, одновременно удерживая телекинезом в воздухе не только себя, но и ее. Опять двойной груз и это отнюдь не просто. Одно дело резкий телекинетический удар, а совсем другое — держать на весу гораздо больше центнера одним лишь волевым усилием. Особенности данного подвида магии и все тут.

Хлопающий крыльями Чума было взвыл, всерьез опасаясь за мою шкуру, но тут же успокоился. Впрочем, беспокоиться было из-за чего. Под прикрытием иллюзии, то есть того самого камня, находилась настоящая опасность — выступающие из пола острые лезвия, без проблем проходящие сквозь камень и не оставляющие в нем никаких следов. Псевдоматерия и все тут. Безвредно для того, что входит в понятие «своего», зато шинкующая все инородное. Хорошо хоть пройдя определенное расстояние, мерцающие тускло-зеленым светом лезвия исчезли в глубине камня и больше не появлялись.

Тяжело плюхаюсь обратно, чувствуя себя так, будто целый день таскал тяжести. Да, господа, случалось в моей жизни и такое. Но не о том речь сейчас...

— Вперед, а то эта поганая ловушка перезарядится и тогда мало не покажется. Чума, ты в авангарде.

— Повинуюсь, — проскрипело порождение магии.

Ну что, похоже легкая разминка закончилась и против нас пошли в ход ловушки, что рассчитаны уже не на простых, пусть и подготовленных людей, а на магов? Видимо, так оно и есть.

Энергетический вихрь, притаившийся на пути и поджидающий любую случайную жертву... Клины клином вышибают и я посылаю навстречу такой же, пусть и на порядок слабее. Сила тут не важна, имеет значение лишь то, что два почти аналогичных образования скушают друг друга и вся кроющаяся внутри сила уйдет в никуда. Пол под ногами становится зыбким, затягивающим внутрь... Трансформы веществ, азы алхимии. Перед глазами словно вновь открывается одна из книг, прочитанных во время недолгого обучения у Сангрени. Знакомая ситуация, и про нее мне упоминали! Разумеется гораздо легче с подобными явлениями справился бы изучавший алхимию, но на крайний случай можно воспользоваться и довольно грубым методом.

Вечное движение вещества и энергии, их плавное преобразование из одного состояния в другое — вот тот краеугольный камень, на котором стоит алхимия. Зато и выбить его вполне реально, для этого достаточно лишь омертвить на какое время все процессы, проходящие в веществе, перекачать энергию в другое место.

Да, я говорю именно о некромантии... Некромант — страшный враг для мага, повелевающего стихиями, а также для заклинателей сил природы. Все так, но как-то забывают, что и алхимия для познавших силы смерти также может стать очень и очень уязвимой. Признаться, никакой из меня некромант, но сама природа вампира — более мертвая, чем живая — дает некоторые преимущества и почти инстинктивное умение пользоваться типичными силами смерти.

Выплеск силы и камень под ногами вновь приобретает первоначальную структуру,

омертвев окончательно, становясь непригодным для использования кем-либо, кроме тех же некромантов. Все? А ведь вроде так и есть... По крайней мере, коридор закончился и мы оказываемся с довольно большим залом шестиугольной формы. Стены, пол и даже потолок были покрыты непонятными извивающимися линиями, кажущимися совершенно бессистемными и бессмысленными. Роднило их только одно — все они излучали мощный магический фон, а особенно места их пересечения, куда были вставлены разные полудрагоценные и просто поделочные камни. Это и плохо, поскольку именно они, а не те, что принято считать драгоценными, обеспечивали наибольшее усиление магических потоков, пронизывающих весь наш мир.

— Вот это кошмар дизайнера! — присвистнула моя спутница, глядя на оформление стен этого помещения. — Самый непривередливый заказчик обломал бы о его тупую голову не один стул.

— Зря ты так, ма шери... Не дурак тут поработал, ой не дурак. Выглядит действительно диковато и несуразно, но не за эффектностью гнались, а за эффективностью.

— То есть вид неказистый, зато ударит так, что добавки не потребуется.

— Грубо, но справедливо, — подтвердил я. — Но вот куда нам теперь идти? Дверей не видно, а значит, они скрыты в какой-либо из стен... Чума! Сможешь проверить?

— Да как девице под юбку заглянуть, — глумливо оскалился бесенок, после чего метнулся к одной из стен.

Пошляк, однако, с какой стороны ни посмотри. Но надо признать, что пользы от него много, а мелкие недостатки так и остаются ничего не значащими мелочами. Хорошее приобретение, к тому же все более набирающее сил.

— Хозяин, ловушка! — истошно заверещал бесенок, выпархивая обратно в зал. — Призраки!

Трипперного кальмара в задницу сапогом кованым утрамбовать этому недодохлому римлянину! Да, да, я о Марке Тулии. Такой гадости я даже ожидать не мог... Из каждой стены медленно, но верно выплывали призрачные существа, причем явно нечеловеческого обличья. Не полуматериальные создания вроде того же Чумы, а именно классические призраки, то есть удерживаемые комплексом чар души умерших. И не те в общем безобидные привидения, что способны только завывать в древних замках, пугая впечатлительных старых дев. Возможности этих тварей простирались далеко дальше банального испуга, недаром Чума улепетывал от них с такой скоростью, а в голосе бесенка звучал неподдельный ужас.

Часто захлопал пистолет в руках Элен, но пули, как и положено, проходили сквозь призраков... Материальным оружием их не взять, нечего и пытаться. Впрочем, есть одно маленькое, но очень полезное исключение — серебро. Этот металл по сути своей нарушает связи, удерживающие призрачные формы в нашей реальности, подобно тому, как серная кислота разъедает практически любой металл. Вот и пригодятся серебряные пули, которыми я озаботился заранее, на всякий случай, перед тем как появиться здесь. Короткий автомат, до этого подвешенный на специальных петлях под курткой, оказывается на свободе и недлинные очереди полосуют всех шестерых призрачных созданий. Низкий, гудящий вой, который только и способны издавать привидения, свидетельствует о их крайнем недовольстве таким приветствием с моей стороны.

Увы, этим дело и ограничивается. Что за твари такие, раз серебро доставляет им не слишком серьезные неудобства? Вопрос риторический, поскольку обычное серебро способно уничтожить лишь самых простых, стихийно образовавшихся или призванных неопитом созданий. Ну а для более защищенных существуют специальные методики. Например, тот перстень-кастет, что оцетинился шипами на моей левой руке. Я не вспоминал о нем с того момента, как извлек из тайника, но сейчас пришла пора испытать его в деле, против действительно серьезной цели.

Удар кулаком в сторону одного из шестерых созданий и из перстня, точнее и его шипов, бьют лучи яркого, но не раздражающего мои вампирские глаза света. Мучительный,

полный боли крик и аморфная фигура призрака колыхнется, рвется, распадается на фрагменты, а потом втягивается обратно в стену, откуда появилась. Не подвел артефакт, сработал как и полагалось! Вот только остальные призраки вовсе не собирались служить мишенями для показательного экзорцизма...

Разъявленные выше всяческих человеческих пределов пасти из которых исходит не то вой, не то стон, от которого хочется просто лечь и помереть. Мощное, чрезвычайно мощное давление на разум — излюбленное оружие таких существ. Мне еще ничего, тем более и ментальный блок был поставлен практически мгновенно, а Чуме такое воздействие и вовсе безразлично... Зато Элен досталось по полной. Разумеется, я попытался защитить ее разум, но все равно какая-то часть влияния, окутывающего разум паутиной страха, безумия, желания смерти все же просочилась. Из руки выпал пистолет, глухо стукнув о каменные плиты пола, а там и сама готесса осела вниз, зажимая уши в тщетной попытке хоть как-то приглушить проникающие в самые глубины подсознания голоса.

Что ж, значит, пошла игра на опережение и придется ликвидировать оставшихся как можно быстрее. Все посторонние мысли исчезают из головы и я в какой-то степени превращаюсь в машину для убийства... Второй призрак, рассыпается на составляющие, третий. Зато другие, быстро сообразив, что на меня их ментальная атака не оказывает по сути никакого влияния, меняют способ. Слышен треск вокруг и вот в зале запахло грозой. Да уж, где призраки, там и электроразряды различнейших видов. Одна молния, вторая... Вот от них приходится уворачиваться, они вполне могут доставить серьезные проблемы.

— Чума, защищай!

Бесенок послушно выполняет команду, метнувшись... не ко мне, конечно, к Элен. Я то в состоянии защитить себя, а вот у нее — хрупкий человеческий организм, плюс полное отсутствие магических умений. Такое сочетание особенно нуждается в оберегании от подобного рода угроз. Дыхание бесенка тут подойдет очень неплохо, равно как и его способность перемещаться не просто быстро, а очень быстро. Ага, вот и первый посланный в сторону Элен энергоразряд стал жертвой язычка серого пламени, вырвавшегося из пасти Чумы.

Так, в ход пошли уже шаровые молнии, простреливающие все пространство зала, но и призраков осталось всего два штуки. Зато они очень уж успешно уворачиваются от бьющих из перстня лучей. Наловчились, зар-разы! А как вам понравится вот это?

Руки движутся в малопонятном танце, на самом деле представляющем собой визуальную форму наложения чар. Болото Духа специально предназначено для сковывания движений бесплотных созданий. Воздух в зале самую малость меняет свои свойства, становясь для призраков плотным, вязким, они словно тонут в нем, безуспешно пытаясь обрести прежнюю легкость. Теперь уничтожить их не так уж и сложно. Все? Да нет, оказывается, они еще не полностью изгнаны, просто временно вернулись в удерживающие их в реальности якоря — замурованные в стенах тела.

А стены то крепкие, такие просто так не пробить. Но если очень надо, то все можно сделать... Несколько пульсирующих телекинетических ударов, направленных в одну точку и вот в стене образуется прореха, открывающая замурованный в нише костяк какого-то неизвестного существа. По черепу его! Нет черепа, нет и якоря, что способен удержать призрака. Теперь важно побыстрее «успокоить» и остальных, пока вновь не появились эти твари. А то Элен хоть и пришла с себя, но состояние ее явно препаршивейшее. Сидит на полу, очумело трясет головой и, кажется, с трудом осознает, где она находится и что тут происходит.

Второй и третий черепа рассыпались в прах от дыхания Чумы... Туда и дорога, откровенно говоря. А дальше ниши зазмеились трещинами и из них наружу вырвались сами скелеты. А это уже некромантия чистой воды пошла в ход. Кости уже уничтоженных созданий также оказались при деле, образовав вокруг скелетов защитную пелену, предварительно будучи измельченными в крошево.

Хороший, надежный, почти непробиваемый для моих не слишком умелых чар щит...

Вот только есть в нем одна маленькая прореха. Это щит, а не купол, то есть сверху нет защиты как таковой. Защиты нет, ну а у меня в карманах завалились несколько гранат. Маленькие такие, совсем ручные, зато сие достижение оружейной мысли порой способно оказаться просто незаменимым. Если, конечно, совместить магию и технологию в единое целое.

Три цели — три гранаты... Удерживаемые исключительно телекинезом, они рассекают воздух и обрушиваются на костяных тварей сверху, оттуда, где защита отсутствует в принципе. Теперь можно и отпустить контроль. Взрыв! Рвануло сильно, рвануло хорошо, но большую часть отразили защитные поля. Получилось, что осколки противопехотных гранат носились внутри очень маленького, ограниченного пространства, рубя в фарш мелкого помола творения некромантского искусства. Как водится, черепа тоже в клочья... Ну а без черепа нет и самого создания. Dixi! — Как говорили на родном языке нашего негостеприимного хозяина.

О, да тут и дверь за одной из ниш прорисовалась. Дверь одна-единственная, значит, туда мы и направимся. Искренне надеюсь, что все ловушки подошли к логическому завершению, а то у меня уже ни сил, ни энергии не осталось.

— Вставай, несгибаемая и неутомимая красавица... Кажется, мы уже почти пришли.

— Ты уверен? — в голосе Элен как-то не звучало особенного энтузиазма. — А то полезут опять из стен эти ... некрасивые.

— Я не могу быть ни в чем уверен, но вроде бы это все. Вставай, хватит сидеть на пыльном полу.

Да уж, слово пыль оказалось способным быстро поднять ее в вертикальное положение. Ну а сразу же после этого готесса принялась приводить в порядок свою одежду, очищая в меру сил от пыли и сопровождая сей процесс отборными и ни разу не повторяющимися ругательствами. Раз ругается, значит все не так плохо — не слишком стандартная, но тем не менее верная истина.

А что у нас с дверью? С дверью у нас полный порядок — закрыта, причем замок явно не простой и для него требуется вовсе не обычный ключ. Впрочем, ни удивляться, ни расстраиваться я даже не собрался, благо предвидел нечто подобное. Сняв висевшую на шее цепочку с пирамидкой, я приложил хрустальную безделушку к тому месту, где должна была быть замочная скважина. Негромкий, но хорошо слышимый во внезапно наступившей тишине щелчок и дверь открылась. За ней же и была, по всем признакам, цель нашего сюда визита — кабинет Марка Тулия. Вот мы сейчас и проверим, что удастся узнать, изучив наследие, оставленное неведомо куда исчезнувшим древним вампиром.

Запустив стандартные поисковые чары, я не смог обнаружить никаких сюрпризов, да и бесенок, залетев внутрь и полетав по кабинету, также засвидетельствовал отсутствие ловушек. Что ж, тогда можно и заходить. Шедшая последней Элен, как и полагается, притворила за собой дверь... Лучше бы она этого не делала!

Магических каверз тут действительно не было, зато закрытие двери, как оказалось, вызвало выброс ядовитого газа, практически мгновенно действующего на все живые организмы. Самому неведомо куда сгинувшему вампиру он никак не мог причинить вреда, а следовательно и я мог находиться тут сколько угодно совершенно беспрепятственно. Чума... Ну, этому вообще подобные вещи глубоко безразличны. Зато Элен, простая человеческая девушка, рухнула практически мгновенно. Боги и демоны, так глупо попасться в самом конце пути!

— Чума, что за яд?

— Не знаю, хозяин, — виновато пробормотал бес. — Пока она жива, но через час умрет. Должно быть какое-то противоядие, вот только о нем знал наверно лишь сам хозяин...

— А его не найти... Ладно, не хотел я делать это раньше времени, но придется.

— Что придется, — оживился бесенок.

Отмахнувшись от Чумы, дескать, и сам все увидишь, я поднял с пола обмякшее тело

Элен и перенес его на стоящий в кабинете диван, обитый красной кожей. Теперь время уже не играло особой роли — для задуманного было достаточно и пары минут, не то что целого часа.

Что может сделать вампир, когда рядом лежит девушка, отравленная неизвестным, но однозначно смертельным для человека ядом. К тому же эта красавица не просто так, а единственный человек, которому сейчас можно доверять. Да, остается единственный вариант — обратить ее в такое же вампирическое состояние. Тогда циркулирующий в крови яд потеряет вся свою силу практически мгновенно.

Выдвинувшиеся клыки игольной остроты с легкостью, но в то же время максимально осторожно пронзают кожу на шее, а там и проникают в артерию. Отравленная кровь уходит, уходит, лицо девушки становится мертвенно бледным... Значит, пора. Вместо выкачанной из артерии крови я вливаю туда часть своей, тем самым давая толчок к преобразованию организма из человека в вампира. Готово! Несмотря на то, что делаю это впервые, что-то подсказывает правильность проведенного ритуала. Теперь она будет несколько часов находиться в глубоком, почти неотличимом от смерти сне, ну а после проснется полностью здоровой, бодрой и полной сил. Правда, в несколько ином качестве, но это уже не столь критично. Ну а у меня на это время найдутся важные дела, которые никак не дадут пропасть от скуки...

Стол черного дерева, на нем несколько книг, письменный прибор и лампа явно магического принципа действия. Разумеется, мне и сейчас комфортно, тем более что и потолок светится мягким, ненавязчивым светом, но так все же удобней будет. Совсем хорошо... Осталось лишь найти то, ради чего я здесь оказался — ключ к разгадке исчезновения всех магов из нашего мира. Неужели придется просматривать все многочисленные тома в надежде обнаружить хоть какой-то намек?

— Хозяин, смотри! — раздается над ухом радостный визг Чумы.

— Молодец, так держать...

Ободренный похвалой бесенок довольно шипит и усиленно хлопает крыльями. Откровенно признаться, многие держат подобных созданий в черном теле, используя больше как еще один магический инструмент. Зря. Работать будет, но лишь по минимуму, хотя и без сбоев. Ну а обращаясь с сотворенным бесенком относительно прилично, можно рассчитывать и на большее.

Вот и сейчас. Углядел, паршивец, то, на что я грешным делом не обратил особого внимания. Маленькая книжица, скорее даже тетрадь в черном кожаном переплете. И надпись на обложке руническим письмом, свидетельствующая о том, что сия штука предназначена именно мне. Нет, не конкретно графу Бельскому, а тому, кто доберется досюда и сможет понять этот язык, используемый исключительно магами. Ну а раз уж приключилось со мной подобная оказия, то странным будет проигнорировать сие послание из глубины веков. Почему именно так? Да ведь все говорит за то, что месье Кордатус исчез отсюда еще до века двадцатого. Тут и записка Ремизова, да и обстановка вокруг, в коей не числится ни одного более менее современного предмета, даже тех, что оказались бы весьма полезными.

Итак, открываем книжицу и начинаем знакомиться. Правда, руны я разбираю довольно медленно, но особо спешить все равно некуда.

* * *

Не могу сказать, что прочитанное стало для меня слишком большим шоком, но все равно — поток сильных эмоций был обеспечен. Оказывается, еще в девятнадцатом веке, а точнее где-то в середине оно, наш мир поразила странная болезнь, что охотилась лишь на тех, кто обладал магическими знаниями. Смертельная, неизлечимая болезнь. С ней пытались справиться многие, сплотив усилия, отложив в сторону давние обиды и даже месть.

Тщетно. Тогда и было принято решение, ставшее судьбоносным и определившим судьбу нашего мира на долгие и долгие годы, если не на века. Маги решили уйти... Уйти

надолго, если не навсегда, на прощание отгородив родную, но зараженную чумой реальность надежнейшим, непроходимым с внешней стороны барьером.

Вот они и ушли, оставив, правда, некоторые следы, а также подсказки для тех, кто возможно придет после, вновь возродив магию до мало-мальски пристойного уровня. Того уровня, что даст возможность вновь вырваться за стены родного мира... А ведь забавная ситуация получилась, судари мои — ничего нового толком не возникло, ну а моя не слишком скромная персона по сути своей тоже отголосок минувшего времени.

Держит ли меня что-нибудь в этом мире, кроме той девушки, что сейчас находится поблизости и превращается из готессы в вампирессу? Сильно сомневаюсь... Мир слишком уж изменился — иные люди, иные стремления и все они никак не совместимы с честью и гордостью офицера и аристократа. Вот и получается, что ничто не мешает мне воспользоваться подсказками древнего римлянина и попробовать вырваться за пределы маленького земного шарика.

Од-на-ко! Было бы некультурно уйти не попрощавшись, то есть не оставив обществу такой «подарок», от которого оно перевернется с ног на голову и будет этими ногами жалобно дрыгать. А может и не дрыгать? Может, как раз наоборот, получит необходимый толчок развития? Не знаю. Зависит от людей. Есть, есть у меня одна маленькая, но очень веселая идея... А раз она есть, то ее и реализовать нужно, дабы не пропала задумка. Итак, решено.

Ха! Как только, так и сразу... Сначала придется очень долго и упорно поработать, чтобы суметь воспользоваться оставленными намеками Марка Тулия. Это все явно займет не один месяц, а то и год. К тому же и прощальный подарочек так вот сразу не приготовишь. Хотя о чем это я? Времени у меня предостаточно, с избытком хватит. Вечность... при не слишком экстремальных условиях и небольшой доле везения.

А особо серьезных противников у меня тут и нет. Маги то все, да и мне подобные существа того... уйти изволили, пусть и попрощались. Вот и еще одна веская причина, по которой меня тянет вслед — желание найти себе подобных.

Ну что ж, время брать пришедшие в руки карты, тем более что козырей в раскладе хватает, да и партнеры пока что сущие дети. Вот даже Чума, видимо, почуяв мои намерения, торжествующе заверещал. А при такой моральной поддержке грех не реализовать пришедшее на ум.

Примечание на полях:

Ну и как его после всего этого называть? Ловушку проморгал, беззащитную спящую девушку покусал, — надругался, можно сказать... Все, фиг он теперь от меня отвертится. И в другие миры сбежать тоже не получится! Всюду поймаю. Приговор окончательный, и обжалованию не подлежит.

Конец первой книги.

Апрель — август 2008.